

СЕРИЯ

**АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

**Серия
основана О. Л. Абышко
в 1992 г.**

АЛЕТЕЙЯ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА**

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ю. В. АНДРЕЕВ

МУЖСКИЕ СОЮЗЫ
В ДОРИЙСКИХ
ГОРОДАХ-ГОСУДАРСТВАХ
(СПАРТА И КРИТ)

Редколлегия серии:

*акад. Г. М. Бонгард-Левин, президент Российской
ассоциации антиковедов (председатель); О. Л. Абышко;
чл.-корр. С. С. Аверинцев; акад. М. Л. Распаров,
чл.-корр. Н. Н. Казанский; проф. Г. А. Кошеленко;
проф. В. И. Кузицин; акад. Г. Г. Литаврин;
Е. В. Ляпустина (ученый секретарь);
к. ф.н. А. В. Муравьев; чл.-корр. М. Б. Пиотровский;
д. и. н. А. В. Подосинов; проф. А.А. Россиус;
И. А. Савкин, проф. А. А. Тахо-Годи; проф. В. И. Уколова;
проф. Э. Д. Фролов; проф. И. С. Чичуров*

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2004

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32-28
А65

Издание подготовили:

С. Р. Тохтасьев — научный редактор,
В. Ю. Зуев, М. М. Липтева, Л. В. Шадричева-Андреева

Андреев Ю. В.

А65 Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит) — СПб.: Алетей, 2004. — 336 с. — (Серия «Античная библиотека. Исследования»).

ISBN 5-89329-669-9

Институт мужских союзов своими корнями уходит в отдаленную эпоху становления человеческого общества. Вопрос о нем и связанных с ним обычаях и обычаях изучен слабо. Дорийский мужской союз, основной структурный элемент дорийского полиса, в миниатюре воспроизводит исторический тип полиса вообще. Спарта — единственный пример сосуществования мужских союзов с государством в подлинном смысле этого слова. Организация мужских союзов неразрывно связана с обычаем сисситий — коллективных обедов граждан — основным принципом, положенным в основу политики ограничения частной собственности и упрочения собственности общинной, важнейшим средством укрепления дисциплины и инструментом повседневного контроля над жизнью граждан. Кроме этих вопросов исследуется отличие дорийских мужских союзов, известных по источникам классического и эллинистического времени, от аналогичных организаций более раннего времени и многое другое. Работа основана на литературных источниках, греческих и критских надписях с привлечением параллельного материала эпоса и данных этнографии.

Книга адресована историкам, этнографам, юристам и всем интересующимся историей общественных институтов и зарождением государства европейского типа.

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32-28

ISBN 5-89329-669-9

© Издательство «Алетей» (СПб.), 2004
© «Алетей. Историческая книга», 2004
© Ю. В. Андреев (наследники), 2004
© С. Р. Тохтасьев, 2004

Предисловие редактора

Предлагаемая вниманию читателя книга является подготовленным к печати текстом кандидатской диссертации Юрия Викторовича Андреева, защищенной им в 1967 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского (тогда - Ленинградского) Государственного Университета (по Кафедре истории древней Греции и Рима). Тема работы, возможно, была выбрана Ю. В. не без влияния его учителя, Ксении Михайловны Колобовой, которая сама углубленно занималась архаическим периодом и становлением греческого полиса и, между прочим, писала об аналогичном феномене на Родосе¹. Проблема мужских союзов продолжала занимать его всю жизнь, о чем свидетельствуют появившиеся в 1970-80-е гг. в ряде научных изданий статьи по теме диссертации; кроме того, материал второй ее главы был использован Ю. В. в книге «Раннегреческий полис»². Не следует думать, что эти работы как бы перекрывают текст, оставшийся до сих пор в машинописи: внимательный читатель лишь с трудом отыщет даже естественные, вообще говоря, текстуальные совпадения. То, как ответственно относился Ю. В. к делу своей жизни, может послужить образцом для всякого представителя нашей науки: везде яркие признаки энергичной работы мысли, стремящейся проникнуть в самую суть предмета - и никак не довольствующейся достигнутым. Поэтому профессионально заинтересованный читатель должен непременно обращаться к этим позднейшим работам Ю. В., перечень которых приведен ниже, но также и к его библиографии, составленной В. Ю. Зуевым и Л. В. Шадричевой и опубликованной в сборнике статей, который посвящен памяти замечательного человека и исследователя³.

¹ *К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 99, 102 сл.*

² *Ю. В. Андреев. Раннегреческий полис. Л., 1976, Глава IV: «Основные структурные элементы гомеровского полиса. Семья и гетерия».*

³ *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 1999, стр. 445-449. Сборник открывается статьями и эссе о жизни и творческом пути Ю. В. (содержащими, в частности, и отклики на публикуемый труд), среди которых своей проникновенностью выделяется очерк А. И. Зайцева (стр. 16—20), недавно тоже нас покинувшего (он еще раз напечатан во втором томе альманаха «Древний мир и мы», СПб., 2000, стр. 234-242). Еще один очерк, принадлежащий В. Ю. Зуеву,*

Незадолго перед кончиной, Ю. В. выражал сожаление, что «Мужские союзы» продолжают оставаться в рукописи. Поскольку у самого автора не нашлось времени даже начать работу по подготовке книги к печати, у редакции закономерно возник вопрос: а стоит ли сейчас, спустя тридцать с лишним лет, издавать сочинение, безусловно, в чем-то устаревшее, не только из-за упомянутых работ самого Ю. В., но и из-за появления множества других научных публикаций и новых изданий источников? Апелляции к тому, что в отечественной литературе аналогичных работ нет, пожалуй, прозвучали бы неуместно по отношению к книге ученого, никогда не сомневавшегося в интернациональной сущности науки; впрочем, учитывая обидную общую скудость нашей антиковедческой литературы, и они имеют известный резон. Важнее, однако, другое. Во-первых, насколько мне известно, после книги Анри Жанмэра «*Соигои et соугёте*», изданной в Лилле в 1939 г., никаких специальных исследований на эту тему так и не появилось, во-вторых, понятно, что и сам Ю. В. своим детищем, над которым трудился семь лет, дорожил. Наконец, труд Ю. В. даже при самом беглом просмотре вовсе не производит впечатления вчерашнего дня науки, да и вообще не выглядит сочинением новичка в науке, каковым он, тем не менее, тогда, являлся: уже вполне отчетливо просматривается столь знакомая по трудам зрелых его лет вдохновенная прямота и мощь речи, которую так и хочется обозначить древним термином *δεινότης*, та же впечатляющая меткость и точность оценок мнений предшественников - без оглядки на авторитеты, но в то же время и уважительная взвешенность, безо всякого задора; то же завидное умение в немногих словах сформулировать суть обсуждаемой концепции. Прекрасные страницы историографического обзора в первой главе являются в своем роде образцовыми; впечатляют и бесстрашие, с которым цитируются и обсуждаются отреченные в советские времена труды Карла Поппера и Питирима Сорокина, а с другой стороны, по-академически бесстрастное отношение к сочинениям Маркса и Энгельса. Отношение Ю. В. и к тем, и к другим было совершенно таким же, как, например, к Гроту, Виламовицу или Эд. Мейеру, т.е. просто как к выдающимся фигурам в науке. Я усматриваю здесь проявление внутренней свободы, полную чашу которой он испил в истории с нашим студенческим научным кружком, который он курировал, который регулярно навешали, например, А. И. Зайцев и

опубликован в книге Ю. В. «Цена свободы и гармонии» (СПб, 1998; 2-е стереотипное изд. 1999), стр. 390-400; см. также некролог в ВДИ, 1998, № 3 стр. 237-240.

А. К. Гаврилов, - с собственными выступлениями (выступал и заведующий кафедрой, Э. Д. Фролов), и который прославился свободомыслием и выплеском в самиздат столь широко, что Ю. В., был, наконец, громко отставлен от руководства (кружок незамедлительно увял). Несомненно, Ю. В. не был «советским историком» и не смог бы им стать.

Однако и это всё, конечно, не главное, решающим критерием является научная значимость публикуемого исследования, а она, насколько я могу судить, не подлежит сомнению. Работа Ю. В. во многих отношениях, - как методически, так и в основных выводах, - на голову выше фундаментального труда Жанмэра (при этом вовсе не заменяя последний); да ведь и защита диссертационного сочинения, в обсуждении которого плодотворно принимали участие такие ученые, как А. И. Доватур и А. И. Зайцев, насколько известно, прошла блестяще. Юрию Викторовичу и в жизни, и в науке была присуща скромность, гармонично сочетавшаяся с уверенностью в себе, поскольку основывалась на предельной к себе требовательности и на осознании своей внутренней силы; изложив задачи диссертации, он, ссылаясь прежде всего на состояние источников, счел необходимым прямо сказать, что «окончательное решение стоящей перед нами проблемы в настоящее время едва ли возможно» и что «каковы бы ни были наши конечные выводы, они в значительной степени будут носить гипотетический характер». Так оно и есть, примерно то же самое мог бы сказать любой исследователь, отдающий себе отчет в природе научного познания. Ю. В., как видим, понимал это с самого начала, поэтому для оценки его творчества процитированные слова стоят немало. Вспомним всё же о возрасте и темпераменте их автора. Дело, собственно, в таком научном уровне, обладание которым даже в ситуации, когда основные выводы ненадежны а priori, всё равно позволяет исследователю внести существенный вклад в разработку проблемы, не говоря уже о неизбежном шлейфе выводов и гипотез по частным вопросам. На мой взгляд, самый взыскательный и вдумчивый читатель, вне зависимости от отношения к принципиальным заключениям Ю. В., признает, что в целом работа проделана мастерски.

Тема диссертационного сочинения Ю. В. с необходимостью предполагала рассмотрение едва ли не всех общественных институтов Спарты и критских полисов, коль скоро институт мужских союзов был фундаментальным для их политических организаций; мало того, в поисках истоков мужских союзов классического времени Ю. В. обращается к гомеровским поэмам с их специфическими

проблемами отражения исторической действительности. Поэтому «Мужские союзы» заведомо объемлют более широкий круг тем и вопросов, нежели можно заключить из заглавия диссертации, при том, что Ю. В. никогда не забывает о главной задаче, не позволяя себе увлечься попутными сюжетами; если иногда и может создаться такое впечатление, то оно оказывается ложным, - Ю. В. на каждом шагу демонстрирует присущее лучшим представителям нашей науки искусство обнаружения, так сказать, обходных путей к решению проблемы, извлекая нужную информацию оттуда, где ее на первый взгляд и не должно быть; такого рода, например, экскурс о Фениксе, сыне Аминтора, или целый раздел о критских ремесленниках (они важны и сами по себе). Целенаправленность проявилась, по-видимому, и в том, что Ю. В. не произвел сопоставления греческих мужских союзов с аналогичными объединениями у других индоевропейских народов, и мы не найдем у него ни слова о праиндоевропейском институте мужских союзов, а соответствующая литература в очень неполном объеме упомянута лишь мимоходом⁴. Наверное, кто-то поставит это в упрек автору; действительно, можно было бы хоть в какой-то форме обозначить свое отношение к вопросу (см. ниже, замечания В. Г. Боруховича). Но насколько я знал Ю. В., индоевропейская проблематика, базирующаяся практически исключительно на данных языка, была ему вообще чужда, как собственно и всё относящееся к лингвистике. Не слишком увлекал его и филологический анализ древних авторов, что, уже точно, достойно сожаления, и в чем, помимо личных наклонностей Ю. В., ощущается наследие *alma mater*, где прискорбным образом попирается принцип: *una est scientia nostra*. (Вспоминаю увлекательные по-существу семинарские чтения авторов, особенно, -

⁴ Для удобства читателей я приведу здесь дополнительный, хотя и далекий от полноты, список исследований: S. Wikander. *Der arische Männerbund*. Lund, 1938; G. Widengren. *Hochgottglaube im alten Iran*. Uppsala, 1938, стр. 311-351; J. de Vries. *Altgermanische Religionsgeschichte*. I. B., 1956, стр. 453 сл., 492 сл.; K. R. McCone. *Hund, Wolf and Krieger bei den Indogermanen*. В кн.: *Studien zur indogermanischen Wortschatz*. Innsbruck, 1987; новые работы, касающиеся греческого материала - W. Burkert. *Ноμο песанс*. В. - N. Y., 1972, стр. 98-108; P. Vidal-Naquet. *Le chasseur noir*. Paris, 1991³, стр. 123-207; A. Breiich. *Paides e parthenoi*, I. Roma, 1969. Следует, однако, отметить, что в этой области написано немало домыслов, основанных не столько на материале источников, сколько на более или менее отдаленных аналогиях и спекуляциях о существовании мужских союзов у праиндоевропейцев. Не исключено, что Ю. В., пусть и не считавший для себя возможным профессионально разобраться в иранском или кельтском материале, уже в силу одной своей высокой научной культуры испытывал внутренние сомнения в истинной ценности результатов некоторых из этих исследований.

Плутархова «Ликурга»; мне досталась «Большая ретра», я отказывался читать, ссылаясь на неисправность текста, снабженного в издании Конрата Циглера *crucis interpretum* и обширнейшим перечнем конъектур в критическом аппарате, ведущий же грозно настаивал, ссылаясь, в свою очередь, на то, что в его издании - Зинтениса, без аппарата и с собственной конъектурой, - ничего такого нет, и текст - удобопонятный). В этой связи обращает на себя внимание, например, глава II, в которой доля внутренней критики источника решительно уступает доле критики внешней (впрочем, без особого ущерба для дела), или явно неудовлетворительный раздел «Термины», открывающий главу III: немедленно бросается в глаза беспочвенность предположения, что у Алкмана (fr. 98 PMG) подразумеваются не τὰ ἀνδρεία, а ἀνδρείοι, т. е. якобы просто «группы сотрапезников», - ведь Эфор привел цитату из него, говоря именно об институте мужских домов (впрочем, ниже, стр. 204, а также в одной из позднейших статей Ю. В.⁵ находим уже правильный взгляд на вещи); ссылка же на так наз. «завещание Эпиктеты» с острова Фера (IG XII/3, 330) начала II в. до н. э., учреждающее ἀνδρείος τῶν συγγενῶν при святилище Муз, собирающийся один раз в год (!) в месяце Дельфиний (стк. 61), неуместна тем более, что речь идет, несомненно, о частном религиозном союзе ближайших родственников мужского пола, вовсе не имеющем отношения ни к древним мужским союзам, ни к заядлым симпозиастам. Тому, кто хочет составить себе представление об истории терминов *сисситии*, *фидитии* (*филитии*), *андрейон* и их взаимоотношениях, стоит начать со словаря Лиддела - Скотта - Джонса и краткой, но, как всегда, блестящей статьи *φιδίτοα* в этимологическом словаре Шантрена, а затем обратиться к соответствующим страницам у Кихле, «Lakonien und Sparta» (стр. 204 слл.), где найдется и прочая литература.

Зато он был не просто историком по-преимуществу - κατ' ἐξοχήν, но первоклассным историком и другого такого у нас больше нет. Филологии научиться у Ю. В. было нельзя, но никак нельзя зачислить его и в представители «исторического живописания» («Geschichtsmalerei»), противостоящего «историописанию» («Geschichtsschreibung»), его наука была строгой и лишь романтический склад души придавал некоторым его трудам субъективный облик (особенно ставшей уже знаменитой книге «Цена свободы и гармонии»). Как никому другому я

⁵ Ю. В. Андреев. Мужские союзы в структуре дорийского полиса. В кн.: *Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества*. Л., 1984, стр. 12.

обязан ему тем, что стал именно историком, а его пристрастие к Греции способствовало тому, что мне так часто приходят на ум слова великого востоковеда Теодора Нёльдеке: «Чем больше я занимаюсь азиатами (Orientalen), тем больше любви вызывают у меня греки».

Нет особого смысла останавливаться на тех или иных частных недостатках работы, имеющей такую судьбу, просто надо иметь в виду (но - без унижающей снисходительности, которая вызвала бы негодование Ю. В.), что дитя не было выпестовано родителем. Подготовить книгу к печати так, как это мог бы сделать один Ю. В., всё равно невозможно, но это еще не основание навсегда оставить ее в рукописи; убежден, что вот это как раз и было бы безответственным. Ясно во всяком случае, что речь идет о труде, без внимательного изучения которого дальнейшая работа в этой и смежных сферах во многом утрачивает смысл.

Годы идут и, помимо актуального интереса, в данных обстоятельствах, книга представляет уже объект и для истории науки: нетрудно заметить, хотя бы сопоставляя ее оглавление со списком трудов Ю. В., сколь многие из них выросли из нее: это все его работы о Спарте, о греческом полисе, о Гомере как историческом источнике; от Гомера - прямой путь к микенской Греции (но также и к «Поэзии мифа и прозе истории» [Л., 1990]), а оттуда - и к минойскому Криту и предыстории Эгеиды, вдруг вновь выводящих его к проблематике полуса в «Островных поселениях эгейского мира в эпоху бронзы» (Л., 1989) и в последней книге «От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа» (СПб., 2002).

Ю. В. работал как в «старые добрые времена»: брал лист бумаги и сразу - набело - крупным уверенным почерком писал, вместе с примечаниями, сразу прикидывая их объем, а если не помещалось - продолжал писать их на обороте; выплывавшие по ходу дела и не учтенные вовремя ссылки на литературу находили себе место на полях. Наутро он перечитывал написанное и если находил его неудовлетворительным - смятый комочек бумаги беспощадно отправлялся в мусорную корзину; потом все писалось наново. Получавшийся в итоге манускрипт передавался машинистке, своей пишущей машинки в доме не держали (предложение завести компьютер, думаю, вызвало бы у него недоумение). Машинопись вычитывалась и передавалась жене, она вписывала греческие тексты.

Таким образом, все опечатки и прочие огрехи подобного рода, которые обнаружит читатель, будут целиком на совести редакции. Редакция старалась насколько возможно бережно относиться к авторскому

тексту и прибегала лишь к самым очевидным коррективам. Некоторые поправки и дополнения оформлены в виде подстрочных примечаний (или продолжений авторских). В личном экземпляре Ю. В. имеются немногочисленные маргинальные пометки преимущественно библиографического характера; они включены в тексты соответствующих примечаний. Редакция проделала необходимую техническую работу над машинописным текстом, затем - над его компьютерной версией; кроме того были обновлены ссылки на ряд древних авторов, сочинения которых дошли во фрагментах, выверена большая часть текстов и переводов, несколько детализировано оглавление (Глава V) и, наконец, составлены указатели.

В распоряжении редакции имеется рукопись отзыва одного из официальных оппонентов диссертации Ю. В., профессора Саратовского Университета В. Г. Боруховича⁶. Считая доказанными основные положения диссертации, он выражал уверенность, что «после некоторой редакционной доработки монографии Ю. В. Андреева следовало бы издать; эта книга, без всякого сомнения, привлечет внимание широких кругов научной общественности как в нашей стране, так и за рубежом». Отзыв содержит и немало конкретных критических замечаний. С любезного согласия автора редакция в той или иной форме использовала наиболее существенные из них при подготовке книги к печати. Так, Борухович совершенно справедливо упрекает Ю. В. в недостаточном использовании данных античных источников о совместных (мужских, конечно) трапезах у других древних народов, что способствовало бы «более глубокой аргументации выдвигаемых положений» в разделе о мужских союзах в поэмах Гомера. Сомнения вызывает также «смелая и оригинальная гипотеза» Ю. В. о женихах Пенелопы как о примере мужского союза у Гомера: «Дело в том, что эти женихи происходят не только с острова Итаки, и сборище их не характеризуется ни племенным, ни территориальным единством. Да и сам этот союз - с целью сватовства к одной невесте - выглядит как-то странно. Этнографические параллели, как кажется, мы не найдем. Было бы правильнее сказать, что быт женихов «Одиссеи» может воспроизводить черты, характерные для мужских союзов». Ю. В. «несколько сгущает краски», когда он пишет, что цари у Гомера «изображаются живущими за счет народа»: на самом деле выражение *δημοβόροι βασιλῆες*, «цари-мироеды», на которое ссылается Ю. В., встречается у него лишь раз (II. I, 231), причем это слова

⁶ В то время В. Г. Борухович был профессором Горьковского Университета.

разгневанного Ахилла, который и сам Басилевс, брошенные им Агамемнону, и, таким образом, «носят в контексте отнюдь не социальный, а личный характер».

Еще в то время, когда издание данного труда только задумывалось, А. И. Зайцев, с глубочайшим уважением относившийся к Ю. В. и ценивший его научное творчество, охотно согласился написать краткий, но как и следовало ожидать, емкий отзыв на рукопись «Мужских союзов»; он публикуется здесь в приложении.

Здесь уместно привести список наиболее важных статей Ю. В., тематически и/или генетически смыкающихся с публикуемой книгой (обе первые его статьи, предшествующие завершению диссертации и вошедшие в нее составными частями, не учитываются).

Спартанские «всадники». ВДИ, 1969, № 4, стр. 24-36.

К вопросу об организации критских сисситий. В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 1972, 1, стр. 56-65.

Спарта как тип полиса. «Вестник ЛГУ», 1973, № 8, стр. 48-56; то же в переводах: Sparta als Typ einer Polis. «Klio», 57/1, 1975; Sparta come tipo di polis. «Rassegna sovietica». 1975, № 6, стр. 25-35. Ср. под тем же заголовком главу 4 в кн.: Античная Греция, I, М., 1983, стр. 194-216 и статьи:

К проблеме Ликургова законодательства в малотиражном университетском сборнике «Проблемы античной государственности». Л., 1982, стр. 33-59;

Архаическая Спарта: культура и политика. ВДИ, 1987, № 4, стр. 70-85, которая, за исключением незначительных дополнений, практически повторяет текст предыдущей статьи. В этих статьях, в частности, с учетом новейшей литературы и более подробно и глубоко, нежели в приложении к диссертации под заглавием «Переворот середины VI века в Спарте. Датировка "ликурговых" реформ», рассматривается «теория переворота», т. е. реформ, приписывавшихся Ликургу; редакция сочла возможным опустить этот полностью устаревший раздел.

Мужские союзы в структуре дорийского полиса. В кн.: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984, стр. 4-20: статью можно рассматривать в качестве квинтэссенции публикуемого труда и одну из самых значительных работ по проблеме вообще.

Кто избрал греческую фалангу? «Петербургский археологический вестник», 7, 1993, стр. 36-42: к проблеме реформирования спартанской армии в связи с «законодательством Ликурга».

Греческий полис без бюрократии и литературы (Письменность в жизни спартанского общества). «Hyperboreus. Studia classica», Vol. I, fasc. 1, 1994, стр. 9-18.

Спартанская гинекократия. В кн.: Женщина в античном мире. М., 1995, стр. 44-62.

Весь круг проблем, связанных с архаической Спартой, не говоря уже о гомеровских поэмах, в последние годы исследуется весьма интенсивно и плодотворно. Хотя, как отмечалось выше, труд Ю. В. остается в своем роде непревзойденным, а о мужских союзах у греков, по-видимому, и вовсе не пишут (см., впрочем, статью Н.-В. Signor'a), всё же имеет смысл дать здесь краткий перечень наиболее важных

новейших публикаций, имеющих отношение к поднятым в нем вопросам:

М. Т. W. Arnheim. Aristocracy in Greek Society. N. Y., 1977: специально о Спарте - стр. 72-120.

М. Bilé. De quelques termes dits «spécifiques» aux Lois de Gortyne. В кн.: Studies Greek Linguistics. Proceedings of the 9th Annual Meeting of the Department of Linguistics, Faculty of Philosophy, Aristotelian University of Thessaloniki, 18-20 April 1988, Thessaloniki, 1989, стр. 43-65: о терминах ἀλλοπολία, ἀλλοπολιάτας, ἀπέταιρος.

Ed. Lévy. Livres et non-livres dans le code de Gortyne. В кн.: Esclavage, guerre, économie en Grèce ancienne. Hommages à Yvon Garlan. Univ. de Rennes, 1977, стр. 25-41 (non vidi, ep. Ph. Gauthier. Bul. ep. 1998, с. 323).

P. Oлива. Sparta and her social Problems. Prague, 1971.

P. Cartledge. Sparta and Laconia. A Regional History 1300-362 B.C. London, 1979 (см. рецензию Ю. В. на эту книгу в ВДИ, 1981, № 2, стр. 200-206).

J. Rundin. A Politics of Eating: Feasting in Early Greek Society. AJA. 117, 1996, стр. 179-215.

H. Van Wees. Princes at Dinner: Social Event and Social Structure in Homer. В кн.: Homeric Questions. Amsterdam, 1995, стр. 147-182.

M. Clauss. Sparta. Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983.

N. L. Thommer. Lakedaimonion Politeia. Die Entstehung der spartanischen Verfassung. Stuttgart, 1996.

S. Hodkinson. The Development of Spartan Society and Institutions in the Archaic Period. В кн.: The Development of the polis in Archaic Greece. London, 1997, стр. 83-102.

J. F. Lazenby. The Spartan Army. Warminster, 1985.

N. G. Kennell. The Gymnasium of Virtue. Education and Culture in Ancient Sparta. Chapel Hill - L., 1995.

K. J. Dover. Greek Homosexuality and Initiations. В кн.: idem. The Greeks and their Legacy. L., 1988, стр. 115-134.

D. Ogden. Homosexuality and Warfare in Ancient Greece. В кн.: Battle in Antiquity. L., 1996, стр. 111-119.

N. Richer. Les éphores. Etudes sur l'histoire et sur l'image de Sparte (VII - III siècles av. J.-Ch.). P., 1998: обширный труд, в котором в той или иной мере рассмотрены все вопросы, касающиеся ранней истории Спарты (кроме мужских союзов).

H. W. Singor. Nine against Troy. On Epic φάλαγγες, πρόμαχοι and an Old Structure in the Story of the Iliad. «Mnemosyne», 44, 1991, стр. 17-62: φάλαγγες, κοῦροι (Αχαιῶν), συσσίτια (в Спарте) - рефлексии индоевропейских мужских союзов.

Sparta: New Perspectives. L., 1999: материалы симпозиума в Нау-on-Wye 1997 г.; сборник содержит статьи по важнейшим аспектам истории Спарты: «Большая ретра» и Тиртей, спартанская αἰωυή, атлетика, илотия, хронология архаического периода, положение женщин и др.; к теме публикуемого труда наиболее близка статья: H. W. Singor. Admission to the syssitia in Fifth-Century Sparta, стр. 67-89 (в частности, в связи с организацией армии).

Одновременно вышел другой сборник статей о Спарте: Sparta in Laconia, L., 1999 (non vidi).

P. P. Рахимов. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990.

Р. Р. Рахимов. Очерк быта традиционных «мужских домов» у таджиков. В кн. Этническая и этносоциальная история Кавказа, Средней Азии и Казахстана СПб 1994, стр. 105-139.

Л. Г. Печатнова. История Спарты. Период архаики и классики. СПб., 2001. В этом основательном труде автор, в частности, суммирует свои ранее изданные исследования по истории архаической Спарты.

H. van Effenterre, Fr. Ruzé. NOMIMA. Recueil d'inscriptions politiques et juridiques de l'archaïsme grec, I—II, Rome, 1994-1995: в этой полезнейшей хрестоматии собраны, снабжены комментариями и переводами почти все эпиграфические тексты, которые использовал в своем труде Ю. В.

Аналогичная и не менее полезная подборка - R. Koerner. Inschriftliche Gesetztexte der frühen griechischen Polis, Köln etc, 1993. Имеется конкорданс к обоим книгам, другим хрестоматиям, а также IG, IC:

M. Fell. Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 118, 1997, стр. 183-196.

Последние по времени издания Гортинских законов: R. F. Willetts. The Law Code of Gortyn («Kadmos», Suppl. 1). Berlin, 1967; Koerner. Ук. соч., стр. 454-555.

Издавать рукописное наследие учителя - благодарный труд не только из-за конечного результата. Непроходящая печаль по человеку, забыть которого нельзя, пробуждает воспоминания и превращается в тревожащее и благотворное осознание ответственности уже и к своей собственной работе. ... θνήσκειν μὴ λέγε τοὺς ἀγαθοὺς⁷, это написано о подобных ему.

Вспоминается первое впечатление: в тесной каморке, где размещалась Кафедра истории древней Греции и Рима, появляется человек, в котором сразу угадывается какая-то значительность, такая, что всем понятно (взволнованное перешептывание, пока он снимает плащ и водружает на стол портфель): вот он, настоящий ученый. Человек еще и колоритный, с необычной дикцией и манерой речи, с острым, порой язвительным языком, отчего его побаивались, особенно - студентки (но всегда прощали). Настоящий мужчина - и внешне, и внутренне, даже фамилия соответствующая, поэтому его увлечение Спартой (до которой он в свое путешествие по Греции 1994 года так и не добрался) и занятия теми же мужскими союзами воспринимались нами как нечто естественное.

С. Р. Тохтасьев

Глава I. Историография вопроса. Основные типы мужских союзов

Спарта и дорийские города Крита занимают особое место в истории древней Греции. Своеобразие общественно-политического строя резко выделяет их среди всех других греческих государств и в то же время сближает между собой эти два района эллинского мира, несмотря на явное несходство их исторических судеб. В современной исторической литературе это воспринимаемое весьма поверхностно своеобразие дорийских государств нередко возводится в абсолют. Спарта и Крит рассматриваются как какой-то парадокс, исключение из правила на общем фоне греческой истории². В советской историографии города Крита и Спарта иногда характеризуются, как «примитивно-рабовладельческие государства»³. Тем самым подчеркивается родовая связь, объединяющая эти государства с государствами обычного или «классического» типа: и то, и другое - государства, основанные на угнетении рабов. Нам кажется, однако, что термин «примитивно-рабовладельческое государство» - слишком абстрактен и расплывчат и не выражает в полной мере историческое своеобразие дорийских государств. Кроме того, довольно часто этот же термин употребляется применительно к государствам древнего Востока: Египту, Вавилону, Ассирии и т. д. А это позволяет рассматривать

¹ Специфичность общественного строя Спарты и городов Крита вполне проявляется при сравнении их не только с развитыми полисами «классического» типа, но и с такими отсталыми областями Греции, как Фессалия или Беотия. Поэтому в настоящей работе мы сознательно отказываемся от использования таких терминов, как «отсталые» или «аграрные» государства, считая более предпочтительным нейтральное обозначение «дорийские» государства. Ср. G. Glotz. Histoire grecque. I. P., 1925, стр. 300; А. И. Тюменев. История античных рабовладельческих обществ. М. - Л., 1935, стр. 25; Всемирная история. Т. I. М., 1955, стр. 667.

² «Историческим исключением» называет Спарту Р. Коэн (R. Cohen. La Grèce et l'hellénisation du monde antique. P., 1934, стр. 92).

³ С. Я. Лурье. История Греции. Ч. I. Л., 1940, стр. 166 сл.; Л. Н. Казаманова. Очерки социально-экономической истории Крита V-IV вв. до н. э. М., 1964, стр. 26.

⁷ Callimach., Epigr. 9.

Спарту и Крит, как какой-то островок древневосточного экономического уклада в сфере распространения античной рабовладельческой экономики⁴, хотя такая постановка вопроса весьма сомнительна. Заметим также, что попытки определить место, занимаемое в истории древнего мира тем или иным государством, исходя из одного только фактора - положения непосредственных производителей в этом государстве, всегда будут страдать известной односторонностью⁵. Картина производственных отношений останется далеко не полной, если мы, сосредоточив все свое внимание на рабах, забудем о рабовладельцах, о свойственной им в каждом конкретном случае классовой организации, иными словами, забудем о самом государстве. Известно, что в значительной своей части история древней Греции представляет собой историю зарождения, расцвета и упадка определенной формы рабовладельческого государства, а именно полиса или города-государства. Возникает вопрос: в каком отношении к этому типу государства, наложившему столь заметный отпечаток на самый блестящий период греческой истории, находятся Спарта и города Крита? В советской литературе этот вопрос не разработан, да практически никогда и не ставился⁶. В зарубежной историографии он, напротив, ставился неоднократно, однако решен так и не был. И это понятно: в западной науке до сих пор еще не выработано сколько-нибудь четкое определение полиса, которое могло бы служить критерием при

⁴ Так считает, например, С. Я. Лурье (Ук. соч., стр. 5, 166), взгляды которого смыкаются в этом пункте с теорией академика В. В. Струве о принципиальном единстве исторического пути государств Древнего Востока и античного мира (Хрестоматия по истории древнего мира. Т.1. М., 1950, стр. 10). Слабость этой концепции была убедительно показана академиком А. И. Тюменевым в статье «Передний Восток и античность». ВИ, 1957, № 6.

⁵ Тем более, что вопрос об историческом месте илотии и родственных ей форм зависимости на Крите, в Фессалии и некоторых других областях Греции нельзя еще считать окончательно решенным. См. *P. Oliva. On the Problem of the Helots. «Historica», Praha, 1961.*

⁶ А. К. Бергер указывает в своей недавно опубликованной книге «Политическая мысль древнегреческой демократии». М., 1966, стр. 11, что «Спарту можно более или менее характеризовать термином "полис" в силу яркой выраженной в этом государстве авторитарной тенденции («для социально-политической характеристики Афин этот термин оказывается весьма мало пригодным»). Далее, однако, говорится, что «полис как центр рабовладельческого производства, торговли и политической жизни в Спарте не развивался» (стр. 352). Ср. С. И. Ковалев. Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства. Известия ГАИМК, XII, 1959, стр. 101.

¹⁰ *H. Berve. Griechische Poliseinrichtungen in der Antike. 1959, стр. 101.* Под ред. В. И. Авдиева и И. Н. Пикуса. М., 1962, стр. 148 слл.

решении такого рода вопросов⁷. Насколько запутан вопрос об отношении дорийских государств к полису, можно судить по высказываниям, содержащимся в одной из последних работ о греческом государстве, автором которой является немецкий историк В. Эренберг, в свое время много занимавшийся Спартой. По его мнению, Спарта представляет собой полную противоположность типу города-государства уже потому, что название государства (Лакедемон) здесь не совпадает с названием граждан (спартиаты), а это противоречит характерному признаку полиса - тождеству государства и общества⁸.

В то же время Эренберг указывает, что именно в Спарте нашел свое наиболее полное выражение другой характерный признак города-государства - *Rentnerideal* граждан полиса, их презрение к физическому труду⁹. Отсутствие четкого научного представления о месте дорийских государств в греческой истории открывает путь для обыгрывания их своеобразия в духе разного рода реакционных теорий. Примером могут служить рассуждения западногерманских историков «старого закала» о Спарте и городах Крита как воплощении «чистого доризма», чуждом «ионийской аполитичности»¹⁰. Примером Спарты охотно пользуются в своих сочинениях представители различных разновидностей современного циклизма. Так, А. Тойнби демонстрирует в III-м томе своего монументального «Изучения истории» спартанскую социальную систему, как образчик общества «кочевого типа», в котором роль пастуха играет абстрактный закон, сторожевых собак воплощают в себе сами спартиаты, а илотам не остается ничего другого, кроме участи стада, пасомого законом

⁷ Отдельные черты полиса верно подмечены в работах таких крупных историков, как Пёльман, М. Вебер и др. Однако, в целом, выдвинутые ими концепции античного государства не могут быть приняты в настоящее время.

⁸ *V. Ehrenberg. Der Staat der Griechen. Zürich - Stuttgart, 1965, стр. 109.*

⁹ Ук. соч., стр. 73. Ср. более раннюю работу того же автора: *Die Rechtsidee im frühen Griechentum. Lpz. 1921, стр. 135.* Столь же двойственную оценку дает Спарте Э. Кирстен (*E. Kirsten. Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956.*). С одной стороны, он считает (стр. 103 сл.), что сам способ расселения спартанцев по комам позволяет говорить не о полисе, а только лишь о племени (этносе), с другой, ссылаясь на Спарту, как на типичный пример архаического полиса с характерным для него делением общества на свободных граждан и крепостных (стр. 108). См. также *Fr. Schachermeyr. Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960, стр. 126, 128; ср. U. Wilcken. Griechische Geschichte. B., 1962, стр. 101.*

II A. J. Toynbee. A Study of History. III. Oxford - L.- N.Y., 1948, стр. 79 слл.

Академическое бесстрашие Тойнби прекрасно уживается с откровенно пропагандистскими выпадами других проповедников циклизма. В литературе этого толка Афины и Спарта часто противопоставляются друг другу, как государство «открытого типа» и государство «тоталитарное», «коммунистическое».

Так, известный в прошлом сменовеховец, а ныне профессор социологии Гарвардского университета (США) П. Сорокин в одном из своих недавних выступлений объявил: «Эта экономическая система (т. е. коммунизм. - Ю. А.) образовалась уже давно и неоднократно существовала на протяжении истории человечества при различных правительствах и идеологиях, на разных этапах развития древнего Египта, особенно в эпоху Птолемея, в Китае, в Индии, в древней Спарте, в Риме, в древнем Перу»¹². Нет надобности доказывать, что Сорокин возводит здесь в некий исторический абсолют элементы государственного контроля над экономикой, порождаемые в каждом конкретном случае совершенно различными причинами. Нельзя, однако, отрицать и то, что характер этого огосударствления в каждом случае исследован в марксистской историографии далеко недостаточно. И если пробелы, имеющиеся еще в изучении процессов взаимодействия государственной власти с экономикой в поздней Римской империи или в птолемеевском Египте, за последние годы были в какой-то степени восполнены советскими историками, то природа пресловутого «спартанского коммунизма» до сих пор еще ждет своего истолкования.

Характерные признаки, выделяющие дорийские государства среди других, - общеизвестны. Это примитивная политическая организация, сохраняющая еще троичную схему племенного управления героической эпохи (цари или космы, герусия или совет и народное собрание), это четкое деление общества на сословия и, наконец, своеобразный жизненный уклад господствующего класса - знаменитый дорийский «космос». Наиболее ярким проявлением этого уклада, его фокусной точкой были сисситии - регулярные коллективные обеды, в которых принимали участие все полноправные граждане Спарты и городов Крита.

Во II-й книге «Политики», полемизируя с Платоном по вопросу о возможности абсолютного единства государства, Аристотель в частности замечает (1264а 6 слл.): «... ведь невозможно будет устроить

¹² Цит. по: *Р. Кунтеро*. Разные курсы. «За рубежом», 15 июня, № 24 (157), 1963. См. также *К. Р. Поппер*. The Open Society and its Enemies. Vol. 1. L., 1952, стр. 173, 182; ср. *Е. Н. Тигерстедт*. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. I. Stockholm, 1965, стр. 144.

государство, не разделяя его либо на сисситии, либо на фратрии и филы»¹³. Как видно из этих слов, сисситии не были для Аристотеля просто обеденными клубами. Он видит в них один из важнейших структурных элементов полиса наряду с фратриями и филами. Сисситии занимают весьма важное место также в проекте идеального государства, с которым Аристотель знакомит своих читателей в VII книге того же трактата (1330а слл.). Происхождению этого института посвящен здесь же специальный экскурс (1329b 5 слл.). Столь живой интерес к сисситиям крупнейшего из теоретиков государства древности сам по себе является достаточным поводом для того, чтобы привлечь к этому своеобразному обычаю самое серьезное внимание современных исследователей. Между тем до сих пор еще вопрос о его происхождении и характере остается одним из самых темных и малоисследованных вопросов в социальной истории Греции.

Как известно, основоположником научной разработки истории дорийских государств в западноевропейской историографии считается крупнейший немецкий ученый первой половины XIX века К. О. Мюллер. В 1824 г. вышло его двухтомное исследование «Дорийцы»¹⁴, которое оставило после себя глубокий след в европейской науке об античности. Несмотря на ряд серьезных недостатков, присущих этой работе (идеализм, бюргерский национализм и т. д.), она содержала и немало ценных и для своего времени глубоких мыслей. Концепция Мюллера снимала то искусственное объяснение особенностей общественного строя Спарты и Крита, которое было господствующим в древности, а затем перекочевало и в европейскую историографию¹⁵. Мюллер впервые усомнился в историческом существовании Ликурга. Законы, которые древние приписывали Ликургу, по мнению Мюллера, - гораздо древнее самого законодателя, если даже он когда-либо существовал, и вообще это не столько законы, сколько обычаи, уходящие своими корнями в далекое прошлое¹⁶. Мюллер отмечает, что Спарта, ее государственный строй была идеалом для греческих философов. Эта мысль приводит его к очень важному, с точки

¹³ Мы следуем здесь переводу Обоне в последнем французском издании «Политики» (Aristote. Politique. Livr. I—II. Trad. par J. Aubonnet. P., 1960). См. также перевод С. А. Жебелева в изд.: Аристотель. Политика. СПб., 1911. Ср. Aristoteles. Politik. I. Hrsg. v. Fr. Susemihl. Lpz., 1879; *W. L. Newman*. The Politics of Aristotle. II. Oxford, 1887, стр. 257; Aristotle. The Politics. Transl. by E. Barker. Oxford, 1948.

¹⁴ *К. О. Мюллер*. Die Dorier. Bd. 1-2. Breslau, 1824.

¹⁵ См., например, *Ж. С. Ф. Мансо*. Sparta. I, 1. Lpz., 1800, стр. 78 слл.

¹⁶ *К. О. Мюллер*. Ук. соч. Т. 2. стр. 5 слл.

зрения методологии, выводу: доризм (Dorientum) есть ни что иное, как наиболее чистое и совершенное выражение эллинского духа вообще. Соответственно этому дорийцы, их общественный строй, религия, искусство и т. д. представляют собой как бы прототип всех других греческих племен, древнейшее прошлое греческого народа¹⁷. Отсюда - тяготение других греков к Спарте и Криту (подобно тому, как человеческая душа у Платона постоянно стремится к некогда покинутому ею миру чистых идей). Хотя и облеченное в одежды идеалистической гегельянской философии, это положение Мюллера следует, как нам кажется, отнести к числу его заслуг перед наукой об античности. Из высказываний, рассеянных там и здесь по книге Мюллера, видно, что он понимал связь дорийского с общеэллинским не только в идеальном, но и в совершенно реальном, историческом плане. Так, в спартанских сисситиях он видит не только древнедорийский, но и широко распространенный некогда древнеэллинский институт¹⁸. Развивая эту и подобные мысли Мюллера, мы получаем исключительно ценное методологическое указание: на материале дорийских государств можно изучать древнейший период истории Греции, так как именно эти государства были его живым воплощением в классическую эпоху. Сам Мюллер, однако, не пошел по этому пути, ограничившись лишь намеками на его возможность.

В Германии мюллеровская традиция, по сути дела, никогда не прерывалась. В духе «дорийской» концепции выдержано, например, фундаментальное исследование К. Хека о Крите¹⁹, вышедшее несколько лет спустя после опубликования книги Мюллера. К этой же концепции близки и взгляды таких видных античников середины XIX в., как Герман и Шеман²⁰. Однако, среди ученых других европейских стран теория Мюллера вызвала резкую реакцию. В Англии с критикой Мюллера в 40-х годах прошлого века выступил Дж. Грот²¹. Большой раздел II тома «Истории Греции» посвящен Спарте (о Крите упоминается лишь мимоходом). Спарта, по мнению Грота, - вовсе не эталон «чистого эллинизма», как думал Мюллер²². Это совершенно

¹⁷ К. О. Müller. Ук. соч. Т. 1, стр. XII.

¹⁸ Там же. Т. 2, стр. 201.

¹⁹ К. Hoeck. Kreta. III. Göttingen, 1829.

²⁰ К. Fr. Hermann. Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. I. Heidelberg, 1855,

стр. 77 сл.; G. F. Schoemann. Griechische Altertümer. I. B., 1855, стр. 224, 256.

²¹ G. Grote. A History of Greece. II. L., 1869.

²² Ук. соч., стр. 342.

своеобразное государство, отличное от всех других греческих (в том числе и дорийских) государств. Своим своеобразием оно обязано законодательству Ликурга (или того человека, который скрывался под этим именем). Грот, таким образом, в целом принимает традиционную версию искусственного происхождения спартанской конституции, хотя и признает, что в предании о Ликурге (особенно в том его варианте, который мы находим у Плутарха) много позднейших вымыслов. Вместе с тем, наивная вера древних в божественную мудрость законодателя получает у Грота принципиально новое, научное освещение. Государственный строй Спарты не является порождением особого дорийского духа, как думал Мюллер, но с другой стороны, его нельзя просто извлечь из головы человека Ликурга, как плод его исключительной политической прозорливости. Все основные спартанские законы и учреждения несут на себе отпечаток тех исторических условий, при которых конституция Ликурга была пущена в ход во второй половине IX в. до н. э.: ожесточенная борьба с соседями, постоянная угроза извне и изнутри (со стороны поработанных илотов) - все это требовало превращения государства в единый военный лагерь²³. Именно эту цель и преследовали те изменения, которые были внесены Ликургом в жизнь спартиатов: железная казарменная дисциплина, постоянная военная муштра, изоляция от внешнего мира и т. д.

Главный удар Грота был направлен не против тех националистических тенденций, которые нашли свое выражение в теории Мюллера. Классовое чутье крупного буржуа подсказало английскому историку, где таится главная опасность мюллеровской концепции. Проецируя спартанский «космос» с лежащими в его основе принципами уравнительности в отдаленное доисторическое прошлое Греции, Мюллер, может быть, сам того не желая, наводил своих читателей на мысль, что таково и было первоначальное состояние человечества. Под угрозой оказалась извечность и незыблемость принципа частной собственности. Поэтому, подчеркивая уникальность спартанской государственной организации, ее непохожесть на другие греческие конституции, Грот в то же время основное свое внимание сосредотачивает на развенчании легенды о спартанском «коммунизме». Он допускает, что предание, сохраненное Ксенофонтом и Плутархом, имеет своей исторической основой чисто внешнее равенство в образе жизни спартиатов (одежде, пище и т. д.), что по мнению Грота,

²³ G. Grote. Ук. соч., стр. 391.

вполне соответствует казарменному режиму, существовавшему в Спарте²⁴. В остальном рассказ Плутарха представляет собой простой вымысел. Прежде всего это относится к знаменитому Ликургувоу переделу земли. Эта часть предания, по мнению Грота, есть ни что иное, как опрокинутый в прошлое проект аграрной реформы Агиса IV. Одновременно Грот очень тщательно подобрал свидетельства источников, на основании которых можно заключить, что в Спарте существовали большие богатства и господствующим было имущественное неравенство граждан²⁵.

Полемика, начатая Гротом, продолжалась и во второй половине XIX в. и приобрела в это время еще большую остроту в связи с развитием сравнительно-исторического метода и появлением так называемой «общинной» теории. Экономисты и историки права, выдвинувшие эту теорию, нередко иллюстрировали свои положения о первобытном «коммунизме» ссылками на спартанскую систему земледелия, а также на спартанские и критские сисситии²⁶. В том же духе высказывались и некоторые античники, занимавшиеся в этот период историей Спарты. Так, немецкий историк К. Трибер²⁷ указывал, что происхождение сисситий можно объяснить только исходя из того, что некогда все имущество было общим. В спартанских фидитиях он видел лишь видоизменение (в военных целях) очень древнего общегреческого института. Противники этой гипотезы, развивающей в общем концепцию Мюллера²⁸, не заставили себя ждать. Крупнейший

²⁴ G. Grote. Ук. соч., стр. 416.

²⁵ Там же, стр. 393 сл.

²⁶ См., например, P. Viollet. La caractere collectif des premières propriétés immobilières. «Bibliothèque de l'école des chartes», 1872, XXXIII, стр. 470 сл.; E. Laveleye. De la propriété et des ses formes primitives. P., 1891, стр. 375 сл. Особняком в литературе этого периода стоит точка зрения Бахофена, который видел в сисситиях закономерное порождение эпохи «гинекократии» (J. J. Bachofen. Das Mutterrecht. Basel, 1897, стр. 81).

²⁷ C. Trieber. Forschungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte. В., 1871, стр. 25 сл., 110. Из работ этого периода, посвященных специально сисситиям, можно назвать диссертацию A. Bielschowsky. De Spartanorum syssitiis. Breslau, 1869. Автор ограничивается рассмотрением ряда частных вопросов организации фидитиев, обходя стороной проблему происхождения института.

²⁸ Трибер, правда, полемизирует с Мюллером, оспаривая исключительно дорийский характер спартанских учреждений и настаивая на том, что в древности институты того же рода были присущи всем грекам вообще (Ук. соч., стр. 105 сл.), хотя, как было показано выше, эта идея в зародышевой форме уже была выдвинута Мюллером.

французский историк второй половины столетия Фюстель-де-Куланж в своей вышедшей в 1864 г. «Гражданской общине древнего мира» уделил несколько страниц вопросу о сисситиях²⁹. Этот обычай он рассматривает в духе своей общей концепции о примате религии в эволюции отношений собственности. Коллективные обеды древних (в том числе и спартанские фидитии), по мнению Фюстель-де-Куланжа, не имели никакого иного значения, кроме чисто религиозного, представляя собой одну из форм коллективного богослужения.

Более подробно тот же вопрос разбирается в работе одного из последователей Фюстель-де-Куланжа, Жанне, посвященной специально общественному строю Спарты³⁰. Жанне вносит существенные коррективы в гипотезу Фюстель-де-Куланжа о происхождении сисситий. Признавая связь этого института с древнейшими формами греческой религиозной жизни, он в то же время указывает, что коллективные обеды приобретают свое нормативное значение лишь на определенной ступени развития общества, а именно при переходе от семейно-родовой организации к государству (узкие рамки семьи, по мнению Жанне, препятствуют развитию этого обычая)³¹. Типичной является в этом смысле эволюция спартанского государства. Ликург, не уничтожая старые гентильные организации, существовавшие в Спарте (филы и т. д.), лишил их, однако, прежнего политического значения, сделав основой армии и всего государства сисситии, уже не связанные с родом³². Поскольку гражданские права каждого спартиата зависели теперь от регулярности его взносов в фидитии, Спарта в результате реформы Ликурга превратилась, как полагает Жанне, в аристократию, покоящуюся на цензовом принципе, как и большинство архаических греческих полисов, а также ранняя республика в Риме (ближайшую параллель реформе Ликурга, по мнению Жанне, представляет собой Сервиева конституция)³³.

Сисситии, созданные Ликургом, играли двоякую роль, будучи, с одной стороны, первичными подразделениями спартанской армии,

²⁹ N. D. Fustel de Coulanges. La cite antique. P., 1866, стр. 195.

³⁰ C. Jannet. Les institutions sociales et le droit civil à Sparte. P., 1880 (2-е изд.).

³¹ Ук. соч., стр. 71.

³² Там же, стр. 35. У Жанне здесь наблюдается известная непоследовательность: с одной стороны, он вслед за Фюстель-де-Куланжем рассматривает сисситии как древний институт религиозного характера (Ук. соч., стр. 38), с другой, резко противопоставляет их роду.

³³ Там же, стр. 24 сл., 36.

а с другой, служа средством сохранения политического равновесия внутри господствующего сословия³⁴.

Работа Жанне содержала ряд новых и по тому времени довольно глубоких мыслей. Однако, свое дальнейшее развитие они получили лишь много лет спустя - в первые десятилетия XX века. Вместе с тем одно из выдвинутых в этой книге положений было подхвачено и в ближайшие же годы использовано в полемике между сторонниками «общинной» и «патриархальной» теорий. Это была мысль о тождестве сисситии с боевыми единицами спартанской армии³⁵.

Вскоре после выхода в свет книги Жанне к вопросу о сисситиях снова возвращается Фюстель-де-Куланж в своем «Этюде о собственности в Спарте»³⁶. В этой работе, идя по стопам Грота, французский историк подвергает критической ревизии всю античную традицию о ликурговом законодательстве и равенстве спартиатов. Фюстель-де-Куланж пытается доказать, что в Спарте не было государственной собственности на землю¹, что отсутствие настоящей монеты не препятствовало развитию торговли³⁸, что, наконец, система фидитиев не имела никакого иного назначения, кроме чисто военного³⁹. Как и Жанне, Фюстель-де-Куланж, отказываясь от своей прежней трактовки, приходит к выводу, что сисситии не были первобытным институтом. Их создателем был Ликург. Однако, в отличие от Жанне автор «Этюда» представляет реформу Ликурга упрощенно, склоняясь в общем к старому тезису Грота об уникальности общественного строя Спарты.

В 90-х годах XIX в. концепция Грота - Фюстель-де-Куланжа получила свое дальнейшее развитие в книге Р. Пёльмана «История античного социализма и коммунизма»⁴⁰. На первых же страницах этой работы Пёльман прямо указывает, что его книга направлена против Моргана и Энгельса, против их учения о переходе от первобытного общества к классовому⁴¹. Главным объектом своей атаки Пёльман

³⁴ С. Jannet. Ук. соч., стр. 40 сл.

³⁵ Это положение было подробно аргументировано уже Бильшовским (Ук. соч., стр. 32 сл.).

³⁶ N. D. Fustel de Coulanges. Etude sur la propriete ä Sparte. P., 1880.

³⁷ Ук. соч., стр. 15 сл. Ср. Schoemann. Ук. соч., стр. 214 сл.

³⁸ Там же, стр. 50.

³⁹ Там же, стр. 36 слл.

⁴⁰ R. von Pöhlmann. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. I. München, 1912 (2-е изд.).

⁴¹ Ук. соч., стр. 4.

избрал первобытный «коммунизм» (он не проводит здесь какой-либо грани между взглядами основоположников марксизма, с одной стороны, и сторонников «общинной» теории, а также разного толка вульгаризаторов марксизма, с другой). Значительная часть первого тома посвящена анализу свидетельств древних авторов о проявлениях коллективизма в экономике ранней Греции.

Общественный строй Спарты и дорийского Крита, естественно, не мог здесь быть обойден молчанием. Говоря о сисситиях, Пёльман верно подмечает слабость аргументации сторонников «общинной» теории именно в этом пункте. Рассматривая коллективные обеды вообще как производное от коллективной собственности на землю, они забывают об историческом своеобразии дорийских сисситий и ставят их на одну доску с «патриархальными» трапезами рода или большой семьи, хотя источники не дают для этого оснований⁴². Пёльман подчеркивает, что сисситии в Спарте и на Крите были не экономическим, а политическим институтом, так как равенство граждан было не самоцелью создателей этих государств, а лишь средством с помощью которого они рассчитывали обеспечить их устойчивость⁴³. Развивая далее эту мысль, Пёльман указывает, что хотя меры, подобные сисситиям, установлению железной валюты, ограничениям купли-продажи земли и т. д., можно расценивать как вторжение государства в право частной собственности граждан, тем не менее, в конечном счете, эти меры способствовали укреплению частной собственности и ее дальнейшему развитию⁴⁴.

Со всеми этими положениями Пёльмана можно было бы согласиться, если бы мотивировка, которую он им дает, не была бы совершенно абстрактной и антиисторичной по своему характеру. Так, отмечая зависимость спартанского образа жизни от политической обстановки, сложившейся в этом государстве (резкое численное превосходство рабов над свободными), Пёльман из этой совершенно правильной мысли делает явно неправомерный вывод, определяя Спарту как особый «военный тип общества» (kriegerische Gesellschaftstypus), «необходимым коррелятором» которого является «государственный социализм»⁴⁵. Говоря об ограничительных мерах спартанского государства в отношении собственности, Пёльман

⁴² R. von Pöhlmann. Ук. соч., стр. 66 сл.

⁴³ Там же, стр. 73.

⁴⁴ Там же, стр. 86 слл.

⁴⁵ Там же, стр. 59 слл.

усматривает в них действие некоего общеисторического закона и ставит в параллель сисситиям и железной монете социальное обеспечение, налоговую систему и т.п. приемы вмешательства современного буржуазного государства в экономику⁴⁶. Все это говорит о том, что постигнуть историческое своеобразие дорийских учреждений было не в большей степени доступно Пёльману, чем его оппонентам, сторонникам «общинной» теории. Модернизируя Спарту и Крит в духе государственно-монополистического капитализма конца XIX - начала XX вв., он в то же время превращает их в совершенно изолированное явление в рамках греческой истории⁴¹.

Нападки Пёльмана на Моргана и Энгельса означали, по сути дела, принципиальный отказ от использования этнографии при изучении античной истории. Нет надобности говорить о порочности этой позиции в тот период, когда союз обеих наук уже принес и продолжал приносить блестящие плоды. Свидетельством этого наряду с моргановским «Древним обществом» и другими работами может служить книга немецкого ученого Генриха Шурца «Возрастные классы и мужские союзы»⁴⁸. Несмотря на ряд недостатков, присущих этому исследованию, известную наивность и ограниченность его общей концепции, труд Шурца, несомненно, представлял собой ценный вклад в тогдашнюю науку об обществе. Шурц первым из европейских ученых обратил внимание на институт мужских союзов, играющий очень важную роль в жизни отсталых народов почти всего земного шара. Он собрал, обработал и обобщил огромный материал полевых исследований, проводившихся в разное время в различных частях света. Не будучи последователем Моргана и полемизируя с ним по ряду вопросов, Шурц тем не менее разделял его воззрение на историю человечества как на процесс в принципе единообразный у всех народов и рас. Рассматривая мужские союзы как явление универсальное по своей природе, он стремился найти их следы не только у современных, но и у древних, уже исчезнувших народов, среди которых, как показал Шурц, не составляли исключения и греки. Используя материал, собранный в незадолго перед тем вышедшей книге

46 R. von Pohlmann. стр. 71, ср. 85.

47 Переходя в следующем разделе своей книги к общей характеристике греческого полиса, Пёльман ставит перед собой вопрос (стр. 147): «Не соответствует ли также государственный социализм Спарты и дорийских городов-государств Крита... подлинному духу политики города-государства?» Эта интересная мысль, однако, не получает никакого развития в работе Пёльмана.

48 H. Schurtz. Altersklassen und Männerbünde. В., 1902.

Цибарта «Греческие союзы»⁴⁹, Шурц обнаружил в жизни греческих полисов реликты таких первобытных институтов, как возрастные классы (эфебия, объединения νεοи и т.п.)⁵⁰, мужские дома (лесха, пританей)⁵¹, инициации⁵² и т. д. Но ни в каком другом районе Греции эти институты не были представлены столь полно и в столь отчетливой, выпуклой форме, как в Спарте. Это государство с его необычайно развитой системой возрастных классов, с систематически практиковавшимися здесь коллективными обедами взрослых мужчин в специально отведенных для этого помещениях и разнообразными формами испытаний подростков и юношей представляло собой, по образному выражению Шурца⁵³, «настоящий музей древних, повсеместно уже исчезнувших из культуры обычаев». Эта мысль, высказанная в книге Шурца лишь мимоходом без обстоятельной аргументации и анализа источников, тем не менее открывала перед исследователями истории дорийских государств широкие перспективы, предоставляя в их распоряжение богатейший материал для сопоставления и позволяя тем самым облечь лишь схематически, абстрактно восстановленную дорийскую племенную общину в живую плоть и кровь фактов. Сближая дорийские сисситии и агелы с мужскими союзами и возрастными классами папуасов, африканских негров и североамериканских индейцев, Шурц наносил серьезный удар по теории общества «военного типа», выдвинутой Пёльманом⁵⁴.

Книга Шурца скоро стала известна не только этнографам, но также историкам и филологам-античникам. Одним из первых откликнулся на ее появление известный исследователь гомеровского эпоса Г. Финзлер⁵⁵. Он попытался выделить в тексте поэм эпизоды

49 E. Ziebarth. Das griechische Vereinswesen. Lpz., 1896.

50 H. Schurtz. Ук. соч., стр. 122 сл.

51 Там же, стр. 313 сл.

52 Там же, стр. 98.

же.

54 Во втором издании «Истории социализма» (стр. 63) Пёльман ссылается на замечание Шурца (Ук. соч., стр. 111) о том, что самого высокого развития системы возрастных классов достигают обычно у наиболее воинственных племен. Это замечание, как будет показано далее, не вполне соответствует действительности. Кроме того, оно отнюдь не снимает основной направленности книги Шурца - показать, что мужские союзы и возрастные классы представляют собой универсальное явление в истории человечества.

55 G. Finsler. Das homerische Königtum. «Neue Jahrb. für klass. Altertum», XIX, 1907, стр. 314 сл.; *его же*. Homer. I. Lpz.-В., 1914, стр. 191 сл.

и выражения, которые указывали бы на существование в гомеровский период объединений, подобных тем, о которых говорил в своей книге Шурц. Эта попытка увенчалась удачей и Финзлер первым среди исследователей классической древности ввел в употребление термин «мужской союз». Следует, однако, заметить, что выводы Финслера носили в целом весьма ограниченный характер. В гомеровском мужском союзе он видел лишь корпорацию знати, не отдавая себе отчета в исторически сложном характере этого явления, не пытаясь проследить его эволюцию, хотя, как будет показано далее, материал эпоса позволяет сделать это⁵⁶.

Несколько лет спустя после опубликования статьи Финслера в Англии вышла книга Дж. Гаррисон «Фемида»⁵⁷, посвященная проблемам возникновения и развития греческой религии. Наряду с другими вопросами исследовательница уделяет в этой работе много внимания культуре так называемых «множеств»: титанов, куретов, тельхинов, дактилей и т. д. По мнению Гаррисон, эти мифические персонажи воплощают в себе мужской союз, совершающий испытательный обряд (инициации) над подростками своего племени. Опираясь на это положение, Гаррисон дает весьма убедительную интерпретацию мифа о гибели Диониса-Загрея от рук титанов⁵⁸. Работы Финслера и Гаррисон показали, что сфера распространения мужских союзов в Греции, как это уже предполагал Шурц, не ограничивалась только Спартой и Критом.

В том же 1912 г., когда вышла книга Гаррисон, в журнале «Клио» появилась статья известного шведского филолога и историка М. П. Нильссона «Основы спартанского образа жизни»⁵⁹. В статье были систематически подобраны и подвергнуты тщательному анализу все известные свидетельства древних об основных элементах спартанского «космоса»: воспитании, фидитиях и брачных обычаях. Собранный таким образом материал Нильссон сопоставляет с данными, почерпнутыми из трудов Шурца и других этнографов. Даже это простое

⁵⁶ Этот недостаток в целом очень добросовестного и, несомненно, полезного исследования Финслера коренится в слабости его общей исторической концепции, согласно которой гомеровское общество представляет собой результат постепенной эволюции абсолютной монархии микенского типа и превращения ее в аристократическую республику (*G. Finsler. Homer. I. Lpz.-B., 1914, стр. 219 сл.*). *57 J. E. Harrison. Themis. Cambridge, 1927 (2-е изд.)*.

⁵⁸ Ук. соч., стр. 16 слл.

⁵⁹ *M. P. Nilsson. Die Grundlagen des spartanischen Lebens. «Klio», XII, 1912. Статья перепечатана в его Opuscula selecta. II. Lund, 1952, стр. 826-871.*

сопоставление производит сильное впечатление: настолько разительное фамильное сходство с обычаями «дикарей» обнаруживается во второстепенных подчас деталях повседневной жизни спартиатов. Поэтому вывод, к которому приходит Нильссон, звучит вполне убедительно: «...эти совпадения не могут быть случайными... спартанские учреждения в действительности были воздвигнуты на древнейших, совершенно примитивных основах»⁶⁰. Автор статьи не считает, однако, спартанский «космос» чем-то совершенно тождественным первобытной племенной организации. Здесь же он делает весьма существенную оговорку: «эти примитивные основы были с удивительным искусством приспособлены к нуждам спартанского военного государства». Поэтому, сопоставляя обычаи спартанцев с обычаями современных отсталых народов, Нильссон отмечает не только черты сходства, но также и признаки различия, существующие между ними. Но так как в этом последнем случае он ограничивается лишь несколькими отрывочными замечаниями, то и характер, и причины постулируемой им реформы спартанских учреждений остаются неясными. Эту реформу, которая ассоциируется у него с преданием о Ликурге, Нильссон находит возможным отнести ко времени еще до завоевания Лаконии дорийцами⁶¹. Таким образом, несмотря на применение принципиально нового по своему характеру научного метода, Нильссон в целом остается на позициях старой, выработанной наукой XIX в. концепции, согласно которой Спарта очень рано «выпадает» из общего русла греческой истории и превращается в особый замкнутый мирок⁶².

Между тем, еще до опубликования статьи Нильссона в работах ряда историков наметился серьезный сдвиг в оценке места, занимаемого дорийскими государствами в истории Греции. Так, М. Вебер в «Аграрной истории древнего мира» характеризует Спарту как

⁶⁰ *M. P. Nilsson. Ук. соч., стр. 308.*

⁶¹ Там же, стр. 340.

⁶² Типичной в этом отношении может считаться та оценка общественного и государственного строя Спарты и городов Крита, которую дает такой крупный историк, как Эд. Мейер. По его мнению, Спарта и Крит миновали в своем развитии стадию «господства знати», т. е. гомеровский период. Первобытная племенная община (*Wehrgemeinde*) в этих районах переходит непосредственно на стадию государства - полиса, сохраняя при этом многие черты, характерные для периода господства коллективной собственности (в отличие от Пёльмана, Мейер не пытается отрицать, что такой период был в истории Греции). См. *Ed. Meyer. Geschichte des Altertums. III. Stuttgart, 1937, стр. 259, 294 сл. Ср., однако, Ed. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte. I. Halle, 1892, стр. 561.*

«доведенное до своих крайних последствий⁶³, дальнейшее самое крайнее развитие древнего города-государства». Эта характеристика логически вытекает из веберовской теории «городского феодализма», согласно которой в основе различных типов греческого полиса так или иначе лежит военный профессионализм узкой касты полноправных граждан. Естественно, что с этой точки зрения Спарта была не исключением из правила, как считал Пёльман и другие историки конца XIX в., а наоборот, самым правилом, доведенным до своей логической законченности⁶⁴.

С оценкой, которую дает Вебер спартанскому государству, во многом перекликается концепция У. Каршtedта, изложенная в его фундаментальном труде «Греческое государственное право»⁶⁵.

Как и Вебер, Каршtedт исходит в своей теории из представления о единстве исторического пути Спарты и других греческих государств. Однако, в отличие от Вебера, он понимает это единство слишком прямолинейно, как преемственность сменяющих друг друга стадий исторического развития, в котором Спарта занимает низшую ступень, а государства обычного типа, как например Афины, высшую. Краеугольный камень теории Каршtedта образует отрицание реальности дорийского завоевания и принципиально новое «экономическое» объяснение происхождения илотии. Он не видит принципиальной разницы между илотами и аттическими гектеморами. Характерное для Спарты четкое территориальное размежевание между свободными и рабами, гражданами и негражданами делает ее типичным архаическим полисом. «Если не вмешается никакая сисахфия,

⁶³ М. Вебер. *Аграрная история древнего мира*. М., 1925 (перевод статьи «Agrarverhältnisse im Altertum» из *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. Bd I 1909), стр. 161.

⁶⁴ В отличие от таких своих последователей, как Каршtedт и Хазебрёк, Вебер не пытается сгладить своеобразие дорийских государств. Он подчеркивает, что сама типичность Спарты в ряду других полисов была обусловлена обстоятельствами особого рода и прежде всего тем, что это государство возникло в результате завоевания, благодаря чему закрепощение сельского населения приобрело здесь особенно жесткую и развитую форму, а жизнь господствующего класса была с особенной последовательностью регламентирована государством. (Ук. соч., стр. 162).

⁶⁵ U. Kahrstedt. *Griechisches Staatsrecht*. I. Göttingen, 1922. Из работ предшествующего периода можно назвать еще «Историю эллинизма» Ю. Керста, в которой Спарта характеризуется как наиболее полное воплощение основной «идеи» греческого полиса - безраздельного подчинения личности гражданина государству (J. Kaerst. *Geschichte des Hellenismus*. I. Lpz. - B., 1917, стр. 14 сл.).

возникает город-государство в чистой форме (in Reinkultur), каковым и является Спарта»⁶⁶.

Тенденция к сближению Спарты с другими греческими государствами нашла свое подкрепление в археологии. Раскопки, производившиеся в начале XX века английскими археологами на территории Спарты, заставили европейских ученых по-новому взглянуть на раннюю историю этого государства. В результате родилась теория, согласно которой приблизительно до середины VI в. (именно с этого времени, как показывает археология, в Спарте начинается упадок искусства) Спарта оставалась нормальным государством архаического типа. Затем наступил резкий перелом и она превратилась в тот изолированный от внешнего мира лагерь с суровым военно-полицейским режимом, каким ее изображают авторы V-IV вв. до н. э. Непосредственную причину этого перелома многие видели в реформе (или серии реформ), которая придала Спарте ее известный всему миру классический облик. Таким образом, если привлечение этнографических параллелей в работах Нильссона и других исследователей позволяло говорить о «естественном» происхождении спартанских обычаев, о их родстве с обычаями первобытных народов, то археологические открытия начала XX в. представили «ликургов космос» уже в ином свете, как продукт сознательной деятельности безымянных законодателей, датируемый сравнительно поздним периодом спартанской истории. Археология, однако, не могла дать сколько-нибудь определенного ответа на вопрос о характере реформы середины VI в. Поэтому в литературе 20-30-х гг. намечались две прямо противоположные тенденции в решении этой проблемы⁶⁷. Некоторые ученые склонны были видеть в событиях VI в. в Спарте лишь возврат к прошлому, искусственное оживление старых дорийских обычаев и учреждений. Такого мнения придерживался уже Г. Диккинс, впервые высказавший эту мысль⁶⁸. Другие, напротив, усматривали в этих событиях скачок в новое качество. С наибольшей последовательностью и полнотой развивает эту точку зрения в своей «Экономической и социальной истории Греции (до греко-персидских войн)» И. Хазебрёк⁶⁹. Переворот

⁶⁶ U. Kahrstedt. Ук. соч., стр. 380.

⁶⁷ [Подробно о теории «переворота VI в.» см.: Ю. В. Андреев. *Архаическая Спарта: культура и политика*. ВДИ, 1987, № 4, стр. 70-86. - *Ред.*]

⁶⁸ F. G. Dickins. *The Growth of Spartan Policy*. JHS, XXXII, 1912, стр. 19.

⁶⁹ J. Hasehroek. *Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit*. Tübingen, 1931.

середины VI в. до н. э. в Спарте он приравнивает к реформам Солона и Клисфена в Афинах, полагая, что результатом этого переворота было ниспровержение могущества родовой знати и установление власти демоса⁷⁰. Таким образом, Спарта, по мнению Хазебрёка, перешла со стадии аристократического гомеровского государства на стадию полиса. Совершенно парадоксально звучит утверждение Хазебрёка, что именно в Спарте в ходе реформ VI в. сложилась античная демократия в наиболее радикальной ее форме, так как только здесь и на Крите было достигнуто абсолютное политическое и социальное равенство всех граждан⁷¹. Противоположных взглядов придерживается В. Эренберг. В ряде своих работ, посвященных ранней Спарте, он высказывает мнение, что основы ее общественного строя не были затронуты реформами VI в., благодаря чему спартанское государство сохранило характерные черты первобытной военной общины, утраченные другими полисами⁷². Отсюда логически вытекает утверждение, на которое нам уже приходилось выше сослаться: «Спарта - это государство, которое никогда не имело ничего общего с подлинной сущностью полиса»⁷³. Концепция Эренберга - весьма противоречива. Признавая, что Спарта VII-VI вв. до н. э., как и другие греческие государства архаического периода, знала резкое имущественное расслоение граждан и возникающую на этой почве социальную борьбу, «почти революционную» по своему характеру, он тем не менее не объясняет, каким образом в этих условиях могла сохранить свою первоначальную целостность военная община дорийцев со всеми присущими ей институтами⁷⁴. Обеим концепциям - концепции Эренберга,

⁷⁰ *J. Hasebroeck*. Ук. соч., стр. 203 сл.

⁷¹ Там же, стр. 201 сл. Ближайшую параллель изменениям спартанской конституции Хазебрёк находит в демократическом перевороте 412 г. на Самосе (Ук. соч., стр. 204). Вопреки общеизвестным фактам, он утверждает, что в Спарте и на Крите была установлена абсолютная общедоступность государственных должностей, неизвестная даже в Афинах во времена расцвета демократии (Там же, стр. 202).

См. *V. Ehrenberg*. *Spartiaten und Lakedaimonier*. «Hermes», LIX, I, 1924, стр. 37 сл., 59 сл.; *ego же*. *Neugründer des Staates*. München, 1925, стр. 22 сл.; *Sparta*, RE, Hbd. 6, 1929, стб. 1367, 1380; *Der Damos im archaischen Sparta*. «Hermes», LXVIII, 3, 1933, стр. 301.

⁷³ *Neugründer des Staates*, стр. 22; *Der Damos im archaischen Sparta*, стр. 301. Ср., однако, *Spartiaten*, стр. 59.

⁷⁴ *Der Damos im archaischen Sparta*, стр. 299. Расплывчатость концепции Эренберга выражается также и в том, что причины и характер переворота середины VI в. остаются в его изложении весьма неясными. Характерно брошенное им вскользь замечание в статье о Спарте в RE (стб. 1367): «Отделить среди явлений VI-V вв.

равно как и концепции Хазебрёка при их явной противоположности друг другу присущи в общем одни и те же недостатки. Оба автора, следуя М. Веберу, изображают становление полиса как чисто механический процесс увеличения численности правящего сословия, главным движущим фактором в котором является изменение военной техники и переход⁷⁵ от гомеровской тактики поединков к сражению в сомкнутом строю⁷⁵. В обоих случаях применение этого критерия к ранней истории Спарты при крайней скудости источников ведет к большой произвольности оценок. Вместе с тем и Эренберг и Хазебрёк оставляют без внимания ряд важных конкретных вопросов, от решения которых фактически зависит и ответ на основной вопрос о характере спартанского государства. Так, совершенно неразработанным остается у обоих авторов вопрос о сисситиях. Эренберг ограничивается здесь ссылкой на Нильссона⁷⁶, а Хазебрёк почти дословно повторяет рассуждения Пёльмана о «государственном социализме» в Спарте⁷⁷.

Более подробно проблема дорийских мужских союзов освещена в ряде работ предвоенного периода. Среди этих работ в первую очередь следует назвать статьи виднейшего итальянского эпитафиста М. Гвардуччи. Ее работы, как и работа Кирстена, о которой речь будет ниже, представляют собой результат накопления и изучения обширного эпитафического материала в городах Крита (этот процесс стал особенно интенсивным после открытия в 1884 г. большого Гортинского закона). Критским гетериям посвящена статья Гвардуччи, опубликованная в журнале «Historia» в 1935 году⁷⁸. В статье дается подробный обзор источников как литературных, так и эпитафических. Гвардуччи отмечает ряд признаков, сближающих гетерию с таким общегреческим институтом, как фратрия. Вместе с тем она указывает, что гетерия в отличие от фратрии «лишена даже самых бледных следов гентильной окраски» и не имеет никаких связей с такими организациями, как род и племя⁷⁹. Первоосновой гетерий, по мнению

наследие прошлого от примесей более позднего времени по большей части невозможно».

⁷⁵ *V. Ehrenberg*. *Spartiaten und Lakedaimonier*, стр. 57 сл.; *J. Hasebroeck*. Ук. соч., стр. 163 сл.

⁷⁶ *V. Ehrenberg*. Ук. соч., стр. 34.

⁷⁷ *J. Hasebroeck*. Ук. соч., стр. 248 сл.

⁷⁸ *M. Guarducci*. *Note di antichità cretesi*. «Historia», IX, № 3, 1935.

⁷⁹ Ук. соч., стр. 441. Ср. *E. Bücheler und E. Zitelmann*. *Das Recht von Gortyn*. Frankfurt a. M., 1885, стр. 55; *R. Dareste, B. Haussoullier, Th. Reinach*. *Recueil des inscriptions juridiques grecques*. I. P., 1891, стр. 411 (далее - DHR).

Гвардуччи, были товарищеские объединения первых дорийских поселенцев Крита, образованные в интересах взаимной защиты и поддержки (отсюда такая своеобразная их черта, сохранившаяся и в дальнейшем, как коллективные обеды - андрии)⁸⁰. В целом отношение гетерии к фратрии в этой работе Гвардуччи рисуется еще не очень ясно⁸¹.

В дальнейшем исследовательница постаралась сделать свою мысль более четкой. В статье 1937 г. «Институт фратрии в древней Греции»⁸² она вступает в полемику с Г. де Санктисом, по мнению которого, критские гетерии следует рассматривать как наиболее древнюю разновидность фратрии, еще никак не связанную с родом и покоящуюся на чисто товарищеских отношениях (общности стола, ночлега, военной службы и т. д.)⁸³. Фратрия обычного типа с ярко выраженной «гентильной окраской» появляется, согласно этой теории, лишь в сравнительно поздний период в связи с ростом могущества и влияния родовой знати. В противовес гипотезе де Санктиса Гвардуччи выдвигает, на наш взгляд, более вероятное предположение, согласно которому узы родства, первоначально связывавшие членов отдельных гетерий друг с другом, были забыты за время переселений и переосмыслены на новых местах как узы товарищества⁸⁴. Таким образом, гетерия, в представлении Гвардуччи, есть ни что иное, как локальный критский вариант фратрии, своеобразие которого определялось спецификой местных исторических условий⁸⁵. Эта интересная мысль, к сожалению, не получила своего дальнейшего развития ни в работах самой Гвардуччи, ни у других исследователей.

Немало внимания уделяет вопросу о гетериях и андриях также немецкий историк Э. Кирстен в своей диссертации «Остров Крит в

⁸⁰ *M. Guarducci. Ук. соч., стр. 441.*

⁸¹ Из статьи о родосских синномахах, опубликованной в том же журнале (см. *Note di antichita rodie. «Historia», IX, № 3, 1935, стр. 431 сл.*), можно заключить, что гетерии в понимании Гвардуччи не имели даже преемственной связи с дорийскими фратриями, представляя собой совершенно случайные объединения колонистов.

⁸² *M. Guarducci. L'istituzione della fratria nella Grecia antica e nelle colonie greche d'Italia. «Memorie della Accademia nazionale dei Lincei», 6. ser. VI, I (1937); VIII, 2 (1938), стр. 94.*

⁸³ *G. De Sanctis. Ἀτθίς. Storia della repubblica ateniese. Torino, 1912, стр. 41 сл.; ego же. Storia dei greci. Firenze, 1940, стр. 88 слл.*

⁸⁴ *M. Guarducci. Ук. соч., стр. 94 сл.*

⁸⁵ Там же, стр. 95.

V-IV вв. до н. э.»⁸⁶. Эта работа представляет большой интерес содержащейся в ней разработкой конкретных вопросов по истории дорийского Крита. Однако, в конечных выводах, к которым приходит автор, чувствуется тлетворное влияние расистской «нордической» теории. Примером может служить раздел, посвященный сисситиям. В своей работе Кирстен проводит ряд интересных сопоставлений между аналогичными институтами городов Крита и Спарты, стремясь в каждом отдельном случае выявить их локальные особенности. Эти сопоставления убеждают его в том, что по своему характеру общества Спарты и Крита отнюдь не тождественны друг другу. Вопреки мнению Хазебрёка, они стоят на разных стадиях исторического развития. Если конституция критских полисов соответствует «неполитической, естественной общности (Gemeinschaft) воинов-граждан», то Спарта представляет уже более высокую «политическую» форму общества - государство (Staat) в собственном смысле этого слова⁸⁷. В подтверждение этой гипотезы Кирстен ссылается на засвидетельствованные в источниках различия в организации спартанских и критских сисситий. Критские андрии, по его мнению, воплощают в себе древнейший тип этого общегреческого института, восходящий ко временам коллективного хозяйства кочевых племен, которые были предками дорийцев. Устойчивость этого типа сисситий на Крите Кирстен связывает с сохранившимися здесь формами общинного землевладения в виде государственной земли, обрабатываемой мноютами, и так называемых «клеров», к которым были прикреплены земли, находящиеся в частном пользовании граждан⁸⁸. В идеале частная собственность на Крите вообще не существовала, существовала только «собственность общины»⁸⁹. Кирстен, однако, указывает, что со временем, по мере развития, в критских полисах имущественного неравенства граждан сисситии должны были изменить свой первоначальный характер и из учреждения экономического стали политическим институтом, главной целью которого было создание «идеального политического равенства» всех граждан перед лицом их реального экономического неравенства⁹⁰. В то же время Кирстен категорически отвергает возможность каких-либо реформ, которые могли бы путем искусственного

⁸⁶ *E. Kirsten. Die Insel Kreta im fünften und vierten Jahrhundert. Würzburg, 1936.*

⁸⁷ Ук. соч., стр. 181 сл.

⁸⁸ Там же, стр. 138 слл.

⁸⁹ Там же, стр. 140 сл.

⁹⁰ Там же, стр. 143 сл.

вмешательства видоизменить институт сисситий и приспособить его к новым веяниям времени, создав на их основе «государственный социализм», по выражению Хазебрёка⁹¹. В целом, как полагает Кирстен, сохранение этого обычая в городах Крита определялось не какими-нибудь внешними обстоятельствами (например, угрозой со стороны рабов), а только «политической волей граждан к единству и равенству»⁹². Развивая далее эту мысль, Кирстен приходит к выводу, что государственный строй Спарты органически (то есть без скачков и взрывов) вырастает из состояния, подобного состоянию государственного строя Крита в V-IV вв. до н. э. В обоих случаях государство покоится на коллективном образе жизни граждан (*Gemeinschaftsleben*), хотя на Крите этот основной принцип был еще неосознан, тогда как Спарта уже поднялась до его осознания⁹³. Нет надобности говорить о полной ненаучности этих положений. В них без труда можно узнать лишь слегка замаскированные под современную науку рассуждения К. О. Мюллера о метаморфозах дорийского национального духа.

Особое место в предвоенной литературе вопроса занимает книга А. Жанмэра «Курсы и куреты»⁹⁴. Это фундаментальное исследование охватывает огромный материал по греческой истории, религии и мифологии. Основная тема работы Жанмэра - обычаи и обряды, связанные с мужскими союзами. Книга как бы подводит итог всей предшествующей работе, проделанной в этом направлении Финзлером, Гаррисон и Нильссоном. Подобно двум последним авторам, Жанмэр широко использует этнографический материал. Специальный раздел книги посвящен инициациям и возрастным классам современных африканских народов. На сопоставлении данных античной традиции с данными этнографии построены наиболее удачные главы в работе Жанмэра. Таковы главы, посвященные анализу ритуала афинских празднеств, связанных с культами Тезея и других покровителей юношества, исследование дельфийского Стептериона и, наконец, завершающая книгу попытка интерпретации предания о Ликурге (на наш взгляд, наиболее убедительная из всех известных в литературе). И, наоборот, там, где этнографические параллели используются недостаточно и автор вступает на зыбкую почву теоретических построений,

91 E. Kirsten. Ук. соч., стр. 142.

92 Там же, стр. 147.

93 Там же, стр. 181 сл. Ср. Н. Berve. Sparta. Lpz., 1937, стр. 39 слл.

94 Jeanmaire. Couroi et couretes. Lille, 1939.

стр.

он терпит провал. В первую очередь это относится к разделам, в которых рассматриваются вопросы о гомеровских и дорийских мужских союзах. Здесь Жанмэр выступает как циклист, последователь теории Каршtedта. Превратно толкуя факты, говорящие о существовании мужских союзов и возрастных классов в гомеровский период, а затем в Спарте и на Крите, он конструирует схему эволюции греческого «феодализма». Эта схема складывается из трех основных стадий. На первой из них господствует абсолютная монархия (типа восточной деспотии). Вокруг царя, который как суверен осуществляет верховное право собственности на территории всей страны, группируется господствующая военная каста - лаос. На ее содержание царь расходует те средства, которые он получает со своего темена, а также дань подвластного населения - демоса. Для этого периода характерна особая форма обедов царя со своей дружиной⁹⁵. На следующей стадии царская власть приходит в упадок. Темен базилия и его «почесть» (право взимания дани) распределяются между знатью сначала в качестве бенефициев, а затем на правах частной собственности. Пиршества аристократов теперь меняют свою форму, основываясь на складчине (как в спартанских фидитиях), либо на взаимных угощениях⁹⁶. Однако, иерархическая структура общества сохраняется и в этот период. Наиболее влиятельные аристократы окружают себя дружинами гетеров. Сохраняют свою силу вассальные отношения между старшими и младшими членами аристократического сословия (*γέροντες* и *κοῦροι*)⁹⁷. Заключительной стадии в эволюции греческого «феодализма» соответствует общественный строй дорийских государств (прежде всего Спарты). В ее классической форме спартанская социальная организация, по мнению Жанмэра, является результатом революции, в ходе которой рамки старой аристократии (*λαός*) были расширены за счет включения в ее состав части демоса. Однако это новое общество было организовано по образу и подобию старого как военная аристократия, состоящая из держателей ленных наделов (клеров), и связанных с ними привилегий (участие в сисситиях)⁹⁸. Сочетание в работе

95 Н. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 87.

96 Там же, стр. 80, 88 слл.

97 Там же, стр. 28 слл. Подобную же характеристику гомеровского общества дает в своих работах и Нильссон (см. M. P. Nilsson. Das homerische Königtum. «SB Preuss. Akad. d. Wiss.», 1927; ego же. Homer and Mysenae. L., 1933, стр. 230 слл.). Характерно замечание Нильссона в первой из этих работ (стр. 30), что такие термины, как «мужские союзы» или «возрастные классы», неприемлемы для обозначения объединений гомеровских гетеров.

Жанмэра передовых методов исследования (использование этнографических параллелей) с примитивной исторической концепцией раннего циклизма характерно как свидетельство глубокого кризиса буржуазной науки.

Из работ последнего периода, в которых затрагивается проблема дорийских мужских союзов, наибольший интерес представляет книга К. Краймса «Древняя Спарта»⁹⁹. Основной стержень, вокруг которого строится исследование Краймса, - ретроспективное использование поздних спартанских надписей для восстановления институтов классического и даже архаического периодов. Надписи, которые привлекает Краймс, распадаются на две категории: 1) посвящения эфебов-победителей в *λαϊδικός οὐρανός*; 2) списки должностных лиц, в которых уже взрослые спартанцы перечисляют звания, полученные ими за время прохождения срока эфебии. Анализ этого материала позволил английской исследовательнице восстановить организацию спартанских агел такой, какой она была в период после римского завоевания. Краймс, однако, допускает, что эта организация могла сохранить основные черты системы *οὐρανός*, существовавшей в более ранний период в эллинистической, а также в классической Спарте. Перекинув, таким образом, «мостик» между эпиграфикой и литературной традицией, Краймс приступает к реконструкции первоначальной формы спартанских и критских мужских союзов (она не находит существенной разницы между теми и другими). Типичный дорийский мужской союз (гетерия или фидитий) изображается Краймсом, как организация, имеющая сложную внутреннюю структуру и окруженная сверх того сетью дочерних союзов - агел, которые служат источником ее пополнения. В центре каждой такой организации стоит андрий - группа мужчин, принадлежащих к одному и тому же аристократическому семейству. Остальные члены гетерии вербуются аристократами, входящими в состав андрия, из людей, принадлежащих к низшим сословиям с помощью разного рода личных союзов: агел, любовных связей и т. д.¹⁰⁰ По мнению Краймса, строго иерархическая структура союзов, рассчитанная на подчинение массы их рядовых членов родовой знати, ведет свое происхождение от времени «феодальных» смут и борьбы между отдельными аристократическими группировками за власть¹⁰¹. В Спарте предел этим смутам был положен в конце IX в.

⁹⁹ К. М. Т. Chrimes. *Ancient Sparta*. Manchester, 1949.

¹⁰⁰ Ук. соч., стр. 237 сл.

¹⁰¹ Там же, стр. 220 сл.

до н. э. Ликургом, который, во-первых, поставил мужские союзы под контроль государства, во-вторых, наряду с уже существующими аристократическими объединениями этого рода и по их образцу создал новые союзы (фидитии), включающие в свой состав новых граждан и их «приверженцев» (picked dependants). Таким образом, начался переход от «феодального» к «тоталитарному» государству¹⁰².

Эта гипотеза была подвергнута резким нападкам в научных журналах сразу же после выхода в свет книги Краймса. Главным ее недостатком рецензенты считают недопустимое, с их точки зрения, привлечение позднего эпиграфического материала для интерпретации сообщений древних о спартанских и критских обычаях в V-IV вв. до н. э.¹⁰³ На наш взгляд, однако, метод, используемый Краймсом, вполне приемлем в научном исследовании, а возможность определенной преемственности между сходными институтами классического и римского периодов - вполне реальна. Слабость гипотезы Краймса заключается в другом. Ее попытка сконструировать идеальную схему дорийского мужского союза не имеет твердой фактической основы, несмотря на привлечение данных эпиграфики. Более того, Краймс часто игнорирует или отбрасывает как ненадежные свидетельства источников, которые в чем-либо противоречат ее схеме. В представлении английской исследовательницы все институты такого рода, как сисситии, мужские дома, агелы и даже похищение мальчиков на Крите образуют систему, действующую, как единый, четко слаженный механизм. Работы Шурца, Гаррисона, Жанмэра и др. показали, что все эти обычаи, действительно, находятся в тесном родстве между собой и когда-то были, очевидно, элементами единого социального комплекса. Однако, такой комплекс, конечно, не мог сохранять свое единство на протяжении тысячелетий. Рано или поздно отдельные его элементы разрывают связи, соединяющие их друг с другом, и начинают развиваться самостоятельно. Примеры таких процессов дает современная этнография¹⁰⁴. В том, что на Крите и в Спарте этот процесс распада естественно возникшего комплекса обычаев уже завершился в исторический период, не приходится сомневаться. Правда, можно

¹⁰² К. М. Т. Chrimes. Ук. соч., стр. 245 сл., 425.

¹⁰³ См., например, А. М. Woodward. «Historia», I, 1950, стр. 616-634; JHS, LXXIII, 1953, стр. 171-173.

¹⁰⁴ У многих горских племен Кавказа еще в недавнее время можно было встретить реликты таких институтов, как мужские дома, возрастные классы и инициации. Однако, никакой видимой связи между ними не наблюдалось (подробнее см. ниже, стр. 135).

допустить, что обычаи, связанные с кругом мужских союзов, в дорийских полисах обрели новое искусственное единство под эгидой государственной власти. Маловероятно, однако, что за основу этой унификации была взята «феодалная» схема Краймса, хотя союзы иерархического типа могли существовать и в Спарте и на Крите в период, предшествующий становлению полиса.

Опубликованные после выхода в свет книги Краймса работы Мишела и Хаксли¹⁰⁵ ничего существенного в разработке вопроса о мужских союзах не добавляют. Среди работ последних лет, посвященных ранней истории Спарты, заслуживает внимания книга западногерманского историка Фр. Кихле «Лакония и Спарта»¹⁰⁶. Подобно Краймсу, Кихле считает, что первоначальное состояние спартанского государства характеризовалось господством «феодалной родовой знати» (feudale Geschlechtermacht)¹⁰⁷. На Крите это соотношение сил сохранялось вплоть до периода эллинизма. В Спарте родовая знать, хотя и не утратила свои прежние политические позиции, вскоре после II Мессенской войны вынуждена была пойти на некоторые уступки демосу. Кихле характеризует этот сдвиг во внутренней политике Спарты, как «дорийско-демократическую реформу», вызванную «сознательной реакцией против аристократической культуры VII в., находившейся под ионийским влиянием». Эта реакция «оживила дорийский характер Спарты и показала его подлинную ценность»¹⁰⁸. Реформа, которую Кихле датирует серединой VI в. до н. э., привела, по его мнению, во-первых, к усилению эфората, и, во-вторых, к установлению спартанской дисциплины в ее классической форме. Как мы видим, понимание Кихле ранней истории Спарты не отличается существенно от понимания этого периода Эренбергом, Хазебрёком и другими историками предшествующего поколения. Однако, многие из конкретных замечаний, рассеянных в его книге, представляют большой интерес. Таковы, например, его мысли о соотношении критской и спартанской форм сисситии и о их связи с системой землепользования в обоих районах¹⁰⁹.

¹⁰⁵ H. Michell. Sparta. Cambridge, 1952; G. L. Huxley. Early Sparta. L., 1962.

¹⁰⁶ F. Kiechle. Lakonien und Sparta. München - B., 1963.

¹⁰⁷ Ук. соч., стр. 133.

¹⁰⁸ Там же, стр. 249, 256. Ср. P. Roussel. Sparte. P., 1960, стр. 34 слл.; E. N. Tigerstedt. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Stockholm, 1965, стр. 68 слл.

¹⁰⁹ Там же, стр. 205 слл.

Наряду с работами по истории Спарты в послевоенные годы увидели свет две крупные монографии, посвященные дорийскому Криту. Первая из них написана известным французским эпиграфистом А. ван Эффентером и носит в основном источниковедческий характер¹¹⁰. В разделе, посвященном общественному строю Крита в IV в. до н. э., ван Эффентер специально останавливается на вопросе о сисситиях¹¹¹. Он пытается проследить эволюцию этого института от военных союзов с суровым внутренним режимом, каким их изображает Платон, к мирным обеденным клубам у Аристотеля. Эта попытка нам представляется, однако, неудачной. Ван Эффентер забывает, что источники, которыми он пользуется, далеко не равнозначны по своему характеру. Он явно переоценивает значение свидетельских показаний Платона, не проводя четкой грани между утопическими конструкциями последнего и реальными историческими фактами.

Несмотря на этот недостаток, схема, выдвинутая ван Эффентером, была принята также английским историком Р. Уиллетсом в его книге «Аристократическое общество на Крите»¹¹². В отличие от ван Эффентера, Уиллетс пытается как-то объяснить происхождение критских сисситий. Однако, этот вопрос он решает в значительной мере эклектично, следуя, с одной стороны, Жанмэру и указывая, что сисситии были порождением «монархического периода, когда «царские люди» кормились на счет общины»¹¹³, и в то же время, подобно Гвардуччи и де Санктису, отмечая сходство гетерий с афинскими фратриями¹¹⁴. В самой общей форме Уиллетс определяет систему сисситий, как результат приспособления дорийской родо-племенной организации к социальной структуре минойского Крита. Он пишет в этой связи: «В результате процесса завоевания и подавления дорийцы стали хозяевами в уже существующей кастовой системе, восходящей к бронзовому веку»¹¹⁵. Эта гипотеза вызывает, однако, серьезные возражения, так как, по сути дела, игнорирует качественное различие между минойским дворцом и дорийским полисом¹¹⁶, различие, в основе

¹¹⁰ H. van Effenterre. La Crète et le monde grec de Platon à Polybe. P., 1948.

¹¹¹ Ук. соч., стр. 88 сл.

¹¹² R. F. Willens. Aristocratic Society in Ancient Crete. L., 1955, стр. 25.

¹¹³ Ук. соч., стр. 20 сл.

¹¹⁴ Там же, стр. 24. Уиллетс идет дальше Гвардуччи, включая гетерию в состав трехчленной формулы: старт (род), гетерия (фратрия), фила (стр. 27 сл.).

¹¹⁵ R. E. Willens. Cretan Cults and Festivals. L., 1962, стр. 40.

¹¹⁶ Ср. Aristocratic Society, стр. 250 сл.

которого лежит, несомненно, глубокий разрыв в историческом развитии Крита в переходный период.

Первым, кто обратил серьезное внимание на проблему мужских союзов в советской литературе, был С. Я. Лурье. Еще в 1927 г. вышла его статья (на немецком языке) о милетском союзе мольпов 117. Западноевропейские ученые, изучавшие эту своеобразную организацию до Лурье, рассматривали ее как обычное культовое объединение 11⁸. Лурье впервые, используя доступный ему этнографический материал, увидел в мольпах то, чем они и были на самом деле, - реликтовую форму первобытного мужского союза 11⁹. Благодаря этому получила еще одно весьма веское подтверждение гипотеза Шурца о широком распространении этого института в древнейшей Греции. Пытаясь определить место, занимаемое мольпами рядом с другими формами мужских союзов, Лурье указывает, что по своему происхождению этот союз моложе спартанских фидитиев, так как его состав был более ограниченным 1²⁰. В то же время, по его мнению, оба типа союзов

117 S. Luria. Ein milesischer Männerbund. «Philologus», LXXXIII, 2, 1927.

118 Так, например, U. von Wilamowitz-Moellendorf. Satzungen einer milesischen Sängergilde. «SB Preuss. Akad. Wiss.», 1904; O. A. Danielsson. Zu der milesisischen Molpen- Inschrift. «Eranos», XIV, I, 1914 слл.; см. также F. Poland. Молтои. RE. Suppl.-Bd. VI, 1933.

119 [Были некогда союз мольпов действительно мужским союзом, не столь уж ясно. Гораздо важнее прямое указание на их существование у ионийцев (и специально у милетян), восходящее к доисторическим временам. Геродот I, 146, 2 рассказывает о переселении ионийцев в Азию следующее: «Те же из них, которые отправлялись в путь от афинского пританея и считали себя самыми родовитыми из ионийцев, так вот они не привели с собою на поселение женщин, но завладели кариянками, родителей которых они убили. По причине этого убийства женщины обязали самих себя установить под клятвой правило и передали своим дочерям, никогда совместно не вкушать пищи с мужьями и не называть по имени своего мужа, того ради, что они убили их отцов, мужей и детей, и совершив это, стали с ними сожительствовать. А события эти имели место в Милете». Интерпретация текста совершенно прозрачна: колонисты отправляются в путь от пританея, который, по видимому, первоначально состоял «из мужчин и детей» (Н. Обвайтцер. Alterklassen und Männerbünde. Berlin, 1902, стр. 313 сл.), причем без женщин, т. е. именно всем составом мужского союза; история с кариянками - очевиднейшая этимология, призванная объяснить, почему мужчины питаются не дома, а в особых *андрейонах*. Ср. M. M. Westington, «Classical Journal», XL, 1944—1945, стр. 495 сл. Рассказ Геродота позволяет предполагать, что такие «мужские дома» существовали в Милете по меньшей мере вплоть до катастрофы 494 г. Вопрос о том, каким образом и в какой среде могла сохраниться эта традиция, должен рассматриваться отдельно. - Ped.]

120 A. S. Luria. Указ. соч., стр. 129 Социальные движения в древней

восходят к весьма отдаленной минойской эпохе в истории Эгеиды и, очевидно, были восприняты греками у их предшественников, населявших Балканский полуостров и прилегающие острова 121. Эта точка зрения получила свое дальнейшее теоретическое развитие в другой работе С. Я. Лурье «История античной общественной мысли» 122. Автор резко противопоставляет здесь греков, живших до своего поселения на Балканах большими кочевыми ордами, коренному населению Греции, рассеянному по небольшим, изолированным друг от друга общинам. Условия жизни этих общин породили у них потребность в «тесной сплоченности и военной организации». На этой почве и возникли мужские союзы. У греков-кочевников, напротив, такой потребности не было, и поэтому их объединения строились по принципу кровного родства, а безопасность орды обеспечивалась «небольшой группой специалистов» - царем и его приближенными. Теория эта не находит какого-либо подтверждения в данных этнографии 123. Поэтому в последующих работах Лурье мы ее уже не встречаем. Однако, мысль о том, что мужские союзы в Спарте и городах Крита были наследием крито-микенской эпохи, проводится им и в дальнейшем 124. К вопросу о мужских союзах Лурье возвращается в ряде своих последних работ. Большой интерес представляет его попытка найти доказательства существования организаций этого рода в пилосских документах 125.

В работах других советских историков, даже занимавшихся специально историей дорийских государств, интересующая нас проблема не получила сколько-нибудь широкого освещения. В большинстве случаев вся сложность вопроса о сисситиях исчерпывается несколькими отрывочными замечаниями. Так, А. В. Бергер отмечает классовый характер спартанских сисситий, указывая в то же время на их связь с первобытными мужскими домами 126. Р. В. Шмидт пытается определить место, занимаемое гетериями в родо-племенной организации

121 S. Luria. Ук. соч., стр. 136.

мысли. I. М.-Л., 1929, стр. 29 слл. союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии. В кн.: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958 1961 гг. П. М., 1963, стр. 203 сл.

124 С. Я. Лурье. История Греции. Т. I. Л., 1940, стр. 167 слл.

125 С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М. - Л., 1957, стр. 226 слл.; его же. Burgfrieden in Sillyon. «Klio», 37, 1959; Kureten, Molpen, Aisymneten. «Acta Antiqua Acad. Scient. Hungaricae», XI, 1-2, 1963.

Спарте. М., 1936, стр. 29 слл.

критских дорийцев, отождествляя их с фратриями, в то время, как так называемые старты соответствуют в ее схеме родам¹²⁷. Подобную же схему деления критского общества мы находим и в диссертации Л. Н. Казамановой «Социально-экономический строй Крита в V-IV вв. до н. э.»¹²⁸. В своей монографии на ту же тему она продолжает настаивать на родовом характере гетерий, не пытаясь, однако, как-то доказать этот важный тезис¹²⁹.

Подведем итоги. Какие выводы следуют из проделанного выше обзора литературы за почти полтора десятилетия? Твердо установленными можно считать лишь некоторые факты из того круга вопросов, которые охватывает стоящая перед нами проблема. Так, не вызывает сомнений в настоящее время общность происхождения дорийских мужских союзов и мужских союзов современных отсталых народов.

Спартанские фидитии и критские гетерии - лишь одна из разновидностей этого широко распространенного института. Это достаточно убедительно доказывают работы Шурца, Нильссона и Жанмэра. Неоспоримо доказано далее, что в самой Греции сфера распространения мужских союзов не ограничивалась только Спартой и Критом. Их следы обнаружены в гомеровских поэмах, в мифологии, в ритуале важнейших празднеств, в религиозных объединениях типа мольпов и т. д. С этой точки зрения дорийские союзы не представляют собой чего-то уникального в истории Греции, да и всего человечества.

Своеобразие их заключается в другом. В огромном большинстве случаев институт мужских союзов встречается у народов, стоящих на низких ступенях общественного и культурного развития. У народов, уже перешагнувших грань, отделяющую классовое общество от бесклассового, родовый строй от государства, они чаще всего выступают как реликтовая форма социальной организации, уже не оказывающая определяющего влияния на жизнь общества¹³⁰.

¹²⁷ Р. В. Шмидт. О непосредственных производителях на Крите. ПИДО № 9-10, 1935, стр. 46.

¹²⁸ Л. Н. Казаманова. Социально-экономический строй Крита. Автореф. канд. дисс. М., 1951, стр. 11.

¹²⁹ Л. Н. Казаманова. Очерки социально-экономической истории Крита V-IV вв до н. э. М., 1964, стр. 93.

¹³⁰ См. для Средней Азии - С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 307 слл.; Снесарев. Ук. соч.; для древнего Ирана - К. В. Тревер. Древне-иранский термин «рагна». «Изв. АН СССР, серия истории и философии», т. IV, № 1, 1947; для

Заметим, что племена Западной и Центральной Африки, Меланезии и Северной Америки, у которых мужские союзы достигли особенно пышного расцвета в форме так называемых «тайных обществ» (см. ниже), в тот период, когда эти районы Земного шара стали объектом европейской колонизации, находились еще на различных стадиях разложения первобытно-общинного строя, не дойдя до уровня классового общества в собственном смысле этого слова¹³¹. Напротив, дорийская форма мужских союзов ассоциируется с четким делением общества на классы, с несколько примитивным, но в целом уже достаточно развитым государственным аппаратом¹³².

Все это уже а priori делает невозможным постулируемое Эренбергом, Кирстенем и отчасти Уиллетсом сохранение дорийской племенной организации и в частности ее важнейшего элемента - системы сисситий в их чистом виде в период, когда рабовладельческое государство в Спарте и на Крите уже получило свою окончательную форму. Неубедительным представляется нам и другой вариант той же гипотезы, согласно которому институт мужских союзов пришел в упадок в период смут, предшествовавших становлению государства, а затем был возрожден волей законодателя в своем прежнем виде без каких-либо изменений¹³³.

Своеобразие дорийской формы мужских союзов в сравнении с теми их формами, которые мы находим как у современных отсталых народов, так и у древних (например, у гомеровских греков), заключается в их особой устойчивости в условиях классового общества и германцев - L. Weiser. Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde. Baden, 1927; O. Höfler. Kultische Geheimbünde der Germanen. I. Frankfurt a. M., 1934.

¹³¹ Народы Африки, под ред. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина. М., 1954, стр. 272; Ж. Сторэ-Каналь. Африка Западная и Центральная. М., 1961, стр. 76, 108, 110; С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии. СЭ, 1933, № 3, стр. 81 слл.; Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961, стр. 81 сл. Пример йоруба (Западный Судан), у которых мужские союзы продолжают играть активную политическую роль в рамках феодального государства (Народы Африки, стр. 278), следует признать скорее исключением из правила.

¹³² Культурная отсталость Спарты и Крита, по мнению ряда ученых, является результатом деградации [См. Ю. В. Андреев. Архаическая Спарта. Культура и политика. ВДИ, 1987, № 4, стр. 70-86 и другие работы Ю. В., указанные в Предисловии. - *Ред. J.*]

¹³³ Кроме названной уже работы Диккинса, см. J. Wells. Studies in Herodotus. Oxford, 1923, стр. 50; U. Wilcken. Griechische Geschichte. München - B., 1924, стр. 73 слл.; H. Berve. Sparta. «Historische Viertel-Jahrschrift», XXV, 1929, стр. 9 слл.; F. Kiechle. Ук. соч., стр. 249; E. N. Tigerstedt. Ук. соч., стр. 69.

государства. При этом, особенно важно отметить, что эта устойчивость не была устойчивостью пережитка. Дорийские союзы не превратились в танцевальные клубы (по словам Шурца¹³⁴, участь большинства мужских союзов при переходе на более высокие ступени культурного развития). Они продолжали оставаться важнейшим, неотъемлемым элементом в политической системе дорийских государств, так же, как и в свое время в племенной организации дорийцев - завоевателей Пелопоннеса и Крита. Трудно представить, чтобы при всех пертурбациях, сопровождавших переход от родового строя к государству, союзы не претерпели серьезных изменений, которые затрагивали бы саму природу этого института. К сожалению, даже те немногие исследователи, которые, как Нильссон, признают, что между дорийской и первобытной¹³⁵ формами союзов существуют определенные различия, не уделяют должного внимания этому вопросу, вследствие чего здесь остается еще очень много неясностей. Поэтому главная задача, которую мы ставим перед собой в настоящем исследовании, заключается в том, чтобы установить, что отличает дорийские мужские союзы, известные нам по источникам классического и эллинистического периодов, от аналогичных организаций более раннего времени. Ответить на этот вопрос означало бы в то же время осветить причину особой устойчивости института мужских союзов в Спарте и городах Крита. Сразу же оговоримся: окончательное решение стоящей перед нами проблемы в настоящее время едва ли возможно. Материал источников слишком скуден и хронологически распределен крайне неравномерно. Большая часть литературных свидетельств падает на IV в. до н. э. (Ксенофонт, Эфор, Платон, Аристотель), эллинистический и даже римский периоды (авторы из сборника Афиная, Плутарх). Наиболее важные критские надписи датируются в основном V в. Для более раннего периода источники, если не считать одного фрагмента Алкмана и одной весьма лапидарной надписи из Дрероса, практически отсутствуют. В какой-то степени этот пробел может быть восполнен за счет привлечения параллельного материала эпоса, данных этнографии и т. д. Тем не менее, каковы бы ни были наши конечные выводы, они в значительной мере будут носить гипотетический характер.

¹³⁴ Н. Schurtz. Ук. соч., стр. 206, 366.

¹³⁵ К недостаткам работы Нильссона нужно отнести также недифференцированный подход к первобытным мужским союзам, что, естественно, затрудняет и правильную оценку положения дорийских союзов среди других разновидностей этого института.

В свете всего изложенного выше стоящая перед нами проблема распадается на ряд конкретных вопросов. Важнейшие из этих вопросов следующие: 1) отношение дорийских мужских союзов к союзам современных отсталых народов; 2) соотношение гомеровской и дорийской форм мужских союзов; 3) мужские союзы и дорийская родо-племенная организация; 4) функции мужских союзов в системе дорийского полиса.

Учитывая то значение, которое представляет для избранной нами темы материал современной этнографии, мы считаем своей обязанностью дать в начале работы хотя бы краткую справку об основных формах и разновидностях мужских союзов.

* * *

Институт мужских союзов уходит своими корнями в отдаленную эпоху становления человеческого общества¹³⁶. В его основе лежит простейшее деление первобытной орды на две поло-возрастные группы: группу женщин и детей и группу взрослых мужчин. Это деление обусловлено рядом факторов, среди которых главную роль играет половое разделение труда в первобытном обществе и тесно связанная с ним половая табуация, господствовавшая в определенные периоды жизни орды¹³⁷. Простейшую форму изоляции полов еще в недавнее

¹³⁶ Вопрос о мужских союзах и связанных с ними обрядах и обычаях изучен слабо. При наличии многочисленных полевых исследований, проведенных в различных районах Земного шара, обобщающие теоретические работы крайне редки. Практически в настоящее время мы вынуждены пользоваться двумя книгами, написанными еще в начале XX столетия. Это уже упоминавшаяся работа Шурца «Мужские союзы и возрастные классы» и книга американского этнографа Г. Уэбстера «Первобытные тайные общества» (Н. Webster. Primitive Secret Societies. N.Y., 1908. 2-е изд. 1932 года не отличается существенно от первого). В литературе отсутствует четкое определение самого термина «мужской союз». Если Шурц использовал его в самом широком, родовом значении, покрывающем любую форму обособления мужчин от противоположного пола в первобытной общине, то современные западные этнографы вообще воздерживаются от употребления этого термина, заменяя его расплывчатыми и не всегда правильными по существу определениями «тайное общество», «племенное общество», просто «общество» и т. д. В советской этнографической литературе термин «мужской союз» чаще всего используется для обозначения той разновидности этого института, которая в книге Шурца названа «тайными союзами» (см. С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии. СЭ, 1933, № 3, стр. 79; статья «Мужские союзы» в БСЭ², т. 28; ср., однако, В. И. Равдоникас. История первобытного общества. II. Л., 1947, стр. 92; Снесарев. Ук. соч., стр. 203).

¹³⁷ Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962, стр. 343 сл.; ср. С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. ПИДО, № 9-10, 1935, стр. 25.

время можно было наблюдать у ряда наиболее отсталых племен Центральной Австралии. Наглядным проявлением этой изоляции было разделение лагеря локальной группы туземцев на две половины - мужскую и женскую¹³⁸. У одного из карликовых племен Юго-Западной Африки бергдма подобная же сегрегация наблюдается во время еды. Мужчины готовят и затем съедают охотничью добычу у «священного огня» в центре лагеря. Женщины и дети довольствуются тем, что им удастся собрать в течение дня в лесу¹³⁹. Уже на ранних ступенях развития культуры обособление группы взрослых мужчин внутри первобытной орды получает свое религиозное оформление в обряде инициаций. Смысл многих элементов этого обряда до сих пор еще остается неясным и по-разному трактуется различными учеными, однако его связь с половым членением общины не вызывает сомнений. Характерная черта инициаций в их классической австралийской форме - подчеркивание противоположности и даже враждебности в отношениях между полами. Мужская половина племени выступает во время инициаций как замкнутая, обособленная группа, резко противостоящая женщинам и детям обоего пола. Все действия этой группы окутывает ореол таинственности, загадочный для непосвященных. Не случайно также, что важнейшим обрядовым элементом австралийских инициаций является переход посвящаемого из женского лагеря в мужской и затем длительная его изоляция от представительниц противоположного пола, запрещение вступать в половые отношения и т. д.¹⁴⁰

Следует, однако, заметить, что в своем чистом виде половая дихотомия первобытной общины встречается крайне редко. Даже у народов, стоящих на низших ступенях общественного развития (как австралийцы, адаманцы, ведда, африканские пигмеи и т. д.), в тот период, когда они были открыты европейской наукой, господствующей была уже парная семья, а групповой брак сохранялся лишь пережиточно (например, австралийская система брачных классов). Результатом перехода к парной семье было усложнение первоначального деления общины и появление наряду с двумя основными поло-возрастными группами мужчин и женщин еще одной группы, включающей

138 B. Malinowski. The Family among the Australian Aborigines. L., 1913, стр. 265.

139 R. Thurnwald. Economics in Primitive Communities. L., 1932, стр. 16 сл.; W. Schmidt. Das Eigentum auf dem ältesten Stufen des Menschheit. I. Münster in Westfalen 1937 стр. 231.

140 Народы Австралии и Океании, под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова М 1956, стр. 177 сл.

в свой состав юношей, уже достигших половой зрелости и прошедших через обряд инициаций, но еще не имеющих жен. Именно эти холостяки и занимают теперь мужскую половину лагеря, тогда как женатые мужчины предпочитают жить со своими семьями в отдельных хижинах. Выделение холостой молодежи в особую группу, занимающую специально для нее предназначенную часть лагеря, типично для большинства австралийских племен¹⁴¹. Обрядовая изоляция подростков в период инициаций служит, таким образом, как бы прелюдией их последующей самостоятельной жизни в мужском лагере.

У оседлых народов, переходящих от охоты и собирательства к примитивному земледелию, деление племени на три поло-возрастных группы, наблюдаемое уже у австралийцев, окончательно закрепляется благодаря появлению так называемых мужских домов. Мужские дома имеют почти универсальное распространение среди отсталых народов Земного шара. Однако функции сооружений этого рода могут быть весьма различными в зависимости от уровня культурного развития того или иного племени. В своей элементарной форме, наблюдаемой у таких народов, как папуасы Новой Гвинеи, индейцы тропических лесов Южной Америки, отчасти жители островов Меланезии и Микронезии, мужской дом представляет собой постройку, резко выделяющуюся своим видом и размерами среди всех других домов поселка¹⁴². Как правило, в дневное время он служит постоянным местопребыванием всех взрослых мужчин племени, а неженатая

141 B. Malinowski. Ук. соч., стр. 159, 263. В Австралии строгость изоляции холостяков в значительной мере усугубляется господствующей здесь геронтократией, которая делает неизбежной монополию стариков на молодых женщин, однако за пределами этого континента в мужских лагерях и мужских домах обычно процветает добрая половая свобода, что следует, очевидно, считать более типичным для ранних стадий развития института (см., например, V. Elwin. The Muria and their Ghotul. Bombay, 1947, стр. 270 сл.).

142 Нередко в одной деревне имеется несколько мужских домов, каждый из которых принадлежит одному роду или фратрии. Иногда же, наоборот, каждый род или фратрия имеет в общедеревенском мужском доме свое особое помещение (см. P. Wirz. Die Marind-Anim von Holländisch-Süd-Neu-Guinäa. I. 1. Hamburg, 1922, стр. 162 сл.; R. Thurnwald. Banaro Society. «Memoirs of the Amer. Anthropol. Association», III, 4, 1916, стр. 255 сл.; CG Seligmann. The Melanesians of British New Guinea. Cambridge, 1910, стр. 224 сл., 334 сл.; H. Nevermann. Masken und Geheimbünde in Melanesien. B., 1933, стр. 51; E. Schlessier. Die Melanesischen Geheimkulte. B. - Frankfurt - Göttingen, 1958, passim; ego же. Die Erscheinungsformen des Männerhauses und Klubwesens in Mikronesien. S'-Gravenhage, 1953, стр. 143 сл.; C. Nimuendaju. The Social Structure of the Ramko Kamekra. «American Anthropologist», 40, 1, 1938; J. Haeckel. Zweiklassensystem, Männerhaus und Totemismus in Süd-Amerika. «Zeitschrift für Ethnologie», 71, 1939.

молодежь остается здесь также и на ночлег¹⁴³. У всех перечисленных племен мужской дом является местом средоточия мужских промыслов в отличие от семейных хижин, где ведут свое хозяйство женщины. Так, на Каролинских островах (Микронезия) в нем собираются мужчины перед выездом на коллективную рыбную ловлю. Здесь же строятся и хранятся боевые лодки туземцев¹⁴⁴. Нередко мужской дом превращается в своеобразное родовое святилище. Здесь хранятся изображения предков-мужчин, их черепа и кости, музыкальные инструменты и т.п. предметы культа¹⁴⁵.

Половозрастное деление племени, внешним выражением которого является институт мужских домов, на этой стадии развития еще ничем принципиально не отличается от его элементарной австралийской формы. В его основе по-прежнему лежит разделение труда внутри общины между группой мужчин-охотников (или рыболовов) и группой женщин, на плечах которых лежит вся основная работа в земледелии. Такое разделение труда существует, например, у лесных индейцев Южной Америки¹⁴⁶. Там, где земледелие является основным источником существования племени (как на Новой Гвинее), мужчины принимают в нем активное участие. Однако и в этом случае за ними закрепляются лишь определенные виды работ, требующие большой физической силы и исполняемые обычно коллективно (к таким работам относятся расчистка леса под пашню, огораживание полей, первичная грубая обработка земли). Все остальное делают опять-таки женщины¹⁴⁷.

¹⁴³ У некоторых наиболее отсталых племен Новой Гвинеи (например, племя марииним в южной части острова) мужчины вместе с холостой молодежью живут совершенно отдельно от женщин и детей, в мужском доме. (*Wirz*. Ук. соч., стр. 37). В других районах мужчины обычно остаются на ночлег в мужском доме во время таких предприятий, как война или охота (*J. Haeckel. Männerhäuser und Festplatzanlagen in Ozeanien und östlichen Nordamerika*. «Baessler Archiv», 23,1,1940, стр. 10 сл.).

¹⁴⁴ *E. Schlesier. Die Erscheinungsformen des Männerhauses*, стр. 126 слл.

¹⁴⁵ *H. Nevermann*. Ук. соч., стр. 29 слл. У многих папуасских племен наблюдается сосуществование нескольких типов мужских домов, каждый из которых имеет свое особое назначение. Чаще всего в одном из этих помещений живут неженатые юноши, тогда как другое используется для разного рода религиозных целей (например, для устройства инициации, см., *C. G. Seligmann*. Ук. соч., стр. 224 сл. 259 сл.; *J. Haeckel. Männerhäuser und Festplatzanlagen*, стр. 9 сл.).

¹⁴⁶ Народы Америки, под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева. Т. 2. М., 1959, стр. 315 сл.

¹⁴⁷ *E. Schlesier. Die melanesischen Geheimkulte*, стр.313; *С. А. Токарев*. Родовой строй в Меланезии. СЭ, 1933, № 2, стр. 49 слл.

Следующую ступень в эволюции мужских союзов характеризует обособление внутри общины отдельных возрастных классов, каждый из которых имеет тенденцию к превращению в самостоятельный союз. Правда, возрастные градации (часто многоступенчатые) характерны уже для наиболее примитивных форм племенной общины, возьмем ли мы ее австралийскую разновидность или же новогвинейскую. Однако на этой стадии отдельные возрастные классы еще не имеют своих особых функций внутри общины и вообще не конституированы достаточно четко. В своей классической законченной форме система возрастных классов изучена у целого ряда африканских племен, живущих к югу от Сахары. Особенно известно в этой связи воинственное скотоводческое племя масаи (граница Кении и Танганьики)¹⁴⁸. Мужское население каждого из округов, на которые распадается территория племени, делится на три класса: 1) «мальчиков» (до 12-16 лет); 2) «воинов» (до 28-30 лет) и 3) «пожилых людей». Внутри каждого из классов существуют дальнейшие возрастные градации. Водораздел между первыми двумя классами составляет операция обрезания, после которой юноша покидает родную деревню и переселяется в военный лагерь (*Kriegerkraal*).

Кроме самих воинов, в лагере живут обычно девушки, с которыми они могут вступать во внебрачную половую связь. Лагерь представляет собой самостоятельное экономическое целое. Воины живут целиком и полностью за счет скота, захваченного во время набегов в земли соседних племен. Питаться чем-либо, кроме мяса, молока и меда, им запрещает обычай. Свои грабительские походы молодые масаи предпринимают на свой страх и риск, не всегда считаясь с волей «стариков». Каждый лагерь (иногда несколько лагерей вместе) имеет своих должностных лиц (так называемые «говорящие»), которые представляют его в сношениях с общиной. Конец пребыванию воина в лагере кладет его вступление в брак. Однако, довольно часто ему приходится ждать смерти отца, для того, чтобы, получив по наследству его имущество, иметь возможность уплатить выкуп за невесту, а затем обзавестись своим хозяйством. Таким образом, на примере масаи мы наблюдаем превращение одного из возрастных классов в самостоятельный союз с особыми функциями (война и грабеж на территории соседей)¹⁴⁹. Рамки возрастного класса здесь искусственно растягиваются

¹⁴⁸ *M. Merker. Die Masai*. В., 1904, стр. 60 слл.

¹⁴⁹ Большую часть добычи воины отдают своим родителям (*M Merker*. Ук. соч., стр. 98).

для того, чтобы смена поколений не могла отразиться на сохранении семейной собственности.

Иной характер приобретают подобные же институты в условиях земледельческого хозяйства. Примером может служить система возрастных классов, бытующая у народности ньякиуса (район озера Ньяса) ¹⁵⁰. В этом племени мальчики, достигшие возраста 10 лет, покидают отцовскую деревню и вместе с группой сверстников строят новый поселок в другом месте. Здесь они живут, продолжая однако вплоть до вступления в брак обрабатывать поля своих родителей и питаться за их столом. И то, и другое делается на коллективных началах, так что практически каждая семья поочередно принимает в своем доме группу «сыновей деревни» и кормит их в благодарность за их работу. После женитьбы молодые люди не возвращаются в отцовскую деревню, а продолжают жить со своими сверстниками, хотя теперь уже, как самостоятельные хозяева. У ньякиуса, таким образом, в отличие от масаи, на первый план выступает чисто экономическая функция возрастного класса - коллективная обработка земли, соседская взаимопомощь, хотя в прежние времена с этими мирными занятиями сочетались и военные набеги ¹⁵¹.

У некоторых африканских племен системы возрастных классов достигают большой сложности и, можно сказать, изощренности, однако, в своей основе все они в конечном счете восходят к простейшей схеме троичного деления племени на несовершеннолетних, совершеннолетних, но неженатых воинов и взрослых семейных мужчин ¹⁵².

Эта же схема лежит в основе таких крупных племенных образований, как, например, государство зулусов в Южной Африке, созданное в начале прошлого века знаменитым Чака. Военная организация зулусов в пору их наивысшего могущества строилась по строго возрастному принципу ¹⁵³. «Полки», состоявшие каждый из мужчин определенного возраста, были расквартированы вблизи королевской резиденции и несли здесь не только военную службу, но также выполняли разнообразные хозяйственные повинности в пользу короля.

¹⁵⁰ M. Wilson. Good Company. L - N.Y. - Toronto, 1951, стр. 20 слл.

¹⁵¹ Ук. соч., стр. 28.

¹⁵² Типичным примером здесь могут служить племена Южной Эфиопии: галла, дарасса, консо и т. д. A. E. Jensen. Im Lande des Gada. Stuttgart, 1936, стр. 320 слл.; A. H. J. Prins. East African Age-Class Systems. Groningen, 1953, стр. 24 слл.

¹⁵³ E. J. Krige. Social System of the Zulus. N.Y. - L., 1936, стр. 36 слл.

До выхода из «полка» зулусский воин не имел права жениться. В таком положении он оставался обычно не менее десяти лет.

За пределами африканского материка подобные же молодежные объединения встречаются у племен нага на территории Ассамы и Бирмы ¹⁵⁴, на островах Палау и Яп (западная Микронезия) ¹⁵⁵ и у ряда других народов в различных районах земного шара ¹⁵⁶.

Заключительный раздел своей книги о мужских союзах Шурц посвящает так называемым «тайным обществам». В них он видит конечную стадию эволюции возрастных классов, инициации и т. п. институтов, стадию пышного расцвета, после которой начинается упадок ¹⁵⁷.

Определение, которое дает Шурц всей этой большой и очень пестрой группе мужских союзов, основано в общем на чисто внешнем признаке «засекреченности» союза, который к тому же встречается далеко не у всех объединений этого типа ¹⁵⁸. Действительно универсальной,

¹⁵⁴ Chr. Fürer-Haimendorf. Das Jünggesellehaus im westlichen Hinterindien. «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik». I. 1930; ego же. Das Gemeinschaftsleben der Konyak-Nada von Assam. «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», 71, 1, 1941.

¹⁵⁵ E. Schlesien Die Erscheinungsformen des Männerhauses in Mikronesien, стр. 155 слл.

¹⁵⁶ Пережиточно в Средней Азии, см. Снесарев. Ук. соч., стр. 165 слл., 176 слл. Интересную параллель находим у Тацита (Генн. XXXI). Он рассказывает о племенах хаттов: «В ранней юности они отпускают волосы и бороду, и только убийство врага позволяет убрать с лица это украшение, которое служит у них как бы обетом доблести... Храбрейшие носят сверх того железные кольца наподобие оков (что вообще считается позором у этого племени), до тех пор, пока не освободят себя, убив врага. Многим среди хаттов нравится такая внешность, и они до седых волос продолжают носить свои знаки отличия. И так известны и врагам, и своим. Они начинают все битвы и первыми стоят в строю, наводя ужас своим видом, да и в мирное время не заботятся о придании себе не столь дикой внешности. Ни у кого из них нет ни дома, ни поля, да и забот никаких, а когда к кому-нибудь приходят, тот обязан их кормить. Они расточают чужое, презирая свое до тех пор, пока безжизненная старость не сделает их неспособными к столь суровой доблести». Это свидетельство интересно тем, что позволяет проследить зарождение внутри возрастного класса замкнутого союза или касты воинов-профессионалов. Л. Вейзер (L. Weiser. Altgermanische Jünglingsweihe und Männerbünde, Baden, 1927, стр. 36 слл.) считает, что подобным же путем могли возникнуть скандинавские объединения берсеркеров.

¹⁵⁷ H. Schurtz. Ук. соч., стр. 337 слл.

¹⁵⁸ выделяет особую группу объединения «клубного» типа (klubartige Organisationen), которые отличаются от первых тем, что лишены признака секретности. К числу «клубов» Шурц относит, например, известный меланезийский союз Сукве (стр. 334 сл.). Нам такое разграничение представляется искусственным, так как по своему характеру и функциям Сукве и ему подобные объединения ничем практически не отличаются от «тайных

определяющей чертой всех «тайных союзов» следует считать их социальную направленность, характерную для них тенденцию к обособлению внутри общины группы влиятельных лиц, узкий круг которых должен быть закрыт для всех прочих. Едва ли случайно, что в своей наиболее типичной форме «тайные общества» засвидетельствованы у племен, стоящих на пороге перехода к классовому обществу и государству. Социальная основа, на которой возникают и складываются «тайные общества», может быть весьма различной, в зависимости от чего меняется и внешняя окраска союзов.

Возникновению «тайных союзов» во многом способствует религиозная профессионализация, особенно интенсивно развивающаяся в первобытном обществе, находящемся на стадии разложения. Ядром союза может стать группа жрецов (колдунов), специализирующихся на заклинании дождя, заупокойном культе, борьбе с ведьмами и колдунами, организации посвячительных обрядов (инициаций) и т. д.¹⁵⁹ Нередко «тайный союз» вырастает из жреческого рода, члены которого держат в своих руках монополизированное право контроля над одним из общеплеменных культов¹⁶⁰. Не в меньшей степени, чем религиозный профессионализм, зарождению закрытой формы мужских союзов способствует профессионализм военный - выделение внутри общины узкой касты людей, живущих исключительно войной, не ограниченной, однако, как прежде рамками одного возрастного класса¹⁶¹. При всем этом главным, определяющим фактором в развитии «тайных союзов» следует считать, несомненно, имущественное неравенство, разлагающее первобытную общину, равно как и возникающие в ней зачатки эксплуатации человека человеком¹⁶². В большинстве обществ». Последний термин можно, конечно, принять лишь условно. Ср. *K. Little. The Political Function of the Poro. I. «Africa», XXXV, 4, 1965, стр. 349; Народы Африки, стр. 272.*

¹⁵⁹ Примером корпораций такого рода могут служить объединения замаскированных танцоров (мукиши) в Анголе (*L. Frobenius. Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle, 1898, стр. 39 слл.; Н. Baumann. Lunda. B., 1935, стр. 117*), союз Синдунго в Люанго (*L. Frobenius. Ук. соч., стр. 57 слл.*), союз Эгунгун в Западном Судане у йоруба (там же, стр. 92 слл.). См. также *H. Webster. Ук. соч., стр. 160 слл.*

¹⁶⁰ См. ниже, стр. 62 слл., о союзах пуэбло в Северной Америке.

¹⁶¹ См. ниже, стр. 60 слл., о военных союзах индейцев равнины.

¹⁶² В советской этнографической литературе «тайные союзы» нередко характеризуются как главное оружие мужского пола в борьбе за ниспровержение матриархата и переход к патриархату (*С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии. СЭ, 1933, № 5-6, стр. 24; Народы Австралии и Океании, стр. 456; Мужские союзы. БСЭ, т. 28*). Для многих «тайных союзов», действительно, характерна более или

«тайных обществ» право вступления, а затем перехода из одной степени «посвящения» в другую, как правило, покупается, что, естественно, сильно ограничивает состав этих объединений, и особенно состав их правящей верхушки¹⁶³. Основной целью многих союзов является охрана частной собственности их членов. Поэтому зачастую они присваивают себе право табуации самых различных предметов, занимаются взиманием долгов у неисправных должников, пытаются регулировать цены на рынке и т. д.¹⁶⁴

С другой стороны «тайные союзы» нередко становятся орудием вымогательства и грабежа среди массы непосвященных, способствуя тем самым еще большему обогащению племенной знати, составляющей ядро этих союзов¹⁶⁵. В таких районах сравнительно развитого рабовладения, как Западная Африка, рабы являются одним из главных объектов, против которых направлен террор тайных союзов¹⁶⁶.

менее отчетливо выраженная антиженская направленность. Однако ее едва ли можно считать определяющей чертой организации этого типа. Союзы, ставящие своей главной задачей наказание супружеской неверности женщин (как например, Мумбо-Юмбо в Западном Судане), следует рассматривать скорее, как исключение из правил (в указанном случае направленность союза объясняется, по всей вероятности, влиянием мусульманской культуры в этом районе - см. *L. Frobenius. Ук. соч., стр. 150 сл.*). В большинстве случаев женщины являются лишь одним из объектов террористической деятельности союзов наряду с прочими непосвященными. Характерно также, что именно среди «тайных союзов» довольно часто встречаются общества со смешанным составом, включающие представителей обоих полов (см. *H. Webster. Ук. соч., стр. 122 сл.*).

¹⁶³ Примерами могут служить такие союзы, как Дук-Дук в Меланезии (см. *R. Parkinson. 30 Jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907, стр. 571*), Эгбо в Западной Африке (*L. Frobenius. Ук. соч., стр. 85*), многие союзы Северной Америки (см. ниже, стр. 60 слл.).

¹⁶⁴ *H. Webster. Ук. соч., стр. 109 сл.; L. Frobenius. Ук. соч., стр. 89, 115; K. Little. Ук. соч., стр. 350.*

¹⁶⁵ Типичным примером здесь могут служить меланезийские союзы Дук-Дук и Ингиет (Народы Австралии и Океании, стр. 452).

¹⁶⁶ Фробениус (*Ук. соч., стр. 86*) характеризует террористические акции союза Эгбо в Камеруне, как проявление «постоянного осадного положения», в котором находилась территория, подвластная союзу вследствие «переизбытка рабов и женщин» среди местного населения. *С. П. Толстов, опираясь на этот и подобные факты, называет «тайные союзы» в целом «конспиративными, религиозно-террористическими корпорациями господствующего класса» (Военная демократия и проблема генетической революции. ПИДО, № 7-8, 1935, стр. 202). Более острожную формулировку - «форма господства имущих социальных слоев» - дает Токарев (Родовой строй в Меланезии. СЭ, 1933, № 3-4, стр. 84; см. также Народы Австралии и Океании, стр. 456).*

В некоторых областях Африки и Меланезии «тайные общества» практически сосредотачивают в своих руках всю реальную власть, оттесняя на задний план племенных вождей и царьков. Очевидно, в данном случае мы имеем перед собой «одну из зародышевых форм примитивной государственной власти»¹⁶⁷.

Шурц и другие этнографы не дают в своих работах сколько-нибудь четкой классификации «тайных союзов» и им подобных организаций. Поэтому в настоящем разделе мы вынуждены ограничиться лишь беглым обзором наиболее характерных форм этого института, насколько это позволяет доступная нам литература. Богатейший материал для изучения эволюции «тайных союзов» дает Западная и Центральная Африка, которую по праву можно назвать «классической страной тайных обществ». В частности, африканский материал позволяет проследить возникновение зародышевых форм «тайного союза» в недрах племенной системы возрастных классов на базе обычной инициаций. Так, у племени баконго (на нижнем Конго) жрец-ганга время от времени собирает мальчиков-подростков и дает им напиток, который приводит их в состояние наркотического опьянения. Затем он уводит мальчиков с собою в лес недалеко от деревни. Здесь они проводят (по разным источникам) от полгода до двух лет на положении «живых мертвецов» (нкимба). Никто из жителей деревни (особенно женщины и дети) не может приближаться к месту их обитания. Иногда нкимба появляются в деревне, с дикими воплями проносясь по улицам, избивая встречных и хватая все, что попадает под руку. По истечении срока испытания ганга распускает своих питомцев по домам. Однако некоторые из них и после этого остаются с ним в лесу в качестве помощников и учеников¹⁶⁸. Изоляция нкимба в какой-то мере напоминает изоляцию молодых воинов у масаи. Однако в отличие от них нкимба не несут никаких общественно полезных функций, а всё их пребывание в лесу представляет собой лишь

¹⁶⁷ С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964, стр.322. С. П. Толстов, нам кажется, впадает в преувеличение, пытаясь представить «тайные союзы», как универсальный путь развития государства (Ук. соч., стр. 203). Шурц, на которого он здесь ссылается, действительно говорит о возрастных классах и мужских союзах, как о «весьма значительном факторе политического развития» (стр. 111). Однако единственный пример сосуществования мужских союзов с государством в подлинном смысле этого слова, который он приводит, - это опять-таки Спарта. Ср. H. Schurtz. Ук. соч., стр. 347 сл.; H. Webster. Ук. соч., стр. 121 сл.

¹⁶⁸ L. Frobenius. Ук. соч., стр. 44 слл. См. также B. Holas. Organisation socio-religieuses en Afrique noire. «Bulletin de l'institut française d'Afrique noire», 26, 1964, стр. 58 слл.

искусственно удлиненный период обрядовой изоляции. Зато в руках жрецов-«учителей» маски превращаются в значительную силу, опираясь на которую, они могут заметно повесить свой собственный вес и влияние на дела общины.

Естественно, что племенная знать, не принадлежащая к сравнительно узкому кругу жрецов, не заинтересована в монопольном использовании этими последними «тайного общества». Нередко поэтому племенная знать сама конституируется как «тайный союз», который подчиняет себе все другие формы мужских союзов, действующие на племенной территории. Так, общество Огбони (Западный Судан, племя йоруба) включает в свой состав только пожилых и наиболее влиятельных людей¹⁶⁹. Огбони по своему усмотрению назначают и свергают (путем ритуального отравления) правителей городов и по сути дела представляют собой правительство (совет старейшин) в каждом из округов, на которые делится область йоруба. В непосредственном подчинении у Огбони находится другой «тайный союз», действующий в этих же местах и состоящий преимущественно из молодых людей - Оро. По приказанию Огбони Оро подвергает казни осужденных преступников¹⁷⁰.

В данном случае (как и в случае с нкимба) первоосновой «тайного союза» является возрастная класс, хотя наряду с Огбони и Оро в области йоруба продолжает существовать и обычная форма возрастных классов¹⁷¹. Однако в целом ряде случаев «тайный союз», разрастаясь, поглощает всю возрастную организацию племени, которая теперь сливается с ним и становится его частью. Типичным примером такого слияния может служить общество Комо, существующее у племени бамбара (республика Мали). Формально право для вступления в союз дает совершение обряда инициации, общего для всех мужчин племени. На практике же обряд этот требует столь значительных расходов (на подарки, угощение, украшения и т. д.), что бедные семьи вынуждены

¹⁶⁹ L. Frobenius. Und Afrika sprach... В. - Charlottenburg, 1912, стр.173 слл.

¹⁷⁰ Там же, стр. 168 слл.; R. E. Dennett. Nigerian Studies. L., 1910, стр. 41 сл., 57.

¹⁷¹ Интересную параллель представляет племенная организация бамилеке (Западный Камерун). Во главе племени стоит союз Камвэ, включающий в свой состав от 8 до 28 представителей знати и самого вождя. В то же время все мужчины племени, за исключением мальчиков до 12 лет и стариков, образуют другой союз (Мэкуи или Манджэ), разбитый на возрастные классы и наделенный разнообразными функциями: военными, фискальными, административными и т. д. (R. Delacrozière. Les institutions politiques et sociales des populations dites Bamiléké. «Etudes Camerounaises», 1949, № 25-26; № 27-28, стр. 71 слл.).

готовиться к нему годами, собирая необходимые средства. В результате бедняки, будучи уже взрослыми юношами, проходят инициации вместе с мальчиками - детьми богачей. Внутри же союза преобладающим влиянием пользуются старые члены общества, т. е. прежде всего богачи и знать. Таким образом, формально соблюдаемый возрастной принцип во внутренней организации Комо выливается в свою полную противоположность¹⁷².

Как своеобразную модификацию племенной системы возрастных классов, можно рассматривать и такие сложные, синтезированные формы мужских союзов, как Поро и Эгбо - самые могущественные «тайные общества» Западной Африки. Первый из этих союзов еще в недавнее время пользовался огромным политическим влиянием среди племен Сьерра-Леоне и Либерии. Практически Поро охватывал все мужское население этого района, начиная с 7-15 лет¹⁷³. Прежде чем стать полноправным членом союза (а вместе с тем и племени) мальчик или юноша должен был пройти длительный курс в «школе» Поро, находившейся в «священном» лесу. В «школе» принимались все желающие, хотя внутри нее имелись определенные социальные градации¹⁷⁴. Содержание союза входило в обязанности местного населения. Поэтому никто не пытался противодействовать грабительским набегам, которые время от времени совершали «ученики» Поро на окрестные деревни¹⁷⁵. Как показывают последние исследования, руководство союзом было сосредоточено в руках местной знати, и законы Поро считались законами племен, проживающих на территории, подвластной союзу¹⁷⁶. Рядовые общинники и внутри союза занимали самое низкое положение. Не имея права голоса в решении важнейших дел, они должны были слепо повиноваться приказам руководителей союза¹⁷⁷. Организация Поро в различных районах атлантического побережья

¹⁷² Б. И. Шаревская. Старые и новые религии тропической и южной Африки. М., 1964, стр. 137.

¹⁷³ D. Westermann. Die Kpelle. Göttingen - Lpz., 1921, стр. 243. Ср. K. Little. Ук. соч., стр. 358.

¹⁷⁴ D. Westermann. Ук. соч., стр. 246.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Гэрли (С. W. Harley. Masks as Agents of Social Control in Northern Liberia. Harvard University, 1950, стр. VIII) говорит о союзе Ки-Ла-Ми (либерийский филиал Поро): «Те же самые старейшины, которые являлись без каких-либо формальностей на совет к вождю, могли быть вызваны на тайное заседание, как члены этой сугубо замкнутой организации Ки-Ла-Ми».

¹⁷⁷ K. Little. Ук. соч., I, стр. 358.

была различной. Так, у менде Сьерра-Леоне союз делился на три класса: вождей, жрецов и рядовых членов. Каждый из этих классов имел свои особые функции: вождям принадлежали судебные полномочия, жрецы руководили церемониями союза, наконец, рядовые члены использовались преимущественно как посыльные¹⁷⁸. Внутри каждого из классов существовали градации. Переход с одной градации на другую требовал вступительного взноса¹⁷⁹.

Еще более сложную иерархическую структуру имел другой западноафриканский союз Эгбо (Камерун). Все посвященные в тайны союза, делились на 11 последовательных степеней, доступных лишь людям, имеющим достаточно денег, чтобы уплатить вступительный взнос¹⁸⁰. Поро, Эгбо также, как и близкие к ним по типу меланезийские союзы (как, например, Дук-Дук в Новой Британии)¹⁸¹ наиболее отчетливо и полно раскрывают социальную природу «тайных союзов», как инструмента господства племенной знати над массой рядовых общинников¹⁸². Вместе с тем это организации, приближающиеся по своему характеру к государству, поскольку в каждом из этих случаев союз сосредотачивает в своих руках центральную власть над территорией племени или даже ряда племен¹⁸³. Однако как в Африке, так и в Меланезии существуют союзы и совсем иного типа - небольшие, разрозненные объединения с ограниченным числом членов, напоминающие своей организацией современные клубы. Вследствие незначительной численности своего состава, союзы этого типа неспособны оказывать сильное влияние на политическую жизнь племени. Тем не менее их функции не отличаются принципиально от функций больших союзов типа Поро или Дук-Дук. Как и эти последние,

¹⁷⁸ K. Little. Ук. соч., I, стр. 359.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ L. Frobenius. Geheimbünde Afrikas, стр. 86.

¹⁸¹ См. о нем R. Parkinson. Ук. соч., стр. 570 слл.; H. Nevermann. Ук. соч., стр. 82 слл.

¹⁸² Нельзя, однако, игнорировать и традиционные черты, присущие союзам этого типа. Характерно, что террористические акции Эгбо, Дук-Дука и пр. обставляются обычно, как выступления замаскированных танцоров, что говорит о их тесной связи с обрядовой практикой инициации.

¹⁸³ Относительно степени централизации этой разновидности мужских союзов в науке пока нет единого мнения. Некоторые исследователи считают, например, что деятельность одного союза Поро распространялась на всю Либерию, тогда как другие полагают, что в каждом из районов был свой особый союз (см. K. Little. Ук. соч., стр. 361 слл.).

они ставят своей первоочередной задачей охрану собственности своих членов и вообще укрепление их общественного статуса. Типичным примером организации этого рода может служить система так называемых «Тамате» на Банксовых островах (Меланезия). Тамате – родовое название многочисленных союзов (на одном острове Мод их 77), обычно очень небольших по своему составу (часто всего три – четыре человека, хотя каждый из членов такого союза может быть одновременно членом нескольких других обществ)¹⁸⁴. Каждый тамате имеет свой особый значок (обычно лист той или иной древесной породы), используя который в качестве символа табу, член союза может оградить свое имущество от посягательств со стороны «непосвященных»¹⁸⁵. Своеобразие организации союзов подобных Тамате коренится в их происхождении. Если общества типа Поро или Дук-Дук можно рассматривать, как конечный результат эволюции общеплеменной системы возрастных классов, то в основе «клубообразных» союзов типа Тамате лежат, по вполне вероятному предположению Риверса¹⁸⁶, родовые мужские объединения¹⁸⁷. На это указывает то обстоятельство, что все Тамате обычно заимствуют свои названия от различных животных, которые почитаются их членами, как святыня, а для всех прочих являются табу¹⁸⁸.

Наиболее широкое распространение мужские союзы «клубного» типа получили среди индейцев Северной Америки. Наличие нескольких самостоятельных союзов с более или менее четко разграниченными социальными и религиозными функциями характерно для организации многих индейских племен. Так, у племени Черноногих в первой половине прошлого века существовала система, состоявшая из семи так называемых «танцевальных обществ или клубов»¹⁸⁹. Общества эти были следующие: 1) «Комары» (молодые неженатые люди); 2) «Собаки» (молодые женатые люди); 3) «Лисы прерий»; 4) «Вороны»; 5) «Быки с тонкими рогами»; 6) «Солдаты»; 7) «Бизоны»

¹⁸⁴ W. H. R. Rivers. The History of Melanesian Society. I. Cambridge, 1914, стр. 87 слл.

¹⁸⁵ Там же, стр. 92.

¹⁸⁶ Ук. соч., II, стр. 222.

¹⁸⁷ Впрочем, некоторые Тамате включают в свой состав также женщин и мальчиков (Там же, стр. 87).

¹⁸⁸ Там же, II, стр. 119. К организациям того же типа, быть может, можно отнести и знаменитый союз Леопарда в Западной Африке (см. B. Lindskog. African Leopard Men. Uppsala, 1954, стр. 44 слл.).

¹⁸⁹ H. Schurtz. Ук. соч., стр. 152 слл.

(пожилые люди). Каждый из этих союзов имел свои отличительные знаки и свой танец (как правило, тотемического характера). Четыре союза (с третьего по шестой) кроме чисто военных, имели еще и полицейские функции: они должны были наблюдать за порядком в лагере и преследовали неверных жен. Наибольшим влиянием в политической жизни племени пользовался шестой союз так называемых «Солдат», к которому могли принадлежать только наиболее заслуженные и почитаемые народом воины. Подобные же организации существовали и у ряда соседних с Черноногими племен равнины: манданов, хидатса, арапахо, кроу и др. У некоторых из этих племен (например, у тех же Черноногих) переход из одного союза в другой зависел от возраста. На этом основании Шурц классифицирует организации этого рода вместе с системами возрастных классов, подобными той, которую мы наблюдали, например, у масаи. При этом он указывает, однако, на ряд признаков, которые отличают «клубы» равнинных индейцев от возрастных классов в обычном понимании этого термина. Во-первых, зависимость принадлежности к тому или иному «клубу» от возраста прослеживается далеко не у всех племен этого района. Например, у кроу она вообще не зафиксирована¹⁹⁰. Во-вторых, очень часто, кроме возраста, от поступающего в тот или иной союз требуется большой вступительный взнос или выкуп¹⁹¹, вследствие чего членами многих «клубов» могут быть только богатые люди, и вообще участие в союзе не является обязательным, как это обычно бывает при нормально функционирующей системе возрастных классов¹⁹². Таким образом, правильнее было бы отнести «танцевальные общества» равнинных индейцев к тому же историческому типу мужских союзов, что и «тайные общества» Меланезии и Африки, хотя в отличие от этих последних элемент таинственности выражен в них весьма слабо. Происхождение этой формы союзов остается не вполне ясным. Наличие возрастного критерия по крайней мере в некоторых из них, говорит как будто о

¹⁹⁰ H. E. Driver. Indians of North America. Chicago, 1964, стр. 417. Нередко встречаются смешанные системы союзов, включающие как «клубы», принадлежность к которым зависит от возраста, так и другие, в которые можно попасть за плату (см. H. Schurtz. Ук. соч., стр. 156 о манданах).

¹⁹¹ У ряда племен складываются на этой почве своеобразные отношения между «клубами». Через определенные промежутки времени члены «младшего клуба» складываются и покупают привилегии одного из «старших клубов» и, таким образом, автоматически занимают его место в племенной организации (H. E. Driver. Ук. соч., стр. 418).

¹⁹² H. Schurtz. Ук. соч., стр. 153; H. E. Driver. Ук. соч., стр. 417.

том, что перед нами модифицированная племенная система возрастных классов. Однако, такая гипотеза вызывает ряд затруднений. Уже Шульц обратил внимание на типично тотемические названия индейских союзов - черта, не свойственная возрастным классам других народов¹⁹³. Он же отмечает, что функции полицейских, которые в других местах исполняют обычно один или несколько возрастных классов, у некоторых племен группы дакота несут представители определенных родов¹⁹⁴. Еще более отчетливо связь союзов с родовой организацией выступает у племен группы пуэбло. Так, в племени хоппи было 12 мужских союзов (и три женских) с различными функциями: врачевание, заклинание дождя, культы плодородия, военные культы, инициации, устройство развлечений и т. д.¹⁹⁵ Во главе каждого из этих союзов стоял представитель одного определенного материнского рода, причем его должность переходила по наследству (обычно к сыну сестры). Правда, остальные члены союза не обязательно принадлежали к тому же самому роду, что и его глава. Однако некоторые обстоятельства говорят о том, что в более ранний период дело обстояло именно так. На членов союза распространялся, например, принцип родовой экзогамии, вследствие чего хоппи не мог жениться на сестре своего товарища по «клубу», он не имел права вступать с ним в торговые сделки так же, как и с родным братом¹⁹⁶. Танцевальные костюмы и другой ритуальный инвентарь каждого из союзов хранились обычно в родовом жилище главы союза под наблюдением женщин из его рода¹⁹⁷. Данные факты этого рода приводят к мысли, что в целом система «клубов» у североамериканских индейцев была институтом смешанного происхождения, включая в себя элементы как возрастного деления племени, так и родовой организации.

Несмотря на свой замкнутый характер, союзы индейцев пуэбло, а также племен равнины представляют собой весьма существенные элементы общеплеменной организации. Их деятельность в соответствии с функциями каждого из них направлена прежде всего на удовлетворение жизненных интересов общины, а затем уже на свои узкокорпоративные цели¹⁹⁸. С этой точки зрения,

¹⁹³ *H. Schurtz. Ук. соч., стр. 154.*

¹⁹⁴ Там же, стр. 164.

¹⁹⁵ *H. E. Driver. Ук. соч., стр. 415 сл.*

¹⁹⁶ Народы Америки. Т. I, стр. 296.

¹⁹⁷ *H. E. Driver. Там же.*

¹⁹⁸ Там же, стр. 414 сл.

принципиально иной характер имеют союзы племен северо-западного побережья Северной Америки, среди которых особенно известно благодаря своим тайным церемониям племя квакиютлей (Британская Колумбия). Несколько тайных обществ, подвизающихся среди индейцев этого племени (разные авторы называют различные их число и приводят различные наименования), не несут никаких определенных общеплеменных функций и всю свою деятельность посвящают устройству религиозных мистерий (плясок и обрядов в честь духов-покровителей этих обществ). На эти мистерии непосвященные либо вообще не допускаются, либо если допускаются, то лишь для того, чтобы стать свидетелями наводящих ужас представлений. Так, исполнитель танца каннибала в одном из союзов с подлинным искусством вызывал у своих зрителей иллюзию того, что на их глазах происходит пожирание сырого человеческого мяса, а иногда, врываясь в толпу присутствующих, «актер» уже по-настоящему кусал заранее намеченную жертву¹⁹⁹. Главной целью этих спектаклей было внушение непосвященным мистического ужаса перед членами «тайных обществ», которые состояли, как правило, из представителей наиболее богатых и влиятельных семейств племени²⁰⁰.

Четко выраженная террористическая направленность обществ квакиютлей сближает их и с такими союзами восточного полушария, как Дук-Дук и Эгбо, хотя исторически они, по-видимому, представляют собой лишь модификацию широко распространенной на американском континенте «клубной» формы мужских союзов.

В заключение нашего обзора заметим, что мужской союз в его наиболее развитой форме (имеются в виду, прежде всего, «тайные общества» Африки, Меланезии и Северной Америки) представляет собой организацию совершенно самостоятельную и независимую от родо-племенной структуры первобытного общества. Отсюда, однако, отнюдь не следует, что род и мужской союз - это две взаимоисключающие друг друга и прямо противоположные формы общественного

¹⁹⁹ *H. Schurtz. Ук. соч., стр. 397 сл.; H. E. Driver. Ук. соч., стр. 409 сл.*

²⁰⁰ *H. E. Driver. Там же; Ю. Т. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, стр. 81 сл. Принадлежность к тому или иному обществу у квакиютлей зависит обычно от обладания духом-покровителем и правом исполнять танец этого духа. Привилегии этого рода передаются обычно по наследству, либо путем брака, либо, наконец, ценой убийства предыдущего их обладателя (F. Boas. The Social Organisation and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Washington, 1895, стр. 48 сл.).*

развития²⁰¹. Исторически мужской союз, несомненно, вырастает из рода и тесно с ним связан²⁰². Определенная скоординированность возрастных классов, инициации, мужских домов и т. д. с родовым или фратриальным делением племени наблюдается у таких народов, как австралийцы²⁰³, папуасы, индейцы тропических лесов Южной Америки²⁰⁴, племена группы Нага в Ассаме²⁰⁵.

О явно гентильной окраске мужских союзов у некоторых индейских племен Северной Америки уже говорилось выше. В отдельных случаях связь с родовой организацией сохраняют развитые системы возрастных классов, обычно базирующиеся на территориальном делении. Примером может служить племя сотхо (группа северных игуши в Южной Африке)²⁰⁶. В целом вопрос об отношении мужских союзов к родовому строю изучен слабо и нуждается в углубленном исследовании.

201 Эту теорию выдвигает крупнейший американский этнограф Р. Лоуи, пытаясь, таким образом, опровергнуть учение Моргана об универсальном значении рода и связанных с ним организаций в истории человечества (*R. Lowie. Primitive Society. N.Y., 1925, стр. 257 слл.*).

202 Н. Webster. Ук. соч., стр. 136 слл.

203 Н. Webster. *Totem Clans and Secret Associations in Australia and Melanesia. IRAI, XLI, 1911.*

204 О папуасах и южноамериканских индейцах см. литературу, указанную в прим. 142 на стр. 49.

205 *Chr. Fürer-Haimendorf. Das Gemeinschaftsleben der Konyak-Naga, стр. 13, 26, 80 слл.*

206 *The Bantu-Speaking Tribes of South Africa. Ed. by I. Schapera. L., 1937, стр. 88.* Ближайшие сородичи сотхо зулусы в прошлом (до реформы Чаки) также имели армию, которая базировалась одновременно на родо-племенном и на возрастном делении. (*А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, стр. 302.*)

Глава II. Мужские союзы в поэмах Гомера

Сложность гомеровских поэм как исторического источника общеизвестна. Мир гомеровских героев во многом столь же искусственен, как и сам язык эпоса.

Отголоски различных исторических эпох постоянно наслаиваются и перекрывают друг друга в отдельных сценах и образах¹. Однако сложность и противоречивость «Илиады» и «Одиссеи» обусловлены причинами не только поэтического, но и реального исторического порядка. Гомеровский период - время насильственной ломки основных норм и обычаев родового строя, их вытеснения нормами и обычаями классового общества. Но в эпосе те и другие сплошь и рядом появляются в виде своеобразных гибридов. Понятия и институты родовой эпохи маскируют молодые ростки частной собственности и эксплуатации, и, наоборот, в сложных сюжетных построениях зрелого эпоса все еще угадываются простейшие жизненные ситуации, свойственные первобытной общине. Попытаемся показать это на конкретных примерах, взятых нами из столь важной области гомеровского быта, как сотрапезничество. «Равный» (εἰσός) - обычный эпитет гомеровского обеда. Однако на самом деле он таковым не является: одни пьют в меру, другие, сколько душа захочет (II, IV, 261 слл.)². Типичная пиршественная сцена, как правило, имеет своим центром группу царей или старейшин, пьющих ὑερούσιον οἶνον. По периферии располагаются остальные участники, если поэт находит нужным о них упомянуть. В группе старцев выделяется обычно фигура одного (иногда двух - II, XVII, 248 слл.) главного бацилея. Он чаще всего является хозяином дома или палатки, в которой устраивается пиршество. В XV-й песни «Одиссеи» (466 слл.) Эвмей рассказывает, как его

¹ Эта многослойность гомеровского эпоса прекрасно показана Дж. Мурреем: *G. Murray. The Rise of the Greek Epic. Oxford, 1924.* См. также *T. B. L. Webster. From Mycenae to Homer. N.Y., 1958.* Противоположная тенденция представлена в работах: *M. P. Nilsson. Homer and Mycenae. L., 1933; G. M. Calhoun. Classes and Masses in Homer. CPh., XXIX, 1934; E. Mireaux. La vie quotidienne au temps d'Homère. P., 1954.*

² Терминология пиршественных сцен у Гомера рассматривается в работе *B. Borecky. Survivals of Some Tribal Ideas in Classical Greek. Prague, 1965.*

малолетнего похитила отцовская рабыня, задумавшая бежать с финикийцами. Женщина и мальчик крадутся покидают пустой дом. В преддомии (ἐν τῷ προδομῷ) они находят «чаши и столы мужей-сотрапезников», которые окружали отца Эвмея. Они как раз вышли засесть в народном собрании (οἱ μὲν ἄρ' ἐς θωῶν πρόμολον δῆμοιο τὸ φῆμι). Рабыня прихватывает несколько кубков. Здесь замкнутый круг царских сотрапезников (δαίτιμοίνας) четко противопоставлен массе демоса. В «Илиаде» также несколько раз говорится об обеде, устроенном специально для старцев (II, 402; IV, 343 сл.; IX, 70). Обычно за таким обедом следует военный совет ахейских вождей.

Нильссон, Жанмэр и некоторые другие авторы³ видят в пиршественных сценах этого рода одно из ярких проявлений «феодальной природы» гомеровского общества. Однако даже беглый обзор показывает, что ничего специфически феодального в них нет. Сотрапезники царя - не его дружинники или вассалы, а племенные старейшины, по отношению к которым сам он - только primus inter pares, но никак не феодальный сюзерен. По мнению Нильссона⁴, «угощающей стороной» на совместных обедах царя со старцами является именно царь, а не старцы, поскольку обед устраивается в его доме. В некоторых случаях такое представление кажется оправданным. Так, в IV-й песни «Илиады» Агамемнон обращается к Идоменею со словами (257-263): «Идоменей, я чту тебя больше (других) быстроконных да найцев на войне ли, в другом каком деле или на пиру, когда лучшие из аргивян смешивают в кратере пламенное почетное вино (γερουσίον αἶθολα οἶνον). Ведь, когда прочие длинноволосые ахейцы пьют мерой, тебе, как и мне, ставится полная чаша, чтобы пить, когда душа захочет». Из этих строк можно заключить, что Агамемнон в данном случае является хозяином пиршества и по своему усмотрению распределяет лучшие доли между сотрапезниками. Однако, в той же песне, обращаясь с аналогичным увещанием к Менесфею и Одиссею, Агамемнон говорит (343-344): «Ведь вы первыми слышите от меня об обеде, когда мы, ахейцы, устраиваем обеды для старцев». Как видим, акцентировка этих слов уже иная, чем в предыдущей цитате. Инициатива в устройстве пира принадлежит, оказывается, не царю, а племени (хотя под «ахейцами» поэт может подразумевать тех же самых старцев, для которых устраивается обед) - царь только

³ M. P. Nilsson. Das homerische Königtum. «SB. Preuss. Akad. Wiss., Philos.-hist. Kl.», 1927, VII, стр. 30; *его же*, Homer and Mycenae, стр. 232; H. Jeanmaire. Couroi et courètes, стр. 85 сл. Ср. E. Mireaux. Ук. соч., стр. 73.

⁴ M. P. Nilsson. Das homerische Königtum, стр. 30; ср. H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 87 слл.

приглашает к столу. В другом месте (II. VIII, 161-163; ср. также XII, 310-312) Гектор, издеваясь над Диомедом, покинувшим поле сражения, кричит ему вслед: «Тидид, тебя выше других чтут быстроконные ахейцы местом и мясом и полной чашей. Теперь же не будут чтить». Смысловая близость этих строк цитированной в начале речи Агамемнона заставляет предположить, что и там, где царь выступает как блюститель застольного γέρας, он облачен этим правом только в качестве должностного лица, представляющего общину, а не как хозяин дома.

Как представитель общины, царь должен принимать в своем доме знатных чужеземцев. Одиссей, выдающий себя за Антона, брата Идоменея, рассказывает Пенелопе, как он принимал на Крите ее мужа (Od. XIX, 194-198): «Я отвел его во дворец, прекрасно там принял, заботливо угощая: в доме много было (запасов). И прочим спутникам, которые за ним следовали, дал ячмень, взятый у народа (δημόθεν), пламенное вино и быков, чтобы насытились». Употребленное здесь выражение δημόθεν - не случайно. Подобные же словосочетания встречаются у Гомера и в других местах. Менелай побуждает ахейское войско к сражению такими словами (II. XVII, 248-251): «Друзья, вожди и властители аргивян те, что подле⁵ Атридов: Агамемнона и Менелая, пьют народное (δήμια λίνοισιν) и приказывают каждый (своим) людям...». Алкиной (Od. XIII, 13-15), предлагая феакийским «царям» одарить Одиссея на прощание медными котлами и треножниками, обещает при этом компенсацию за счет народа (ημεῖς δ' αὔτε ἀγχειρόμενοι κατὰ δήμον τιόμεθα), ср. также II. XXIV, 262; Od. XXII, 55 слл.). Какова была природа этих «даров», получаемых знатью («царями») от массы рядовых общинников (II. IX, 155 слл.)? Не подлежит сомнению, что в эпосе мы имеем дело уже не столько с военной демократией в подлинном значении этого термина, сколько с военнодемократической фразеологией. В гомеровском народном собрании простые общинники вынуждены довольствоваться более чем скромной ролью. Об этом красноречиво свидетельствует знаменитая сцена посрамления Терсита. Выражения δήμος, δήμιος поскольку они имеют в поэмах определенный политический смысл, лишь прикрывают хозяйничанье δημοβόροι βασιλῆς (II. I, 231)⁶. Соответственно

⁵ Жанмэр (Ук. соч., стр. 88) переводит: «chez les Atrides».

⁶ Кэльхуан, справедливо протестуя против попыток найти у Гомера настоящее классовое общество и государство, сам, однако, впадает, в другую крайность, утверждая, что гомеровское общество было совершенно однородным, родовым по своему характеру (G. M. Calhoun. Ук. соч., стр. 308). Сцена с Терситом, по его

δημόθεν или κατά δήμον можно понять только как принудительные сборы с народа. Однако, внимательный анализ позволяет обнаружить в гомеровском эпосе отголоски той, уже отдаленной эпохи, когда отношения между народом и «царями» носили иной характер.

В этом отношении большой интерес представляет один пассаж из IV-й песни «Одиссеи». Ее первая часть, повествующая о пребывании Телемаха у Менелая, заканчивается следующей строфой (621 сл.): «(Тем временем) в дом божественного царя пришли сотрапезники (δαίτιμονες). Они вели скот, несли вино, дающее мужество, а хлеб принесли их жены в прекрасных повязках. Так они хлопотали, приготавливая обед». Сцена при всей своей простоте - довольно странная. Царский обед изображается как обед в складчину (позднейший έρανος). Угощает не Менелай, хозяин дома, а, наоборот, его самого угощают его гости ⁷.

Финзлер усматривает здесь намек на спартанский фидитий ⁸. Однако такое предположение вряд ли правомерно. Местный лаконский колорит в IV-й песни совершенно отсутствует ⁹. Спартанские фидитии, как будет показано далее, - лишь поздняя, сильно модифицированная разновидность некогда, по-видимому, очень широко

мнению, не имеет никакого политического подтекста и носит чисто драматический характер (стр. 305). Ср. P. *Oliua*. ΠΑΤΡΙΚΗ ΒΑΣΙΛΕΙΑ в сб.: ΓΕΡΑΣ. Studies presented to G. Thomson, Prague, 1963, стр. 177.

⁷ Уже Фр. А. Вольф ставил под сомнение цитируемые строки (см. аппарат в издании А. Людвиг, Lpz., 1889). Однако сама незаурядность строфы говорит скорее за ее подлинность. Кроме того, здесь мы видим и типичное у Гомера разделение труда в приготовлении обеда: мужчины занимаются вином и мясом, женщины - хлебом (ср. II XVIII, 558 слл.; Od. I, 141 сл. и т.д.). Интерполятор, таким образом, должен был бы мыслить слишком по-гомеровски. Некоторая шероховатость текста (дважды повторенное *ως οί δέυ*) не дает достаточных оснований для сомнений в его подлинности.

⁸ G. *Finsler*. Das homerische Königtum, стр. 318. Ему следует Жанмэр (Ук. соч., стр. 92). Нильссон (Homer and Mysene, стр. 231), отвергающий эту гипотезу, предлагает следующее маловразумительное объяснение: взносы гостей - видоизменение податей покоренного населения. Вследствие ассимиляции завоевателей с покоренными эти подати сопряжены с обязанностью царя кормить своих людей.

⁹ Финзлер (Ук. соч., стр. 410) находит у Гомера и другие черты, якобы присущие классической Спарте. Ссылаясь на известные семь городов в Мессении, которые Агамемнон обещает Ахиллу в качестве приданого (II IX, 174 слл.), он усматривает здесь намек на колоссальные земельные владения спартанских царей. Богатство Агиадов и Еврипontiдов не вызывает, конечно, сомнений. Однако о дарении ими городов или просто земли кому бы то ни было наши источники умалчивают. Столь же неосновательна и гипотеза Финзлера о двоцарствии Атридов (Там же, стр. 403).

практиковавшегося в Греции обычая обедов в складчину 10. В VII веке, если считать его временем окончательного оформления «Одиссеи», фидитии в их классической форме, по всей вероятности, еще не существовали. Царский фидитий классического времени ничем не напоминает пир у Менелая.

В описании Лакедемона мы замечаем у Гомера те же черты примитивной утопии, что и в описании острова феаков в следующих песнях «Одиссеи». Дом Менелая, как и дворец Алкиноя, не похож на скромное жилище Одиссея. Он ломится от наполняющей его меди, золота, янтаря, слоновой кости и т. п. (IV, 72 сл.). Самого Менелая Телемах застаёт пирующим в окружении своего народа, как это и подобает сказочному царю. Выше (IV, 3, 15 сл.) эти δαίτιμονες названы его «соседями и свойственниками» (υείτορες ήδε εται) 11.

Свойственники и соседи Менелая образуют в совокупности племя (демос), а сам он выступает здесь в роли главы родовой общины, племенного вождя. В представлении поэта издержки на устройство коллективных обедов племени также должны быть коллективными. Именно поэтому царские гости приводят с собой своих баранов, а их жены приносят из дома хлеб (ср. II VIII, 505-507).

Аналогичная форма широкого общенародного пиршества прослеживается и в древнейших слоях «Илиады». В IV-й песни (385-386) Тидей идет из Аргоса в Фивы и находит «многочисленных кадмейцев, пирующих в доме силы Этеокла». С каждым из них он вступает по очереди в единоборство и всех побеждает. Кадмейцы, побежденные Тидеем, очевидно, - не старцы из ближайшего окружения Этеокла, а молодые отборные воины вроде тех *χοῖροι*, которых затем (393) посылают вдогонку Тидею и которых он также безжалостно истребляет. Сам Этеокл изображен здесь подобно Менелая, как древний племенной вождь (гex sacer), пирующий со своим народом. III-я песнь «Одиссеи» открывается картиной грандиозного пира в Пилосе (5-9; 32-33). Это было первое, что увидели Телемах и его спутники, подплывая к берегу: «...те же на взморье совершали жертвоприношение - черных быков темнокудрому землеколебателю. Девять было седалищ. На каждом сидело по 500 человек и перед каждым (седалищем) лежало по 9 быков. Они уже отведали внутренностей, богу же сожгли бедра...». И не сколько ниже: «...там сидел Нестор с

¹⁰ Кроме ряда мест у самого Гомера, о которых будет речь ниже, можно сослаться еще на Hes., Op., 722.

¹¹ Нильссон (Ук. соч., стр. 31) почему-то называет их «приверженцами» (retainers). Более подробно о значении термина *ετις* см. ниже, стр. 94 слл.

сыновьями, а вокруг, приготовляя обед, друзья (εταίροι) жарили мясо, насаживая (на вертел)». Царь и его близкие образуют здесь лишь центральную группу в сцене народного пиршества.

В эпизодах на Схерии, изобилующих описаниями пиршеств, Алкиной адресует обычно свое приглашение к сравнительно узкому кругу лиц: «скиптродержцам-царям» или «старцам» (Od. VII, 186 слл.; VIII, 40 сл.). Однако практически оказывается приглашенным весь народ: «наполнились людьми галереи, двор, дом» (VIII, 57). Угощение, предложенное гостям, рассчитано на большую толпу людей (два быка, двенадцать овец и восемь свиней). На то, что в обеде участвуют все жители острова, недвусмысленно указывает Одиссей, начиная свой рассказ традиционной формулой вежливости (IX, 5 сл.): «Нет, говорю я, ничего для меня более приятного, нежели (видеть), как всем народом (μάτα δῆμον ἀλατᾶ) владеет благоразумие, пирующие же в доме слушают певца, сидя рядом...»¹². Если рассматривать общество феаков, как родовое, это расхождение между численностью приглашенных и количеством действительно участвующих в пиршестве людей объясняется довольно просто. Каждый феакский «старец» - одновременно патриарх, глава рода. Вместе со своим родом (вернее, с его мужской половиной) он является на общеплеменной царский обед. Таким образом, под гостеприимным кровом Алкиной собирается весь феакский демос, а не только царская дружина (лаос), как этого требует феодальная концепция гомеровского общества. Алкиной наделен Гомером всеми добродетелями радушного хозяина. Приглашая к себе во дворец юношей-гребцов и феакских старцев, он говорит (VIII, 39): «Я всех угощаю» (ἐγὼ δ' εἴ πᾶσι παρέξω). Вышеупомянутых быков, овец и свиней он сам закалывает для гостей (ἱέρουσεν, 59). Отсюда, однако, не следует, что это его собственный скот. Гости могли привести его с собой, как мы это уже наблюдали в сцене пиршества у Менелая. В обоих случаях ἀνδρες βασιλεύοντες чувствуют себя в царском дворце весьма свободно, как завсегда. Они, например, сами готовят свой обед (Od., VIII, 38: τοῖν ἀλευόνεσσι βαίτα, ср. XIII, 23).

Все это показывает, насколько условно в данном случае встречающееся иногда в литературе выражение «царские» обеды¹³. Локализация этой формы обедов в жилище верховного басилея - весьма

¹² Так объяснял место уже Нишш (*Gr. W. Nitzsch. Erklärende Anmerkungen zu Homer's Odyssee. III. Hannover, 1840*).

¹³ См., например, *F. Moreau. Les festins royaux et leur portée politique d'après l'Iliade et l'Odyssée. REG, VII, 1894*.

относительна. Правда, у Гомера царский дом имеет уже все признаки частного жилища: женскую половину, хозяйственные пристройки и т. д. Однако в основе своей он является зданием, принадлежащим общине, и поэтому используется ею для своих целей¹⁴ так же, как критский мужской дом - андрий в классический период¹⁴. На связь между общинным мужским домом и домом вождя указывают также и многочисленные примеры в современной этнографии. Нередко вождь просто¹⁵ узурпирует мужской дом и превращает его в свое частное жилище.

В целом, большие обеды, в которых участвует все племя, у Гомера уже встречаются лишь в качестве анахронизма. Не случайно в «Одиссее» они ассоциируются преимущественно с загадочной Схерией¹⁶ или с идеализированными Пилосом и Спартой. В большинстве случаев широкий фон общенародного пиршества в обеденных сценах бледнеет и исчезает. Остается только центральная группа - царь, окруженный героями и старцами. Это не означает, однако, что поэт, изображая «царские» обеды с участием демоса, не мог использовать в сценах этого рода какие-то черты современной ему действительности. Пир во дворце Алкиной или Менелая можно рассматривать как идеализированную форму обеда мужского союза. А то, что организации, обозначаемые обычно этим термином, были хорошо известны авторам «Илиады» и «Одиссеи», показал уже Финзлер.

В эпосе можно выделить ряд пиршественных сцен, которые в отличие от «царских» обедов строятся безотносительно к той или иной личности, взятой в качестве связующего звена. Наиболее ярким примером могут служить известные строки из плача Андромахи (II. XXII,

¹⁴ Мегарон, который мог вместить лишь ограниченное число пирующих, первоначально, видимо, служил местом небольших семейных обедов. Δαίς в собственном смысле слова устраивался в «предомии» или просто во дворе (см. II., IX, 487; место, впрочем, можно понимать двояко: обеды устраиваются либо в доме Феникса, но за пределами мегарона, либо в каком-то другом (мужском?) доме - Od., VIII, 57; XV, 466).

¹⁵ H. Schurtz. *Alterklassen und Männerbünde*, стр. 206; E. Schlesier. *Die Erscheinungsformen des Männerhauses und Klubwesens in Mikronesien*, стр. 187; J. Haackel. *Männerhäuser und Festplatzanlagen in Ozeanien*, стр. 9 сл.

¹⁶ Как это было отмечено уже древними комментаторами (Schol. T in Od. VIII, 390), государство феаков представляет собой ни что иное, как идеализированный аристократический полис. Это положение, развитое Финзлером (*Das homerische Königtum*, стр. 324 слл.), едва ли оспоримо. Однако наряду с этими поздними наслоениями в феакских песнях «Одиссеи», несомненно, наличествуют и элементы более древней легенды о «золотом веке», т.е. отзвуки первобытного коллективизма, быть может, перемешанные с реминисценциями микенской эпохи.

490-501): «День сиротства совершенно лишает ребенка сверстников. Всегда с поникшей головой, щеки заплаканы. В нужде приходит мальчик к товарищам (εταίρους) отца. Одного тащит за плащ, другого за хитон. Кто-нибудь сжалится и протянет малую чашу - только губы смочить, для нёба же не хватит. А то и прогонит его с обеда счастливцев, у которого и отец есть и мать, ударами и бранью осыпав: Убирайся, ведь твой отец не обедает с нами. И плача, мальчик приходит к матери-вдове, - Астианакт, который прежде на коленях своего отца ел только мозг и жир бараний». Насколько можно понять из отрывка, товарищи Гектора собираются для своих обедов независимо от него, где-то вне его дома и продолжают собираться после его смерти. Таким образом, имеется в виду совершенно самостоятельный союз, члены которого связаны между собой отношениями товарищества или, как говорит А. Фанта, а вслед за ним и Финзлер¹⁷, отношениями гетерии.

Это, однако, уже не первобытный союз, который охватывает обычно всю боеспособную мужскую половину племени. Финзлер¹⁸ совершенно справедливо полагает, что цитированные строки логически вытекают из предшествующих слов Андромахи (489): «Ведь чужие отнимут поле» (ἄλλοι γάρ οἱ ἀλουρήσουσιν ἀρούρας). Лишенный отцовского надела Астианакт лишается тем самым и возможности принимать участие в устройстве обедов, внося свою долю к общему столу. Интересна и внешняя сторона этих обедов: маленькие мальчики участвуют в трапезе, сидя на коленях своих отцов. Иногда на месте отца мы видим «воспитателя-кормильца». Феникс вспоминает (II. IX, 486 слл.), как маленький Ахилл обливал ему хитон на груди, οἴνου ἀποβλύζων. Евримаха таким же образом вскармливала Одиссей (Od. XVI, 422 слл.). Сходная форма общей трапезы взрослых и детей прослеживается в Греции и в более позднее время на Крите и в Аркадии (Athen. IV, 143 e; 149 c). Обычай носит, несомненно, символический характер, знаменуя господство патриархальной семьи и консолидацию наследственной аристократии. Штрихи, дополняющие эту картину собрания гомеровского мужского союза, мы встречаем и в других частях «Илиады». Так, в «Долонии» (II. X, 214-217) Нестор, обращаясь к ахейцам, вызывает охотников в разведку и обещает награду: «Сколько лучших ни начальствует над судами, каждый даст

¹⁷ A. Fanta. *Der Staat in der Ilias und Odyssee*. Innsbruck, 1882, стр. 61; G. Finsler. *Homér, I*, стр. 191.

¹⁸ G. Finsler. *Das homerische Königtum*, стр. 314.

ему черную овцу с ягненком - дар, которому здесь нет равного; и всегда в обедах и пирах он будет участвовать» (αἰεὶ δ' ἐν δαίτησι καὶ εἰλαλίησι παρέσται). Обычно обе части отрывка переводятся без непосредственной связи друг с другом: Нестор обещает смельчаку по овце с человека и, кроме того, гарантирует постоянное питание на счет общины или, как полагает Фанта, поочередные обеды в палатках тех же ἀρίστοι¹⁹. Нам, однако, кажется, что такое толкование нарушает целостность поэтического образа, который, несомненно, содержится в словах Нестора. Так как героев в ахейском войске очень много, разведчика в случае удачи ожидает в лагере огромное стадо черных овец - каждая с сосунком. Образ сам по себе достаточно эффектен и едва ли нуждается в каких-либо дополнениях. Поэтому обе фразы лучше понимать в совокупности: Нестор разъясняет, что сулит обещанная им награда. Владелец такого стада может позволить себе ежедневно участвовать в товарищеских обедах, каждый раз являясь на них со своей овцой, как это делают сотрапезники Менелая в IV-й песни «Одиссеи». По своему внутреннему смыслу слова Нестора вполне аналогичны цитированному выше отрывку из плача Андромахи: в обоих случаях подчеркивается, что право на участие в обеде или, иными словами, право считать себя членом мужского союза самым непосредственным образом зависит от имущественного положения человека. Эта зависимость выступает в обоих отрывках особенно выпукло благодаря тому, что поэт и там и здесь имеет в виду наиболее примитивную и древнюю форму организации обеда - складчину.

Многое в организации гомеровских союзов остается неясным - имеющийся в нашем распоряжении материал слишком ограничен и фрагментарен. Тем не менее, Финзлер и Жанмэр²⁰ обращают внимание на имеющиеся в тексте поэм намеки, на основании которых можно заключить, что первобытный принцип возрастного деления общества еще сохранял свою силу в период, когда складывался эпос. Так, об одном из троянских героев Полидаманте в «Илиаде» (XVIII, 251) сказано: «Он был товарищем (εταῖρος) Гектора; они родились в одну и ту же ночь». Смысловая связь обеих частей предложения - совершенно отчетлива: Полидамант потому и считался товарищем Гектора, что они родились в одно время (ср. II. XXII, 492). В «Одиссее» несколько раз встречается выражение πατρώιος εταῖρος. Отношениям этого рода придается, по-видимому, особое значение. В сцене

¹⁹ A. Fanta. Ук. соч., стр. 74.

²⁰ G. Finsler. Ук. соч., стр. 314 сл.; H. Jeanmaire. *Couroi et courètes*, стр. 100.

народного собрания на Итаке (Od. II, 253 сл.), когда Телемах просит у женихов корабль, чтобы плыть в Спарту, один из них, Леокрит, отвечает, что снарядить его в путь должны Ментор и Алиферс, так как они - товарищи его отца (οἱ ἔξ ἀρχῆς πατρώιοι εἶσιν εταῖροι, ср. Od. II, 286; XVII, 68; XXII, 208).

По мнению Жанмэра, общество, изображенное в гомеровских поэмах, четко делится на два возрастных класса. К первому из них принадлежат все взрослые мужчины и юноши, способные носить оружие и обозначаемые в поэмах одним общим термином *κοῦροι*. Человек, имеющий взрослого сына, который может вместо него нести его воинские обязанности, перестает быть *κοῦρος* и переходит в высший возрастной класс «старцев» (*γέροντες*)²¹. В политическом и социальном статусе каждого из этих классов имеются определенные различия. Если *γέροντες* образуют племенной совет и вместе с тем ближайшее окружение царя, то *κοῦροι* допускаются только к участию в народном собрании²². *Κοῦροι*, как правило, находятся в личной зависимости от членов класса *γέροντες*. Они сопровождают их в бою, прислуживают им на обеде, исполняют различные поручения. Жанмэр видит в категории *κοῦροι* прямую аналогию пахам и оруженосцам при дворах феодальных сеньоров в средневековой Европе²³.

Нам кажется, однако, что картина, нарисованная Жанмэром, весьма далека от исторической действительности гомеровского периода. Приписывая отношения между классами *γέροντες* и *κοῦροι* совершенно не свойственный им оттенок вассальной зависимости²⁴,

²¹ H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 37.

²² Там же, стр. 23 слл.

²³ Там же, стр. 29 слл.

²⁴ Единственный пример личной зависимости члена класса *κοῦροι* от представителя старшей возрастной группы, который приводит Жанмэр, - отношения между Идомнеем и Мерионом, которого поэт часто называет «оруженосцем» (*ὄπλων*) критского героя (Мерион упомянут среди семи «лучших куретов ахейских», которые сопровождают Талфибия, несущего дары примирения Ахиллу - II, XIX, 239). Однако этот случай едва ли можно считать типичным. Патрокл, которого, вероятно, также можно назвать «оруженосцем» Ахилла, старше его по возрасту (II, XI, 787). Сам термин *κοῦρος*, вопреки утверждению Жанмэра, не содержит в себе ничего аристократического. В случае необходимости поэт употребляет эпитеты, подчеркивающие социальное положение: *ἀριστος κοῦρων* (Od., XXII, 29 сл.); *κοῦροντες ἀριστήες* (II, XIX, 238); *κοῦροι... οἱ κατὰ δῆμον ἀριστεύουσι* (Od., IV, 652). В ряде случаев *κοῦροι* действительно прислуживают старшим на обедах (II, I, 463 сл.; IX, 174; Od., I, 148; III, 339; XXI, 270), но такого рода «вассальные отношения» можно встретить даже у австралийцев.

Жанмэр вместе с тем весьма неточно характеризует сами эти классы. Так, ни на чем не основано его утверждение, что мужчина мог оставаться на положении *κοῦρος* вплоть до совершеннолетия его сына. В действительности этот термин ни разу не употребляется в эпосе по отношению к человеку, уже имеющему семью и ведущему самостоятельное хозяйство. Во всех случаях, когда лицо, обозначаемое как *κοῦρος*, уже известно по контексту, речь идет о юношах в собственном значении этого слова²⁵. С другой стороны, *γέρον* в первоначальном значении слова, несомненно, - глубокий старик, уже не способный держать в руках оружие. Таковы типичные гомеровские старцы: Нестор, Приам, Лаэрт и пр.²⁶ Это предполагает существование между категориями *γέροντες* и *κοῦροι* еще одного промежуточного класса. Таким классом могут быть только *ἀνδρες* - взрослые семейные мужчины. Три возрастных класса: юношей, мужей и старцев и составляли, по всей вероятности, основу древнейшей формы мужского союза в гомеровской Греции. Ведущую политическую роль в общине играл, несомненно, последний из этих классов. На это указывает постоянно встречающееся у Гомера обозначение членов племенного совета *γέροντες*²⁷.

²⁵ Так в Od., XV 151 о Телемахе и Писистрате; постоянно о женихах Пенелопы - Od., XVI, 248; XXII, 30; XXIII, 122; XVII, 174 и II, 96; XIX, 141; XXIV, 131. Можно допустить, однако, что возрастные рамки класса *κοῦροι* были довольно широкими (может быть, до 30 или даже более лет), что вообще типично для народов с неразвитой частной собственностью (см. выше, стр. 51 сл. о возрастных классах у племени масаи). На такую возможность указывают употребляемые в ряде случаев эпитеты, с помощью которых поэт выделяет внутри класса *κοῦροι* младшую возрастную группу (например, *κοῦροι νέοι* II, XIII, 95; *κοῦροι πρωθήβαι* - Od., VIII, 262 сл.). Иногда параллельно с *κοῦροι* в поэмах используется, очевидно, заменяющий его термин *νέοι ἀνδρες* или просто *νέοι* (см. Od., II, 28; III, 363; ср. IV, 652; II, IX, 35 сл.; 68 слл.).

²⁶ См. также II, III, 150; VI, 113 о троянских *δηιογέροντες*. Выражение *πυήτορες ἦδε μέδοντες*, употребляемое в поэмах параллельно с *γέροντες* (см. *Finsler*. Ук. соч., стр. 324 сл.), не означает, что старцы были военными предводителями, являясь просто почетным титулом.

²⁷ Совет старцев в эпосе не всегда совпадает с возрастным классом. Нередко в его состав входит строго определенное число *γέροντες*. Так, троянский совет состоит из семи человек; совет ахейской армии под Троей - из семи-девяти человек; вместе с Алкиноем заседают обычно еще 12 феакийских старейшин (*Fanta*. Ук. соч., стр. 79). На этих примерах мы наблюдаем, как внутри возрастного класса выделяется замкнутая группа (союз) родовой знати. Тем не менее связь между этими двумя институтами еще прослеживается в поэмах. Так, Алкиной по случаю прибытия Одиссея приглашает во дворец, кроме своих обычных сотрапезников феакийских *πυήτορες ἦδε μέδοντες*, также и других старцев, которых, очевидно, было гораздо больше, чем первых (Od., VII, 189). Можно догадаться, что в прежние времена общеплеменные собрания старцев в доме царя были скорее правилом, чем исключением.

Привилегированное положение старцев нельзя, конечно, рассматривать, как простое проявление пиетета к их возрасту. Пока и поскольку основной хозяйственной единицей гомеровского общества оставалась большая патриархальная семья, члены младших возрастных классов должны были находиться также в материальной, экономической зависимости от стариков. Наиболее отчетливо это первоначальное положение вещей выступает в обрисовке троянского полиса в «Илиаде». Гектор и возглавляемое им троянское ополчение резко противопоставлены старцам, окружающим Приама, которым, очевидно, принадлежит решающее слово во всех важнейших политических делах²⁸. Эта ситуация логически вытекает из известного описания патриархального домохозяйства Приама в VI-й песни (242 слл.; см. также XXIV, 160 слл.)²⁹.

Гораздо более запутаны и трудны для понимания отношения между различными возрастными категориями в ахейском лагере под Троей. Главные герои ахейцев: Менелай, Одиссей, оба Аякса, Идомей и тем более Диомед - ровесник младшего сына Нестора (II, IX, 57 сл.), конечно, не могут быть причислены к старцам в собственном смысле этого слова³⁰. Тем не менее именно они составляют совет γέροντες при Агамемноне и пьют причитающееся им γερούσων οίνον (II, II, 404 слл.; IV, 257 слл.; XVII, 248 слл.)³¹. В какой-то мере эта ситуация может рассматриваться как результат поэтической фикции: Гомер стремится сделать своих любимых героев центром всех происходящих событий. Однако в этой фикции есть своя внутренняя логика. В круг γέροντες Παναχαϊώ³² входят только лица, облеченные у себя на родине царской властью³² и, следовательно, уже вышедшие из-под

28 Это особенно чувствуется в словах Гектора, поносящего «трусливых старцев» за то, что они удерживали его от нападения на ахейские корабли (II, XV, 721 слл.). Зависимость Гектора от воли старцев тем более показательна, что он фактически является регентом при Приаме, неспособном к военному предводительству (G. Finsler. Ук. соч., стр. 398).

29 В число 50 сыновей, живущих вместе с Приамом, как будто не входят Гектор и Парис, у которых, по словам поэта (II, VI, 317), есть свои собственные дома на троянском акрополе. Возможно, однако, что эта деталь - лишь одно из позднейших исправлений первоначальной сюжетной канвы поэмы.

30 Одиссей на целое поколение старше Антилоха (сына Нестора) и Аякса Оилюда (II, XXIII, 790 сл.). Поэт, однако, подчеркивает, что он - не обычный старик, но οἰογέρον.

31 G. Finsler. Ук. соч., стр. 406 сл.; H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 35 сл.

32 Термин βασιλεύς используется в эпосе в двояком значении: с одной стороны, он обозначает должностное лицо, вождя, стоящего во главе общины, с другой,

родительской опеки и пользующиеся полной политической и хозяйственной самостоятельностью. Даже Диомед, самый молодой среди главных героев эпоса (поскольку его отец, Тидей, уже умер), может считаться настоящим pater familias и одновременно главой патриархального рода, что и дает ему право на участие в советах «старцев»³³. Таким образом, физический возраст уже не является в гомеровском обществе единственным критерием, определяющим принадлежность к тому или иному возрастному классу. В значительной мере она зависит от степени имущественной правоспособности. Поэтому в данном случае нам кажется более уместным термин «имущественно-возрастной класс». Анализ некоторых сюжетных коллизий в поэмах обнаруживает интересные особенности в правовом статусе отдельных классов, что находит свое выражение прежде всего в различии типа обетов, свойственного каждому из них.

Большой интерес в этой связи представляет один из пассажей XI-й песни «Одиссеи» (185 слл.). Одиссей в царстве мертвых беседует с тенью своей матери Антиклей, которая рассказывает ему о положении дел на Итаке: «Никто еще не присвоил твою прекрасную почесть. Телемах спокойно владеет теменом и участвует в равных пирах, которые пристало устраивать мужу-судье; ведь все (его) приглашают» (σὸν δ' οὐ πῶ τις εχει καλόν γέρας, ἀλλὰ ἐκηλος / Τηλέμαχος τεμένεα νέμεται καὶ δαΐτας εἶσας / δαίνυται, ἄς ἐπέοικε δικασπῶλον ἄνδρ' ἀλεγύνειν/ πάντες γὰρ καλέουσι).

Разные авторы толкуют это место по-разному. Затрудняют понимание отрывка, во-первых, неясность, к кому относится выражение δικασπῶλον ἄνδρ(α), во-вторых, кажущаяся несогласованность глагольных залогов: δαίνυμι в медиальном, а ἀλεγύνω в активном. Фанта³⁴ толкует слова Антиклей следующим образом: Телемах продолжает пользоваться царской привилегией Одиссея, в силу которой он имеет право на обед в доме каждого из своих подданных, прежде всего в домах знати (δικασπῶλοι ἄνδρες). Этому, однако, противоречит

это общее обозначение родовой знати наряду с ἀριστοί (Finsler. Ук. соч., стр. 319 слл.; ср. прим. 37). В этом последнем значении термин охватывает все возрастные категории. Так, в «Одиссее» титул βασιλῆς носят женихи, еще юноши, политически не вполне правоспособные (Od., I, 395; XVIII, 64; XXIV, 179). [Ср. Ю. В. Андреев. Раннегреческий полис. Л., 1976, стр. 46, 66 сл. - *Ред.*]

33 В некоторых случаях герой получает царскую власть и становится главой семьи еще при жизни отца. Так, например, Одиссей является царем Итаки при живом еще Лаэрте. С другой стороны, о Пелее говорится, что он и после смерти Ахилла продолжает удерживать свою «царскую власть» (II, XI, 495 сл.).

34 A. Fanta. Ук. соч., стр. 73 сл.

единственное число существительного в инфинитивном обороте. Кроме того, выражение δαῖτας εἶσας говорит о, несомненно, коллективном характере обедов. Более убедительное объяснение предлагает Финзлер³⁵. Телемах сохраняет отцовский надел и именно поэтому (как землевладелец, который может внести свою долю в складчину) продолжает участвовать в коллективных обедах знати. «Это приглашение не является частью царской γέρασ и не вытекает из обязанности содержать царя, возложенной на знатнейших людей общины. Оно выражает лишь признание его имущественного положения». Тем не менее перевод, который предлагает Финзлер³⁶, нельзя признать удачным. Он не передает некоторые существенные, на наш взгляд, оттенки подлинника. Как и Фанта, Финзлер считает, что διχασπόλον ἀνδρ(α) не может относиться к Телемаху и что выражение следует понимать абстрактно³⁷. В соответствии с этим он переводит δαῖτα ἀλεγύνειν как «вкусать обед» (ein Mahl genießen), хотя ни у Гомера, ни у поздних авторов этот глагол такого значения не имеет³⁸. Сама форма обедов, их организация остаются при таком понимании весьма расплывчатыми. Все становится на свои места,

³⁵ G. Finsler. Das homerische Königtum, стр. 314.

³⁶ «Telemachos ist in ruhigem Genuss der τεμένη und nimmt an den Mahlzeiten teil, zu deren Genuss ein Mann von Adel berechtigt ist».

³⁷ Аргументацию Финзлера в этом пункте нельзя назвать последовательной: «Телемах не может иметься в виду, так как он - не царь, а также не представитель своего отца; да если бы он и был таковым, то διχασπόλος ἀνδρ означает вовсе не царя, а судью». Но Телемах не может быть ни тем, ни другим еще и потому, что он - несовершеннолетний (в момент посещения Одиссеем подземного мира ему могло быть не более 14 лет). Мы не будем углубляться в вопрос о судебных функциях царей у Гомера. Заметим лишь, что само выражение διχασπόλος ἀνδρ Финзлер совершенно правильно понимает, как обозначение 'человека, принадлежащего к знати'. Но точно таким же обозначением в целом ряде случаев оказывается βασιλεύς - сам Финзлер (Ук. соч., стр. 324 сл.) весьма убедительно показывает это на примере государства феаков. Что касается вопроса о совершеннолети Телемаха, то он едва ли занимал автора XI-й песни в той же степени, что и поздних комментаторов «Одиссеи», так что подсчеты этого рода вряд ли могут здесь иметь какое-нибудь значение.

³⁸ В трех местах «Одиссеи» (I, 374, II, 139 и XIII, 23), на которые ссылается Финзлер, истинное значение глагола не поддается определению по контексту. Однако в четвертом (VIII, 38) общепринятый перевод не вызывает сомнений. Алкиной обращается к гребцам, отобранным для препровождения Одиссея на родину: «... затем быстро приготовьте обед (θηήν ἀλεγύνετε δαῖτα) у нас (во дворце)... Это поручаю юношам». Сразу же после этого Алкиной приглашает «прочих царей-скиптодержцев». Юноши таким образом должны приготовить обед для всех остальных гостей, не только для себя (ср. выше, прим. 24).

если допустить, что именно Телемах и есть «муж-судья», что вместе с отцовским наделом он сохранил и этот его титул. Итакийские старейшины в представлении автора XI-й песни составляют группу (союз), все члены которой связаны друг с другом узами гостеприимства. Каждый из них в свою очередь принимает у себя всех остальных³⁹. При этом сотрапезники не просто вкушают обед, а готовят его своими руками (ἀλεγύνουσι), как это делают, например, жехихи в доме Одиссея (XVII, 175 сл.).

В период, когда создавалась «Одиссея», неделимость семейного имущества вплоть до смерти главы семейства была, по-видимому, все еще общим правилом (Od. XIV, 208; ср. II, 15 сл.). Поэтому положение юноши Телемаха среди итакийских старцев едва ли можно считать типичным. Но вместе с тем разобранный эпизод по-своему характерен. Он показывает, что развитие частной собственности знатных семей вносило свои коррективы в естественно сложившуюся организацию мужских союзов, в результате чего возрастной критерий, первоначально определявший принадлежность к союзу того или иного лица, теперь сплошь и рядом искажается или вообще игнорируется.

Другой пример устройства обедов союза в частном жилище дает та же XI-я песнь «Одиссеи» (413 сл.). Тень Агамемнона рассказывает о его предательском убийстве: сам царь и его товарищи были зарезаны, «как белозубые свиньи (в доме) богатого могущественного мужа на свадьбу, обед или роскошный пир» (ή γάμω ή έράνφ ή είλαπίνη τεθαλυίη); είλαπίνη у Гомера - обычное название коллективного обеда (II, X, 217; XVII, 576 сл.). έράνος также обозначает групповую трапезу (у поздних авторов преимущественно в складчину)⁴⁰. Однако, в

³⁹ Ницш (Ук. соч., т. III, стр. 219 сл.) предлагает близкое нашему, хотя и излишне усложненное толкование, в вероятности которого он, однако, не уверен: «Следует принять, что то один, то другой γέρων, διχασπόλος, βασιλεύς, после того как он тяжущимися сторонами будет избран судьей, приглашает к себе взрослых мужчин из знатных семей, угощает их и затем вместе с ними выслушивает стороны и судит». Близок к нашему также перевод Жанмэра (Ук. соч., стр. 91): «Telémaque continu a jouir de son temenos et sa juste portion lui reste acquise aux festins d'usage, que s'offrent les juges». Впрочем, далее он, следуя Берару, предпочитает выбросить заключительные слова отрывка, начиная с διχασπόλον ἀνδρ(α), как интерполяцию.

⁴⁰ Неизвестно, чем отличается гомеровский έράνος от других форм коллективного обеда. Был ли он обедом в складчину, как позднее? Нильссон, утверждающий это (Homer and Muscæe, стр. 231), может сослаться лишь на два места: Od. I, 226 и XI, 435. Ни в том, ни в другом случае ничего прямо об этом не говорится. Ср. F. Moreau. Ук. соч., стр. 134, прим. 3.

данном случае обе эти формы стоят в одном ряду со свадебным пиром и, по-видимому, так же, как и он, устраиваются на средства «богатого мужа».

Интересную параллель этим двум пассажам «Одиссеи» находим в IX-й песни «Илиады». Нестор обращается к Агамемнону со следующими словами (70 слл.): «Устрой пир для старцев. Для тебя (это было бы) весьма пристойно. Ведь у тебя шатры полны вина, которое ахейские корабли ежедневно привозят из Фракии по широкому морю. Всякое у тебя есть угощение. Над многими ты властвуешь». Ахейские корабли, каждый день плавающие во Фракию специально за вином к столу Агамемнона, равно как и его огромный домен, который здесь имеется в виду, - конечно, не более чем поэтическая фикция, слабый отголосок былого могущества микенской державы. Однако, психологически речь Нестора звучит вполне убедительно: Агамемнон - богатейший в ахейском лагере человек и именно на нем лежит в первую очередь священный долг гостеприимства. Характерно, что смысловой акцент в этом отрывке падает именно на богатство Агамемнона, а не на его царский титул. Отсюда можно заключить, что в данном случае он выступает уже не в качестве представителя общины в устройстве пиршества подобно II, IV, 343 сл. (см. выше, стр. 66), а как частное лицо. На практике между обедом в доме «богатого мужа» и «царским обедом» в собственном значении этого слова, очевидно, не было сколько-нибудь существенной разницы. И в том и в другом случае «старцам» подавались яства, приготовленные из припасов, взятых «у народа». Однако, в цитированной выше речи Нестора содержится, как нам кажется, намек на глубокий перелом в правосознании гомеровских греков. Продукты, считавшиеся прежде собственностью общины, теперь принадлежат одному человеку - царю, и находятся в его бесконтрольном распоряжении⁴¹. Правда, обычай на который и ссылается здесь Нестор («для тебя это было бы весьма пристойно»), велит Агамемнону принимать в своей палатке других вождей ахейского войска. Однако источник этого обычая - не «мнение народное», а внутренний регламент мужского союза, который образует в данном случае численно ограниченная, замкнутая в себе группа ахейских старейшин. По аналогии с Od. XI, 185 слл. можно догадаться, что Агамемнон - не единственное лицо, на котором лежали обязанности такого рода. Действительно, в той же IX-й песни «Илиады»

⁴¹ С наивным цинизмом эту же мысль высказывает Телемах в беседе с Антиносом (Od. I, 392 сл.): «Ведь очень даже неплохо быть царем. Его дом быстро богатеет, и сам он в большом почете».

в качестве гостеприимна в одном ряду с Агамемноном выступает также Ахилл (255 слл.). Вероятно, и другие герои должны были время от времени принимать у себя «старцев», хотя, может быть, делали это не так часто, как богатые Ахилл и Агамемнон⁴².

Таким образом, как в «Одиссее», так и в «Илиаде» мы находим следы особой формы обедов мужского союза, которая заключалась в том, что каждый из членов союза поочередно угощал в своем доме всех остальных⁴³.

Насколько позволяют судить данные эпоса, этот тип обедов был характерен для возрастного класса «старцев», то есть людей вполне правоспособных в имущественном и политическом отношении. По своему характеру обеды по принципу чередования домами довольно близки более архаичной форме «царских» обедов, хотя считать их вполне идентичными нельзя⁴⁴.

⁴² Из обращения Алкиноя к царям Схерии с призывом одарить Одиссея (Od. XIII, 13 слл.) можно заключить, что все 13 басилеев острова обладают правом собирать «дары» у народа, хотя вполне вероятно, что в каждом отдельном случае это право ограничено рамками того родового объединения (филы или фратрии), во главе которого стоит тот или иной базилей.

⁴³ Наряду с обедами союза в эпосе нередко встречаются коллективные обеды, носящие иной характер. Такова интересная форма обедов в качестве платы за услуги. В «Одиссее» несколько раз упоминается *δδοιόριον* - обед для гребцов, по существу представляющий собой плату за проезд на корабле (XV, 506 сл.; ср. VIII, 38 слл.). В «Илиаде» эта форма представлена обедом жнецов, изображенным на щите Ахилла (XVIII, 558 слл., см. ниже, прим. 106). К обедам в качестве компенсации за труд очень близко примыкают обеды героев с их дружинниками. Эта форма носит довольно эпизодический характер (в чистом виде встречается лишь один раз в «Одиссее» - XIV, 249 слл.) и отнюдь не имеет того всеобъемлющего значения, которое ей приписывают сторонники теории «гомеровского феодализма». Это и понятно: регулярное устройство обедов для дружинников едва ли было под силу среднему базилею, которому самому нередко приходилось пахать и косить (Od., XVIII, 366 слл.).

⁴⁴ Фанта (Ук. соч., стр. 72 слл.) пытается проследить в поэмах переход от строго официальных обедов-совещаний геронтов к частным обедам знати, которые затем, однако, также приобретают официальный характер. Нам эта схема кажется искусственной. В гомеровском обществе, как и в любой другой первобытной социальной формации, представления об официальном и неофициальном акте не были сколько-нибудь четко разграничены. Соответственно наиболее важные дела общины могли решаться как на «официальном» совете в доме царя или же в специальном помещении (мужском доме), так и на «неофициальных» собраниях знати в частном жилище любого аристократа. В первом случае «старцы» действовали от лица народа, во втором - от своего собственного, как замкнутое сословие или союз знати. Но во времена упадка родоплеменной демократии это различие не имело сколько-нибудь существенного значения (ср. выше, стр. 58 сл., прим.

Женихи Пенелопы - пожалуй, наиболее интересный пример гомеровского мужского союза, хотя Финзлер и обходит его молчанием в своей статье. Отношения Одиссея и Телемаха с женихами носят исторически очень сложный характер. Они представляют собой конечный результат тех многовековых модификаций, которые претерпел на своем пути сюжет «Одиссеи». В отличие от «Илиады» «Одиссея» щедро насыщена фольклорным материалом, в основе которого лежит древняя ритуальная мифология. Многие, в том числе и основные сюжетные линии поэмы восходят к одному определенному кругу этих мифов, именно - к сказаниям, связанным с обрядами инициации. Сюда можно причислить, например, эпизоды в пещере Полифема, пребывание Одиссея в царстве мертвых и, наконец, саму кровавую развязку поэмы: натягивание лука и избивание женихов⁴⁵. Женихи с самого начала противостоят Одиссею в состязании за руку Пенелопы как сплоченная компактная группа (индивидуальные образы некоторых из них следует, видимо, отнести к позднейшим наслоениям). Во времена зарождения мифа такой группой мог быть только мужской

176, о союзе Поро в Африке). Обе формы собраний знати могли длительное время сосуществовать друг с другом. На это указывает сохранение во многих греческих государствах такой реликтовой формы мужского дома, как пританей, а также самого обычая совместных обедов должностных лиц. См., например, Schol. in II., IX, 70: «Родосский закон велит знати (τοὺς ἀριστοὺς) питаться вместе с высшими властями, совещаясь о делах, предстоящих на утро».

⁴⁵ См. С. Я. Лурье. Дом в лесу. «Язык и литература», VIII, 1932, стр. 177; В. Я. Пропп. Мужской дом в русской сказке. «Уч. записки ЛГУ, сер. филол. наук», 1939, № 20, стр. 194 сл. Р. Карпентер (*R. Carpenter. Folktales, Fiction and Saga in the Homeric Epics*. Berkeley, 1946, стр. 151 сл.), один из последних исследователей «Одиссеи» с точки зрения фольклора, обнаруживает в образе Одиссея ряд тотемистических черт, прослеживая его родословную в качестве Bearson. Женихам он уделяет сравнительно мало внимания, трактуя их как «друзей-предателей», покинувших «медвежьего сына» в подземном царстве и принуждающих к браку спасенную им царевну. «Бесконечные обеды женихов - лишь проекция или продолжение свадебного пира, в который должен вмешаться герой». В своей интерпретации сюжета поэмы Карпентер обходит некоторые весьма существенные детали, о которых речь будет ниже. Сама сказка о «сыне медведя» в его изложении представляется чересчур растянутой. Жермэн (*G. Germain. Essai sur les origines de certaines thèmes Odysséens et sur la genèse de l'Odyssee*. P., 1954, стр. 1 сл.), сопоставляя сцену натягивания лука с аналогичными мотивами индийского эпоса, приходит к выводу, что все они восходят к древнему ритуалу тронных инициации, занесенному в Европу и Индию кочевниками Центральной Азии и Ирана. Однако эти состязания за право на обладание короной - не более, чем поздний реликт широких общеплеменных инициации (см. *G. Thomson. Aischylos und Athen*. B., 1957, стр. 123, прим. 51). О связи инициации с брачными церемониями см. *R. Briffault. The Mothers*. H. L., 1927, стр. 197 сл.

союз, вернее, один из его возрастных классов. Авторы последних «редакций» «Одиссеи» едва ли уже отдавали себе отчет в истинном характере этого коллективного образа. Они щедро наделяют женихов всеми чертами ὕβρις современной им «золотой молодежи»⁴⁶. Однако признаки союза еще угадываются в некоторых характерных деталях гомеровского повествования. Правда, и эти детали во многом уже выходят за рамки чисто мифологических реминисценций и должны рассматриваться как привнесение в эпос более поздних стадий в эволюции союза. О том, что перед нами не случайное сборище претендентов на руку Пенелопы, говорит одно интересное обстоятельство, на которое до сих пор мало кто обращал внимание. Телемах перечисляет женихов, желая показать отцу, насколько трудным будет задуманное им предприятие (Od., XVI, 247 сл.): «С Дулихия пятьдесят два избранных юношей и с ними шесть слуг (δρῶτήρες); с Самы пришли двадцать четыре человека, с Закинфа двадцать ахейских юношей, а с самой Итаки двенадцать, и все лучшие, и с ними Медонт, вестник и божественный певец и двое слуг, сведущих в разрезании мяса». На сто восемь женихов приходится, таким образом, только десять слуг, если причислить к ним также глашатая и певца. Между тем мы, несомненно, были бы вправе ожидать иного соотношения. Женихи - это неоднократно подчеркивается в «Одиссее» - все принадлежат к лучшим «царским» домам Итаки и окрестных островов. Было бы вполне естественно, с точки зрения аристократического кодекса приличия, если бы каждый из них имел при себе, по крайней мере, одного слугу. Именно так представляет себе положение вещей автор XVIII-й песни (291): каждый из женихов посылает к себе домой вестника за подарком для Пенелопы. Это сопоставление наводит на мысль о том, что слуги, о которых говорит Телемах, не являются слугами отдельных женихов, а принадлежат всей группе в целом (или группам, прибывшим с разных островов). Иначе говоря, это слуги союза, специализирующиеся на приготовлении и обслуживании коллективных обедов (Телемах подчеркивает это, говоря о двух бодрой итакийских женихов). В качестве аналогии можно сослаться на слуг в критских ситуациях (в каждой гетерии их было от десяти до тринадцати человек - Athen., 143 b) или на потомственных поваров в фидитиях в Спарте (Hdt., VI, 60).

ὕβρις женихов проявляется прежде всего в их обжорстве, в уничтожении ими чужого имущества. Обжорство и насилия над рабынями

⁴⁶ С. Н. Whitman. *Homer and the Heroic Tradition*. Cambridge, 1958, стр. 306.

Одиссей делает первым пунктом своей короткой обвинительной речи XXII, 36 сл.)⁴⁷. Как посягнувшие на священное право собственности, они расплачиваются за это своей кровью. Имущественный вопрос фактически становится центром тяжести в том конфликте, на котором строится поэма. Мотивировка поведения женихов в самой поэме - они губят имущество Одиссея, чтобы принудить Пенелопу к браку, - производит впечатление некоторой искусственности и, по-видимому, представляет собой позднюю попытку соединить в единое целое разнородные версии древнего предания об Одиссее. Безусловно правы Нильссон и Жанмэр, которые видят в обедах женихов злоупотребление каким-то обычаем, а не просто произвол и, стало быть, чисто поэтическую фикцию⁴⁸. Однако их попытка объяснить ситуацию, сложившуюся на Итаке, исходя все из той же концепции «гомеровского феодализма», не выдерживает критики. По мнению Нильссона, женихи, будучи «вассалами» Одиссея, в его отсутствие самовольно присвоили право обедать в царском доме, которым они раньше, до отплытия Одиссея, пользовались по обычаю. Эта гипотеза в сущности ничего не объясняет и лишь еще больше запутывает дело. С точки зрения феодального кодекса чести Одиссей имел бы не менее серьезные основания для мести женихам, если бы они покинули его дом и бросили на произвол судьбы его жену и несовершеннолетнего сына. Ключом к правильному пониманию взаимоотношений Одиссея и его семьи с женихами должна служить речь Телемаха во II-й песни (138 сл., ср. I, 374 сл.): «Если ваша душа стыдится этого, уйдите из моего дома, устраивайте другие обеды, проедавая свое имущество, чередуясь домами (αειβόμενοι κατὰ οἴκους). Если же вам кажется желанней и лучше оставаться и губить безвозмездно имущество одного человека, жрите!». В чем смысл этих слов Телемаха? Он не пытается доказать, что женихи вообще не имеют права обедать в его доме, хотя, казалось бы, именно с этого и нужно было бы начать. Телемах протестует против того, что ему одному приходится нести все бремя расходов в устройстве этих обедов. В этом смысле место созвучно цитированному выше отрывку XI песни, в котором идет речь об обедах итакийских судей. Женихи так же, как и их отцы - διασπλόλοι άνδρες, едят в доме Телемаха по обычаю. Однако, с другой стороны, они злоупотребляют

⁴⁷ G. Finsler. Das homerische Königtum, стр. 320.

⁴⁸ M. P. Nilsson. Das homerische Königtum, стр. 30; H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 94 сл. Отголоском первоначальной версии являются, как кажется, слова Леокрита (Od., II, 244): «Трудно будет и многим мужам сражаться (с нами) из-за обеда (μαχέσασθαι περί δαίτι)».

обычаем, оставаясь в том же самом доме дольше положенного срока. Именно в этом смысл конфликта. Его острота еще более усугубляется тем, что Телемах и женихи находятся далеко не в равном положении по отношению друг к другу. Чередование домами, которое предлагает женихам Телемах, хотя и напоминает поочередные обеды судей, в то же время принципиально от них отличается. Как мы уже говорили, образ женихов в «Одиссее» сохраняет традиционные, восходящие к первобытной ритуальной мифологии черты возрастного класса. Они все, как один, - юноши (κοῦροι) и, стало быть, неженаты и не ведут своего хозяйства. Типичен в этом отношении Еврином, сын героя Египтия. Всего у Египтия было четыре сына (Od., II, 15 сл.). Старший Антиф последовал за Одиссеем в Трою и был затем съеден на ужин циклопом. Два других (видимо, семейных) работают в отцовском хозяйстве (εχον πατρώια έργα). Наконец, последний и, видимо, самый младший Еврином «шатается с женихами» (μνηστήρων ὄμιλε). Устройство обедов на началах взаимного гостеприимства для женихов, очевидно, исключено: у них нет ни земли, ни своих домов, куда бы они могли пригласить друг друга⁴⁹. Следует отметить и еще одно обстоятельство. Pluralis κοῦροι у Гомера сплошь и рядом используется в значении «дружина», «отряд» (II, II, 510; III, 183; IV, 392 и т.д.). Это и понятно. Молодые люди, холостяки как наиболее мобильный и драчливый элемент общины составляют ядро племенного ополчения. Применительно к женихам это подтверждает сам Одиссей (XXIII, 121), который называет их (уже мертвых) «опорой города» (έρμα πόλης). Евримах же молит открывшегося Одиссея (XXII, 54 сл.): «Пощади своих людей» (φείδεο λαόν σων).

Характеристика женихов как шайки молодых грабителей - весьма традиционна. В этом нас убеждают данные современной этнографии, о которых уже говорилось в I главе. В некоторых отношениях союз женихов можно сопоставить с молодежными союзами таких африканских народов, как масаи, ньякиуса, зулусы и др. (см. стр. 51 сл.).

⁴⁹ Впрочем, как союз, женихи могли иметь свой мужской дом. Быть может, именно так следует понимать слова Телемаха (Od. XX, 264 сл.), который, обращаясь к женихам, пытается доказать, что его дом принадлежит его отцу, а не народу (οὐ τοι δήμιος ἐστὶν οἶκος οὐδ', ἀλλ' Ὀδυσσεύος, ἐποίε δὲ κτήσατο κείνος). Таким οἶκος могла быть кузница или лесха. Сам Гомер отзывается о них с оттенком некоторого презрения (Od., XVIII, 329 сл.), так как оба эти помещения служат приютом бездомным и вообще людям низшего сорта. Однако, Гесиод (Op., 493 сл.; 500 сл.) изображает лесху, как нечто вроде деревенского клуба, а в более поздних источниках этот же термин нередко обозначает здание официального характера (см. ниже, стр. 112).

Как было указано, союзы этого типа обычно исполняют определенные функции военного или мирного характера в интересах остальной общины. В свою очередь община довольно часто берет на себя издержки по содержанию союза. Время от времени молодежь, входящая в союз, появляется в деревне и один за другим обходит дома. Каждый хозяин в случае такого визита должен накормить гостей обедом. Типичным примером здесь могут служить обычаи племени ньякиуса⁵⁰.

Иную форму обычаев обхода деревни молодыми людьми приобретает там, где социальные функции мужского союза вытеснены функциями чисто религиозными. В этом случае, члены союза, изображающие, как правило, «живых мертвецов», покидают свои лесные убежища и врываются в деревню, хватая все, что попадает под руку (см. выше о союзах Нкимба, Поро и т.д.). Узаконенное воровство в спартанских агелах, несомненно, можно отнести к тому же самому кругу обычаев⁵¹. Пережиточно кормление молодежи общиной сохранялось еще в недавнее время в русских и украинских деревнях в форме так называемого «колядования». По мнению таких авторитетных ученых, как В. И. Чичеров и В. Я. Пропп, мотив попрошайничества нельзя считать изначально присущим песням колядующих. «Не просьба, а требование, перерастающее в угрозу навлечь беду, - частое явление в великорусских колядках»⁵². Характерно, что мотив угрозы совершенно отчетливо звучит также в единственной из дошедших до нас древнегреческих «колядок». Приводим перевод этого интереснейшего памятника греческого фольклора (PMG, *Carmin. pop.* 2 [848], 7 слл.): «Выноси-ка ты пастилу (παλάθρα) из богатого дома и чашку вина, и корзинку сыра, и пшеничный хлеб, и бобовые лепешки ласточки⁵³ не отвергает. Уйдем мы (ни с чем) или получим что-нибудь? -

⁵⁰ Аналогичные обычаи засвидетельствованы и за пределами Африки. См., например, рассказ Тацита о хаттах (см. выше, стр. 53, прим. 156).

⁵¹ Характерно, что древнейший из наших источников, сообщающих об этом обычае, Ксенофонт (*Resp. Lac.*, 11, 9) подчеркивает его связь с культом Артемиды Орфии. См. *W. Den Boer. Laconian Studies. Amsterdam, 1954, стр. 261 слл.*

⁵² В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI - XIX вв. М., 1957, стр. 126; В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники. Л., 1963, стр. 46. В последней из этих работ высказывается предположение, что «в артелях колядовщиков есть какие-то следы некоторой поло-возрастной организации» (стр. 55), однако детальной разработки этого вопроса автор не дает.

⁵³ Как видно из начальных строк песни, опущенных в переводе, ее исполнители ведут речь от лица ласточки и, очевидно, сами ее изображают, что довольно близко напоминает как териоморфные костюмы «ряженных колядовщиков», так и маски тайных союзов.

если, конечно, дашь. Если же нет, не оставим (тебя): унесем или дверь или притолоку или женщину, которая сидит (там) внутри. Она ведь - невелика (ростом), легко ее унесем. Если же (все-таки) вынесешь, неси-ка что-нибудь большое. Открой, открой дверь ласточке! Мы ведь - не старики, а молодые ребята (παῖδία)⁵⁴. Легко представить, что вслед за угрозой, которая в песенке IV в. до н. э. звучит полшутливо, в более ранний период могли последовать какие-то реальные действия, направленные против хозяина дома, его семьи и его собственности. Эту догадку подтверждают, с одной стороны, разбойные акции современных тайных союзов, главную роль в которых играет, как правило, молодежь, а с другой, поведение женихов в доме Одиссея⁵⁵.

Экскурс в область сравнительной этнографии помогает лучше понять некоторые оттенки во взаимоотношениях Телемаха с женихами. Телемах, хотя по возрасту он должен быть их сверстником, противостоять им не как их товарищ по союзу, связанный с ними долгом взаимного гостеприимства, а как домохозяин, на котором, как и на всех жителях Итаки, даже не имеющих никакого отношения к союзу⁵⁶,

⁵⁴ [Перевод несколько условный, т.к. текст подвергся существенным искажениям. - *Ред.*]

⁵⁵ Особого внимания заслуживают ст. 5 сл. песни, в которых исполнители грозят унести женщину, сидящую в доме (ή τάν γυναίκα τάν ἐσω καθήμενάν). Сходные мотивы встречаются в русских колядках («не дашь денежку, уведем девушку», Чичеров. Ук. соч., стр. 76). Довольно вероятно, что угрозы такого рода были, если не отражением, то по крайней мере отголоском некогда существовавшей добрачной половой свободы сельской молодежи, которая, как уже указывалось выше (см. стр. 49, прим. 141), обычно бывает тесно связана с мужскими домами и возрастными классами. Заметим, однако, что в цитированных строках речь идет не о девушке, а о женщине, очевидно, жене хозяина дома. По сути дела, песенка, как в зерне, заключает в себе сюжет «Одиссеи». В обоих случаях на первом плане - конфликт хозяина дома с группой молодежи, покушающейся на его имущество и его жену. Второй из элементов конфликта (ссора из-за женщины), по всей вероятности, гораздо древнее первого (расхищение имущества). Р. фон Шелиха (*R. von Schelicha. Patroklos. Basel, 1943, стр. 143*), как нам кажется, не без основания предполагает, что взаимоотношения Одиссея и Пенелопы с женихами есть ни что иное, как художественно осмысленный переход от группового брака к парному. В этой связи интересно отметить, что по одному из вариантов предания, Пенелопа уступила домогательствам женихов и родила от них бога Пана (*Schol. Lycophr., Alex. 772*). 12 рабынь, вступивших в «преступную» связь с женихами и казненных за это Одиссеем, - быть может, все, что осталось от этого первоначального «грубого» варианта в поэме.

⁵⁶ В этой связи большой интерес представляет разговор Одиссея с Евримахом (*Od., XXII, 55 сл.*). Последний от лица своих товарищей предлагает возместить весь ущерб, нанесенный царскому дому, за счет народа (ἀρεσάμενοι κατὰ δίῃον). Смысл этого выражения раскрывает далее Одиссей. Он говорит, что его

лежит бремя содержания этой ἐρμα πόλιος. Весь ужас положения Телемаха в том, что женихи едят и пьют в его доме безвозмездно (νῆλοινον). Он ничего не может потребовать взамен ни с них самих, потому что у них нет своего имущества, ни с их родителей, потому что они не отвечают за действия союза. Такая интерпретация позволяет понять еще одно темное место в той же сцене народного собрания (Od., II, 74 сл.). Телемах обращается к гражданам Итаки с довольно странным, на первый взгляд, предложением: «Мне было бы выгодней, если бы вы (сами) проели мое имущество, движимое и недвижимое (μετιήλια τε πρόβασιν τε); и если бы вы-таки проели (его), я быстро получил бы плату (τίσις); мы до тех пор бы ходили по городу, выпрашивая имущество, пока все не было б отдано». Место кажется странным, так как поворот примитивного юридического мышления, лежащий в его основе, трудно уловим для невооруженного глаза современного читателя. Слова Телемаха - не просто жест отчаяния. В них есть трезвый, хотя и несколько наивный расчет. Телемах предпочитает отдать свой дом на поток и разграбление отцам грабителей, с которых он затем как с полноправных собственников взыщет сполна весь ущерб, опираясь в сущности на тот же самый обычай поочередного гостеприимства (отдаривания), на котором основываются обеды итакийских δῖασπλόι⁵⁷.

Мужские союзы современных отсталых народов, равно как и союзы древних германцев, иранцев и пр., как правило, имеют ярко выраженную религиозную окраску. Они сосредотачивают в своих руках важнейшие отрасли религиозной жизни племени: культ мертвых,

не устроит расплата, предложенная женихами, даже в том случае, если они отдадут все отцовское имущество, присоединив к нему еще и взятое у других (εἶ πόθεν ἄλλ' ἐπιθεῖτε). Может быть, в том же смысле следует понимать прозвище, которым Приам в припадке гнева награждает своих сыновей (II, XXIV, 262): ἀρῶν ἢ δ' ἐρίφων ἐπιθήμοι ἄρτακτρες.

⁵⁷ Молниеносное поедание запасов «гостеприимца» и столь же быстрое их восстановление - явление, весьма характерное для племен с неокрепшей еще частной собственностью. Типичный пример - потlach у североамериканских индейцев (*St. Villoen. The Economics of Primitive Peoples. L., 1936, стр. 250 сл.; Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины...*, стр. 34 сл.; 115 сл.; 179 сл.; 225 сл.).

⁵⁹ Эта гипотеза не исключает возможности существования подобных обрядов и у германцев. Так, весьма убедительным кажется нам сопоставление сюжета «Одиссеи» с тюркским эпосом, повествующим о возвращении героя в родной дом, захваченный восставшими рабами (*С. П. Толстов. Военная демократия и проблема генетической революции. ПИДО, 1935, № 7-8, стр. 190 сл.*). Еще один интересный рецидив первобытного коллективизма в гомеровском эпосе находим в II, XVIII, 300 сл. См. толкование этого места у Жанмэра (*Ук. соч., стр. 93*).

контроль над плодородием, обряды инициаций и т. д. Гомеровский союз почти совершенно лишен каких-либо признаков этого рода. Употребить здесь это «почти» позволяет, как нам кажется, знаменитая сцена безумия женихов (Od., XX, 345 сл.). Афина возбуждает в них неудержимый смех и приводит в смятение их рассудок. Их лица искажаются, и в довершение всего они начинают есть кровавое мясо (αἰμοφόρουχτα δε δὴ κρέα ἤσθιον)⁵⁸. Известно, что в древности безумие и религиозный экстаз рассматривались как весьма близкие, родственные состояния. Пожирание сырого мяса в состоянии экстаза было довольно обычным делом (общеизвестный пример - менады). В варварской Европе сыроедство практиковалось опять-таки среди членов мужских союзов. Союзы эти сплошь и рядом состояли из «оборотней» (вервольфов), которые одевались в звериные шкуры, носили звериные имена. Естественно, что сыроедство считалось среди них правилом хорошего тона. Типичным примером могут служить знаменитые скандинавские берсеркеры⁵⁹. Следы такого рода тотемистических верований и союзов (так называемой «ликантропии») сохранились и в Греции⁶⁰. Не исключено, что отголоском этого первобытного оборотничества является и безумие женихов. Оказавшиеся в его распоряжении обрывки древнего предания о союзе лесных братьев поэт использует здесь для создания эффектной сцены, эффектность которой усиливается ее непонятностью.

Оплакивающая погибшего Гектора Андромаха называет его товарищей-сотрапезников εταῖροι (II, XXII, 492)⁶¹. Наша характеристика гомеровской формы мужских союзов была бы неполной, если бы мы не попытались проследить употребление этого термина в эпосе. В большинстве случаев наиболее точным переводом εταῖροι является русское «дружина». Как полагает Финзлер⁶², каждая ахейская дружина под Троей в основе своей представляет постоянный мужской союз (гетерию), существующий также и в мирное время. Действительно, как мы это уже видели, типичный гомеровский союз, по

⁵⁸ Эту строку нужно, очевидно, отделять от последующего видения Феоклимона. Обрызганные кровью стены видит только сам провидец, но не поэт и не его слушатели.

und Männerbünde. Baden, 1927, стр.

45 сл.

⁶⁰ *H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 550 сл.*

⁶¹ Ср. II, XVII, 576 сл. Подес, шурина Гектора, назван здесь его εταῖρος φίλος εἰλαπιναστής.

⁶² *G. Finsler. Das homerische Königtum, стр. 316 сл.; его же. Homer, I, стр. 191 сл.*

крайней мере, в потенции является военным отрядом. И наоборот, отряд, набранный специально для военной или иной экспедиции, нередко обнаруживает признаки союза. Типичная дружина состоит из юношей (χοῦροι), т. е. как и союз, основана на принципе сверстничества (ἡλικία). Так, спутники Телемаха - в то же время его сверстники, связанные с ним дружбой (φιλότης, см. Od., III, 363 сл.).

Однако абсолютное тождество дружины и союза (возрастного класса), видимо, характерно лишь для более ранних стадий в эволюции последнего⁶³. В дальнейшем состав дружин становится более пестрым, а способы их набора более разнообразными. Выражение εταῖρους ἀγείρειν, бытующее у Гомера (II, III, 47; XIII, 778) означает, что в мирное время дружина уже не составляет постоянного, четко оформленного единства. Способ набора дружины зависит от цели похода и политической обстановки в самой общине. В ряде случаев, когда речь идет о большом общеплеменном предприятии (например, походе под Троию) набор производится принудительно. Примером может служить известный эпизод в «Илиаде» (XXIII, 296 сл.): Эхепол, богатый сикионец, дарит Агамемнону кобылицу Эту, чтобы избавиться от участия в походе (ср. II, XIII, 663; XXIV, 396). Жанмэр и Нильссон⁶⁴ полагают, что в каждом из этих случаев принуждение основано на личной (ленной) зависимости, которая связывает дружинников с царем. Это утверждение - совершенно беспочвенно. Как и в организации обедов, в вопросах войны и мира решающее слово принадлежит общине, а не царю (хотя инициатива, конечно, может исходить от того или иного знатного лица или группировки знати). Так, о коринфянине Евхеноре сказано (II, XIII, 669), что он последовал за Агамемноном, чтобы избегнуть тяжкого наказания со стороны ахейцев (ἀργαλήν θωήν Αχαιῶν). Набор в этих случаях производится по жребию среди наиболее богатых людей общины (II, XXIV, 400). Военная повинность распространяется не только на рядовых общинников, но и на царей, избранных решением народа (δήμου φήμις) в предводители ополчения (Od., XIV,

⁶³ Женихи, хотя они еще пользуются привилегиями старого возрастного класса, видимо, лишь номинально составляют военный отряд. На самом деле - это замкнутая корпорация, объединяющая знатную молодежь нескольких островов (древнейшая версия предания, как это видно из целого ряда мест, считает их всех жителями Итаки). Каждый из них может сам набрать дружину и снарядить экспедицию (ср. Od., XVI, 428).

⁶⁴ H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 62; M. P. Nilsson. Homer and Mycenae, стр. 239; см. также H. M. Chadwick. The Heroic Age. Cambridge, 1912, стр. 361 сл.

239)⁶⁵. И наоборот, экспедиция, организованная на свой страх и риск тем или иным басилеем, могла послужить причиной народного гнева (Od., XVI, 428). Это не означает, конечно, что каждое пиратское предприятие требовало непременно санкции народного собрания. Богатый и знатный человек мог в любой момент собрать «товарищей», спустить на воду корабли и вести их в любом направлении. Так (якобы) поступает Одиссей в своих вымышленных египетских экспедициях (Od., XIV, 246 сл., XVII, 425). Его примеру следует Телемах, предпринимая путешествие в Спарту. Частному характеру предприятий этого рода соответствует набор дружины по принципу добровольности. Афина в образе Ментора говорит Телемаху (Od., II, 291 сл.): «Я тотчас соберу среди народа товарищей-добровольцев» (εταῖρους... ἐθέλοντήρας). Перед началом похода все его участники приносят клятвы взаимной верности (II, II, 339 сл.; ср. 284 сл.)⁶⁶. Таким образом, материал гомеровских поэм не дает никаких оснований для того, чтобы говорить о какой-то личной (феодалного типа) зависимости дружины от ее предводителя. Вместе с тем каждый из этих эпизодически возникающих и затем распадающихся отрядов, видимо, имел свое постоянное ядро. Таким ядром была численно небольшая группа ближайших друзей героя - предводителя дружины. Отличительная особенность этой группы лиц в эпосе состоит в том, что они не только друзья (εταῖροι), но в то же время и слуги (θεράποντες) одного из главных ахейских героев. Можно, таким образом, говорить о тождестве (правда, как мы увидим в дальнейшем, лишь преходящем) обоих этих терминов применительно к этой категории гетеров⁶⁷.

⁶⁵ Жанмэр (Ук. соч., стр. 52 сл.) полагает, что выражение δήμου φήμις употреблено здесь, как и в других случаях у Гомера, в этическом смысле и обозначает «общественное мнение». Кроме указанного места, выражение встречается в поэмах лишь дважды. В одном из этих двух случаев (Od., XVI, 75) этическая окраска действительно выражена достаточно отчетливо. Однако, в другом эпизоде (Od., XIV, 239) общепринятый перевод «народное собрание» не вызывает сомнений, а попытки Жанмэра дискредитировать его - явно несостоятельны. Для общества, в котором мораль и политика еще очень тесно связаны между собой, такая текучесть понятия не удивительна.

⁶⁶ Поздним отголоском этого обычая является название одного из подразделений спартанской армии - «эномотия».

⁶⁷ Иногда впрочем термин θεράποντες охватывает всю дружину (II, XVI, 272; XXIV, 396), а глагол θεράλειω характеризует временную зависимость дружинников от их предводителя (Od. XIII, 265). Скорее всего - это явление вторичное. Известное сходство в положении обеих групп гетеров могло способствовать перенесению понятия 'слуги' с одной категории на другую.

Гомеровская группа εταῖροι заслуживает особого внимания, ибо в то время, как одни исследователи (Финзлер) совершенно игнорируют присущие ей особенности, рассматривая дружину в целом как нечто однородное,⁶⁸ другие (сторонники «феодальной» теории, особенно Нильссон)⁶⁸ возводят эти особенности в абсолют, распространяя их на все другие категории лиц, обозначаемых как εταῖροι. В отличие от прочих гетеров слуги, как правило, связаны с героем гораздо более тесными узами, уже существующими до начала похода и не прерывающимися с его окончанием. Типичный ближний гетер у Гомера — изгой, человек по тем или иным причинам отвергнутый собственным племенем. Патрокл бежит из Опунта, где он убил во время игры в бабки одного из своих сверстников, во Фтию. Пелей принимает его к себе и делает слугой и товарищем Ахилла (II, XXIII, 85 слл.). Точно так же Ликофрон, в прошлом убийца, бежавший с Киферы, спасаясь от кровной мести, становится слугой Аякса Теламонида (II, XV, 430 слл.). Феникс, оруженосец (ὄπλων) Пелея, приходит к нему, покинув родину после ссоры с отцом (II, IX, 447 слл.; XXIII, 360). Во всех этих случаях беглец, по-видимому, принимается в дом на правах младшего члена семьи. На него распространяются основные принципы, действующие внутри рода. За его смерть надлежит мстить как за смерть родственника. Его тело нельзя оставить врагам или бросить без погребения. Отношения между Ахиллом и Патроплом достаточно ярко характеризуют эти нормы гомеровской этики⁶⁹. В одном случае слуга выступает в качестве наследника своего патрона (II, VII, 148): аркадский герой Ликург перед смертью отдает свои доспехи и оружие (знаменитую железную палицу) Эрефалиону, φίλῳ θεράλῳτι. Ближний гетер живет обычно под одним кровом со своим патроном (как Патрокл, II, IX, 666) или, во всяком случае, где-нибудь неподалеку (Od., XV, 96). Это дает ему возможность регулярно питаться за столом главного героя и одновременно оказывать ему необходимые повседневные услуги. В пиршественных сценах обычно, хотя и не всегда, наблюдается четкое распределение обязанностей между гетерами. Так, в сцене посещения Ахилла Приамом (II, XXIV, 621 слл.) сам герой только закалывает овцу и делит мясо. Все остальное делают гетеры (Автомедон и прочие): сдирают шкуру, насаживают мясо на вертел, жарят, сервируют стол (ср. II, IX, 201 слл. — здесь Ахилл еще сам активно вмешивается в приготовление

⁶⁸ M. P. Nilsson. Das homerische Königtum, стр. 31.

⁶⁹ Подборка мест у Феникса (Ук. соч., стр. 64 сл.).

обеда, но почетное право дележа опять-таки принадлежит только ему). В бою гетеры неотступно следуют за героем, держат наготове его собственных лошадей и угоняют с поля захваченных им вражеских, принимают у него щит, когда он устает и окружают его, если он ранен⁷⁰.

Когда Феникс пришел во Фтию безвестным скитальцем, едва ли рассчитывая на что-либо большее, нежели на скромную участь слуги и друга дома, Пелей принял его, как любимого сына, сделал богатым и, наконец, отдал под его власть целое племя долопов (πολύν δὲ ποί ὄπλαε λαόν — II, IX, 480 слл.). Это один из трех пассажей (ср. II, IX, 149 слл.; Od., IV, 174 слл.), на основе которых строят свою аргументацию ученые, отстаивающие существование в гомеровской Греции системы «феодального» землевладения⁷¹. Скорей всего здесь, как и в других аналогичных случаях, мы имеем дело с художественной гиперболой, хотя в основе ее, несомненно, лежат какие-то реальные отношения. В реальных условиях гомеровского периода «барония» Феникса едва ли могла представлять собой что-нибудь иное, нежели участок земли, вырезанный басилеем, принявшим в свой дом чужестранца, из собственного темена⁷². Ближайшей параллелью здесь может служить обещание Одиссея Эвмею и Филэтию построить для них дома рядом со своим собственным после расправы над женихами (Od., XXI, 215 сл.).

Узы, связывающие гетера с его покровителем, могли передаваться по наследству от отца к сыну. Таковы отношения Ахилла с Фениксом. Точно также Патрокл после смерти Ахилла должен был стать опекуном его сына (II, XIX, 31 слл.). В целом отношения этого типа в эпосе можно, видимо, уподобить римской клиентеле или в какой-то

⁷⁰ Подборка мест у Жанмэра (H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 104 сл.).

⁷¹ M. P. Nilsson. Das homerische Königtum, стр. 32; H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 108 сл. Финли (M. J. Finley. Homer and Mycenae: Property and Tenure. «Historia», VI, 2, 1957, стр. 139) указывает, что семь мессенских «городов», которые Агамемнон собирает подарить Ахиллу (II, IX, 149 слл.), не были бы «феодальным держанием», так как у Гомера ничего не говорится о каких-либо «вассальных» обязательствах Ахилла по отношению к дарителю земли. Уитмен (Ук. соч., стр. 44; ср. L. R. Palmer. Mycenaean and Minoan. N. Y., 1963, стр. 91) видит в этом эпизоде реминисценцию микенской эпохи. Заметим, однако, что «города», названные Агамемноном, не могли входить в его «домен», являясь составной частью царства Нестора. Интересно также, что они не названы в «Каталоге кораблей», довольно подробно воспроизводящем карту ахейской Греции (см. D. L. Page. History and the Homeric Iliad. Los-Angeles, 1959, стр. 133, 166).

степени патриархальному рабству⁷³. Этот вывод, подтверждает этимология слова $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\lambda\mu\omicron\nu$, древнейшим значением которого было, по-видимому, 'домашний', 'взятый в дом'⁷⁴.

Итак, термин $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\iota$ употребляется в поэмах Гомера в трех основных значениях: 1) мужской союз или возрастной класс; 2) дружина как эпизодическое объединение воинов на время похода; 3) группа близких друзей, нахлебников и слуг предводителя в составе дружины. Исторически древнейшим из этих трех значений является, несомненно, первое, хотя два последних, столь же несомненно, преемственно с ним связаны и могут рассматриваться, как его производные. В самом термине $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$ видят обычно производное от другого гомеровского слова ($\rho\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ ⁷⁵). На их родство указывает наблюдаемая в некоторых случаях замена второго члена в традиционной формуле $\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron\iota$ те $\epsilon\tau\alpha\iota$, очевидно, играющим здесь роль синонима $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\iota$ (II., IV, 441; XXIV, 793; Od., XXI, 216)⁷⁶. Однако эта синонимичность не кажется абсолютной. Иногда оба термина стоят рядом (II., VII, 295: $\epsilon\tau\alpha\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\iota$), видимо, выражая два различных понятия. В большинстве случаев $\epsilon\tau\alpha\iota$ в поэмах встречается в связи с обозначениями разного рода родственных связей: $\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron\iota$ те $\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$ (II., XVI, 456; Od., XV, 273); $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\alpha}\varsigma$ те $\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron\upsilon\varsigma$ те $\acute{\epsilon}\tau\alpha\varsigma$ те $\kappa\alpha\iota$ $\lambda\omicron\sigma\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (II., VI, 239); $\epsilon\tau\alpha\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\alpha\nu\epsilon\psi\iota\omicron\iota$ (II., IX, 464). Из всех этих категорий $\epsilon\tau\alpha\iota$, по-видимому, - самая широкая. Если $\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron\iota$ и $\alpha\nu\epsilon\psi\iota\omicron\iota$ упоминаются

только в тех случаях, где речь идет о родине того или иного героя, $\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$ могут у него оказаться и на чужбине (см. II., VII, 294 сл.). Жанмэр⁷⁷ видит в $\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$ обозначение какой-то дальней степени кровного родства, тем более отдаленной, чем братья ($\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron\iota$) и двоюродные братья ($\alpha\nu\epsilon\psi\iota\omicron\iota$). Однако, отождествление $\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$ в ряде случаев с $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\iota$, которые там, где это оговорено, оказываются, как правило, представителями чужого рода и даже племени⁷⁸, исключает, как нам кажется, такое понимание этого термина. Участие $\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$ в кровной мести (Od., XV, 273) ничего не доказывает. Как мы видели, этот обычай у Гомера распространяется и на «друзей». Ближе к истине стоит, по-видимому, Латте, по мнению которого, $\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$ используется в гомеровских поэмах лишь как «бесцветный синоним» $\pi\tau\omicron\iota$ - 'свойственники'⁷⁹. У поздних авторов и в надписях $\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ встречается иногда в значении 'гражданин', 'согражданин', а отсюда 'частное лицо' в противовес магистрату (подобно $\iota\delta\acute{\iota}\omega\tau\eta\varsigma$, см., например, Thuc., V, 79; IG, V/2, 20). В одном случае из семи это же значение имеет слово и у Гомера (II., VI, 261 сл.). Гекуба, протягивая Гектору чашу с вином, говорит: «Усталому мужу вино увеличивает силу, а ты устал, защищая своих $\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$ ». Она, несомненно, имеет в виду всех троянцев, а

⁷³ В ранних слоях эпоса ближние гетеры рассматриваются как социальная категория, стоящая ступенькой выше, чем рабы (см. Od., XXI, 215 сл.: $\tau\eta\lambda\epsilon\mu\acute{\alpha}\chi\omicron\nu$ $\acute{\epsilon}\tau\acute{\alpha}\rho\omicron$ те $\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron$ те $\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\theta\omicron\nu$). Одиссей, очевидно, собирается усыновить Эвмея и Филетия за их верную службу. Отсюда, однако, не следует, что они будут совершенно равны Телемаху, законному наследнику царя. Ср. W. Beringer. Der Standort des $\omicron\iota\kappa\epsilon\upsilon\varsigma$ in der Gesellschaft des homerischen Epos. «Historia», XIII, 1, 1964, стр. 19). В дальнейшем, однако, это различие все более и более сглаживается (см. ниже, стр. 106 сл.).

⁷⁴ Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. I. Heidelberg, 1954, стр. 663 сл.

⁷⁵ F. Solmsen. Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Strassburg, 1901, стр. 203 сл.; G. Glotz. La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P., 1904, стр. 87; H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 105 сл. Фрикс считает такое родство невозможным, так как $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\iota$ и однокоренные слова не имели начального F-, а $\epsilon\tau\eta\varsigma$ со своей стороны, не встречается с густым придыханием. Это расхождение, как указывает Шантрэн (P. Chantraine. Grammaire homérique. I. P., 1942, стр. 150, 157, 184 сл.; *его же*, Dictionnaire étymologique de la langue grecque. II. Paris, 1968, стр. 381), объясняется большей архаичностью слова $\epsilon\tau\eta\varsigma$ и не исключает связи между ним и $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$. В качестве параллели он ссылается на другую гомеровскую пару $\eta\mu\alpha\rho$ - $\eta\mu\epsilon\rho\eta$ и т.п.

⁷⁶ G. Glotz. Ук. соч., стр. 87 сл.

⁷⁷ Ук. соч., стр. 106. Для Жанмэра этимологическая связь между $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$ и $\epsilon\tau\eta\varsigma$ - главный аргумент в пользу его тезиса о родстве союза гетеров и «семейной группы». Это последнее выражение используется им в весьма широком смысле, хотя точное разграничение между семьей и родом в этом вопросе очень существенно. Если принять $\epsilon\tau\alpha\iota$ за специфическое обозначение какой-то степени родства, ассоциирующееся с ним $\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron\iota$ также следует брать в его особенном значении 'родные братья'. Но сама ассоциация в этом случае становится непонятной. Более вероятно поэтому, что $\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron\iota$ в сочетании с $\epsilon\tau\alpha\iota$ имеет абстрактное значение, встречающееся у Гомера (II., XV, 545) - просто 'родственники'. В соответствии с этим столь же абстрактным должно быть в формуле и значение второго слова. М. Миллер (M. Miller. Greek Kinship Terminology. JHS, 73, 1953, стр. 47), ссылаясь на выражение $\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron\nu$ $\kappa\alpha\iota$ $\beta\lambda\alpha\tau\omicron\nu$ (II., XI, 257), видит в $\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron\iota$ родственников с материнской стороны, а в $\epsilon\tau\alpha\iota$ - соответственно с отцовской. Однако у Гомера встречается и сочетание $\kappa\alpha\sigma\acute{\iota}\gamma\upsilon\eta\tau\omicron\varsigma$ $\omicron\mu\omicron\upsilon\acute{\alpha}\sigma\tau\omicron\iota\omicron\varsigma$ (II., XXIV, 47; ср. XIX, 293). См. также G. Glotz. Ук. соч., стр. 86, прим. 8.

⁷⁸ Исключение из этого правила составляют II., XIII, 780 и 489. В первом случае Парис называет «друзьями» Деифоба и Гелена, хотя они его родные братья, в другом эпизоде «друзьями» Энея названы его родственники Деифоб и Парис. Совпадения этого рода следует, по-видимому, приписать поэтической инерции. Гомер как бы забывает, что троянский демос в его изображении - это единый огромный род потомков Дардана.

⁷⁹ K. Latte. Beiträge zum griechischen Strafrecht. I. «Hermes», LXVI, 1931, стр. 34. См. Hesych, s.v. $\epsilon\tau\alpha\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\kappa\alpha\tau'$ $\acute{\epsilon}\lambda\iota\gamma\alpha\tau\acute{\iota}\alpha\nu$ $\omicron\iota\kappa\epsilon\iota\omicron\upsilon\varsigma$. Этимологически $\epsilon\tau\eta\varsigma$ связано с индоевропейским *swe- 'свой'. Отсюда же русское *сват* и т.п. (Frisk).

не только свойственников Гектора. Латте⁸⁰ заключает отсюда, что уже в довольно ранний период $\epsilon\tau\alpha\iota$ стало обозначением 'родственников вообще', 'членов рода' (Sippenangehörige), а так как в гомеровском обществе гражданские права зависели от принадлежности к тому или иному роду, термин вскоре получил и новое значение 'гражданин', 'соотечественник'. Нам кажется, однако, что Латте делает здесь неправомерный скачок от отношений свойства к узам кровного родства. Но если экзогамия всегда была неотъемлемым признаком греческого рода⁸¹, фратрия могла утратить этот признак уже в довольно ранний период. Во всяком случае закон Драконта об убийстве (Syll.³, 111) ставит свойственников в один ряд с фратерами и, по-видимому, включает первых в число последних. Согласно Дикеарху (fr. I, 9 FHG, II, p. 238 = 72 Wehrli u Athen. IV, 141 c) фратрия базируется именно на принципе эпигамии нескольких родов. Следовательно, в родовом обществе, которое изображает Гомер, термин $\epsilon\tau\alpha\iota$ сохраняя свое основное значение 'свойственники', мог распространяться на целую группу взаимобрачающихся родов, входящих в состав фратрии⁸².

Среди примеров употребления в поэмах термина $\epsilon\tau\eta\varsigma$ особый интерес представляет один пассаж (II, IX, 464 слл.). Феникс рассказывает о своей ссоре с отцом и бегстве из отцовского дома. Чтобы удержать его, сошлись многочисленные родственники и свойственники. «Долго находившиеся тут же подле (меня) свойственники ($\epsilon\tau\alpha\iota$) и братья ($\alpha\nu\epsilon\psi\iota\omicron\iota$), умоляя удерживали в палатах. Много закололи жирных овец и влачащих ноги криворогих быков, много свиней, цветущих жиром, поджаривая растянули над огнем Гефеста, много вина было выпито из кувшинов старика. Девять ночей напролет они

80 *K. Latte. Beiträge zum griechischen Strafrecht. I. «Hermes», LXVI, 1931, стр. 34.*

81 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21, стр. 101; ср. Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, стр. 134.

⁸² Только в одном случае (II, VI, 240) поэт определенно имеет в виду близких, связанных узами брака людей. В других случаях (II, IX, 464; VII, 295; XVI, 456; Od., IV, 3,17; IV, 273) расширительное понимание термина вполне допустимо. Глотц (Ук. соч., стр. 85 слл.) считает, что $\epsilon\tau\alpha\iota$ не могут быть ни родственниками по крови, ни свойственниками, образуя широкую социальную группу, в которой реальная степень родства уже не поддается определению. Такой группой по его мнению, может быть либо род, либо фратрия. Это утверждение, однако, слишком категорично и не позволяет объяснить, например, II, VI, 240. Эндриус, справедливо отмечая это (*A. Andrewes. Phratries in Homer. «Hermes», 89, 2, 1961, стр. 135*), сам впадает в другую крайность, видя в $\epsilon\tau\alpha\iota$ лишь обозначение одной из степеней родства. Гораздо более широкое значение термина в позднее время остается поэтому для него загадкой.

спали возле меня самого; они, поочередно неся стражу, никогда не гасили огонь, - один в галерее хорошо огороженного дома, другой - в преддомии, перед дверями терема». На десятую ночь Фениксу удалось выломать дверь и уйти незамеченным. Логически эта сцена не очень хорошо увязана с предшествующим рассказом Феникса. Зато она весьма напоминает известные описания инициаций у отсталых народов. Изоляция юношей, над которыми совершается обряд, в особом помещении, ночные бдения взрослых участников церемонии, пиршества - все эти элементы инициации с поразительным постоянством повторяются у племен, отделенных друг от друга сотнями и тысячами километров⁸³. Эпизод бегства Феникса особенно важен для нас тем, что сами участники посвятельного обряда определены здесь как семейно-родовая группа (родственники и свойственники, которые могут в совокупности составлять фратрию)⁸⁴. А так как инициация, как известно из этнографии, означает обычно переход молодого человека в возрастную класс взрослых мужчин, мы вправе сделать вывод, что греческий мужской союз в его древнейшей форме должен был покоиться на чисто родовой основе.

Этот вывод подтверждается также и тем, что греческая фратрия, хотя и известная нам в поздней ее форме, еще обнаруживает явные признаки мужского союза. Само название этого объединения - «братство» - подчеркивает именно мужской его состав. В Афинах и других городах фратрии сосредотачивали в своих руках контроль над обрядами посвящения мальчиков, достигших совершеннолетия (или, скорее, половой зрелости): $\kappa\omicron\upsilon\rho\epsilon\omega\tau\iota\varsigma$ в Афинах, $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\lambda\lambda\alpha\iota\alpha$ в Дельфах⁸⁵,

⁸³ См. Н. Schurtz. Ук. соч., стр. 95 слл.; *A. van Gennep. Les rites de passage. P., 1909, стр. 21 сл.*; *J. G. Frazer. The Golden Bough. VII, 2. L., 1914, стр. 225 сл.*; Н. Webster. *Primitive Secret Societies*, стр. 139 сл.; *С. А. Токарев. Ранние формы религии*, стр. 213 сл. Ср. *R. Carpenter. Ук. соч.*, стр. 172.

⁸⁴ У многих племен с ярко выраженной дуальной организацией существует своеобразная взаимность (reciprocity по терминологии англоязычных этнографов) в отношениях между половинами (фратриями), на которые делится племя. Эта взаимность проявляется во всех важнейших обрядах и в частности в обрядах посвящения юношей (см. *R. Thurnwald. Banaro Society*, стр. 263; *J. Haeckel. Zweiklassensystem, ...in Südamerika*, стр. 427 слл.; *P. H. Gulliver. The Turkana Age Group Organization. «American Anthropologist», 60, 5, 1958, стр. 901 сл.*; *А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, passim*).

⁸⁵ См. *K. Latte. Phratris. RE, Hbd. 39, 1941, стб. 752*; *U. Kahrstedt. Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart - B., 1934, стр. 240*; *M. P. Nilsson. Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951, стр. 150 сл., 168 сл.*; о связи фратриальных обрядов с инициациями см. *J. E. Harrison. Themis*, стр. 441; Н. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 379 слл.; *G. Thomson. Aischylos und Athen. L. - B., 1957, стр. 111.*

в которых нетрудно разглядеть реликт первобытных инициации. Таким образом, гомеровское $\epsilon\tau\eta\varsigma$ можно считать синонимом очень древнего, хотя и не встречающегося у Гомера термина $\phi\rho\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ в его двойном значении: 'член родовой группы' и 'член мужского союза, соответствующего этой группе'.

Глотц⁸⁶ обращает внимание на то обстоятельство, что термином $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\alpha\iota$ Гомер охотнее всего пользуется при изображении военных сцен, тогда как $\epsilon\tau\alpha\iota$ появляются обычно в немногочисленных эпизодах мирной жизни (единственное исключение - II, VII, 295). Учитывая смысловую и этимологическую близость этих двух терминов, можно предположить, как это и делает Глотц, что они оба выражают одно и то же понятие, хотя и в разных аспектах. А именно, категорию $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\alpha\iota$ можно рассматривать как группу мужчин-воинов примерно одного возраста в рамках более широкого объединения $\epsilon\tau\alpha\iota$, включающего также и женщин (см. II, VI, 239). Как полагает Глотц⁸⁷, таким объединением может быть род либо фратрия. Эта догадка, как нам кажется, весьма близкая к истине, нуждается тем не менее в некоторых уточнениях. Как было показано выше, гомеровский мужской союз в его типичной форме представляет собой замкнутую корпоративную организацию знати, принадлежность к которой зависит прежде всего от имущественного состояния каждого из членов. Прямая связь союза с родом, фратрией и т.п. объединениями гентильного характера в эпосе не прослеживается. Женихи Пенелопы, на которых мы ссылались выше, как на образец гомеровского союза, явились на Итаку из разных мест и, очевидно, не могут принадлежать к одной и той же фратрии или роду. Еще более рискованно было бы пытаться установить какую-либо связь между родовой организацией и такой непрочной, эпизодической формой мужского союза, как гомеровская дружина. Выше мы уже видели, что дружина чаще всего представляет собой лишь случайное объединение воинов, набранных по всему народу либо добровольно, либо в принудительном порядке и связанных со своим предводителем клятвой взаимной верности и обещанием награды. Нередко в состав этого объединения⁸⁸ входят чужеземные искатели приключений или просто изгнанники⁸⁸. Все это, как нам кажется, исключает возможность смыслового тождества терминов $\epsilon\tau\alpha\iota$ и $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\alpha\iota$ в тот период, который нашел свое непосредственное и

⁸⁶ G. Glotz. Ук. соч., стр. 89 сл.

⁸⁷ Там же, стр. 90.

⁸⁸ Ср. описание германских дружин у Тацита (Germ., XIV).

наиболее полное отражение в гомеровских поэмах. Вполне вероятно, однако, что эти термины могли быть идентичны друг другу в более ранний период, предшествующий складыванию эпоса в его окончательной, известной нам форме.

В этой связи особенно показательным нам представляется известный эпизод во II-й песни «Илиады» (362 слл.). Нестор предлагает Агамемнону разделить войско на филы и фратрии для того, чтобы каждое из ахейских ополчений могло проявить себя с лучшей или с худшей стороны, сражаясь самостоятельно ($\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}$ $\sigma\phi\acute{\epsilon}\alpha\varsigma$ $\gamma\acute{\alpha}\rho$ $\mu\alpha\chi\acute{\epsilon}\omicron\nu\tau\alpha\iota$). Этот замысел едва ли может быть понят как тактическое новшество⁸⁹. Нестор - старейший из ахейских героев, проживший три обычных человеческих жизни. В его житейской мудрости преломляется забытый опыт минувших поколений. В глазах поэта построение войска по филам и фратриям - древний боевой порядок, которым пользовались когда-то предки и который он противопоставляет здесь не оправдавшей себя в течение десяти бесплодных лет троянской войны тактике дружин. Развивая дальше эту мысль, можно сказать, что дружина ($\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\alpha\iota$) в старом значении этого слова, т.е. отряд воинов-сверстников, принадлежащих к одной и той же фратрии и образующих прочный постоянный союз, противопоставляется здесь новой эпизодической форме дружины, сохраняющей, однако, прежнее название $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\alpha\iota$.

Первоначальное значение термина $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\alpha\varsigma$ выступает из-под позднейших напластований также и в некоторых гомеровских образах. Таковы образы типичных героев - Патрокла и Феникса. В трактовке этих двух персонажей в различных частях «Илиады» имеются весьма заметные расхождения.

В XXIII-й песни «Илиады» рассказывается о том, как отец Патрокла Менэтий привел его из Опунта, где он совершил убийство, во Фтию (85 слл.). Сам Патрокл - еще $\tau\upsilon\tau\theta\acute{\omicron}\varsigma$. Пелей принимает его в свой дом и делает слугой совсем еще маленького Ахилла. Что случилось после этого с Менэтием, неясно. Очевидно, он ушел обратно в Опунт или куда-нибудь в другое место, так как его дальнейшее пребывание

⁸⁹ Так понимает его Эндрьюс (Andrewes. Ук. соч., стр. 130 слл.). По его мнению, фратрии могли стать базой военной организации только в IX - VIII вв. до н. э., в период «расцвета греческих аристократий». Эндрьюс, правда, допускает, что фратрии могли существовать в Греции и в гораздо более ранний период, однако их характер остается для него совершенно неясным. Ср. К. М. Колобова. К вопросу о структуре греческого рода в период образования афинского государства. ПИДО. № 7-8, 1935, стр. 103.

в доме Пелея никак не оговорено. Однако в XI-й песни (765 сл.) мы узнаем из рассказа Нестора, что когда они с Одиссеем прибыли во Фтию, чтобы пригласить Ахилла принять участие в троянском походе, они нашли здесь не только Патрокла, но и Менэтия. Дальше рассказывается, как оба старца, Пелей и Менэтий, дают последние наставления каждый своему сыну. Стало быть, Менэтий, как это понимает автор XI-й песни, подобно Патроклу, живет на хлебах Пелея: маловероятно, что он явился сюда проведать сына как раз в тот момент, когда пришли Одиссей и Нестор. Из этой же предпосылки исходит, очевидно, и автор XVI-й песни (13 сл.). Однако в XVIII-й песни (325 сл.) Ахилл вспоминает о своем обещании вернуть Менэтию его сына живым и невредимым и привести его после победы над Троей в отеческий дом опять-таки в Опунте⁹⁰. В «Илиаде», таким образом, сталкиваются две традиции: одна делает родиной Акторидов Опунт, другая с самого начала поселяет их в Фессалии, во Фтии. Эта последняя традиция довольно широко известна и помимо Гомера. Согласно одной из ее версий (Ps.-Apollod., I, 52), Актор, дед Патрокла, был сыном Мирмидона, брата Эака, отца Пелея. По другой версии (Eustath. II., I, 337, ср. Schol. Pind. Ol. IX, 106 a), Актор - сын Мирмидона, а его сын Менэтий - молочный брат Эака. Третий вариант предания, восходящий к «Гесиоду» (Eustath. II., I, 337), делает Менэтия братом самого Пелея. И, наконец, еще одна, пожалуй, наиболее интересная версия (Diod., IV, 5-6): Актор, сам будучи царем Фтии, очистил Пелея от убийства и, не имея детей, передал ему свое царство⁹¹.

Смысл этих запутанных и разноречивых преданий так или иначе сводится к одному: связь Менэтия с Пелеем не была делом случая, как это изображает XXIII песнь «Илиады». Оба с самого начала были соседями и родственниками, а их сыновья соответственно - сверстниками и товарищами. Отношения патрона с клиентом, выступающие на первый план в «Илиаде», представляют, таким образом, лишь позднее наслоение в истории дружбы Ахилла и Патрокла. Рассказ об убийстве малолетним Патроком сына некоего Амфидаманта и его

⁹⁰ Заметим, что в начале этой же песни (ст. 10) Патрокл назван «лучшим из мирмидонян».

⁹¹ Роды Ахилла и Патрокла были связаны не только в Фессалии, но и на Эгине, которую традиция считает прародиной Эакидов. Пиндар называет Менэтия ελοῖχων Αἰγίνας (Olymp., IX, 69 сл., ср. Schol. Ol., IX, 106 a; Eustath. II., I, 337). Факты этого рода говорят о том, что в древности существовало несколько локальных вариантов предания о Патрокле. Р. фон Шелиха (Patroklos, стр. 240 сл.) объявляет все версии, кроме версии самого Гомера, «поздними конструкциями», не замечая, однако, что гомеровский вариант также весьма противоречив.

последующем бегстве вместе с отцом из Опунта, видимо, следует рассматривать как попытку связать опунтский вариант родословной Акторидов с фессалийским⁹².

Тю же двойственность наблюдаем мы и в образе Феникса. Его появление в IX-й песни «Илиады» составляет одну из главных апорий поэмы. Непонятно, почему он оказался в лагере Агамемнона в тот момент, когда было задумано отправить посольство к Ахиллу⁹³. Вскоре мы узнаём (438 сл.), что он с самого начала был послан Пелеем под Тройю в качестве опекуна и наставника еще неопытного (νήπιος) Ахилла. Однако далее Ахилл дважды (427 и 617) предлагает Фениксу остаться у него ночевать с тем, чтобы на следующий день вместе отплыть на родину. Одновременно он обещает старцу половину своей царской почести (ἰσον ἐμοῖ βασιλευε καὶ ἡμισυ μείρεο τιμῆς - 616⁹⁴). По-видимому, в древнейшей традиции Феникс был более самостоятельной фигурой, нежели это изображает «Илиада».

Еще Пиндар знает его, как предводителя долопов под Троей (fr. 183 Snell - Maehler: δς Δολόπων ἀγαγε θρασύν δμῖλον), хотя, по Гомеру, у него не было своего войска. В «Патроклии» он командует одной из пяти фаланг мирмидонского войска (XVI, 196). Скорее всего, Гомер переделал на свой лад древнее сохраненное Пиндаром предание, в результате чего Феникс стал властелином долопов милостью Пелея (II., IX, 484 сл.). Поэтому происхождение Феникса и местонахождение его родины остаются в «Илиаде» весьма неопределенными. В IX-й песни говорится, что он пришел во Фтию из Эллады, где царствовал его отец Аминтор (447 и 478). Однако сама Эллада нередко рассматривается в «Илиаде» как часть владений Пелея (II., 683; IX, 395; XVI, 595; ср. Od., XI, 496)⁹⁵.

⁹² E. Wüst. Patroklos. RE, 36. Hbd., 1949, стб. 2276.

⁹³ О других несообразностях в IX-й песни см. Г. А. Bergk. Griechische Literaturgeschichte. I. B., 1872, стр. 128 сл.; С. Robert. Studien zur Ilias. В., 1900, стр. 494; D. L. Page. Ук. соч., стр. 260, 301. Финзлер на этом основании предлагает просто выбросить Феникса из «первоначального» текста «Илиады» (Homer, I, стр. 39 сл.). Против этого справедливо, как нам кажется, возражает Вилламовиц (U. von Wilamowitz-Moellendorff. Die Ilias und Homer. В., 1926, стр. 65).

⁹⁴ [Этот стих большинство издателей исключает из текста. - Ped.]

⁹⁵ Не исключено, что Эллада и Фтия - лишь два разных названия одной и той же страны - Ахейской Фессалии. В этом смысле можно понять II., IX, 395; XVI, 595; Od., XI, 496. Точно так же сочетание «Эллада и Аргос» в некоторых случаях используется Гомером для обозначения Пелопоннеса (Od., I, 344; XV, 80). См. G. Finsler. Homer. I, стр. 4.

Овидий в «Метаморфозах» (XII, 363 слл.) упоминает некоего Крантора, оруженосца Пелея. Отцом Крантора был Аминтор, царь долопов. Победенный Пелеем, он отдал ему своего сына в качестве заложника. Латинское *armiger*, очевидно, является переводом греческого *ἀρμῖγος* - эпитета Феникса в «Илиаде» (XXIII, 360). Это обстоятельство так же, как и сходство имен отцов обоих героев, склоняет нас к мысли, что Крантор и Феникс - одно и то же лицо. А это, в свою очередь, подтверждает высказанное выше предположение о том, что Феникс первоначально сам был долопом, а не только правителем этого народа, посаженным Пелеем, как изображает дело Гомер⁹⁶. Хотя положение на хлебника и слуги при дворе Пелея является, по всей вероятности, поздним наслоением в образе Феникса, его исконная принадлежность к кругу преданий об Ахилле не вызывает сомнений. Феникс - типичный «кормилец», воспитатель героя (аналогичные фигуры известны в эпосе многих народов). «Кормильство» представляет собой более сложное явление, чем может показаться при беглом знакомстве.

Традиционная передача ребенка в другую семью и его воспитание там до определенного возраста в средние века было весьма распространенным обычаем у скандинавских народов (норманнов) и уже в сравнительно недавнее время у кельтов Ирландии, Шотландии и Уэльса. В его классической форме мы находим этот обычай на Кавказе вплоть до установления там советской власти. Это так называемое аталычество, засвидетельствованное у адыгейцев, черкесов, кабардинцев, осетин, абхазов и других народностей. М. О. Косвен, посвятивший аталычеству специальную работу⁹⁷, выделяет в эволюции обычая две основные стадии. В более ранний период дети отдавались на воспитание в своей среде, т.е. и семья воспитанника и семья воспитателя (аталыка) принадлежали к одному и тому же сословию⁹⁸.

⁹⁶ Интересно, что правителем долопов, правда не фессалийских, а скирийских был и другой воспитатель Ахилла Ликомед. Можно допустить, что в гомеровском образе Феникса сливаются воедино несколько мифических персонажей, происходящих из различных областей северной Греции. Так, Деметрий Скепсийский называет родиной Феникса город Орменион в Магнезии Фессалийской или Пеласгиотиде (fr. 68 (50) Gaede у Strab. IX, 5, 18, С. 438, 439; также Diod., IV, 37, 5). Кратер (Strab. *ibid.* С. 438) отождествляет с отцом Феникса Аминтора Орменида из Элеона (Фокида или Беотия), о котором один раз упоминает Гомер (II, X, 266).

⁹⁷ М. О. Косвен. Аталычество. В сб. «Этнография и история Кавказа». М., 1961.

⁹⁸ Ук. соч., стр. 106. Точка зрения Косвена в этом вопросе не совсем ясна. Так как аталычество практиковалось не только среди князей, но и среди крестьян (стр. 107, хотя наиболее устойчивым оно было именно у феодальной верхушки),

Поздней более распространенной стала другая форма: феодал (бек) отдавал ребенка зависимому от него человеку - своему вассалу (узденю) или крепостному крестьянину, для которых это было большой честью. Однако и в этот период пережиточно продолжала существовать старая форма. Практиковалось межплеменное аталычество (например, абхазские князья отдавали своих детей в соседние княжеские дома Адыгеи) ⁹⁹. Последовательные исторические напластования, которые мы обнаруживаем в образе Феникса, вполне соответствуют этой эволюции кавказского аталычества. Так, например, трудно понять намерение Феникса усыновить своего воспитанника при живом еще отце Пелее (II, IX, 494 сл.), если не допустить, что первоначально он не был просто «дядькой», слугой Ахилла, а стоял на одной с ним ступеньке общественной лестницы. В этой связи большой интерес представляют данные, собранные Косвеном в его статье¹⁰⁰. На Кавказе отношения человека с семьей воспитателя считались выше, значительнее, чем отношения родственные. У некоторых горских племен «аталык и его жена могли в любое время вызвать своего воспитанника и возложить на него заботу об их семье и родственниках». Нередко, когда истекал установленный обычаем срок, «воспитаннику предоставлялся выбор: он мог либо вернуться в свой родительский дом, либо остаться у аталыка».

Косвен видит в аталычестве пережиток перехода от матриархата к патриархату, т.е. того времени, когда брак уже стал патрилокальным и женщина переходит в семью мужа, но дети хотя бы на время возвращаются в род матери, как бы символизируя неизбежность его устоев. Иными словами аталычество представляет собой пережиточную стадию известного у многих отсталых народов авункулата¹⁰¹. Эта гипотеза подтверждается тем, что во многих случаях (особенно в норманно-кельтской зоне) распространения института в качестве «кормильца» выступает дядя с материнской стороны, однако на Кавказе, по словам самого Косвена¹⁰², преемственная связь аталычества с авункулатом прослеживается лишь в редких случаях. Как правило, аталыком мог стать любой человек, не обязательно дядя по матери.

можно предполагать, что сословному аталычеству (отдаче детей на воспитание людям зависимого низшего сословия) предшествовал не столько обмен детьми в рамках одного и того же сословия, сколько просто внесословное аталычество.

⁹⁹ М. О. Косвен. Ук. соч., стр. 107.

¹⁰⁰ Ук. соч., стр. 107, 109 сл.

¹⁰¹ М. О. Косвен. Авункулат. СЭ., 1948, № 1.

¹⁰² М. О. Косвен. Аталычество, стр. 120.

Можно, конечно, объяснить этот разрыв тем, что атальчество - лишь поздний отголосок эпохи крушения матриархата, отголосок, в котором, как это бывает сплошь и рядом, форма обычая уже преобладает над его содержанием. Возможно, однако, и другое объяснение: в кавказской форме «кормильства» к следам авункулата примешиваются отношения какого-то иного рода. Такими отношениями могут быть, например, отношения между двумя возрастными классами. В этой связи уместно заметить, что и на Кавказе, и в Скандинавии, и у кельтов пребывание воспитанника в доме «кормильца» обычно было временем обучения жизненно необходимым навыкам (особенно военным) и завершалось, как правило, с наступлением совершеннолетия. Все это едва ли было бы необходимо, если бы обычай носил чисто символический характер, как полагает Косвен. Интересную форму «кормильства» мы находим у австралийцев, у которых авункулат, по всей вероятности, никогда не существовал. У многих племен Восточной и Северной Австралии операцию обрезания над мальчиком, проходящим инициацию, совершает взрослый мужчина, уже женатый или собирающийся жениться на его сестре. В дальнейшем, на протяжении ряда лет между инициатором (guardian- initiate) и его пациентом сохраняется устойчивая личная связь. Мальчик переселяется в лагерь guardian- initiate и несколько лет находится у него в услужении (носит воду, собирает дрова и т.д.). Обычно это продолжается до наступления совершеннолетия (от 17 до 24 лет у разных племен), которое отмечается заключительной церемонией (юноша получает надрез поперек груди от своего опекуна и становится, таким образом, взрослым человеком). Миссионеры, первыми наблюдавшие этот обычай, назвали его «boy-slavery»¹⁰. Аналогичные обычаи известны у ряда племен за пределами Австралии, причем также без какой-либо видимой связи с авункулатом. На греческой почве своеобразную параллель австралийскому boy-slavery представляют любовные связи взрослых мужчин с мальчиками - явление, особенно характерное для дорийских государств и находящееся в несомненном родстве с мужскими союзами Крита и Спарты (см. ниже, Гл. III).

Таким образом, «кормильство» в целом можно рассматривать, как ответвление, индивидуализированную форму гораздо шире распространенного обычая инициации. В этом аспекте образ Феникса,

¹⁰ F. Rose. *Kinship, Age Structure and Marriage of Groote Eylandt*. В., 1960, стр. 20; С. W. M. Hart and A. R. Pilling. *The Tiwi of North Australia*. N.Y., 1961, стр. 93 сл. Ср. II, XIII, 463 слл.: Алкафой, муж сестры Энея Гипподамии, воспитывал его в своём доме.

по существу, очень близок образу Ментора, πατρίως εταίρος Телемаха в «Одиссее». Отплывая из Итаки, Одиссей оставляет его опекуном Телемаха и всего имущества (Od., II, 225 сл.). Однако о какой-либо зависимости Ментора от Одиссея в поэме ничего не говорится. В критический момент Одиссей обращается к нему не как к слуге, а как к сверстнику (Od., XXII, 209). По всей вероятности, таким же πατρίως εταίρος Ахилла был первоначально и Феникс.

В целом изложенный выше материал позволяет, как нам кажется, говорить о двух стадиях в эволюции гомеровской формы мужских союзов. Непосредственно в поэмах отражена лишь вторая из этих стадий. Мужской союз, как его себе представляет автор (или авторы) «Илиады» и «Одиссеи», - это внеродовое объединение родовой знати, очевидно, закрытое для рядовых общинников. Право вступления в союз определяется в первую очередь личным богатством каждого из его членов, хотя в известной мере сохраняет свою силу в организации союзов и возрастной принцип. Вместе с тем в эпосе можно встретить реминисценции той гораздо более отдаленной эпохи, когда мужской союз охватывал еще всех взрослых мужчин родовой общины. Отголоском этой эпохи можно считать иногда встречающиеся у Гомера сцены больших общенародных пиршеств. Соответствующая этому типу коллективных обедов форма мужского союза, по-видимому, имела своей основой родовое объединение типа фратрии, состоящее из нескольких взаимобрачующихся родов. В эпосе объединения этого рода обозначаются термином εταί (‘свойственники’), с которым непосредственно связан другой гомеровский термин εταίροι - в первоначальном значении ‘группа (союз) сверстников, принадлежащих к одной и той же фратрии’. Этимологическая связь этих двух терминов косвенно подтверждается результатами анализа образов типичных гетеров - Патрокла и Феникса. В обоих случаях приниженное положение чужеземца, изгнанника оказывается лишь поздним напластованием, сквозь которое еще проступают первоначальные черты образа вполне равноправного товарища и соплеменника главного героя.

Аристократические мужские союзы в том их виде, в котором они сложились к концу гомеровского периода, по существу никогда не исчезали окончательно из жизни греческих государств. Политическая активность гетерий архаического и классического периодов, объединения νεοί в эпоху эллинизма и т.п. организации - красноречивое тому свидетельство. Иной была судьба гомеровской дружины. Насколько позволяет судить материал самого эпоса, эта форма союза

в Греции довольно быстро деградировала. Несомненный признак упадка дружины мы видим в наблюдаемом в поздних слоях эпоса перерождении ее постоянного ядра - группы ближних гетеров. Смысловое тождество терминов $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$ и $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\lambda\omega\nu$, отчетливо выступающее в «Илиаде», в более поздней «Одиссее» почти не прослеживается¹⁰⁴. Только в одном случае, в описании пира в Пилосе (Od., III, 32), мы находим гетеров в их прежней функции - за приготовлением обеда и прислуживанием за столом. В ряде случаев оба термина прямо противопоставляются друг другу. Так, при возвращении Телемаха на Итаку (Od., XVI, 325 сл.) вводят корабль в гавань и вытаскивают его на берег «товарищи», т.е. юноши, которые сопровождали сына Одиссея в его плавании, а уносят их оружие и корабельное снаряжение «ретиные слуги» (то же разделение труда у женихов и их слуг, см. Od., IV, 784). Здесь явно имеются в виду две разные социальные категории. Менэтий в «Илиаде» (XI, 786 сл.), напутствуя Патрокла перед троянским походом, дипломатично намекает сыну, что он должен знать свое место как слуга и друг Ахилла, который, во-первых, знатнее его родом ($\gamma\epsilon\upsilon\epsilon\eta\ \mu\epsilon\nu\ \upsilon\lambda\epsilon\rho\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$), а, во-вторых, гораздо сильнее физически. В «Одиссее» мы сталкиваемся уже с категорическим утверждением (XV, 324), что слуги ($\upsilon\pi\omicron\delta\eta\rho\epsilon\tau\eta\rho\epsilon\varsigma$)¹⁰⁵ вообще хуже тех, кому они прислуживают ($\omicron\upsilon\acute{\alpha}\ \tau\epsilon\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\omicron\iota\sigma\iota\ \mu\epsilon\tau\alpha\delta\rho\acute{\omega}\sigma\iota\ \chi\epsilon\rho\eta\epsilon\varsigma$). В этих словах запечатлен резкий социальный сдвиг, произошедший за время, разделяющее обе поэмы. Основное достоинство слуги теперь заключается в том, что он - проворен ($\delta\tau\eta\rho\acute{\omicron}\varsigma$ Od., I, 109; IV, 23, 38, 217)¹⁰⁶,

¹⁰⁴ A. Fanta. Ук. соч., стр. 66 сл.; G. Finsler, *Homer. I*, стр. 189.

¹⁰⁵ Это слово употребляется Гомером в качестве синонима $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\lambda\omega\nu\tau\epsilon\varsigma$ (Od., XVI, 248, ср. 253).

¹⁰⁶ В «Илиаде» только один раз применительно к вестникам (I, 321); Талфибий и Эврибат названы здесь «слугами» Агамемнона. Также и в «Одиссее» (XIX, 135) Мулий - дулихийский глашатай и вместе с тем слуга Амфинома - одного из женихов. Эта двойственность положения вестников едва ли может считаться изначальной (ср. A. Fanta. Ук. соч., стр. 17 сл.; G. Finsler. *Das homerische Königtum*, стр. 334). Первоначальные их обязанности, несомненно, заключались в обслуживании всей общины или мужского союза, отнюдь не отдельных басилеев. Примером может служить Медонт - вестник женихов (Od., XVI, 247 сл.). В «Одиссее» (XIX, 135) вестники определенно причислены к демиургам. Их функции могли быть очень широкими. Они не только созывают народ на собрания, объявляют решения царей и т.д., но и участвуют в важнейших религиозных обрядах (II, III, 245 сл.; Od., XX, 276). Эта последняя их функция, очевидно, тесно связана с той ролью служителей на коллективных обедах, которую они играют в ряде гомеровских сцен. В этом отношении особый интерес представляет сцена обеда жнецов среди изображений на щите Ахилла (II,

тогда как прежде он должен был еще сражаться врукопашную ($\alpha\gamma\chi\acute{\epsilon}\mu\alpha\chi\omicron\varsigma$ II, XVII, 165; XVI, 272). Очевидно, ко времени создания «Одиссеи» ближние гетеры утратили свое прежнее значение как постоянное ядро дружины. Из боевых спутников басилея они превратились в простых слуг, положение которых практически ничем не отличалось от положения рабов¹⁰⁷. Отождествление понятий «товарищ» и «слуга», в котором Нильссон видит несомненный признак феодального, «одновременно иерархического и эгалитарного общества»¹⁰⁸, - у Гомера лишь временное, преходящее явление. Гомеровская дружина не стала базой, на которой возникло господствующее сословие, как это было в завоеванной варварами Западной Европе. Дружины не прижились на греческой почве и исчезли, уступив место иным более жизнеспособным формам организации господствующего класса¹⁰⁹.

XVIII, 558 сл.): «Вестники поодаль под дубом готовили обед и, заколов большого быка, хлопотали возле него. А женщины в изобилии сыпали белую муку (приготавливая) пищу работникам ($\acute{\epsilon}\rho\iota\theta\omicron\iota\sigma\iota\nu$)». Эта сцена обычно превратно толкуется, как изображение обеда поденщиков, работающих на поле басилея, пищу для которых готовят собственные слуги хозяина темена (см., например, Finsler. Ук. соч., стр. 97). Термин $\acute{\epsilon}\rho\iota\theta\omicron\varsigma$ у поздних авторов действительно, обозначает 'поденщика'. Однако у Гомера он мог иметь и иное значение. Так, в «Одиссее» (VI, 32) Афина, явившись к Навсикае в образе ее подруги, дочери «славного кораблями» Диманта (очевидно, одного из царей феаков), побуждает царевну ехать на море, чтобы стирать там свадебные одежды и обещает, что сама будет ей помощницей ($\acute{\epsilon}\gamma\omega\ \sigma\upsilon\nu\acute{\epsilon}\rho\iota\theta\omicron\varsigma\ \alpha\mu\prime\ \epsilon\phi\omicron\alpha\iota$). Совершенно очевидно, что в данном случае имеются в виду отнюдь не отношения поденщика с нанятым. Отсюда можно заключить, что и приведенный пассаж из «Илиады» изображает не наемный труд, а отношения более архаичные по своему характеру - соседскую взаимопомощь. В соответствии с этим, вестники, упомянутые в отрывке, - не слуги басилея, а общинные должностные лица, в обязанности которых входит надзор за работой и устройство обеда за счет хозяина участка. Общинные слуги такого рода встречаются у многих современных народов (см. M. J. Herskovits. *The Economic Life of Primitive Peoples*. N.Y. - L., 1940, стр. 83).

¹⁰⁷ $\epsilon\tau\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$ упоминаются вместе с $\delta\iota\omega\epsilon\varsigma$ уже в «Илиаде» (IX, 658; XXIV, 643). Однако здесь обе категории, по-видимому, еще разделяет определенная дистанция (ср. выше, прим. 73).

¹⁰⁸ M. P. Nilsson. *Das homerische Königtum*, стр. 31.

¹⁰⁹ Ср. H. M. Chadwick. *Heroic Age*, стр. 363 сл.

Глава III. Мужские союзы в дорийских городах-государствах в V-III вв. до н. э.

Термины

Уже древними была высказана мысль, что первоначально сисситии у дорийцев как Крита, так и Спарты назывались одинаково «гидриями» (ανδρεία, см. Эфор, FGHist 70 F 149 у Strabo, X, 4, 18 и 21; Arist., Polit., II, 1272a 1 слл.). Единственное число ἀνδρείων встречается в ряде критских надписей VI—II вв. до н. э., как правило, в локальном значении 'мужской дом' (ср. πρυτανεῖον, μουσεῖον и т. д.). Так, надпись VI-V вв. до н. э. из Элтинии (IC, I, X, 2) предусматривает штраф, если мужчина избьет мальчика в одном из указанных мест: ἢν ἀνδρήιοι ἢν ἀγ[έ]λα[ι] ἢ συν[β]ολήτραι ἢ πῖ κόροι (см. также IC, II, V,1; IV, 14; 75 B; SGDI, III, 5040, ср. Strabo, X, 4, 20, С. 483; Athen., IV, 143 a-b). С другой стороны, в отрывке из Алкмана (fr. 98 PMG), который Эфор (ibid.) приводит в подтверждение своей гипотезы о критском происхождении спартанских сисситий, термин как будто имеет иное значение - 'союз', 'группа сотрапезников' (φοίνας¹ δε και ἐν θιάσοισιν ἀνδρείων). Можно, однако, допустить, что единственным числом в данном случае было бы не ἀνδρείων, а ἀνδρείος. Такая форма встречается в одной поздней (начала II в. до н. э.) надписи с о. Фера (так называемое «Завещание Эпиктеты», см. DHR, II, 1, XXIV = IG XII/3,330) в значении 'группа мужчин, связанных узами родства' (ἀνδρείος τῶν συγγενῶν)².

Параллельно в надписях (древнейшая - из Дрероса VII в. до н. э.;³ см. также IC, I, IX, 1, C-D; XIX,3; IV.42 B; ГЗ, X, 40) и у некоторых авторов (Досиад, FGHist 458 F 2 у Athen., IV, 143 a-b) мы сталкиваемся с термином «гетерии». Его значение в большинстве случаев одно и то же:

¹ [В PMG правильно принято чтение θοίνας; в лаконском диалекте переход θ > φ неизвестен. Полная цитата: θοίνας δε και θιάσοισιν / ἀνδρείων παρά δαιτυμόνεσσι πρέπει παιάνα καταρχήν. - *Ред. J.*

² Об этом термине см. ниже, стр. 184 сл.

³ H. van Effenterre. Inscriptions archaïques Cretoises. BCH, LXX, 1946, стр. 597 [= H. van Effenterre, F. Ruzé. NOMIMA. Recueil d'inscriptions politiques et juridiques de l'archaïsme grec. I, Rome, 1994, № 81. - *Ред. J.*

имеются в виду единицы полисного деления. Так и у Досиада: «Все граждане разделены на гетерии»⁴. Встречающийся в ГЗ термин ἀπεταιῖρος - «человек, не принадлежащий к гетерии», т. е. не имеющий гражданских прав, в полной мере подтверждает это свидетельство.

В источниках по истории Спарты классического периода ἀνδρεία встречается только два раза (Plut., Aroynth. Lac., 218 с и, может быть, Arist., Polit., II, 1270 b 12, см. об этом месте ниже, Гл. IV, прим. 128)⁵.

В остальном известны следующие четыре варианта наименований спартанских сисситий: φ(ε)ιδίτια, φιλίτια, συσχίניה. Древнейшее напоминание о фидитиях (φειδίτια) находим у Антифана, комедиографа первой половины IV в. (fr. 44, 3 Kock = PCG II 46 у Athen., IV, 143 a)⁶. Ксенофонт в «Лакедемонской политике» употребляет параллельно два термина: συσχίניה и φιλίτια⁷. Первый термин, очевидно, действительно спартанский. На это может указывать глосса Гезихия: συσχάν<ι>α: το συσσίτιον⁸, в которой слово имеет дорийскую огласовку. Отсюда можно заключить, что помещения для сисситий в Спарте представляли собой постройки временного типа (палатки? - см. ниже, стр. 182 о σιχηνή δημοσία, ср. также Athen., IV, 138 f). Маловероятно, однако, что συσχίניה (точнее, συσχάνια) было официальным обозначением гражданских союзов в Спарте, подобно критским ἐταιρεῖαι⁹. Скорее всего таким обозначением был другой термин, используемый Ксенофонтом, φιλίτια, в котором при сопоставлении с

⁴ Из следующих далее слов: «а называют их (гетерии) андриями», можно заключить, что Досиад не проводит грани между этими двумя терминами. Однако в надписях такого смешения терминов не наблюдается.

⁵ Бишовский (A. Bielschowsky. De Spartanorum syssitiis, стр. 10) считает, что термин ἀνδρεία употреблялся в Спарте вплоть до Пелопоннесской войны, а затем был вытеснен термином φειδίτια. Нам эта гипотеза кажется бездоказательной. [Об орфографии см. подробнее с лит. в PCG II, р. 334 ad Antiphan. fr. 46. - *Ред. J.*

⁶ В кайбелевском издании Афиня (Т. I, 1923) дается чтение φειδίτια, хотя древнейший из кодексов (Марцианов) дает φειδίτια.

стр. 22 сл.

⁸ [В рукописи - συσχάν(ι)α; Мориц Шмидт в своем издании Гезихия, в соответствии с sing, το συσσίτιον, исправляет на συσχάνια, ср. это слово у Гипподама Милетского, Stob. IV, 1, 94, vol. III, р. 32, 13 Hense. - *Ред. J.*

⁹ Συσχίניה встречается у Ксенофонта только один раз (Resp. Lac., V, 2) в довольно расплывчатом значении 'коллективного образа жизни' (на это указывает противопоставление: οἴκοι σιχηνοῦντες (sc. ἄλλοι Ἕλληνες) - τά συσχίניה). Термин φιλίτια напротив, имеет более конкретное значение - 'помещение для совместной трапезы' (ibid., III, 5; V, 6; ср. Hell., V, 4, 28).

Антифаном и другими источниками без труда можно узнать завуалированное φ(ε)ιδίτια¹⁰.

[Территориальная организация союзов - *Ред.*]

Вопрос о [территориальной организации] союзов в городах Крита весьма запутан. Некоторые историки (как, например, Бузольт и Кирстен) ¹¹ считают, что в каждом городе был только один андрий, в котором собирались вместе все гетерии. Основанием для этого утверждения служат слова Досиада (FGrHist 458 F 2 у Athen., IV, 143 b-c): «По-всюду на Крите есть два дома для сисситий. Один из них они называют «андрием», а другой, в котором помещают на ночлег чужеземцев, «койметерию». В доме же для сисситий, во-первых, поставлены два стола, которые называются «гостинными»: за них усаживают присутствующих чужеземцев, а рядом находятся столы для всех прочих» (ср. Пиргион FGrHist 467 F 1 у Athen., IV, 143 f). Заметим, однако, что говоря выше (Athen. 143 b) об одном только Литте, Досиад употребляет множественное число αὐδρεία, из чего можно заключить, что каждая гетерия имела свой андрий. Количество слуг в сисситии, по словам того же автора, не превышало 18 человек (там же). Для того, чтобы приготовить обед и обслужить население даже небольшого города, этих людей было явно недостаточно. Согласно Эфору (FGrHist 70 F 149 у Strabo, X, 4, 21, С. 483), андриев в каждом городе было несколько. Это видно из его рассказа о похищении мальчиков на Крите (см. ниже, стр. 132 слл.): преследование похитителя продолжается до тех пор, пока он не приведет возлюбленного в свой андрий. В «Критской политике» Аристотель (fr. 611 Rose²), по изложению Гераклида Лемба, сообщал, что за обедом архонт сисситии получает четыре порции: «одну, как и все, вторую как архонт, третью за дом и четвертую за утварь». Историческую

¹⁰ По всей вероятности, автор «Лакедемонской политики» опасался вызвать у своих читателей ассоциации с глаголом φείβομαι ('экономить', 'жадничать'). Между тем задачей Ксенофонта было выставить в наиболее привлекательном свете систему общественного питания в Спарте, противопоставив ее раздачам в Афинах и других городах. Подчеркивать «умеренность» спартанского стола для него не имело смысла. В более поздней литературе термин φιλιτία встречается только в некоторых кодексах «Политики» Аристотеля (II, 1271 а 27 [гипотеза о замене λ на δ; ср. Schol. Plat. Critia, 112 b. - *Ред.*]). В остальном преобладает вариант φειδίτια или φιδίτια (так Arst. Rhet. III, 10,7; Athen., IV, 139 с слл.). В поздних лаконских надписях находим φειδείτια, φιδείτια (IG, V/1 150, 128, 155, 1507).

¹¹ G. Busolt. Griechische Staatskunde. II. München, 1926, стр. 755, прим. 1; E. Kirsten. Die Insel Kreta, стр. 132; M. Guarducci. Note di antichità cretesi, стр. 438; A. Semenov. Antiquitates iuris publici Cretensium. СПб., 1893, стр. 98, прим. 2; M. P. Nilsson. Die Grundlagen des spartanischen Lebens, стр. 318.

достоверность этого свидетельства подтверждает одна гортинская надпись первой половины V в. до н. э. (IC, IV, 75 B). Среди прочих предметов изымаются из права заклада вещи, предоставленные архонтом в андрий для общего пользования (έ(κ)ς αὐδρείο δτ(τ)' ὁ ἀρχὸς παρέχει κατ' ἀνδρείον). Сообщение Аристотеля можно понять в том смысле, что архонту принадлежали не только посуда, мебель и другие предметы, находящиеся в андрии, но и само помещение. Это еще раз подтверждает высказанное выше предположение о том, что каждая гетерия имела свой особый андрий. Поэтому выражение Досиада: «два дома для сисситий» лучше понимать переносно, как «два рода домов»¹².

Интересные сведения о локализации критских гетерий находим в «Дреросской присяге» (IC, I, IX, 1 - надпись III-II вв. до н. э., очевидно, являющаяся копией более древнего документа)¹³. В одном из ее разделов (C, 124 слл. и D, 134 слл.) предписывается, чтобы деньги, полученные в качестве штрафа от косма, нарушившего присягу, были разделены между гетериями, находящимися в городе и теми из граждан Дрероса, которые окажутся в это время несущими пограничную стражу (δ τι δέ κα πράξοντι ταῖς ἑταιρείαισιν δασσάσθωσαν, ταῖς ἐμ πόλει καὶ αἱ περὶ τινὲν οὐρεύων(τ)ι Δρηριοί). Если текст надписи понят нами правильно, постоянным местопребыванием гетерий в Дреросе был сам город. Лишь случайно некоторые из их членов могли оказаться за его пределами на пограничных постах ¹⁴. Сельских гетерий, которые могли бы нести постоянную охрану государственной границы,

¹² Чужеземцы, о которых говорят Досиад и Пиргион, таким образом, были как бы приквартированы к отдельным гетериям. Так же можно понять и Аристотеля (ibid.): «Первыми угощают чужеземцев. А после них предлагают четыре доли архонту». Помимо помещения для обедов (андрия), каждая гетерия могла иметь свою спальню (койметерий), в которой, вопреки категорическому утверждению Досиада, могли спать не только чужеземцы, но также и граждане до определенного возраста (в Спарте молодые люди, уже вступившие в брак, продолжали ночевать вместе со своими сверстниками в фидитиях, может быть, до 30 лет, см. Plut., Лус. XV; M. P. Nilsson. Die Grundlagen, стр. 315; H. Jeanmaire. Couroí, стр. 423). Все это не исключает того, что в каждом городе мог существовать и центральный общегородской андрий - здание, аналогичное афинскому пританею или же царскому фидитию в Спарте, в котором устраивались праздники, приемы знатных гостей, а также обеды высших городских магистратов (см. SGI, III, 2, 5040, 38 сл.). В поздней надписи из Миласы (SGDI, III, 2, 5163а б) упоминается помещение, специально предназначенное для приема чужеземцев (τό ξενοτρόφιον).

¹³ См. комментарии Гвардуччи в указанном издании.

¹⁴ Слова надписи можно понять в том смысле, что некоторые гетерии в полном своем составе должны были нести пограничную службу и, таким образом, представляли собой подразделения гражданского ополчения Дрероса (см. M. Guarducci. Ук. соч., стр. 437).

по-видимому, не существовало. Гетерия, таким образом, не была территориальной единицей, подобно афинскому дему. Отсюда, однако, не следует, что все члены гетерии должны были жить в городе, за стенами, как полагает Уиллетс¹⁵. Они могли быть (особенно в позднее время) рассеяны по всей территории полиса, тогда как в городе находился только центр гетерии - ее андрий и дом архонта.

В Спарте, по свидетельству Павсания (VII, 1, 8), все фидитии были сосредоточены в одном месте, неподалеку от могилы Тисамена. Сопоставим это свидетельство с известными словами Фукидида (I, 10, 2) о том, что Спарта никогда не была по-настоящему синойкизированной и что спартиаты жили «по древнему эллинскому обычаю» по деревням. Сосредоточение всех фидитиев в одном определенном пункте имело, таким образом, глубокий политический смысл: оно должно было символизировать единство полиса, не имеющего сплошной городской территории¹⁶.

Кроме фидитиев, в Спарте существовала еще одна категория помещений, в которых постоянно или время от времени устраивались публичные обеды. Это так называемые «лесхи». Аттический комедиограф V в. Кратин в одном из отрывков (PCGIV, 175, р. 211 у Athen., IV, 138 e) говорит о колбасах, которые подвешивают в спартанских лесхах на гвоздях для того, чтобы старики, проводящие там время, могли от них откусывать кусочки. Несколько раз упоминает о лесхах Плутарх в «Биографии Ликурга». По его словам (Лус. XXV), спартиат, не достигший 30 лет, не имел права сам ходить на рынок и мог вступать в разного рода сделки только через посредство своих родных и любовников. Однако и после этого возраста считалось позорным, если он не проводил большую часть дня в гимнасии или в лесхе. Отсюда можно заключить, что до 30 лет постоянным местопребыванием спартиата был фидитий, а начиная с этого возраста, он переходил в лесху. Этому противоречат, однако, высказывания самого Плутарха, из которых видно, что спартиаты большую часть времени даже в пожилом возрасте проводили в фидитиях вместе с молодежью (см. Лус., XII). На смешение возрастов в фидитиях указывает также Ксенофонт (Resp. Lac., V, 5). Поэтому приходится допустить, что в указанном выше месте Плутарх смешивает лесху с обычным фидитием. По всей вероятности, в лесхах собирались только старики в полном смысле

¹⁵ R. F. Willens. Aristocratic Society in Ancient Crete, стр. 23.

¹⁶ См. J. G. Frazer. Pausanias' Description of Greece. III. L., 1898, стр. 324; F. Boelte. Sparta (Topographie). RE, Hbd. 6, 1929, стб. 1355; K. M. T. Chrimes. Ancient Sparta, стр. 3\7; A. W. Gomme. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1945, стр. 100.

этого слова (не младше 60 лет, см. ниже, стр. 124). В отрывке Кратина общий комизм ситуации предполагает, что речь идет именно о таких глубоких стариках. Сам Плутарх в другом месте (Лус., XVI) говорит, что в лесхе сидели не просто пожилые люди, а именно старейшие: «Отец не в праве был сам воспитывать ребенка, но приносил его в некоторое место, именуемое «лесхой». Сидевшие здесь старейшины филы (των φυλετών οί πρεσβύτατοι) осматривали мальчика...». Неясно, что следует понимать здесь под филлой. Мало вероятно, что это была одна из трех дорийских фил. Во времена Павсания в Спарте существовало здание, именуемое «лесхой Кротанов» (Paus., III, 14, 2). Кротаны - часть (район) Питаны, одной из пяти (или шести) спартанских об (ком), которые уже в древнейшее время были делениями территориального характера (см. ниже, Гл. IV, прим. 12). В лесхах, таким образом, сосредоточивалось муниципальное управление, находились гражданские списки и т. д. отдельных округов, на которые была разделена территория Спарты¹⁷. Довольно вероятно, что официальным титулом старейшин, собиравшихся в лесхах, было *γερβάται*. Гезихий, который приводит этот термин в своем словаре, поясняет его как лаконский вариант аттического *δήμαρχοι*. В своем первоначальном виде лесхи могли быть мужскими домами отдельных поселений долины Еврота до их объединения в одно государство.

Численный состав союзов

Относительно численности гетерии в источниках нет никаких сведений. Краймс¹⁸, используя данные Досиада, определяет ее приблизительно в 200 человек - детей и взрослых. Численность людей в фидитии разные источники определяют по-разному. Плутарх в «Биографии Ликурга» (XII) сообщает: «Они (спартиаты) собирались по 15 человек или в немного меньшем или большем количестве». Ему противоречит автор схолия к «Законам» Платона (633a), который утверждает, что в каждой сисситии было по десять человек. Анализ текста схолия показывает, что он очень близко, хотя и с заметными искажениями, повторяет текст Плутарха или какого-то автора, пользовавшегося

¹⁷ В древнейших Афинах было 360 лесх (Procl. ad Hesiod. Op. 491), что соответствует засвидетельствованному в источниках числу афинских родов. В IV в. лесхами называли общественные здания в демах (см. IG, II, 1055, ср. 1074).

¹⁸ За основу своих подсчетов Краймс принимает число слуг в сисситии (12-13 человек на гетерию). См. K. M. T. Chrimes. Ук. соч., стр. 235, ср. стр. 237. По всей вероятности, в разных городах и в разное время численность гетерий могла сильно колебаться.

Плутархом. Поэтому δέξα у схолиаста можно считать опиской вместо πευτεχαίδεξα. Однако Плутарх и сам противоречит себе. В «Биографии Агиса» (VIII) он говорит, пересказывая содержание ретры, которую собирался провести царь-реформатор: «Число спартиатов (предполагалось) пополнить за счет периеков и чужеземцев, которые получили воспитание, достойное свободного человека и, кроме того, были прекрасны телом и в цветущем возрасте. Они должны были составить 15 фидитиев по четыреста и по двести человек и вести образ жизни, который вели предки». Можно допустить, что Агис предполагал резко увеличить старые ликурговы фидитий от 15 до нескольких сот человек в каждом. Однако в общем контексте биографии такая мера выглядела бы ничем не мотивированной. А подчеркнутый Плутархом консервативный утопизм проекта Агиса (δῆλται ἢν εἶχον πρόγονοι διατάσσειν) прямо противоречит такому толкованию места. Бильшовский¹⁹ поэтому полагает, что оно безнадежно испорчено переписчиками, и предлагает следующее восстановление последней фразы: σύνταξιν δέ τούτων εἰς τριακόσια γενέσθαι φιδίτια κατὰ πευτεχαίδεξα. Две последовательные описки и одна интерполяция, результатом которых, по мнению Бильшовского, является место в его настоящем виде, по существу не выходят за рамки чистой конъектуры и ничего не объясняют. Более предпочтительной нам кажется поэтому точка зрения Шёмана²⁰, отвергнутая Бильшовским. Большие фидитии Агиса, вероятно, делились на более мелкие группы, примерно по 15 человек каждая, иначе говоря, структура фидитиев с самого начала могла быть сложной, может быть имитируя структуру родовых объединений. То, что Плутарх в «Ликурге» обходит молчанием систему, о которой он бегло упоминает в «Биографии Агиса», не должно нас удивлять. Скорее всего, он вообще не знал о ее существовании (ср. Aporphth. Lac., 226 D-E) и лишь добросовестно переносил в свои спартанские биографии отрывочные свидетельства источников, не заботясь об их согласовании между собой²¹.

Однако, принимая точку зрения Шёмана, мы наталкиваемся на другое затруднение. В той же главе «Биографии Агиса» Плутарх

¹⁹ А. Bielschowsky. Ук. соч., стр. 29 слл.

²⁰ См. G. F. Schoemann, ad loc. в издании: Plutarchus. Agis. Gryphiswaldiae, 1839.

²¹ Краймс (Ук. соч., стр. 245) в духе своей концепции об абсолютном тождестве организации союзов на Крите и в Спарте начисто отвергает показания Плутарха о фидитиях из 15 человек, считая, что эта цифра определяет численность какой-то коллегии магистратов, тогда как фидитии подобно гетериям не могли насчитывать менее сотни человек каждый.

говорит, что вся территория долины Еврота между Пелленой, Тайгетом, Малеей и Селласией, согласно проекту реформы, делилась на 4500 клеров для раздачи гражданам²². Но 15 фидитиев одни по 400, другие по 200 человек, ни в какой комбинации не могут насчитывать 4500 граждан. Шёман поэтому полагает, что выражение κατὰ τετρακόσιους καὶ διακόσιους следует перевести «от 400 до 200», т. е. в среднем по 300 человек в фидитий. Однако, такой перевод был бы насильем над текстом. Он не подкрепляется параллелями²³. Чтобы выйти из этого тупика, допустим, что слова «по 400 и по 200» определяют численность не двух разных фидитиев, а одного, состоящего из 600 человек. 15 фидитиев по 600 человек составляют 9000. Но именно таково, по Плутарху (Лус., VIII), было первоначально число спартанских клеров и соответственно граждан. Эту же цифру мы находим и

²² По мнению Краймса (Ук. соч., стр. 429 сл.), к разделу была предназначена не вся долина Еврота, а только небольшая территория к северу от Спарты по лаконно-аркадской границе. Авторы проекта аграрной реформы, как думает Краймс, имели в виду не мыс Малею, образующий крайнюю южную оконечность Лаконии, а местность, носящую то же самое название на северной границе Спарты (см. Xen. Hell., VI, 5, 24). Заметим, однако, что цифры в проекте Агиса (4500 наделов на граждан и 15000 для периеков) ровно в два раза меньше тех цифр, которые приводит Плутарх, говоря о земельном переделе Ликурга (Лус., VIII). Наиболее естественно было бы объяснить это соотношение тем, что в древности максимальные цифры, определяющие численность спартанских и периекских наделов, которые Плутарх приписывает Ликургу, включали как лаконские, так и мессенские клеры во времена наивысшего могущества Спарты, тогда как цифры в проекте Агиса были выведены на основании этих максимальных цифр, но со скидкой на потерю Мессении (см. ниже, Гл. IV, прим. 26). Кроме того, размеры территории, пригодной под обработку, в районе, указанном Краймсом, - слишком незначительны, чтобы прокормить 4500 человек (Краймс выводит совершенно неправдоподобную цифру 150 миль², т. е. около 39 000 га, тогда как общая площадь спартанских клеров в Лаконии, по максимальному расчету Жарде (A. Jarde. Les cereales dans l'antiquité grecque. I. P., 1925, стр. 110 слл.), не могла превышать 100 000 га).

²³ [В. Г. Борухович справедливо указывает, что «предлог κατὰ употребляется... с числительными тогда, когда нужно указать на приблизительный характер данных»; кроме того, предлагаемое Ю. В. деление фидитий на младшую и старшую группы «не засвидетельствовано источниками. Вполне понятно, почему здесь число членов в фидитиях названо приблизительно: оно постоянно менялось... в связи с теми изменениями, которое претерпевало число граждан Спарты. В классическую эпоху спартанское войско делилось на 6 мор, каждая мора на 4 лоха. В бой шли первые два лоха каждой моры; третий лох, состоявший из стариков, и четвертый, состоявший из юношей, должны были защищать город. Таким образом, в спартанском войске существовали три возрастные группы, а не две; начало военной службы в Спарте совпадало со вступлением в фидитий, как показывает Ю. В. Андреев на стр. 193 диссертации (здесь стр. 119 слл.). Изменение числа полноправных спартиатов не могло не отразиться на численности фидитиев» - *Ред.*]

в «Сатурналиях» Макробия (I, XI, 34). Он сообщает, что Клеомен III, при котором число спартанских граждан, способных носить оружие, составляло всего 1500 человек, предоставляя рабам гражданские права, довел общую численность граждан до 9000. Отрывочные замечания Плутарха в «Биографии Клеомена» подтверждают это свидетельство. Так, в главе XI говорится, что Клеомен, пополнив число граждан за счет «наиболее благообразных периеков» (*ἀναλλήρωσας δὲ τὸ πολίτευμα τοῖς χαριεστάτοις τῶν περιοίκων* - почти теми же словами Плутарх излагает выше и содержание ретры Агиса), создал корпус из 4000 голплитов, которые были вооружены на македонский лад. После захвата Антигона Аркадии спартанский царь на деньги, полученные от выкупа илотов, вооружил еще 2000 голплитов, очевидно, также даровав им гражданские права (Cleom., XXIII). Еще далее (гл. XXVIII) сообщается, что в битве при Селласии из 6000 лакедемонян уцелело лишь 200 человек. Полибий (II, 65,7) определяет общую численность спартанской армии в этом сражении в 20 000 человек. В это число входили полноправные спартиаты, периеки и наемники (Ibid., II, 65,9). Если допустить, что «лакедемоняне» у Плутарха включают и спартиатов, и периеков, то получим, что в армии Клеомена было 14 000 одних наемников - цифра слишком значительная, чтобы быть правдоподобной. Поэтому под «лакедемонянами» следует понимать, скорее всего, спартанских граждан в собственном смысле слова. Трудно представить далее, чтобы 200 человек, уцелевших при Селласии, были единственными спартиатами, оставшимися в живых. Какая-то часть граждан, очевидно, оставалась в городе во время похода Клеомена на север. Они и встретили царя, когда он вернулся обратно в Спарту (Plut. Cleom., XXIX). Таким образом, общая численность спартиатов при Клеомене должна была превышать 6000 человек, так что цифра Макробия 9000 представляется в общем довольно вероятной.

Клеомен осуществил замыслы своего предшественника. Поэтому совпадение числа спартиатов у Макробия с тем числом, которое мы получаем, подсчитав общую численность фидитиев в ретре Агиса у Плутарха, - логически вполне закономерно. Следовательно, Бильшовский и Шёман - неправы, видя в цифре 4500 у Плутарха определение численности не только наделов, но и граждан. Источник, которым пользовался Плутарх, имел в виду только землю и ничего больше. Странное выражение «по 400 и по 200» можно объяснить так. Каждый из 15 фидитиев, учреждаемых Агисом, делился на две группы с различным социально-политическим статусом. Скорей всего это были группы «старших» и «младших» граждан (ср. римские центурии *seniores* и

juniores). В соответствии с этим делением была организована царями-реформаторами и система землепользования. Вся лаконская *πολιτική χώρα* была разделена на 4500 наделов, очевидно, по тем нормам, которые дает Плутарх в «Биографии Ликурга» (VIII). Однако из этого количества полные наделы получили лишь 3000 «старших» спартиатов. Остальным 6000 досталось лишь по 1/4 надела на душу (ср. аграрный закон Тиберия Гракха). Предложенная гипотеза объясняет сообщение Плутарха без тех натяжек и искажений текста, к которым прибегают Бильшовский и Шёман, и поэтому кажется нам наиболее приемлемой.

Численный состав фидитиев мог неоднократно меняться на протяжении столетий вместе с колебаниями общей численности спартиатов, но число фидитиев в проекте Агиса - 15, кажется довольно древним, так как в этом документе оно тесно связано с ликурговым числом граждан, которое, несомненно, древнее III в. до н. э. (см. ниже, стр. 192).

Возрастной состав союзов

В обедах гетерий принимали участие не только взрослые мужчины, но и дети. В этом сходятся все наши основные источники (Аристотель²⁴, Эфор, Досиад и Пиргион). Вот что говорит Эфор

24 Аристотель (Polit., II, 1272a 21) присоединяет к мужчинам и мальчикам также и женщин (*ἐν κοινῷ τρέφεσθαι πάντας, καὶ γυναῖκας καὶ παῖδας καὶ ἄνδρας*). Платон, напротив, видит серьезное упущение законодателей Крита и Спарты в том, что они не пытались вовлечь в сисситии женщин и оставили, таким образом, большую часть человеческого рода «незаконенной» (*ἀνομοθέτητον* - Leg., 780 E). Утверждение Платона звучит достаточно категорично и не поддается никаким иным толкованиям. Свидетельство Аристотеля, с другой стороны, допускает такое широкое толкование. Можно, например, предположить, что участники сисситии не съедали всю причитающуюся им порцию прямо на обеде, а приносили какую-то часть домой и отдавали семьям (ср. Plut., Luc., XXVI). Тем не менее, эпизодическое участие женщин в обедах гетерий не исключено. Более того, они могли играть в них довольно важную роль в качестве слуг или должностных лиц. Так, Досиад упоминает о женщине-председательнице сисситии (F 2 у Athen., IV, 143 b-d, *ἡ προεστῆκυῖα τῆς συσσιτίας γυνή*). В ее ведении находился штат прислуги. Она же распределяла лучшие куски между наиболее заслуженными из числа сотрапезников (ср. титул *θηροφύλακτριά* в спартанских надписях: IG, V/1, 589, 592, 606 и др.). Эта любопытная деталь сближает гетерии с родовыми мужскими союзами, в которых роль женщины - хозяйки дома могла быть довольно значительной. (Ср. надпись из Силлиона в Памфилии, 5. Luria. *Burgfrieden in Silylon*. «Klio», 37, 1959, стр. 336). У североамериканских индейцев, мужские союзы которых, как указывалось выше, довольно тесно связаны с родовой организацией, женщины зачастую допускаются даже в общества с сугубо военной окраской (см. R. H. Lowie. *Indians of the Plains*. N. Y. - L., 1954, стр. 96).

относительно критского обычая (FGrHist 70 F 149 у Strabo, X, 4, 20): «Еще мальчиками (ἐτι νεωτέρους) (их) вводят в сисситии мужей (συσσίτια... τὰ ἀνδρεία). Там они, сидя на земле, проводят время все вместе в одних и тех же поношенных плащах, одинаково зимой и летом, причем прислуживают и себе самим и мужчинам. (Мальчики) из одной сисситии устраивают сражения друг с другом, а также против других сисситий. К каждому андрию приставлен педоном. Тех, что постарше (μεϊζους) отдают в агелы». По словам Досиада (FGrHist 458 F 2 у Athen., IV, 143 с), мальчики (νεώτεροι) получали за общим столом лишь полпорции мяса, а прочего ничего не касались. Пиргион (FGrHist 467 F 1), отчасти, может быть, следуя Эфору, указывает, что самые младшие мальчики «были приставлены (к сисситиям) в качестве слуг». Вместе с тем, его рассказ содержит некоторые новые детали, которых нет у Эфора и Досиада. Так, мы узнаем, что мальчики во время обеда сидели не на земле, как утверждает Эфор, а за столом вместе со своими отцами (на их седалищах). Здесь мы сталкиваемся с интересным рецидивом гомеровской формы трапезы в дорийской Греции (ср. выше, стр. 72). Вне Крита аналогичная форма зафиксирована еще в аркадской Фигалии (Athen., IV, 149 с). Примирить свидетельства Эфора и Пиргиона можно, допустив, что у них идет речь о двух разных возрастных группах. Прислуживали в сисситиях, очевидно, подростки, уже проходящие курс гражданского воспитания и готовящиеся к поступлению в агелу²⁵, со взрослыми же сидели маленькие дети, может быть, еще не умеющие питаться самостоятельно.

²⁵ По словам Досиада (F 2 у Athen., IV, 143 b), каждая сиссития имела свой штат прислуги, во главе которого стояла упомянутая уже женщина-председательница. Ей помогали обычно трое или четверо человек «из числа общинных слуг» (τῶν δημοτικῶν). Каждый из них, в свою очередь, имел еще двух помощников, так называемых *κολοφόροι*. Выражение *δημοτικός* в тексте Досиада нередко переводят в его обычном значении - «человек из народа» (см., например, в переводе Афиней *C. V. Gulick. Vol. 2. L., 1928*). Нам, однако, кажется более предпочтительным другое понимание: «слуга общины», «демиург» (ср. *δημοτικός* в значении «общественные дела», «общественные средства» и т. д. - *Alciphr. I, 4; Dionys. Hal., VII, 63*). Социальное положение этих слуг можно, очевидно, уподобить положению поваров (*μάγειροι*) в спартанских фидитиях. Эта должность была в Спарте наследственной и исполнялась, по всей вероятности, свободными людьми. Геродот (VI, 60) ставит поваров в один ряд с вестниками, к которым он в другом месте (VII, 133 слл.) причисляет известный род Талфибиадов. У них были свои культы (*Demetr. Scers. fr. 10 Gaede у Athen., IV, 173 f*). Как и спартанские повара, общинные слуги в критских сисситиях были, вероятно, специалистами своего дела и занимались преимущественно приготовлением обедов, тогда как мальчики использовались в качестве прислуги во время обеда (ср. *Od., I, 141* слл.).

В Спарте дети также могли присутствовать на обедах фидитиев (*Plut., Luc., XII, ср. Xen., Resp. Lac., III, 5*). Плутарх говорит, что это делалось главным образом с педагогической целью. Дети, наблюдая за поведением взрослых на публичных обедах, прислушиваясь к их разговорам, набирались знаний, привыкали к основным нормам общежития. Не исключено, что как и на Крите, они получали какую-то толику от порции полноправных членов фидития. Так или иначе, кухня у агел и фидитиев была в значительной мере общей, так как «сисситии мужей», по словам того же Плутарха (*Luc., XVII*), были объектами воровских набегов молодежи наряду с садами и огородами.

В современной научной литературе прочно установилась точка зрения, согласно которой молодые спартиаты зачислялись в фидитии в возрасте 20 лет, одновременно с началом военной службы²⁶. Это представление, в общем, очевидно, близкое к истине, основывается на беглом замечании Плутарха (*Luc., XVII*) о возрастной группе так называемых «иренов»: «Иренами называют тех, кто уже второй год, как вышли из класса мальчиков, меллиренами же самых старших мальчиков. И вот такой ирен, сам будучи в возрасте 20 лет (*εἴρηνας δὲ καλοῦσι τοὺς ἑτὸς ἤδη δεῦτερον ἐκ παίδων γεγονότας, μελλείρηνας δὲ τῶν παίδων τοὺς πρεσβυτάτους. οὗτος οὖν ὁ εἴρην εἴκοσιν ἔτη γεγώνος*), распоряжается подчиненными (ему мальчиками) в стычках и, как домашними слугами, в приготовлении обеда». Из слов Плутарха невозможно, однако, понять, были ли ирены уже взрослыми мужчинами, вышедшими из агел и посещающими фидитии, или же все еще числились среди юношей-эфебов. В так называемых *Λέξεις Πρωτότου* (к IX, 85), кроме меллиренов и иренов, названных Плутархом, перечислены еще пять возрастных групп: *ρωβίδας, προμικζόμενος, μικζόμενος, πρόλαις, παις*. Эти названия²⁷, а также следующие за ними слова лексикографа: *ἐφηβεύει δὲ παρ' αὐτοῖς ὁ παις ἀπὸ ἐτών ἰδ' μέχρι καὶ κ'*²⁸ дают основание Нильссону и некоторым другим ученым²⁹ выстроить

²⁶ См., например, *G. Glotz et R. Cohen. Histoire grecque. I, стр. 359; H. Michell. Sparta, стр. 283.*

²⁷ Термин *μικζόμενος*, встречающийся также в латинских надписях, по всей вероятности, представляет собой производное от лакедемонского *μικζός* (-*μικρός*, см. *E. Bourguet. Le dialecte Laconien, стр. 104*). Происхождение термина *ρωβίδας* неясно.

²⁸ *M. P. Nilsson. Die Grundlagen des spartanischen Lebens, стр. 309* слл.; *G. Busolt. Griechische Staatskunde. II, стр. 695*, прим. 2; стр. 696, прим. 3. *A. M. Woodward. В кн.: The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. Ed. R. M. Dawkins. L., 1929, стр. 286.*

следующую реконструкцию спартанской системы возрастных классов. С 7 до 13 лет мальчик проходит предварительную подготовку в агелах. В 14 лет²⁹, с наступлением физической зрелости он становится иреном (лаконский термин, равнозначный общегреческому «эфеб») и остается в этом классе вплоть до 20 лет.

Против этого воззрения справедливо, как нам кажется, polemизирует Краймс³⁰. В своих возражениях Нильссону и другим она опирается на материал посвященных надписей из храма Артемиды Орфии в Спарте³¹. В этих надписях мы встречаем в ряде случаев те же термины, что и в Λέξεις Προδότηου: μικιχίζόμενοι и μελλειρονεΐα. Наряду с этим, вместо употребляемых схолиастом терминов πρόλαις и παις, надписи дают πρотоπάλαιδες и άτροπάλαιδες. Термины ρωβίδας и προμικιζόμενος не встречаются ни разу. Надписи этого рода чаще всего представляют собой посвящения божеству от победителей в различных разновидностях так называемых παιδική αγώνες³². Краймс замечает в этой связи, что было бы странно, если бы все дошедшие до нас надписи в святилище Орфии были оставлены мальчиками в возрасте до 14 лет, как этого требует схема Нильссона, тогда как от эфебов, которые, несомненно, должны были активно участвовать в состязаниях этого рода, не осталось ничего. Более того, авторы посвящений нередко называют себя συνέφηρος, из чего можно заключить, что все они принадлежали к классу эфебов, а не к «мальчикам» в собственном значении этого слова. Кроме того, Плутарх, которого Нильссон тщетно пытается примирить со схолиастом, имеет в виду, что

кн.: The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. Ed. R. M. Dawkins. L., 1929, стр. 286. Сходной точки зрения придерживается и Жанмэр (Courtois, стр. 505 сл.), хотя он предпочитает считать иренами юношей 16 лет и старше.

- 29 Для того, чтобы объяснить выражение Плутарха: οἱ ἕτος ἤδη δεύτερον ἐκ παιδῶν γεγονότες, Нильссон допускает что между 13 и 14 годами устраивался инициация (Ук. соч., стр. 89) и мальчики на один год освобождались от муштры в агелах. Это, однако, выглядит явной натяжкой, в которой к тому же нет никакой необходимости: как указывает Краймс (Ук. соч., стр. 89) слова Плутарха можно перевести просто «на следующий год после того, как они перестанут быть мальчиками».
- 34 Нильссон и Краймс (Ук. соч., стр. 89) приходят к выводу, что это подтверждение свое приходит свое подтверждение
- 35 Гипотеза М. Т. Чримса (Ук. соч., стр. 86 сл.) приводит свое подтверждение

31 См. публикацию в кн. «The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta», стр. 292 слл., также IG, V/1, 252-356. Большая часть надписей относится к римскому времени (в основном к периоду династии Флавиев). Однако, как правильно полагает Краймс (там же), термины, обозначающие возрастные группы, не могли быть изобретены в этот поздний период и восходят к классической системе спартанского воспитания.

32 Термины, обозначающие возрастные градации, встречаются также в списках спартанских магистратов времени Империи.

иренами в Спарте становились юноши в возрасте 20 лет, никак не раньше³³. Это подтверждает глосса в словаре Фотия: κατὰ πρотеΐρας πρотеΐραι οἱ περὶ εἰκοσὶν ἐτη παρὰ Λάκωσι³⁴. В свою очередь Краймс, пытаясь устранить противоречие между Λέξεις Προδότηου, с одной стороны, и показаниями Плутарха и надписей, с другой, делает, на наш взгляд, вполне резонное предположение, что обозначения возрастных групп в Λέξεις так же, как аналогичные названия в надписях, относятся к внутренним градациям класса эфебов. Последний, таким образом, должен был охватывать всю молодежь в возрасте от 14 до 20 лет, тогда как юноши, перевалившие за этот возраст, принадлежали уже к другому классу и назывались «иренами»³⁵.

Эта в целом весьма убедительная гипотеза нуждается тем не менее в некоторых поправках. Для того, чтобы согласовать данные надписей со схемой схолиаста, Краймс вслед за Вудвардом³⁶ принимает, что πρотоπάλαις в надписях имеет то же самое значение, что πρόλαις у схолиаста, а άτροπάλαις тождественно παις. Однако, как указывает Марру³⁷, значение самого термина λάλαις («мальчик или юноша в полном смысле этого слова») не вяжется с таким толкованием. По мнению Марру, πρотаΐδες не входили еще в состав класса παιδες, а принадлежали к предыдущему классу μικιχίζόμενοι, образуя в его составе вторую годовую группу так же, как άτροπάλαιδες были второй ступенью класса παιδες. С этим предположением можно согласиться, однако, взятая в целом схема спартанской возрастной организации, которую конструирует Марру, вызывает, на наш взгляд, серьезные возражения. Так, группу меллиренов он без достаточных к тому оснований растягивает на два года, хотя по аналогии с πρотаΐδες можно

33 На это указывает местоимение οὗτος. Схолиаста, напротив, можно понять только в том смысле, что эфебия в Спарте оканчивалась с наступлением 20 лет.

34 что так назывались только ирены, стоящие во главе агел. Ближе к истине стоит, как нам кажется, Каршtedт (Griechische Staatsrecht. I, стр. 343, прим. 4), который видит в πρотеΐραι молодых людей, первый год состоящих в классе иренов.

35 в глоссе на полях одного манускрипта Страбона, в которой приводятся те же самые названия возрастных градаций, что и в Λέξεις, однако, фраза: ἐφηβείη μὲν γὰρ παρὰ Λακεδαιμονίοις ὁ παις ἀπ' ἐτῶν ἰδ' μέχρι κ', не замыкает перечисление, а, наоборот, начинает его.

36 К. М. Т. Чримс. Ук. соч., стр. 87, 91. Ср. А. М. Woodward. Excavations at Sparta. 1909. The Inscriptions. BSA, XV, 1908-1909, стр. 52.

37 H. J. Marrou. Les classes d'âge de la jeunesse spartiate. REA, XLVIII, № 3-4, 1946, стр. 226.

предположить, что она не имела самостоятельного значения и входила в состав класса παῖδες в качестве последней ступени³⁸. Вместе с тем класс иренов занимает в схеме Марру целых пять лет, начиная с 16 лет и кончая 20 годами, что, как было показано выше, противоречит показаниям источников.

Недостатки, свойственные схемам Марру и Краймс, вынуждают искать иной путь реконструкции спартанской системы возрастных классов. Наиболее приемлемым нам кажется следующее решение вопроса. Возрастное деление современных отсталых народов характеризует обычно определенная числовая система, в которой каждый возрастной класс имеет ту же самую продолжительность, что и все другие³⁹. Не исключено, что аналогичная система, существовала и в Спарте. За ее основу можно принять возрастной класс продолжительностью в три года. К этой мысли нас склоняет термин τριτίρην в одной мессенской надписи того же времени, что и надписи из храма Орфии (IG, V/1, 1346). Мессенцы могли заимствовать свою организацию гражданского воспитания только в Спарте. Весьма вероятно поэтому, что и там класс иренов состоял из трех годовых ступеней (от 20 до 22 лет). Если допустить теперь, что и другие классы, подобно иренам делились каждый на три подгруппы, то получаем три возрастных класса: μιχιζόμενοι, παῖδες и εἴρενες - продолжительностью по три года каждый. Внутри каждого из этих классов первые две ступени сохраняют общее название класса (πρωτόταμπαῖδες и ἀτροτάμπαῖδες, πρωτέῖραι), тогда как третья, последняя ступень получает название следующего класса с приставкой про- или μελλ- (πρόπαῖδες - последняя ступень класса μιχιζόμενοι; μελλεῖρενες - последняя ступень класса παῖδες). Если первую ступень класса иренов составляли молодые люди в возрасте 20 лет (по свидетельству Плутарха и Фотия), то первая ступень класса μιχιζόμενοι должна была состоять из мальчиков 14 лет. Но именно так (от 14 до 20 лет) определяют продолжительность эфебии в Спарте Λέξεις, хотя отчет они начинают не с μιχιζόμενοι, а с ρωβίδες. На самом деле, две первые группы из названных схолиастом: ρωβίδες и προμιχιζόμενοι, которые Краймс относит также к эфебам, таковыми, по всей вероятности, не были. Названия этих групп, как было уже отмечено, ни разу не встречаются в посвященных надписях победителей в παιδικός

38 Так можно понимать слова Плутарха: μελλεῖρενας δε τῶν παίδων τοῦς προφύτάτους, если допустить, что παῖδες обозначает здесь только один возрастной класс, а не всех эфебов в целом.

39 См. А. Н. J. Prins. East African Age-Class System. Groningen, 1953.

ἀγων⁴⁰. Характерное выражение одной из надписей (IG, V/1, 296): αὐτὸ μιχιζομένων μέχρι μελλεῖρονείας можно поэтому понять как общее определение срока эфебии, тогда как в группах ρωβίδες и προμιχιζόμενοι, состоявших из мальчиков 12-13 лет, следует видеть подготовительные ступени перед началом эфебии (здесь уместно вспомнить слова Плутарха, Лус., XVI-XVII, о том, что с 12 лет воспитание спартанских мальчиков становится особенно суровым, хотя в этом возрасте им разрешается заводить любовников).

Итак, гражданское совершеннолетие (ἡβη) в Спарте начиналось с 20 лет. Достигнув этого возраста, молодой спартиат переходил из класса юношей (παῖδες) в класс военнообязанных⁴¹ взрослых мужчин - иренов и, очевидно, сразу же после этого зачислялся в один из мужских союзов - фидитиев. Вместе с тем организационно ирены были еще тесно связаны с возрастными классами эфебов, агелами которых они предводительствовали и с которыми вместе они образовывали единый девятилетний цикл. Можно предположить поэтому, что некогда черта совершеннолетия, отделяющая иренов от эфебов, вообще отсутствовала и все девять ступеней от первых μιχιζόμενοι до τριτίρενες включительно составляли одно поколение юношей, может быть, наряду с другими старшими и младшими поколениями. В этом случае переход иренов в разряд совершеннолетних следует считать результатом реформы спартанской системы возрастных классов, которая может быть датирована лишь сравнительно поздним периодом истории Спарты (см. ниже, стр. 218 сл.).

40 Краймс (Ук. соч., стр. 94) пытается объяснить это тем, что группа μιχιζόμενοι в исключительных случаях могла привлекаться на военную службу, тогда как две предыдущие группы мальчиков призыву не подлежали. Это объяснение нельзя, однако, признать убедительным.

41 Ирены не только служили в спартанской армии, но и возможно занимали в ней высшие командные посты, как можно было бы заключить из Hdt., IX, 85, где иреном назван Амомфарет, командовавший в Платейском сражении одним из спартанских кохов. Правда, ἱρένας, ἱρένες в современных изданиях Геродота - конъектура взамен чтения кодексов ἱρέας, ἱρέες. Ряд исследователей отклоняет эту поправку на том основании, что молодые люди, не достигшие, во всяком случае, 30 лет и не имеющие всей полноты гражданских прав, не могли занимать столь ответственные посты (см. М. P. Nilsson. Ук. соч., стр. 308 сл.; H. Diets. Herodot IX, 85 und die Irenes. «Klio», XIII, 1913, стр. 21 сл.; G. Busolt. Griechische Staatskunde. II, стр. 696, прим. 3) [Ср. R. F. Wittens. «Mnemosyne», N. S. XXXIII, 1980, стр. 272-277. - Ped.].

По свидетельству Ксенофонта (Resp. Lac., V, 7; ср. Plut. Lyc., XII)⁴², спартиат, посещающий фидитий, считался военнообязанным (εμφροῦρος). Продолжительность военной службы в Спарте равнялась, по словам того же автора (Hell., VI, 4,7), сорока годам, считая от наступления совершеннолетия (τετταράχοντα ἄφ' ἡβης). Таким образом, верхней возрастной границей⁴³ для пребывания спартиата в составе фидития можно считать 60 лет. Достижение этого возраста продолжали, по всей вероятности, собираться в лесах (см. выше, стр. 113). Так как фидитии объединяли в своем составе людей разного возраста в промежутке от 20 до 60 лет, то внутри каждого из них могли существовать различные градации или возрастные ступени, в зависимости от которых распределялись права и обязанности между членами союза. Об этом говорят некоторые данные, на которые нам приходилось ссылаться выше. Таково сообщение Плутарха о гражданской неспособности спартиата до 30 лет (Lyc., XXV). К этому можно присоединить указание того же автора (ibid., XV) на любопытный обычай, согласно которому в первые годы брачной жизни молодой спартиат не имел права навещать свою жену иначе, чем ночью, когда его никто не видел, и даже в этом случае он не мог оставаться у нее дольше положенного времени, каждый раз возвращаясь туда, где он ночевал вместе со своими сверстниками (ср. Xen., Resp. Lac., I, 5). Отсюда следует, что самые молодые члены фидитиев проводили в них не только день, но и значительную часть ночи. Возрастные градации, однако, не имели самостоятельного значения в рамках системы гражданских союзов в Спарте. Как указывает Ксенофонт (Resp. Lac., V, 5-6), смешение возрастов в фидитиях было одним из основополагающих принципов всей ликурговой конституции: «Ведь в других государствах

⁴² Ксенофонт рассказывает здесь о своеобразном испытании, которому подвергались спартиаты после обеда в фидитиях: «Возвращаться домой они должны пешком и (при этом) постараться не свалиться от выпитого, зная, что не останутся там, где они обедали и что ночью каждый должен вести себя, как и днем. Ибо до тех пор, пока (спартиат) считается военнообязанным (τόν ἐτι εἰμφροῦρον), ему запрещено пользоваться в дороге факелом». К значению лакон. εἰμφροῦρος см. Xen., Resp. Lac., XIII, 1; Hell., II, 4, 29; III, 2, 23; IV, 7, 1; V, I, 29; VI, 4, 17; ср. ἄφροῦρος Arist., Polit., II, 1270 b.

⁴³ Плутарх (Lyc., XXVI), правда, рассказывает, что члены герусии, достигшие уже 60 лет, продолжали посещать свои фидитии и получали там двойную порцию. Можно допустить, что геронты сохраняли в фидитиях права «почетных членов», не участвуя, однако, систематически в их обедах. Не исключена и другая возможность: источник, которым пользовался Плутарх, имел в виду лесху, а не обычный фидитий. В любом случае свидетельству очевидца Ксенофонта должно быть оказано предпочтение.

обычно сверстники проводят время друг с другом, из-за чего у них мало бывает поводов для проявления стыда. Ликург же в Спарте смешал (возрасты), чтобы постоянно воспитывать юношей на опыте стариков. Ведь, когда приходят в фидитии, говорят о том, кто что хорошего совершил в государстве. Потому-то там очень редко можно встретить высокомерие, бесчинство, вообще позорные дела и речи». Интересную параллель к этой мысли Ксенофонта находим в «Законах» Платона (636 B): «Хотя во многих других отношениях гимнасии эти и сисситии теперь приносят государствам пользу, они вместе с тем чреватые опасностью смуты. На это указывает пример милетской, беотийской и фурийской молодежи (δηλοῦσι δὲ Μιλησίων καὶ Βοιωτῶν καὶ Θουρίων παίδες). Как можно догадаться, Платон объединяет здесь под одним общим названием «гимнасии и сисситии» - два различных по своему характеру института, противопоставляя их друг другу, как две стороны одного и того же учреждения. Как и Ксенофонт, он считает безусловно вредными для государства объединения молодых людей, сверстников, типичные для многих греческих полисов. Напротив, союзы дорийского типа, входившие в состав единой государственной системы, в которой молодежь находилась под неусыпным контролем стариков, вызывают восхищение у обоих писателей.

Возрастная организация граждан Крита заметно отличается от спартанской. Воспитание в агелах начиналось здесь не с 7 лет, как в Спарте (Plut., Lyc. XVI), а в гораздо более позднем возрасте (по Гезихию, с 17 лет, см. s. v. ἀλάγελος). С другой стороны, совершеннолетие (ἡβη), начиналось, по крайней мере, в Гортине гораздо раньше, чем в Спарте. Практически, оно, очевидно, совпадало с наступлением физической зрелости⁴⁴ и могло быть зафиксировано еще до поступления юноши в агелу. Отсюда следует, что само понятие, вкладываемое в термин ἡβη, ἡβίων (критское ἐβίον), на Крите существенно отличалось от спартанского. По данным кодекса ἐβίον имел право вступать в брак (правда, может быть, только в тех случаях, когда невестой была наследница), он мог также выступать на суде в качестве свидетеля и даже усыновлять (ГЗ, VII, 35 слл.; IX, 45 слл.; XI, 18 слл.). Однако, всей полноты гражданских прав физическое совершеннолетие еще не давало. По всей вероятности, вплоть до выхода из агелы ἐβίον не был военнообязанным и не считался соответственно полноправным членом гетерии. На это указывает характерное выражение в одном из разделов ГЗ

⁴⁴ Девушка считалась совершеннолетней (ἐβίονσα), начиная с 12 лет (ГЗ, XII, 7). Уиллетс допускает, что и у мужчин физическая зрелость определялась примерно тем же возрастом (Ук. соч., стр. 7 слл.).

(VII, 35 сл.): αἱ δὲ κ' ἀπόδρομοι ἰὼν ὁ ἐπιβάλλον ὄπτιεν ἔβιον ἔβιονσαν. Ἀπόδρομοι на Крите называли эфебов, так как они еще не допускались к публичным состязаниям в беге (Aristoph. Byz. у Eustath. 1592, 58). Соответственно δρομεύς в том же разделе кодекса (VII, 40 слл.) может быть только полноправным гражданином Гортины. В отличие от ἀπόδρομος он не только может, но и обязан жениться на дочери-наследнице (ср. Эфор FGrHist 70 F 149 у Strabo X, 4, 20 об обязательности брака после выхода из агелы). Дромеи несколько раз упоминаются в ГЗ в качестве свидетелей на суде (I, 41 сл.; III, 22 сл.; V, 53; ἀπόδρομοι хотя и имели права этого рода, но, очевидно, не во всех случаях). Как вполне взрослый человек дромеи, у которого умерла мать, может распоряжаться ее имуществом наравне с отцом (Ibid., VI, 36). То, что дромос и гетерии были на Крите понятиями однопорядковыми, если не вполне идентичными, видно по манере выражения одной поздней надписи (IC, I, XIX, 3, 39 слл. - Малла, конец II в. до н. э.): ἀγεν δὲ καὶ εὐάμερον τὸς κόσμος τὸς [ἀεὶ κοσ]μύοντασ κατ' ἔνταυτον ἐν ταῖ ἐκταῖ τῷ Βαχ[ινθῶ] μὴνὸσ καὶ δρόμων καὶ τ(ά)σ ἐταιρηάσ συ[νάγεν]⁴⁵. Относительно возраста, в котором заканчивался срок пребывания в агеле и ἀπόδρομος становился дромеем, в источниках нет прямых указаний. Предположение Уиллетса⁴⁶, что этим возрастом, как и в Спарте, было 20 лет, вероятно, близко к истине. Возрастной состав гетерий, как и фидитиев, был, по всей вероятности, неоднороден. Об этом говорит тот, отмеченный уже выше факт, что в сисситиях на Крите участвовали, по крайней мере, две возрастные группы мальчиков, которые, как указывает Пиргион, были сыновьями взрослых членов гетерии. Не исключено, что возрастные градации внутри гетерий, как и в Спарте, имели определенное политическое значение (см. Nesych. s. v. δεκάδρομοι: «те, кто уже десять (лет) считаются мужами у критян»)⁴⁷.

⁴⁵ Такая же связь существовала в Спарте между фидитиями и гимназиями (см. Xen., Resp. Lac., V, 8-9).

⁴⁶ R. F. Willens. Aristocratic Society in Ancient Crete, стр. 12. Жанмэр (Ук. соч., стр. 426) не находит никакой принципиальной разницы между дромеями и агеластами (эфебами), считая, что воспитание в агелах продолжалось до 27 лет. Эта точка зрения не встречается, однако, поддержки в источниках. См. также DHR, I, 2, стр. 408; J. Kohler, E. Ziebarth. Das Stadtrecht von Gortyn. Göttingen, 1912, стр. 57.

⁴⁷ Словарь Лидделла - Скотта дает лишь этимологическое значение термина δεκάδρομοι - «участники десяти состязаний». О его внутреннем содержании см. E. Kirsten. Die Insel Kreta, стр. 129, прим. 26; R. F. Willens. Ук. соч., стр. 13, прим. 2. Гвардуччи восстанавливает в ГЗ аналогичный термин λευτεκαίδεκαδρομοσ (IC, IV, 72,

Формирование союзов

О формировании критских агел рассказывает Эфор (FGrHist 70 F 149 у Strabo, X, 2, 20; ср. Aristot. fr. 611, 15 Rose³): «Агелы собирают наиболее влиятельные и знатные из мальчиков (ἐπιφανέστατοι), из скольких сколько каждый может собрать. Во главе каждой агелы обычно стоит отец собравшего ее мальчика. Он властен водить их на охоту, устраивать состязания в беге и наказывать непослушных. Питаются же они на общественный счет». Агелы - институт, несомненно, родственной гетериям. Оба термина упоминаются в одном контексте в древнейшей (VII в. до н. э.) надписи из Дрероса⁴⁸. На связь агел с гетериями указывает также и последняя фраза в цитированном отрывке Эфора: τρέφοντα δὲ δεῖροισί. По всей вероятности, здесь имеются в виду средства, поступающие от государства и от частных лиц для устройства сисситий в гетериях. Какая-то часть этих средств могла использоваться для питания агеластов. Эфор, однако, ничего не говорит о том, каким именно образом происходил переход молодых граждан из агелы в гетерию, вследствие чего в вопросе о взаимоотношениях этих двух типов мужских союзов на Крите остается еще много неясного.

В литературе довольно часто высказывается предположение, что каждая агела со временем автоматически превращалась в самостоятельную гетерию⁴⁹. Эта мысль, которая представляется ее сторонникам чем-то само собой разумеющимся и чаще всего никак не аргументируется, в действительности чревата серьезными затруднениями и должна быть сразу же отвергнута. В самом деле, как объяснить то странное обстоятельство, что один и тот же союз, до определенного момента называвшийся агелой, затем вдруг превращается в гетерию? Кроме того, как было уже замечено, гетерия представляла собой широкое объединение, включающее людей самых разных возрастов, в то время как разница в возрасте между членами агелы едва ли могла превышать два-три года. Более вероятным нам кажется поэтому другое предположение: агела, как только все ее члены достигли определенного возраста, вливались в состав уже существующей гетерии, к которой принадлежали отцы и старшие братья агеластов. Таким образом, каждая гетерия имела при себе одну или несколько агел, связанных с ней родственными узами. Это представление лежит в основе

⁴⁸ См. ниже, стр. 200 сл.

⁴⁹ J. Kohler, E. Ziebarth. Ук. соч., стр. 46; J. Oehler. Kreta. RE, Hbd. 22, 1922, стб. 1818; E. Kirsten. Ук. соч., стр. 129; H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 425 сл.

гипотезы, изложенной в работе Краймс. Однако развивая эту мысль, английская исследовательница идет, как нам кажется, гораздо дальше, чем позволяют имеющиеся источники. По мнению Краймс, далеко не все юноши, входившие в состав той или иной агелы, попадали в нее, а затем и в соответствующую гетерию по праву рождения. Большинство среди них составляли выходцы из «низшего класса», попавшие в агелу только благодаря тому, что на них пал выбор аристократа - предводителя агелы. В составе гетерии эти, как полагает Краймс, граждане второго или третьего сорта играли роль «приверженцев» влиятельной аристократической семьи, которая образовывала ядро союза - его так называемый «андрий»⁵⁰. Вся эта организация несет на себе, по словам Краймс, «явную печать древности». Ее целью было «обеспечить устойчивое влияние этой отдельной семьи на протяжении поколений в особенности имея в виду воинственные распри между знатными семьями, которые были характерной чертой жизни Крита» (Краймс ссылается здесь на Arist., Pol., II, 1272b 11 сл.)⁵¹.

Свидетельство Эфора, на котором Краймс строит свою аргументацию, позволяет говорить об определенной преемственности, связывающей критские агелы IV в. до н. э. с аристократическими дружинами гомеровского периода. Можно предположить далее, что, по крайней мере, некоторые из членов агелы находились в личной зависимости от предводителя или его отца наподобие ближних гетеров в гомеровских поэмах⁵². Однако нет никакой необходимости возводить отношения этого рода в абсолют, распространяя их на всю организацию критских мужских союзов, как это делает Краймс. Несмотря на ряд любопытных наблюдений, основные положения, выдвинутые ею в этом разделе, остаются недоказанными. В частности, вряд ли можно с

⁵⁰ К. М. Т. Chrimes. Ук. соч., стр. 237 сл. В IV в., к которому относится свидетельство Эфора, агелы в критских городах находились, как думает Краймс (стр. 219 сл.), под «твердым контролем государства» и, по существу, мало чем отличались от обычной греческой эфебии. В это время воспитание в агелах было общеобязательным для всех граждан, стоящих выше класса апетеров. В более ранний («феодалный») период именно этот последний класс служил основным резервуаром для пополнения агел. Те апетеры, на которых падал выбор предводителя агелы, переходили в более высокий класс ἀγαῶται и получали гражданские права (Там же, стр. 228 сл.).

⁵¹ Там же, стр. 220.

⁵² Не исключено, что эти зависимые от предводителя агелы юноши не принадлежали к сословию граждан, а были апетерами или даже рабами (кларотами) подобно мофакам в Спарте (см. о них ниже, стр. 137 сл.). Однако автоматическое получение ими гражданских прав после выхода из агелы маловероятно.

уверенностью утверждать, что основная масса членов гетерии состояла из случайных людей, попавших в союз лишь благодаря покровительству того или иного представителя знати. Не находит подтверждений в источниках и тезис Краймс о принципиальном различии в значении терминов «гетерия» и «андрий». Как было показано выше, в критских надписях первый из этих терминов используется обычно в значении союза граждан, единицы полисного деления, тогда как второй обозначает помещение для собраний и обедов союза. В литературных источниках (например, у Досиада) сколько-нибудь четкое разграничение между понятиями андрия и гетерии вообще не проводится. Таким образом смысловое различие этих двух терминов, если оно существует, не содержит в себе никакого социального оттенка. С другой стороны, следовало бы ожидать, что отношения зависимости и подчинения, если бы они действительно были определяющей чертой критских гетерий, отразятся в первую очередь на организации их коллективных трапез. Однако в описании критских сисситий у Досиада, Пиргиона и прочих авторов трудно уловить какие-либо намеки на этот счет (см. ниже, стр. 155).

Акт приема в гетерии новых членов обычно связывают с торжественной общегосударственной присягой эфебов, дошедшей до нас в ряде критских надписей эллинистического периода⁵³. Наиболее известным примером, является уже упоминавшаяся выше «Дреросская присяга» (IC, I, IX, 1)⁵⁴. Однако, коллективная клятва новых граждан

⁵³ DHR, I, 2, стр. 412; G. Busolt. Griechische Staatskunde, II, стр. 754.

⁵⁴ Некоторые исследователи считают, что присяга произносилась не при выходе из агелы, а наоборот, при вступлении в нее. Свобода (G. Busolt. Griechische Staatskunde, II, стр. 754, прим. 1), аргументируя этот взгляд, указывает, что названная в надписи цифра 180 эфебов, приносящих присягу, слишком велика для такого маленького городка, как Дрерос, если допустить, что имеются в виду эфебы только одного выпуска. Объяснение, которое Свобода предлагает взамен, едва ли приемлемо. По его мнению, присяга принималась одновременно у всех четырех (?) выпусков в момент вступления в агелу самого младшего из них. Однако это предположение не вяжется с представлением, которое, по-видимому, разделяет и сам Свобода, о том, что космы приводили эфебов к присяге каждый год, как это видно из других надписей того же периода (см., например, IC, I, XIX, 1). В других городах (это отмечает и Свобода) к присяге приводили эфебов уже вышедших из агелы. На это указывает выражение [τὰν ἀγέ]λων τὰν τόξα ἐδουομένην в договоре между Маллой и Литгом (IC, I, XIX, 1 стк. 16 сл.). Но аналогичное выражение мы находим и в Дреросской присяге (С, стк. 12: τὰν ἀγέλων τοὺς τόξα ἐδουομένους). Свобода ссылается на глоссу в словаре Гезихия: ἐκδύς ἐξελθών. Несколько иначе понимает это выражение Диттенбергер (Syll. 3, 527, adn. 31). По его мнению, эфебы, принося клятву, должны были снять с себя оружие и пояс (отсюда термин πανάξωστοι в той же надписи, А, стк. 11 сл.). Против - Бласс

на верность государству и его законам, вероятно, не исчерпывала всех формальностей, при поступлении в гетерию. Известно, что в Афинах для занесения нового члена в списки дема или фратрии требовалось, во-первых, заявление отца или опекуна кандидата о том, что последний является его законным наследником и достиг необходимого возраста, и, во-вторых, согласие других членов, выраженное путем тайного голосования⁵⁵. Косвенное указание на то, что аналогичный порядок существовал также в Гортине и в других городах Крита, находим в разделе ГЗ, касающемся усыновления (X, 35 сл.): «Усыновлять может (каждый), откуда захочет (ὅλο καὶ τίλ λει)⁵⁶. Об усыновлении (следует) объявить на агоре в присутствии (всех) граждан (καταρελμένον τοῖς πολιτάων) с ораторского возвышения. Усыновляющий должен дать своей гетерии (ταῖς ἑταιρείαις ταῖς φαί αὐτοῦ) жертвенное животное и кувшин вина». Упоминание гетерии в данном контексте можно объяснить только тем, что через акт усыновления усыновленный автоматически становился членом гетерии своего приемного отца, конечно, если другие граждане, входившие в ее состав, не возражали против этого. Едва ли порядок приема в гетерию законных детей сколько-нибудь существенно отличался от этой процедуры. Заметим, что в разделе не делается никаких оговорок относительно возраста усыновляемого. Истолковать это можно двояко: либо законодатель подразумевает, что усыновляемый уже достиг возраста гражданского совершеннолетия и может считаться полноправным членом гетерии, либо формально прием в гетерию происходил в каком-то раннем возрасте, может быть⁵⁷, еще до начала эфебии, как, например, прием в афинские фратрии⁵⁸, и поэтому в каких-либо указаниях на этот (SGDI, III, 4952). Гвардуччи принимает точку зрения Диттенбергера, считая, что присяга приносилась при выходе из агелы (ср. прим. к IC, I, XVI, стк. 20 сл.). См. также R. F. Willem. Ук. соч., стр. 120 сл.

⁵⁵ G. Busolt. Ук. соч. II, стр. 943 сл.; 960 слл.

⁵⁶ Дарест и Гвардуччи переводят это выражение «из любой семьи» (DHR, I, 2, XVII; IC, IV, 72; ср. J. Kohler, E. Ziebarth. Ук. соч., стр. 25).

57 Первый раз мальчик представлялся фратерам своего отца уже на первом году жизни. Это представление происходило во время праздника Апатурий и сопровождалось жертвоприношением (так наз. δεῖον). Второе представление, за которым вскоре следовало внесение в списки фратрии, совершалось также во время Апатурий на третий день праздника и называлось ἰοβρενον. Оно сопровождалось посвящением Артемиде пряди волос мальчика (см. Nesych. ἰοβρενον; также декрет фратрии Демотионидов, DHR, II, 1, XXIX). В каком именно возрасте совершался этот обряд, точно неизвестно, но, по всей вероятности, еще до начала эфебии (см. G. Busolt. Ук. соч., II, стр. 961, прим. 1).

счет не было надобности. Из этих двух предположений более вероятным нам кажется первое, так как в отличие от фратрий гетерии в Гортине V-IV вв. сохраняли большое политическое значение и зачисление в их списки новых членов естественнее всего было бы связать с началом военной службы или, по крайней мере, эфебии, как это было в афинских демах⁵⁸.

Как полагает Уиллетс⁵⁹, в законе об усыновлении отразились новые веяния в гортинском праве первой половины V в. до н. э. Если раньше, до опубликования кодекса усыновление производилось только в пределах рода, то теперь усыновитель признавался свободным в своих действиях и мог принять в свою семью кого угодно, как это видно из начальной фразы раздела⁶⁰.

Характерно, что в законе ничего не говорится об отношениях усыновленного с его прежним родом и семьей⁶¹. Объяснить это можно только тем, что лица, подлежащие усыновлению, вообще стояли в Гортине вне родовой организации или, по крайней мере, не имели недвижимой собственности на территории полиса.

Эта догадка находит свое подтверждение в следующем далее тексте закона. В конце того же раздела говорится (XI, 10 сл.), что в случае, если усыновитель откажется от своего приемного сына, он должен уплатить штраф в 10 статов. Эти деньги принимает и отдает затем отвергнутому секретарь косма чужеземцев (μυδμον ὁ τοῦ κσενίου). Компаретти⁶² делает отсюда вывод, что усыновлению подлежали обычно незаконнорожденные дети, которые в случае отказа от них их родителей лишались всех имущественных прав и переходили в разряд лиц, находящихся под юрисдикцией κσένως ἰοβρενον, т. е. апетеров. В общей массе усыновленных незаконнорожденные могли, конечно,

⁵⁸ G. Busolt. Ук. соч., стр. 943.

⁵⁹ R. F. Willem. Ук. соч., стр. 65 сл.

⁶⁰ Прямые подтверждения этой гипотезы в критских надписях отсутствуют. Уиллетс ссылается на Demosth., XLIV, 43, откуда следует, что в Афинах IV в. усыновляемый мог быть ближайшим родственником усыновителя, хотя неясно, было ли это правилом. Кроме того, Уиллетс сам противоречит себе, утверждая (стр. 63, со ссылкой на Томсона), что первоначально усыновление производилось родом, а не семьей и, следовательно, усыновляемый не мог быть сородичем своего приемного отца.

прав на имущество его настоящего отца (Isaeus, VII, 24; IX, 2; 33; XI, 45; Dem., XLIV, 26)

⁶² D. Comparetti. Le leggi di Gortina. «Monumenti antichi». III. 1893, стр. 234. Ср. R. Dareste, DHR, I, 2, стр. 423; R. F. Willem. Ук. соч., стр. 68.

составлять довольно значительный процент. Однако, начальная фраза раздела («усыновлять может каждый, откуда захочет») говорит, пожалуй, за то, что круг усыновляемых был более широким и не ограничивался только незаконнорожденными, включая всех вообще неграждан (апетеров или чужеземцев).

В связи с вопросом о способе формирования мужских союзов на Крите уместно будет обратить внимание на любопытный обычай умыкания мальчиков, о котором рассказывает опять-таки Эфор (FGrHist 70 F 149 (21) у Strabo, X, 4, 21; ср. VIII, 8, 5): «Своеобразен принятый у них обычай относительно любовных связей. Ведь они добиваются возлюбленных не убеждением, а умыканием [...]»⁶³. Влюбленный предупреждает друзей (τοις φίλοις)⁶⁴ за три или более дней, что собирается устроить похищение. И является великим позором скрывать мальчика или не позволять ему идти установленным путем⁶⁵, так как они (друзья) тем самым признали бы, что мальчик недостойн такого любовника. Если похититель равен мальчику или даже превосходит его знатностью и прочим, то они (друзья), собравшись и устроив преследование, противодействуют, но умеренно, только для того, чтобы выполнить обычай, вообще же с радостью позволяют увести мальчика. Но если (любовник) недостойн, мальчика отбирают. Преследование продолжается до тех пор, пока мальчик не будет приведен в андрей похитителя. Милее всего признается ими тот, кто отличается не красотой, но мужеством и благопристойностью; и влюбленный, обласкав и одарив мальчика, отводит его в любое избранное им место за городом. В сопровождении других участников похищения они проводят в охоте и пирах два месяца (задерживать мальчика на более долгий срок нельзя) и возвращаются в город. Мальчик покидает (похитителя), получив в качестве подарка воинскую одежду, быка и чашу: таковы дары, полагающиеся по закону [...]»⁶⁶, а также многое другое, стоящее очень дорого, так что из-за больших расходов друзьям приходится складываться. Быка (мальчик) приносит в жертву Зевсу и угощает (своих) спутников. Затем он объявляет о своем сожителестве с любовником: было ли оно ему приятно или нет, причем закон, если при похищении к нему было применено какое-либо насилие,

⁶³ [... ἀλλ' ἀρπαγὴν σὺ —] cod. resc. Vat. В тексте лакуна примерно в 30 букв. - *Ред.].*

⁶⁴ [φίλοι употреблено почти терминологически, ср. русск. *друзья*. - *Ред.].*

⁶⁵ [πορεύεσθαι τὴν τεταγμένην ὁδόν, очевидно - метафорически. - *Ред.].*

⁶⁶ [Лакуна в тексте. - *Ред.].*

разрешает ему здесь же отомстить за себя и удалиться. Считается позором для мальчика, красивого на вид и знатного происхождения, не иметь любовников, так как (могут подумать), что виной этому дурной нрав. «Стоящие рядом» (παρασταθέντες так называют похищенных) пользуются почетом. В хоровах и на состязаниях в беге они занимают почетное место. Им позволено также в отличие от других носить одежду, подаренную любовником, и не только тогда, но и став взрослыми, они носят особые одеяния, по которым можно узнать каждого «славного». Ибо возлюбленного называют κλεινός, а любовника φίλτωρ. Таковы (у них) законы о любовных связях»⁶⁷. Это свидетельство Эфора Краймса привлекает для подтверждения своей теории о феодально-иерархической структуре критского общества. По ее мнению⁶⁸, молодые люди, которых Эфор называет ἐρασταί, принадлежали на Крите к высшему аристократическому сословию «всадников»⁶⁹. Их возлюбленные (κλεινοί или παρασταθέντες) занимали, как правило, более низкое общественное положение. Связь любовника с похищенным им мальчиком не прерывалась по истечении двухмесячного срока, о котором говорит Эфор, так как «славный» становился членом гетерии, к которой еще до этого принадлежал его ἐραστής.

В пользу этого предположения говорят как будто бы два обстоятельства. Во-первых, по словам Эфора, сразу же после похищения любовник отводит похищенного в свой андрей. Это действие, несомненно, имело символическое, ритуальное значение. А поскольку андрей, мужской дом, был центром гетерии, можно допустить, что начиная с этого момента мальчик становился членом союза. Во-вторых, сам термин παρασταθέντες («поставленные рядом»), который Эфор приводит в своем рассказе, а также то обстоятельство, что среди подарков, которые получал «славный» от своего похитителя по окончании их сожителества, была воинская одежда, позволяют предположить, что тем самым первый становился боевым соратником последнего и должен был впредь делить с ним все трудности походной

⁶⁷ [Перевод выверен по последнему изданию Страбона - Strabon. Geographie. T. VII (Livre X). Texte établi et traduit par Fr. Lasserre. Paris, 1971 (Coll. Bude). - *Ред.].*

⁶⁸ К. М. Т. Chrimes. Ук. соч., стр. 227.

⁶⁹ Жанмэр (Courtois, стр. 453) высказывает подобную же мысль. Однако, в отличие от Краймса, он видит в κλεινοί лишь младшую возрастную группу («пажей») внутри сословия «всадников». В действительности, объединение, носившее в Спарте и на Крите это название, не было сословием в отличие от «всадников» в ионийских городах (см. ниже, стр. 214 сл.).

жизни⁷⁰. А так как гетерия, по мнению большинства историков⁷¹, подобно спартанскому фидитию, была боевой единицей гражданского ополчения в городах Крита, принятие «славного» в ее состав было бы чем-то вполне закономерным. Рассмотрим эти аргументы.

Введение похищенного мальчика в андрий похитителя, несомненно, указывает на связь обычая умыкания с институтом мужских союзов. Однако, во времена Эфора эта связь могла носить уже чисто внешний характер. Конечно, обычай, описанный Эфором, нельзя рассматривать просто, как уродливую гипертрофию полового извращения. Бете⁷² в работе, посвященной этому вопросу, уже давно и вполне убедительно раскрыл истинный первоначальный характер дорийской Knabenliebe, трактуя ее как своеобразную форму перво-бытных инициаций. Действительно, отношения «славного» с его любовником в изображении Эфора очень близко напоминают встречающуюся у многих народов связь между мальчиком-подростком и мужчиной, который совершает над ним обряд инициации⁷³. Как было указано выше, поздним вариантом того же обычая можно считать кавказское аталычество. Обращает на себя внимание замечательное сходство некоторых деталей в рассказе Эфора и в описаниях обряда усыновления на Кавказе: само похищение и борьба двух партий за сожительство, и последующие отношения не выходили за рамки тного союза двух лиц⁷⁸.

⁷⁰ К. М. Т. Chrimes. Ук. соч., стр. 225 сл.

⁷¹ G. Busolt. Ук. соч. II, стр. 746; E. Kirsten. Ук. соч., стр. 149; Л. Н. Казманова. Очерки социально-экономической истории Крита, стр. 95. Ср., однако, U. Kahrstedt. Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart-B., 1934, стр. 351. Об отношении гетерий к так называемым «стартам» см. ниже, стр. 144 сл.

⁷² E. Bethe. Die dorische Knabenliebe. RhM., 1907, 62.

⁷³ Кроме примеров, которые приводит Бете, можно сослаться на упоминавшееся выше «рабство мальчиков» в Австралии. Много общего можно найти между умыканием мальчиков на Крите и обычаями туземцев о. Бугенвиль в Меланезии. Распространенный здесь обычай матазезе (или Рук-Рук) заключается в том, что взрослый мужчина отбирает одного или нескольких мальчиков (так называемых матазезе) и уводит их из деревни далеко в лес, в специально отведенное для этого место, где обычно строится для их совместной жизни особая хижина. Особой честью считается быть избранным матазезе вождя. Мальчик остается со своим опекуном в лесу до тех пор, пока волосы у него на голове не отрастут настолько, что смогут держать в вертикальном положении шляпу, особой тыквообразной формы, по которой можно узнать матазезе. После этого мальчик и его взрослый покровитель возвращаются в деревню, где устраивается по этому случаю продолжительный пир (см. R. Parkinson. Dreissig Jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907, стр. 657 сл.). Довольно вероятно, что, как полагает Уиллетте (Ук. соч., стр. 14), похищенные мальчики на Крите во время их двухмесячного пребывания за городом назывались οχθίοι (см. Hesych. ἀλάγελον οχθίοι), проходя как бы испытательный срок перед поступлением в агелу (ср. Jeanmaire. Couroï, стр. 426).

похищенного мальчика⁷⁴, одаривание похищенного похитителем (боевая одежда, бык и чаша на Крите; одежда, оружие, конь или раб на Кавказе)⁷⁵ и т. д. Аталычество, однако, не тождественно инициациям в полном смысле этого слова. Это лишь их поздняя, пережиточная форма. Характерно, что нигде в источниках аталычество не ассоциируется с мужскими союзами или мужскими домами, хотя пережитки и тех и других известны на Кавказе⁷⁶. Как позднюю, пережиточную форму инициации можно рассматривать и умыкание мальчиков на Крите, но хотя здесь некоторые следы первоначальной связи обычая с кругом мужских союзов еще продолжали сохраняться, сама эта связь уже не была больше реальностью.

Таким же реликтом, не имеющим уже сколько-нибудь реального значения, был, по всей вероятности, и обычай дарить воинское убранство возлюбленному, называя его при этом «товарищем по оружию» (παρασταθής). Употребляемый Эфором термин παῖς указывает, что в момент похищения «славный» был еще свободен от воинской повинности и, может быть, даже не состоял в агеле⁷⁷.

Итак, вопреки догадкам Краймса, скорее всего, и их двухмесячные рамки час-

Порядок приема в спартанский фидитий довольно подробно описывает Плутарх (Лус., XII; ср. Schol. in Plat. Leg., 633A): «Каждый из сотрапезников, взяв в руки хлебный мякиш, в то время как слуга

⁷⁴ На Кавказе притворная стычка между представителями рода аталыка и родственниками и друзьями отца воспитанника предшествовала возвращению последнего в отеческий дом (Косвен. Аталычество, стр. 109). Похищение воспитанника аталыком практиковалось у адыгов и кабардинцев (Там же, стр. 107).

⁷⁵ М. О. Косвен. Ук. соч., стр. 109.

⁷⁶ См. Косвен. Что такое кунацкая? В сб.: «Этнография и история Кавказа», стр. 128 сл.; Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. «Доклады и сообщения института МГУ». Вып. 6, 1947.

⁷⁷ Ср. Aelian. De nat. an. IV, 1.

⁷⁸ Отношения этого рода ближе напоминают брачный союз аристократических семей, нежели отношения типа клиентелы или вассалитета, которые усматривает здесь Краймс. Из рассказа Эфора не следует, что общественное положение мальчика было обязательным ниже общественного положения его похитителя. Они могли быть и равны друг другу. Заметим, что схема, предложенная Краймсом, невозможна не только по внешним, но и по внутренним причинам. 'Εραστής, по словам Эфора, набирал свою агелу, сам еще будучи мальчиком. Похитить возлюбленного он мог, уже став взрослым человеком. Но возлюбленный, в свою очередь, должен был поступить в агелу, которая уже не могла быть агелой его любовника, и таким образом, по логике системы, попал бы в другую гетерию.

проносил на голове сосуд, молча бросал его туда, как камешек на выборах, - тот, кто был за принятие, просто так, а тот, кто против, сильно сдавив рукой. Мякиш, сдавленный таким образом, равноценен просверленному камешку. И если один такой находят, не принимают пришедшего, желая, чтобы все были приятны друг другу. О человеке, таким образом забаллотированном, говорят, что он *кадди-хирован*, ибо сосуд, в который бросают мякиш, называется *каддих*. Достоверность этого свидетельства Плутарха до недавнего времени никем не ставилась под сомнение. Впервые подозрение на этот счет было высказано Краймс. По ее мнению, Плутарх (или источник, которым он пользовался) смешивает сисситии с какими-то коллегиями магистратов, обедавшими за общим столом и пополнявшимися путем кооптации⁷⁹. Единственным основанием для такого скептицизма служит то обстоятельство, что сообщение Плутарха резко противоречит той схеме пополнения фидитиев, которую выдвигает сама Краймс. Эта схема в деталях повторяет схему формирования критских гетерий. В обоих случаях в основе всей системы лежит принцип произвольной вербовки молодым аристократом группы приверженцев, напоминающей по типу феодальную дружину. В обоих случаях Краймс делит сам процесс вербовки на два этапа. Сначала мальчик знатного рода, проходящий курс гражданского воспитания, набирает агелу из сверстников более низкого происхождения - так называемых «казенов» или «мофаков»⁸⁰ подобно тому, как это делалось на Крите во времена Эфора. В дальнейшем, став взрослым (иреном) и предводителем агелы (боагом), он обзаводится еще несколькими синэфебами, которые по сравнению с рядовыми членами агелы занимают несколько более высокое общественное положение. Краймс приравнивает их к критским *ларастаθέντες*⁸¹. Как и на Крите, вся эта группа вливалась затем, как полагает Краймс, в состав того фидития (гетерии), к андрию которого по происхождению принадлежал ее предводитель.

Как было уже замечено во вступлении, в выводах, к которым приходит Краймс, есть некоторая доля истины. Весьма вероятно, что организация системы воспитания, зафиксированная в спартанских надписях римского времени, по крайней мере в отдельных своих элементах, восходит к гораздо более раннему периоду и, таким

⁷⁹ К. М. Т. Chrimes. Ук. соч., стр. 245.

⁸⁰ Ук. соч., стр. 221 сл.

⁸¹ Там же, стр. 223 слл.

образом, может быть сопоставлена с обрисованной Эфором организацией критских агел. Тем не менее, взятая в целом схема Краймс вызывает серьезные возражения. В нашем распоряжении нет ни одного факта, который бы прямо указывал на то, что отношения зависимости, существовавшие в агелах, переносились затем в фидитии и накладывали какой-то отпечаток на их внутреннюю организацию⁸² и, следовательно, рассуждения Краймс о иерархической «феодальной» структуре спартанских мужских союзов не имеют под собой почвы. Основной недостаток схемы Краймс коренится, во-первых, в произвольной дискредитации свидетельства Плутарха о пополнении фидитиев и, во-вторых, в неправильной оценке социального статуса мофаков.

Как уже говорилось выше, Краймс отождествляет мофаков с казенами, известными по надписям римского времени. Этим последним она характеризует, как «класс, который сам по себе не имел доступа в агелы и был обязан своим включением в их состав только факту избрания отдельных его представителей казенами»⁸³. После выхода из агелы казен, как полагает Краймс, получал гражданские права, впрочем ограниченные: для избрания на ту или иную должность он должен быть предварительно усыновлен кем-либо из членов «привилегированных семейств»⁸⁴. Однако, представление о мофаках как о гражданах, хотя бы и низшего сорта, не вяжется с показаниями источников. Так, Филарх (FGH Hist 81 F 43 у Athen., VI, 271 e-f), свидетельство которого можно считать древнейшим, называет мофаков *οὐντροφοὶ τῶν Λακεδαιμονίων* и говорит, что они были свободны и получали такое же воспитание, как и дети лакедемонян, хотя сами лакедемонянами, т. е. спартиатами не считались (*ἐλεύθεροὶ μὲν, οὐ μὴν Λακεδαιμόνιοι γέ*). Гражданские права мофак мог получить только в исключительном случае. Филарх ссылается в качестве примера на Лисандра, который был мофаком по происхождению, но получил гражданство за свое мужество. Краймс отбрасывает в сторону это

⁸² Заметим, что если на Крите несколько агел могли в полном своем составе войти в ту или иную гетерию, то для Спарты такая возможность исключена ввиду малочисленности отдельных фидитиев (не более 15 человек по Плутарху. Краймс, правда, отвергает и это его свидетельство).

⁸³ К. М. Т. Chrimes. Ук. соч., стр. 110. Краймс объясняет эту приниженность положения казен тем, что их матери были «чужеземками», хотя отцы могли пользоваться гражданскими правами в Спарте.

⁸⁴ Там же, стр. 102 слл.

достаточно категоричное утверждение, видя в нем результат «вполне простительной путаницы»⁸⁵.

Насколько позволяет судить весьма скудный материал наших источников, критерий гражданских прав в Спарте складывался из трех элементов: гражданского воспитания, владения землей на территории государства, и, наконец, законного происхождения⁸⁶. Между тем, мофаки обладали, очевидно, только одним из требуемых качеств, пройдя курс воспитания в агелах, и, следовательно, не могли считаться гражданами⁸⁷. Вообще кажется довольно вероятным, что круг лиц, охваченных в Спарте системой αγωγή, был намного шире круга лиц, пользующихся гражданскими правами в подлинном значении этих слов. В этом смысле можно, пожалуй, понять приводившееся выше сообщение Плутарха о том, что к моменту реформы Агиса в государстве было достаточно периеков и «чужеземцев», уже получивших «воспитание достойное свободного человека» (τροφής μετεσχηβτες ελευθερίου), для того, чтобы, пополнив ими сильно поредевшие

85 К. М. Т. Chrimes. Ук. соч., стр. 222. По мнению Краймс (Там же, стр. 353 сл.), термин «спартиаты» в наших источниках относится не к гражданам Спарты вообще, а только к определенной их прослойке, имевшей доступ к государственным должностям. Для доказательства этого парадоксального утверждения Краймс ссылается на Ксенофонта (Hell., III, 3, 5), по словам которого доносчик, сообщивший эфорам о заговоре Кинадона, смог насчитать среди свыше четырех тысяч людей, находившихся одновременно на спартанской агоре, лишь около 40 спартиатов, кроме царя, эфоров и геронтов. Краймс заключает отсюда, что в период, к которому относится рассказ Ксенофонта, четыре с лишним тысячи граждан могли постоянно участвовать в народном собрании Спарты. Эта догадка, однако, совершенно произвольна. Из дальнейшего (см. ibid., III, 3, 6) видно, что большую часть людей, присутствовавших на агоре, составляли илоты, периеки, неодамоды и гипомейоны, т. е. неграждане. И у Ксенофонта, и у других авторов спартиаты, как правило, противопоставляются одному из этих сословий, отнюдь не каким-то другим категориям граждан (см., например, Hdt., II, 28; Thuc, IV, 8).

86 См. G. Busolt. Griechische Staatskunde, II, стр. 655 сл. На второй из этих элементов (земельную собственность) указывает известное свидетельство Аристотеля (Polit., II, 1271a 29 сл.) о том, что гражданские права спартиатов зависели от регулярности их взносов в сиситий. Карштедт (Griechisches Staatsrecht, I, стр. 42) отрицает необходимость происхождения от законного брака, ссылаясь на сообщения ряда источников об обмене женами и т. п. пережитках группового брака в Спарте. На существование особой прослойки незаконнорожденных указывает однако, Ксенофонт (Hell., V, 3, 9).

87 Некоторые поздние авторы утверждают, что воспитания в одной из агел было вполне достаточно для того, чтобы получить гражданские права в Спарте (см. Stob IV, 40, 8, III, p. 745, 2 Hense; Aelian., Var. hist., XII, 43; Plut. Inst. Lac., 22). Однако, в сопоставлении с более авторитетным свидетельством Филарха эти утверждения выглядят преувеличением (V. Ehrenberg. Μόθαχες, RE, Hbd. 31, 1933, стб. 283).

ряды спартиатов, довести их общую численность до 9000 человек. Однако, стать полноправными гражданами и попасть в фидитии все эти люди могли только в результате коренного преобразования государственного строя. Для более раннего периода подтверждением нашей догадки может служить известное место в «Греческой истории» Ксенофонта (V, 3, 9), где говорится о том, что царя Агесиполида в его походе на Олинф в 382 г. сопровождали, кроме спартиатов и периеков, также и «чужеземцы из числа так называемых τρόφιμοι и незаконнорожденные дети спартиатов (νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν), все приятной внешности и не чуждые благ государственности» (μάλα εὐειδέεσ τε καὶ τῶν ἐν τῇ πόλει καλῶν οὐκ ἀλειροί). Не подлежит сомнению, что обе эти группы, как и периеки, не были гражданами Спарты⁸⁸. В то же время употребленный здесь термин τρόφιμοι трудно понять иначе, чем в том смысле, что обозначаемые таким образом чужеземцы получали воспитание в спартанских агелах 89. По всей вероятности, то же самое значение имеет и заключительное выражение, относящееся, очевидно, к обеим категориям, охарактеризованных Ксенофонтом, как «не чуждые благ государственности» (нет надобности доказывать, что спартанское воспитание было для историка одним из величайших государственных благ). Сопоставление свидетельств Плутарха и Ксенофонта с приведенным выше свидетельством Филарха позволяет заключить, что термин «мофак» был в Спарте общим обозначением для целого ряда категорий σύντροφοι, проходивших курс αγωγή вместе с детьми граждан, хотя сами они гражданских прав не имели⁹⁰. Очевидно, можно говорить лишь о частичном сходстве этой прослойки с казнами римского времени⁹¹.

В целом представление Краймс о дорийских мужских союзах как об организациях с иерархической внутренней структурой, основанных

⁸⁸ V. Ehrenberg. Τρόφιμοι. RE, Hbd. 13, 1939, стб. 675.

⁸⁹ Общеизвестный пример - сыновья самого Ксенофонта (Diog. Laert., II, 54).

⁹⁰ Многие видят в мофаках незаконнорожденных детей спартиатов и плотских женщин и отождествляют их поэтому с νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν у Ксенофонта (см. U. Kahrstedt. Ук. соч., стр. 41 слл.; G. Busolt. Ук. соч. II, стр. 657; V. Ehrenberg. Μόθαχες, стб. 382; Τρόφιμοι, стб. 675). Эту точку зрения убедительно оспаривает Лотце (D. Lotze. Μόθαχες, «Historia», XI, 4, 1962, стр. 430 слл.; см. также K. Lalle. Νόθοι. RE, Hbd. 33, 1936, стб. 1069). По его мнению, дети от смешанных браков свободных с рабами могли составлять определенный процент среди мофаков, но наряду с ними к этой же прослойке принадлежали и лица другого происхождения (например, дети обедневших граждан, которые могли получить гражданское воспитание только в качестве σύντροφοι).

⁹¹ D. Lotze. Ук. соч., стр. 427.

на отношениях, напоминающих средневековый вассалитет, следует признать совершенно беспочвенным. Право вступления в союз передавалось по наследству от отца к сыну, очевидно вместе с земельным участком и другим имуществом⁹². Практически любой из членов союза (не только представители привилегированного меньшинства) мог ввести своих детей в его состав. В этом отношении нет принципиальной разницы между фидитиями и гетериями, с одной стороны, и демами, фратриями и т. п. единицами полисного деления, с другой. Сам акт приема в союз как в Спарте, так и на Крите был обставлен различными церемониями и в общем носил характер индивидуального домогательства. На это указывают приводившаяся выше статья ГЗ об усыновлении и сообщение Плутарха о кооптации новых членов в фидитиях. Подобное же сочетание принципа наследственности с докимасией и вступительным взносом мы находим, например, в статуте афинской фратрии Демотионидов (DHR, II, 1, XXIX). Очевидно, каждая гетерия (или фидития) из поколения в поколение включала в свой состав представителей одного и того же замкнутого круга семей из числа полноправных граждан без какого-либо деления на постоянных и временных членов. Отсюда следует, что дорийские мужские союзы, подобно афинским фратриям или демам служили средством политической консолидации господствующего сословия с той, однако, разницей, что само это сословие в Спарте и городах Крита составляло лишь ничтожное меньшинство среди общей массы свободного населения.

Вместе с тем система гражданского воспитания в Спарте и, вероятно, также на Крите охватывала некоторую часть неграждан. Главной целью совместного воспитания детей граждан и неграждан была подготовка равноценного человеческого материала для пополнения армии, слабеющей вследствие неуклонного уменьшения численности воинов-граждан (особенно в Спарте). Внутри агел между представителями различных сословий складывались отношения зависимости, несколько напоминающие римскую клиентелу⁹³. Таким путем

⁹² Плутарх (Лус., XVI), рассказывая об обычае представления новорожденного старейшинам филы, сообщает между прочим, что осмотрев ребенка и найдя его физическое состояние удовлетворительным, они наделяли его землей из числа 9000 «ликурговых» клеров. От наличия клера зависели исправные взносы спартиата в фидитии. Поэтому наделение новорожденного землей (которая, очевидно, уже принадлежала его отцу) могло сопровождаться и припиской к одному из фидитиев.

⁹³ Естественным дополнением обычая совместного воспитания можно считать институт усыновления, который играл в дорийских государствах особую роль, позволяя небольшой части неграждан законным путем приобрести гражданские

правящая верхушка дорийских государств, очевидно, рассчитывала создать среди массы неграждан привилегированную прослойку, воспитанную в духе лояльности и беспрекословного повиновения. Отношения этого рода, несомненно, накладывали определенный отпечаток на политическую жизнь как Спарты, так и городов Крита, способствуя росту влияния отдельных аристократических семей, хотя в целом государство, по-видимому, удерживало контроль над системой воспитания в своих руках.

Организация сисситий

Древние отмечают существенные различия в организации обедов мужских союзов - сисситий на Крите и в Спарте⁹⁴. Намек на это мы находим уже у Платона (Leg., 842 В): «Что же до того, каким образом их (сисситии) устроить - или так, как здесь (на Крите), или как в Лакедемонне, или, кроме того есть еще третий вид, лучше обоих первых, то мне кажется изобрести его будет нетрудно, но большой пользы это изобретение не принесет. Ведь и теперешнее устройство (вполне пригодно)». Смысл этого намека раскрывает Аристотель (Polit., II, 1272a 12 сл.): «Что касается сисситий, то у критян они организованы лучше, чем у лаконян. Ибо в Лакедемонне каждый поголовно делает определенный взнос, а если не сделает, законом лишается гражданских прав, как и выше говорилось⁹⁵. На Крите же - большая степень общности, ибо из всего урожая и приплода скота на государственных землях, а также из податей, которые платят периеки, отделяется одна часть для богов и общественных надобностей, а другая для сисситий, так что на общественный счет кормятся все: женщины, дети и мужчины». В переводе этого места мы следуем чтению, принятому почти во

права, что, несомненно, должно было способствовать «обновлению крови» знатных семей. Как полагает Уиллетс (Ук. соч., стр. 65 сл.), главной целью усыновления в Гортине, как и в других греческих государствах, было обеспечение непрерывной мужской линии наследования семейного имущества. В этом случае трудно, однако, объяснить тот факт, что ГЗ разрешает усыновление при наличии законных детей мужского пола (X, 48 сл.). В Афинах существовал закон противоположного характера (см. Isaeus, II, 14; X, 9; Demosth., XLVI, 14).

⁹⁴ Краймс (Ук. соч., стр. 236) полагает, что никакой принципиальной разницы между спартанскими и критскими сисситиями не было: и там и здесь обеды устраивались в складчину без какой-либо помощи государства. Утверждая это, она без достаточных к тому оснований ставит под сомнение недвусмысленное указание Аристотеля.

⁹⁵ См. там же, 1271a 29 сл. Об этом месте подробнее см. ниже, стр. 148 сл.

всех последних изданиях «Политики»: ἀλό πάντων γάρ των γινόμενων καρπών τε και βοσκημάτων ἐκ τῶν δημοσίων και φόρων ους φέρουσιν οἱ περίοικοι...⁹⁶ Этот вариант текста вполне согласуется с общим смыслом отрывка и, в частности, с заключительными словами: ὥστ' ἐκ κοινοῦ τρέφεσθαι πάντας. Подобное же деление доходов ager publicus на две части: для расходов на богослужение и для снабжения сисситий, мы находим и в другом месте «Политики» (VII, 1330a 12 сл.), хотя здесь речь об устройстве идеального полиса. Это совпадение, может быть, не случайно.

Не располагая достаточно надежными сведениями о положении дел на Крите, Аристотель легко мог перенести на местные обычаи свою собственную утопическую концепцию, согласно которой государство должно взять на себя всю тяжесть расходов в организации общественного питания граждан⁹⁷.

Тем не менее, некоторые исследователи, в том числе Бузолт и Кирстен⁹⁸, предпочитают вставлять перед словами ἐκ τῶν δημοσίων в тексте Аристотеля союз καί 99, что совершенно меняет весь смысл отрывка. При таком понимании средства, поступающие в сисситии, складываются уже не из двух, а из трех компонентов: доходов отдельных граждан (ἀλό πάντων... καρπῶν και βοσκημάτων), отчислений из государственной казны (ἐκ τῶν δημοσίων) и податей периеков. Те же три основных компонента называет критский историк Досиад, описывая устройство сисситий в Литте (FGrHist 458 F 2(1) у Athen., IV, 143 a-b): «Из полученного урожая каждый вносит десятую часть в гетерию и в доходы государства, каковые (средства) распределяются правителями между домами каждых. Кроме того, из рабов каждый вносит один эгинский статер с головы» (ἐκαστος τῶν γινόμενων καρπῶν

96 См. издания Зуземиля (*Fr. Susemihl*. Lpz., 1894), Ньюмена (*W. L. Newman*. Vol. II. Oxford, 1887), Иммиша (*O. Immisch*. Lpz., 1909 и 1929) и Обонне (*J. Aubonnet* P 1960).

97 Ср. Ephorus F 149 у Strabo, X, 4, 16, С. 480: «Мальчикам он (законодатель) приказал ходить в так называемые агелы, а взрослым обедать вместе в сисситиях, которые они называют андриями (ανδρεία), чтобы более бедные (граждане) получили равную долю с богатыми, кормясь на государственный счет» (δημοσίᾳ τρεφέμενοι).

98 *G. Busolt*. Ук. соч. II, стр. 755, прим. 1; *E. Kirsten*. Ук. соч., стр. 130; см. также *D Lotze*. Μεταξύ ελευθέρων και δούλων. В., 1959, стр. 8 сл.

99 Такую версию дают два кодекса «Политики» - Лаврентианов и Урбинский (XV в.), которые Зуземиль относит к числу худших и, может быть, также Г - древнейший кодекс, известный, однако, только по латинскому переводу Вильгельма фон Мёрбеке (см. аппарат в издании Зуземиля, 1894).

αναφέρει την δεκάτην εἰς την ἐταιρίαν και τάς της πόλεως προσόδους ἄς διανέμουν οἱ προεσθηότες της πόλεως εἰς τοὺς ἐκάστων οἴκους, των δε δοῦλων ἐκαστος Αἰγινᾶιον φέρει στατήρα κατὰ κεφαλὴν)¹⁰⁰.

Текст самого Досиада, по всей вероятности, испорчен и представляет поэтому известную трудность для понимания. Эта трудность снимается, если, как предлагает Гаазе¹⁰¹, выбросить ἄς перед διανέμουν. Однако многие исследователи принимают текст таким, как он есть. Выражение ἐκάστων οἴκοι в этом случае можно понять только, как «дома отдельных граждан». Чтобы доказать, что это не συσσιτικῶι οἴκοι¹⁰², ссылаются обычно на последующие строки Досиада, из которых как будто вытекает, что андрий в каждом городе был только один. Несостоятельность этой точки зрения мы уже показали выше. Основываясь на толкуемом таким образом Досиаде, Бузолт и Кирстен¹⁰³ приходят к выводу, что в Литте и других городах Крита существовала крайне нелепая и громоздкая система снабжения сисситий: государственные доходы распределялись сначала между отдельными семьями граждан, а затем каждый вносил полученную им долю, присовокупив десятую часть собственных доходов, в свою гетерию. Еще более нелепой и громоздкой выглядит эта система в изображении Гвардуччи¹⁰⁴. Она находит у Досиада не одну десятину, а целых две: одна вносится в кассу гетерии, другая в общегосударственную казну (εἰς... τάς της πόλεως προσόδους). Именно к этим двум выплатам, а не к «доходам города», как думают обычно, по ее мнению, относится словечко ἄς. С точки зрения грамматики такое переосмысление места едва ли приемлемо, тем более что Гвардуччи не считает его испорченным. Выражение πρόσθοι της πόλεως в том значении, которое она ему придает, у других авторов не встречается.

¹⁰⁰ По мнению Крайме (Ук. соч. соч., стр. 234), Досиад был главным источником сведений о жизни Крита для Эфора, а через него - и для Аристотеля. Однако, этот автор едва ли может быть датирован временем раньше III в. до н. э. (см. *U. de Wilamowitz-Moellendorff*. De Lycophronis Alexandra commentatiuncula. Gryphiswaldiae, 1883, стр. 12).

¹⁰¹ См. аппарат в изд. Кайбеля, т. 1, 1923. Восстановления, которые предлагают сам Кайбель и Деруссо (*A. M. Desrousseaux*. Observations critiques sur les livres III et IV d'Athénée. P., 1942), кажутся нам менее убедительными.

¹⁰² Так понимает выражение Кайбель (ad loc). Ср. выражение Δεκελειῶν οἴκοις в афинской надписи IV в. до н. э. (DHR, II, 1, XXIX, 33).

¹⁰³ *G Busolt*. Ук. соч. II, стр. 755, прим. 1; *E Kirsten*. Ук. соч., стр. 130 сл. Ср. *K.M. T. Christes*. Ук. соч., стр. 232; *K. Latte*. Kollektivbesitz und Staatsschatz in Griechenland. «Nachr. Akad. Wiss. Göttingen, Philolog.-hist. Klasse», 1946/47, стр. 67, прим. 4.

¹⁰⁴ *M. Guarducci*. Intomo alla décima dei cretesi. «Riv. Fil». N. S., XI, 1933, стр. 488 сл.

Наконец, вся фраза в данном контексте теряет всякий смысл. Каждая семья отдает государству 20% своего ежегодного дохода. Государство, в свою очередь, распределяет эти взносы «по домам». Неясно, однако, какое отношение имеет эта «операция» к сисситиям, о которых говорит Досиад. По мнению Гвардуччи, это был замаскированный налог, заимствованный, скорее всего, в птолемеевском Египте¹⁰⁵. Но в чем мог заключаться его смысл, если деньги все равно уходили из казны? И для чего была нужна сдвоенная система налогообложения: по гетериям и в масштабе всего государства? Не отвечая на эти вопросы, Гвардуччи в подтверждение своей гипотезы ссылается на одну надпись II-III вв. н. э. из Литта (IC, I, XVIII, 11). Начало надписи не сохранилось. В уцелевшем фрагменте читаем следующее: «... выдачи стартам по отеческому обычаю во время Феодесий и Велханий. Протокосм этого года или попечитель должен устроить раздачу на Феодесии из выдач, которые получают старты в размере 1500 денариев и на майские календы из денег, выдаваемых филам. Недостающую сумму он должен представить из своих средств к обеим раздачам, как это сделал Симмах Агатопод, попечитель. Нарушивший это подлежит бесчестию». По мнению Гвардуччи, старты, о которых говорится в надписи, представляют собой какую-то коллегия, распоряжающуюся городской казной. Соответственно δόσεις, которые они получают, - то же самое, что десятина, вносимая, по Досиаду, εις... τὰς τῆς πόλεως πρῶβδους. Второй десятине, которую у Досиада получают гетерии, соответствуют в надписи деньги, выданные филам, так как в результате деградации древней системы сисситий

¹⁰⁵ Гвардуччи следует здесь де Санктису (G. De Sanctis, Epimetron к статье Guarducci. Ordamenti dati da Gortina a Kaudos. «Riv. Fil.» N. S., VIII, 1930, стр. 485). Последний анализирует надпись III в. до н. э. (IC, IV, 184), содержащую договор Гортины с подвластной ей общиной на острове Кавдос. Жители Кавдоса обязуются платить Гортине 1/10 своих доходов, кроме доходов от скотоводства, огородничества и таможенных пошлин (των γιννομένων πάντων ἐν τῇ χώρῃ δεκάταν καθὼς οἱ Γορτύνιοι). Из последних слов Де Санктис заключает, что в это время гортинцы платили своему государству подать в размере 1/10 от своих доходов, которая поступала в сокровищницу храма Аполлона Пифийского, служившую, по всей вероятности, государственной казной (см. стк. 19 той же надписи). Эта необычная для греческого полиса финансовая система могла развиваться, как полагает Де Санктис, под влиянием экономики эллинистических государств, но на базе местной критской традиции коллективных обедов граждан. Десятинна, которую прежде граждане Гортины платили в кассу своей гетерии, теперь вносилась непосредственно в государственную казну и, таким образом, превратилась в настоящий налог. Эта гипотеза в отличие от весьма путаных рассуждений Гвардуччи о двух десятинах представляется нам вполне убедительной (ср. Kirsten. Ук. соч., стр. 132 сл.; Willets. Ук. соч., стр. 139 сл.; Latte. Ук. соч., стр. 70 сл.).

функции гетерий перешли теперь к более широким подразделениям - филам. Преемственность между филлами и гетериями в данном случае вполне возможна. Однако в целом толкование Гвардуччи вызывает большие сомнения. Более вероятным нам кажется, что речь в надписи идет не о двух разных (из разных источников) раздачах, а об одной и той же, но повторенной дважды. На это указывает обрывок фразы в начале надписи, на который Гвардуччи почему-то не обратила внимания: [τ]ῆς δόσεως τοῖς στάρτοις κατὰ τὰ πάτρια καὶ Θεοδασιῶν καὶ Βελχάντιοις. В критском календаре праздник Велханий приходился как раз на май месяц¹⁰⁶. Следовательно, «деньги, выдаваемые филлам на майские календы» - то же самое, что и «выдача стартам во время Велханий», т. е. термины «старт» и «фила» используются в надписи, как синонимы¹⁰⁷. Очевидно, старты (или филы) получали на праздниках деньги из городской казны для последующей раздачи гражданам (ср. διανέμουσιν... εἰς τοὺς ἑκάστων οἴκους у Досиада). Надежным промежуточным звеном в этой цепи догадок может служить свидетельство «Дреросской присяги» (см. выше, стр. 111 сл.) о распределении штрафов, которые вполне можно отнести к категории πρῶβδοι τῆς πόλεως по гетериям, а не прямо между гражданами. В более ранней (конца IV в.) надписи из Аксоса, недавно опубликованной Манганаро¹⁰⁸, говорится, что косм, допустивший какую-либо ошибку во время торжественного жертвоприношения, может очиститься не иначе, как совершив гекатомбу в честь Зевса Агорей и распределив мясо жертвенных животных между гетериями. Итак, анализ сообщений Аристотеля и Досиада в сопоставлении с данными надписей показывает, что в IV в. до н. э. снабжение критских сисситий складывалось из двух основных компонентов: 1) индивидуальные взносы рабов и граждан; 2) отчисления из государственной казны, пожертвования, штрафы и т. п., которые передавались отдельным гетериям.

¹⁰⁶ На это указывает сама Гвардуччи (см. примечания к надписи в IC).

¹⁰⁷ См. E. Kirsten. Ук. соч., стр. 133, 152, прим. 12. О стартах и филлах см. ниже, стр. 201 сл., прим. 58.

¹⁰⁸ G. Manganaro. Iscrizione opistographa di Axos con prescrizioni sacrali e con un trattato di symmachia. «Historia», XV, 1, 1966, стк. 13 слл.: Αἱ τῆς τὰ(ν) νῦν κοσμιό[ν]των ἢ ἀπόκομος τα[...] ἢ ἀλλὰ θεῖη τὰν ἱερῆιαν ἢ τὸ τέμενος ἀτελήτο, μὴ ἀκέσσασθαι πρὶν τῷ Δηνὶ τῷ Ἀγοραίῳ ἑκατόμ βοῦς καταθύσας, πᾶρβιος αὐτοῦ ἀβλοπῆαι, ὡς τ' ἐπὶ πνυτῆ(σ)ι ταῖ(ς) ἐταιρηῆαις δαττάμενος... Характерно, что ответственность за упушения при совершении обряда возлагается не только на действительных космов, но и на отставных (ἀπόκομος). Очевидно, такого рода наказания должностных лиц в Аксосе и в других городах Крита были системой, служа немалым подспорьем в устройстве обедов гетерий.

Внутренняя жизнь городов Крита и, в частности, организация сисситий в V в. до н. э. в литературных источниках совершенно не освещены. Тем большую ценность представляет для нас одна гортинская надпись первой половины V в. (IC, IV, 77 B), в которой, несмотря на ее сильную фрагментированность, можно видеть декрет, устанавливающий порядок взимания взносов на устройство сисситий¹⁰⁹. В уцелевшем фрагменте надписи читаем следующее: «... две (меры?) свежих фиг, три молодого вина. Тот, кто не (может отдать) всё, пусть отдаст половину. Если *карлобайтотαι* найдут спрятанные или неподделанные плоды и заберут их, они не несут наказания. Виновный должен выплатить саму стоимость (плодов) и штрафы, как написано. За плоды (стоимость которых установлена) под присягой, взыскать серебром (?)». Упомянутые в надписи *карлобайтотαι* по всей вероятности, особые должностные лица, в обязанности которых входил надзор за разделом доходов каждого хозяйства на две части: одну - для личного потребления или продажи и другую - для взносов в гетерию¹¹⁰. Если это так, то сам факт вмешательства государства в раздел доходов клера¹¹¹ указывает на систему, принципиально не отличающуюся от той, которую описывают Аристотель и Досиад, и, напротив, в корне отличную от спартанской формы сисситий. Стимулы, которые побуждали спартанцев исправно вносить в фидитии часть своих доходов, в Гортине V в., очевидно, отсутствовали¹¹². Поэтому нарушения, о которых идет речь в надписи, заставляют предполагать, что уже в этот ранний период потребление граждан в сисситиях обеспечивалось в значительной мере за счет либо государственных субсидий, либо подоходного обложения участников, либо, наконец, за счет и того и другого вместе как и во времена Досиада. Сохранившаяся в начале надписи перечисление продуктов, очевидно, определяет размеры взносов. Для малоимущих делается скидка в половину

¹⁰⁹ R. Dareste, DHR, II, 1, стр. 234; E. Kirsten. Ук. соч., стр. 133, прим. 35; M. Guarducci в IC; R. F. Willens. *Карлобайтотαι*. «Philologus», 105, 1961, стр. 145.

¹¹⁰ Ср. E. Kirsten. Ук. соч., стр. 133, прим. 35; M. Guarducci. IC, ad loca; K. Latte. Ук. соч., стр. 68.

¹¹¹ Отголоском такого рода узаконений в Гортине и других городах Крита следует, может быть, считать Plat., Leg. VIII, 847 E - 848 A-C. Об этом месте подробнее см. ниже, стр. 156 сл.

¹¹² Раздел производился, вероятно, раз в год - сразу после сбора урожая. В противном случае хозяин мог бы продать свои «излишки», а найти деньги было гораздо труднее. В Спарте, напротив, взносы в сисситии, как указывает Плутарх (Лус., XII), были ежемесячными.

установленной нормы. Отсюда следует, что в Гортине V в. сбор взносов в сисситии был уже организован по принципу подоходного обложения, хотя по сравнению с десятиной, о которой говорит Досиад, форма обложения такого рода была, конечно, более примитивной¹¹³. Организация критских сисситий, таким образом, не оставалась неизменной на протяжении V-IV вв., но главные характерные ее черты, на которые обращает внимание Аристотель, очевидно, возникли не в этот период, а гораздо раньше.

Наиболее подробное описание критских сисситий дает Досиад (FGrHist 458 F 2 у Athen., IV, 143 с-е): «Каждый из присутствующих получает равную долю (с другими). Мальчикам же (*τοις δὲ νεωτέροις*) дают лишь полпорции мяса, а из прочего они ничего не получают. На каждый стол ставится чаша (*ποτήριον*) вина, смешанного с водой. Из нее пьют вместе все, обедающие за общим столом. А когда пообедают, ставят еще одну. Для мальчиков намешивается один общий кратер. А старшие, если захотят, могут пить и больше. Женщина, председательствующая в сисситии, при всех взяв со стола лучшие куски, предлагает их людям, прославленным на войне или известным своей мудростью».

Ряд интересных дополнений к этой картине находим у Пиргиона (FGrHist 467 F 1 у Athen. 143 e-f). Он отмечает, что критяне обедают не лежа, как другие греки, а сидя, что вместе со взрослыми на их скамьях сидят и мальчики, тогда как другие, очевидно, подростки прислуживают за столом. Пиргион, наконец, упоминает о своеобразной форме благотворительности, практиковавшейся в андриях: «Сироты получают равную долю (с другими детьми), хотя им все положенные кушанья подаются без приправ» (*παράτιθεται δ' αὐτοῖς ἀβαμβάλευτα τῆ κράσει καὶ ἕκαστα τῶν νεοσισιμένων*). Очевидно, сироты не имели не только родителей, но и земли и не могли делать взносы в сисситию, иначе подобное уничтожение было бы непонятно. В таком понимании свидетельство Пиргиона резко контрастирует с цитированным в

¹¹³ Некоторое удивление вызывает то обстоятельство, что перечисление продуктов в начале надписи дается без обозначения мер. Если допустить, что это обозначение осталось в утраченной части декрета, как объяснить, что вино и фиги измеряются в одних и тех же единицах? Нельзя ли предположить, что норма в две меры фиг и три меры вина представляет собой лишь часть шкалы, устанавливающей размеры взносов пропорционально, скажем, размерам земельных участков граждан? Если это так, различия в организации сисситий в Гортине V в. до н. э. и в Литте III в. до н. э. (в изображении Досиада) были менее значительны, чем можно судить на основании уцелевшей части надписи.

предыдущей главе отрывком из «Плача Андромахи», отражая коренные изменения в самом характере института мужских трапез.

Из сообщений о спартанских сисситиях наибольшую ценность представляет, несомненно, свидетельство Аристотеля. Общая характеристика системы фидитиев в разделе «Политики», посвященном государственному строю Спарты, весьма далека от ее идеализированного изображения в сочинениях Ксенофонта и Плутарха. «С самого начала, - говорит Аристотель (Polit., II, 1271a 26 слл.), - (в Спарте) были плохо устроены сисситии в форме так называемых фидитиев. Ведь их следует устраивать так, чтобы средства поступали больше от государства, (чем от частных лиц), как на Крите. У лаконян же каждый должен делать определенный взнос, а так как некоторые (из них) очень бедны и не могут себе позволить такие издержки, то происходит обратное намерению законодателя. Ведь он хочет сделать демократическим устройство сисситий, а оно вследствие таких узаконений оказывается совсем не демократическим, ибо очень бедные люди не могут участвовать в сисситиях, а так как у них издревле существует такой критерий политических прав (δρος δέ της πολιτείας ούτος ёστιν αύτοϋς ο πάτριος), то те, кто не могут сделать этот взнос, лишаются права на участие в жизни государства»¹¹⁴. По свидетельству Ксенофонта (Hell., III, 3, 6), в Спарте существовала особая социальная категория так называемых «гипомейонов» (υπομειονες), которых обычно отождествляют со спартиатами, лишенными гражданских прав из-за невзносов в фидитии¹¹⁵.

¹¹⁴ Любопытную параллель этим словам Аристотеля находим в «Лакедемонской политике» Ксенофонта (X, 7): «Для всех тех, кто выполняет эти законы, он (Ликург) сделал государство как бы родным домом, не взирая ни на телесную слабость, ни на скудость имущества (ουδεν υπελοϋσατο ουτε σωματων ουτε χρηματων ασθενειαν). А если кто малодушно не захочет утруждать себя, выполняя законы, тот, как заповедал Ликург, не может более считаться одним из равных». Ксенофонт сам противоречит себе, утверждая в другом месте того же трактата (V, 9), что все спартиаты отличались завидным здоровьем. Ср. также свидетельство Плутарха об уничтожении физически неполноценных детей (Luc., XVI). Отсюда можно заключить, что и в словах ουδεν υπελοϋσατο... χρηματων ασθενειαν следует видеть сознательное искажение действительного положения вещей и, может быть, скрытую полемику против обвинений государственного строя Спарты в «недемократичности».

¹¹⁵ K. Fr. Hermann. Antiquitatum Laconicarum libelli quatuor. Marburg - Lpz., 1841, стр. 48; G. F. Schoemann. Griechische Altertümer. I. B., 1855, стр. 220; ср. G. Busolt. Ук. соч., стр. 659; U. Kahrstedt. Griechisches Staatsrecht. I, стр. 50 сл. В указанном месте гипомейоны поставлены в один ряд с илотами, пернеками и неодамодами. Эта последняя категория, очевидно, также не принадлежала к

Из слов Аристотеля: δρος δέ της πολιτείας ούτος ёστιν αύτοϋς ο πάτριος - видно, что в его время закон о взносах в фидитии считался уже очень древним¹¹⁶. Об устойчивости спартанской системы сисситий в ее основных чертах на протяжении, по крайней мере, двух столетий позволяют говорить и другие источники. На существование твердой нормы взноса в фидитий указывают, кроме Аристотеля, два автора - Дикеарх Мессенский (Athen., IV, 141 с) и Плутарх (Luc., XII).

Согласно первому из них, ежемесячный взнос составлял: полтора аттических медимна ячменной муки, от одиннадцати до двенадцати хоев вина, какое-то количество сыра и фиг и 10 эгинских оболлов на мясо (εις οβωνίαν). Цифры, которые приводит Плутарх, ровно в полтора раза меньше: медимн ячменя, восемь хоев вина, пять мин сыра, две с половиной⁷ фиг и немного денег на покупку мяса. Как полагает Бильповский¹¹⁷, меры Плутарха - местные спартанские (эгинские), а не аттические, как у Дикеарха, и таким образом, оба свидетельства в конечном счете совпадают. Данные Плутарха и Дикеарха едва ли можно датировать временем раньше IV в. до н. э. (из сообщения Дикеарха видно, что в это время в Спарте уже⁸ были в ходу обычные деньги, а не железная «ликургова валюта») ¹¹⁸. Нам известно, однако, что, по крайней мере, один из компонентов взноса - ячмень, составлял то же самое количество - один эгинский медимн еще в V в. при Геродоте. По его словам (Hdt., VI, 57), дважды в месяц - в новолуние и на седьмой день, для каждого из царей доставлялось в храм Аполлона взрослое жертвенное животное, медимн муки и лаконская четверть вина. По всей вероятности, эти продукты составляли месячный взнос царей в их фидитий, который выплачивало за них государство. Как и обеденные порции царей (см. там же), этот взнос был в два раза к полноправным гражданам и не была допущена в состав мужских союзов (ср. U. Kahrstedt. Ук. соч., стр. 46 сл.).

¹¹⁶ A. Bielschowsky. Ук. соч., стр. 46 сл.; ср. K. Fr. Hermann. Ук. соч., стр. 150; G. F. Schoemann. Ук. соч., стр. 21.

¹¹⁷ A. Bielschowsky. Ук. соч., стр. 25; см. также F. Hultsch. Griechische und römische Metrologie. B., 1882, стр. 534; L. Nissen. Griechische und römische Metrologie (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft). Bd. I. Nördlingen, 1886, стр. 700; O. Viedebannt. Forschungen zur Metrologie des Altertums. Lpz., 1917, стр. 70. Хой (W. W. How and/ Wells. A Commentary on Herodotus. 2. Oxford, 1957, стр. 85), ссылаясь на Arist. Ath. Pol., X, откуда следует, что эгинские (фидоновские) меры относились к афинским (солоновским), как 12:13, отвергает эту точку зрения. Однако идентичность лаконского стандарта мер с так называемым «фидоновским» нельзя считать доказанной.

¹¹⁸ Ср. H. Michell. Sparta, стр. 291.

больше, чем выплаты рядовых спартиатов¹¹⁹. Существование твердой одинаковой для всех нормы взноса предполагает, что критерий гражданских прав, о котором говорит Аристотель, уже применялся в Спарте во время Геродота.

В свое время Бильшовским было высказано предположение, что после битвы при Левктрах в 371 г. закон о взносах в сисситии был отменен ввиду катастрофического положения, в котором оказалась Спарта¹²⁰. В источниках, однако, отсутствуют данные, которые могли бы подтвердить эту гипотезу. Филарх (FGrHist 81 F 44 у Athen., IV, 142 a-b) яркими красками рисует роскошь, царившую в фидитиях в период, непосредственно предшествующий реформам Клеомена. Очевидно, в это время в обедах могли принимать участие только самые богатые граждане. Классический спартанский сисситий наиболее пространно описан Дикеархом (fr. 72 Wehrli у Athen., IV, 141 a-c): «Во-первых, обед подается каждому порознь без какой-либо общности с другими [...]»¹²¹. Затем дают хлеба, - сколько кто хочет, а для питья, опять же когда возникнет желание, перед каждым ставится котон. Мясное же блюдо всем всегда подается одно и то же - вареная свинина, иногда лишь маленький кусочек весом всего 1/4 (?)¹²², и к нему ничего другого, кроме похлебки из того же мяса, которая в достаточном количестве в течение всего обеда всем им предлагается, да еще одна-две маслины, сыр или фиги, а также если что-нибудь получают в качестве добровольного пожертвования: рыбу

¹¹⁹ См. *W. W. How, J. Wells. Ук. соч., 2, стр. 85.*

¹²⁰ Как полагает Бильшовский (Ук. соч., стр. 51 сл.), в источниках наблюдается некоторое замедление снижения численности спартиатов после Левктр. Если, по Геродоту, спартиатов было 8000 (Hdt., VII, 234), то в 371 г. их было всего 1200 (Xen. Hell., VI, 4, 15, ср. 17). Зато ко времени Аристотеля это число сократилось лишь на 200 человек (Polit., II, 1270a), а к моменту реформы Агиса спартиатов оставалось еще около 700 человек (Plut. Agis, V). Неадекватность этого аргумента очевидна. К тому же, из 700 человек, названных Плутархом, только 100 имели землю и оставались, по-видимому, гражданами. Прочие, вероятно, уже перешли в число гипомейонов и были спартиатами лишь по происхождению. Ср. *P. Kiechle. Lakonien und Sparta. München - B., 1963, стр. 213.* Вопрос о причинах уменьшения численности спартиатов не может быть решен в рамках настоящей работы. С уверенностью можно сказать лишь одно: этот процесс начался еще до Пелопоннесской войны. На это указывает знаменитый эпизод с пилосскими пленниками. В 418 г. число спартанских граждан по максимальному расчету составляло 4000 человек против 8000 в 480 г. (см. *L. Ziehen. Das spartanische Bevölkerungsproblem. «Hermes», 68, 2, 1933, стр. 218, прим. 1.*)

¹²¹ [Лакуна в тексте Афиней. - Ред.]

¹²² [Текст отчасти искажен, имеется еще одна лакуна. - Ред.]

или зайца, или голубя, или еще что-нибудь в этом роде. Затем, когда они уже пообедали, обносят быстро последним блюдом, которое называется *τά ἐπίαιλα*». Рассказ Дикеарха не свободен от противоречий. Так, первую фразу отрывка: *Το δέϊνον πρῶτον μὲν ἐκάστω χωρὶς παρὰ τῷ ἐμῶν καὶ πρὸς ἑτέρον κοινῶνίαν οὐδεμίαν ἔχον*, - следует, очевидно, понимать в том смысле, что все потребление в фидитиях было строго нормировано, и каждый участник обеда получал свою порцию, на которую не могли претендовать его соседи¹²³. Однако далее автор замечает, что хлеба каждый мог есть сколько угодно. То же самое относится, по-видимому, к вину и к похлебке. Эти противоречия можно объяснить скорей всего недостаточной осведомленностью Дикеарха. На нормированное потребление вина и хлеба в фидитиях указывает наш древнейший источник - Геродот (VI, 57). По его словам, царь, даже если он не является на обед, получает два хойника ячменной муки и котилу вина. Если же он присутствует на обеде, то получает и то и другое в двойном размере. Несколькими выше говорится, что цари, участвующие в жертвоприношении, получают каждый двойную порцию сравнительно со всеми присутствующими. Отсюда можно заключить, что два хойника муки и котила вина составляли во времена Геродота обычную порцию на обеде в фидитии. По свидетельству Фукидида (IV, 6), спартанцы, осажденные на Сфактерии, получали с материка ежедневно по два хойника ячменного хлеба, две котилы вина и какое-то количество мяса на человека (илоты получали половину этой порции). Совпадение первых цифр у Геродота и Фукидида едва ли случайно. Очевидно, и на войне спартиат продолжал получать тот же самый паек, что и в мирное время. О нормированном потреблении вина в спартанских сисситиях с похвалой отзывается ряд писателей. Так, Критий противопоставляет лаконскую манеру питья широко распространенному в Греции обычаю пускать чашу по кругу (*ἐπιδέξια*) или же с приветствием передавать ее сидящему напротив (*πρόποσις*): своеобразие спартанской манеры заключается в том, что каждый пьет из одного и того же килика, очевидно, не больше определенной нормы (Athen., X, 432 d; XI, 463 f; ср. Xen. Resp. Lac., V, 4; Plato, Leg., 637 A). Правда, в отличие от нормы потребления хлеба и мяса, норма потребления вина, по-видимому, не оставалась неизменной и постепенно

¹²³ *πρῶτον* здесь лучше всего понимать, как вводное слово («прежде всего»; «во-первых»). В противном случае придется допустить, что сначала участникам трапезы подавали какой-то особый обед, который они ели каждый порознь, а затем уже начинался обед, о котором рассказывают и другие авторы.

увеличивалась 124, что объясняется, конечно, не столько «падением нравов», сколько экономическими сдвигами, происходившими в Спарте в конце V - первой половине IV в. до н. э.¹²⁵

Примерный подсчет показывает, что взносы спартиата в фидитий покрывали его собственное потребление даже с некоторым излишком¹²⁶. В отношении к среднему доходу клера (его размеры определяет Плутарх, Лус. VIII) эти взносы должны были составлять примерно 17% 127, т. е. почти в два раза больше, чем на Крите. Это вполне согласуется с указанием Аристотеля на коренные различия в организации спартанских и критских сисситий. В Спарте, в отличие от Крита, государственные субсидии, по-видимому, не играли никакой роли в устройстве коллективных обедов граждан. В какой-то мере этот

¹²⁴ Если принять, что лаконская четверть вина равнялась 8 спартанским или 12 аттическим хоям (ежемесячный взнос в фидитий по Плутарху и Дикеарху), то получится огромный излишек в 114 аттических котил против 30, потребляемых ежемесячно по Геродоту. Излишек хлеба, остающегося от потребления (если считать 2 хойника, о которых говорит Геродот, аттическими, а 1 мединн, составляющий согласно тому же автору ежемесячный взнос, лаконской мерой), будет, напротив, совсем ничтожен - всего 12 аттических хеников. Приходится поэтому допустить, что в V в., при Геродоте, и взнос, и норма потребления вина в фидитиях были меньше, чем в IV в. Действительно, уже в начале Пелопоннесской войны дневной рацион спартиата составлял две котилы, по Фукидиду. Согласно Дикеарху, перед каждым из участников обеда ставился котон, который, очевидно, и был нормой потребления вина. Спартанский котон, по словам Крития (Laced. pol. FGrHist II 68 у Athen., XI, 483 b; Plut. Лус., IX) представлял собой нечто вроде походной фляги. Он едва ли мог бы соответствовать своему назначению при вместимости не более котилы (0,27 л. Ср. Athen., XI, 483 e о котоне вместимостью в четыре котилы). Ср. *W. W. How, J. Wells. Ук. соч., 2, стр. 85 сл.*

¹²⁵ В это время в Спарте, по всей вероятности, начался, хотя и с большим опозданием, процесс вытеснения старых зерновых культур новыми коммерческими: виноградом, масличными и т. д. Этим изменениям должен был очень сильно способствовать переворот в спартанском землевладении, произведенный так называемой «ретрой Эпитадея» (начало IV в.). Свободное распоряжение землей развязывало экономическую инициативу землевладельцев, побуждало их к внедрению новых прогрессивных методов хозяйствования, новых культур, рассчитанных на рыночный спрос.

¹²⁶ Бильшовский (Ук. соч., стр. 26) считает, что эти излишки шли на питание мальчиков в агелах и на гостеприимство. Карштедт (*Die spartanische Agrarwirtschaft. «Hermes», LIV, 1919, стр. 284*) присоединяет сюда поваров и домашних илотов. Наконец, на те же средства кормились, очевидно, цари (Hdt., VI, 57) и их приближенные - пифии (Xen. Resp. Lac., XV, 5), геронты (Plut. Лус., XXVI) и производились разного рода почетные выдачи (см., например, Plut. Ages., XXXIII).

¹²⁷ Карштедт (Ук. соч., стр. 282) считает, что эта доля была еще больше (около 20%), так как доход клера определялся количеством зерна, а не готовой муки.

вывод подкрепляется свидетельством Фукидида (I, 80, 4) о том, что перед началом Пелопоннесской войны Спарта еще не имела своей государственной казны¹²⁸. В то же время пропорциональное обложение граждан на Крите, о котором говорит Досиад, находит себе некоторую аналогию в тех дополнениях (ἐπιδοσμον) к общему столу в фидитиях, о которых говорят Дикеарх и другие авторы, начиная с Ксенофонта. По его словам (Resp. Lac., V, 3), некоторые кроме обычных взносов отдают в сисситии часть своей охотничьей добычи. «Богатые же, бывает, и пшеничный хлеб присылают». Плутарх (Лус., XII) присоединяет сюда же мясо жертвенных животных, причем само пожертвование в его рассказе имеет вид выкупа, так как сразу же после этого говорится о том, что освобождались от участия в общей трапезе только лица, совершавшие у себя дома жертвоприношение или охотившиеся. Очевидно, позволять себе такого рода вольности могли только богатые люди. Большую подборку свидетельств о жертвованиях в фидитий мы находим в IV-й книге хрестоматии Афиней (р.

141), который использует собранные им цитаты из разновременных авторов в филологическом диспуте о значении лаконского слова ἐπάγκλα. Двое из этих авторов: Сфер Борисфенит (SVF I 630) и Мольпид (FGrHist 590 F 2 с; II-I вв. до н. э.), подобно Ксенофону и Плутарху, указывают, что дополнения к основному обеду в фидитиях складывались обычно из двух компонентов: охотничьей добычи и пожертвований богачей. По словам Мольпида, жертвователи обычно приносили с собой уже приготовленное у них дома рагу (ματτή) из мяса различных животных и птиц, которое называлось ἐπάγκλα (от дор. ἀίχλον - «обед»). Такого жертвователя повара сажали на почетное место, чтобы «все видели трудолюбие охотника и усердие, проявленное ради них». Иначе изображает дело Персей, писатель III в. до н. э., автор «Лаконской политики». Отрывок из этого сочинения (FGrHist 584 F 2), который тоже приводит Афиней (140 e-f), выхвачен из контекста без каких-либо пояснений и довольно труден для понимания: «... И тотчас наказывает богачей, причем в виде штрафа с них взимается ἐπάγκλα. А это такое лакомство, которое подают после обеда. Беднякам же приказывает приносить с собой тростник, солому¹²⁹ и лавровые листья, чтобы можно было есть ἐπάγκλα после обеда. А готовится оно из ячменной муки, политой маслом. Все это

¹²⁸ *U. Kahrstedt. Griechisches Staatsrecht. I, стр. 338.*

¹²⁹ Может быть, для того, чтобы печь на ней лепешки (см. примечания ad loc. в изд. *C. B. Gulick. Т. II, L., 1928*).

устроено, как своего рода маленькое государство (τό δ' ὄλον ὄσπερ πολίτευμα τι τοῦτο δὴ συνίσταται μικρόν). (Известно) ведь, и кому первым возлежать, кому вторым, а кому и на маленьком ложе сидеть. Все это они делали во время ἐλάικλα». Внимательный анализ позволяет обнаружить в отрывке отголоски нескольких разнородных версий, очевидно, искусственно объединенных. Подобно Мольпиду и Сферу, Персей говорит, что ἐλάικλα приносили богачи и что подавалось это блюдо участникам сисситии после их основного обеда. В то же время, в отличие от этих двух авторов, ἐλάικλα в представлении Персея было не добровольным пожертвованием, а штрафом, которым за какую-то неизвестную провинность облагались богатые члены фидития, и состояло оно не из мяса, а из лепешек с маслом. Не исключено, что источником для Персея в этом последнем случае служил Никокл Лаконец, совершенно неизвестный иначе автор, цитируемый Афинеем в той же подборке (140 d и 141 a; FGrHist 587 F 1-2), само прозвище которого можно, однако, считать хорошим залогом достоверности его сообщения. В короткой выдержке Никокл рисует сценку, очевидно, характерную для повседневной жизни фидитиев: «Выслушав всех, эфор либо оправдывал, либо признавал виновным. Выигравший дело наказывал (своего противника) легко или камматами или камматидами. Камматы же - это лепешки (τά ψαιστά), а камматиды - то, во что эти лепешки завертывают».

По словам того же автора, ячменные лепешки, политые маслом (κάμματα) и лавровые листья (καμμάτιδα) и назывались в Спарте ἐλάικλα, так как их подавали обычно в конце обеда. Довольно вероятным кажется нам предположение, высказанное Деруссо 130, что суду, о котором говорит Никокл, подвергались лица, тем или иным образом нарушившие внутренний устав фидития. В рассказе Персея этот обычай явно идеализируется как признак социальной гармонии, якобы царящей в Спарте («своего рода маленькое государство») 131. Что касается термина ἐλάικλα, то он по всей вероятности, никакого отношения к жертвованиям богачей в сисситии не имел, и его

¹³⁰ А. М. Desrousseaux, ad loc. Штрафы в форме угощения еще недавно широко практиковались в мужских союзах Средней Азии (см. Г. Снесарев. Традиции мужских союзов у народов Средней Азии, стр. 175), О регламенте сисситий см. Plut. Лус., XII.

¹³¹ Насколько можно судить по уцелевшим отрывкам, сочинение Персея было выдержано в духе идеализации спартанских порядков, свойственной школе стоиков. См. Deichgräber. Persaios. RE, Hbd. 37, 1937, стб. 930.

появление у Мольпида и Сфера можно объяснить лишь, как результат путаницы ¹³².

В целом сравнение спартанской формы сисситий с критской оставляет впечатление большей примитивности первой из этих форм. В то время, как на Крите снабжение коллективных обедов шло одновременно по нескольким каналам, причем большую роль играло централизованное распределение государственных доходов между гетериями, в спартанских фидитиях господствующим всегда был принцип складчины. Организаторы системы сисситий в Спарте в своих попытках наладить подоходное обложение имущества участников не пошли дальше простейшей формы традиционного угощения богачами остальных сотрапезников, тогда как на Крите это обложение уже имеет вид настоящего пропорционального налога на собственность (по крайней мере, для времени Досиада) ¹³³. Вместе с тем, сама трапеза мужского союза на Крите по своему устройству, в сущности, ничем не отличается от обеда в фидитиях. В обоих случаях потребление всех участников обеда было строго нормировано. Исходя из нормы рядового сотрапезника определялись размеры почетных выдач должностным лицам (например, архонту гетерии, царям, геронтам и т. д.). Нормирование порций, получаемых гражданами за столом сисситий, должно было служить наглядным выражением их равенства перед лицом государства. В этом аспекте организация сисситий в Спарте

¹³² Полемон Перизет (II в. до н. э.), которого Афиней первым цитирует в своей подборке (139 с; fr. 86 FGrHist III), называет жертвования мяса и хлеба не ἐλάικλα, а просто ἀίχλον. Афиней (140 с-d) вступает с ним в полемику и пытается доказать, что слово ἐλάικλα имело в Спарте два разных значения: 1) ячменные лепешки, политые маслом и завернутые в лавровые листья, которые служили главным образом пищей детей (παῖσι παρέχουσι или, может быть, πᾶσι - текст здесь неясен); 2) пшеничный хлеб и мясо, которое давали взрослым мужчинам в фидитиях после их основного обеда. Полемон, однако, - достаточно компетентный автор, очевидно хорошо разбиравшийся в тонкостях спартанского быта (Афиней сам его усердно использует, когда говорит о так называемых копидах, см. 138 е слл.). Заметим, также, что Дикеарх (древнейший из источников Афиней) не приводит местного названия жертвований в фидитий, однако, указывает, что за ними следовало еще одно блюдо, которое называлось ἐλάικλα, откуда можно заключить, что сами жертвования назывались ἀίχλα, как и говорит Полемон. Сведения, которыми пользовались Дикеарх и Полемон, очевидно, восходят к IV в. до н. э., когда фидитии еще сохраняли свою классическую форму. Сфер, хотя и жил какое-то время в Спарте, будучи сподвижником Клеомена, этих старых фидитиев уже не застал, откуда и проистекают неточности в употреблении им местных терминов.

¹³³ Отсюда не следует, что спартанская форма сисситии более архаична и является как бы прототипом критской (ср. R. F. Willetts, Aristocratic Society in Ancient Crete, стр. 139).

и городах Крита соответствует принятой в этих государствах системе землепользования, базирующейся на неделимых и неотчуждаемых «древних» наделах (см. ниже, стр. 212). Как известно, в Спарте равенство граждан перед законом подчеркивалось и самим их названием $\beta\omicron\iota\omicron\iota$ ³⁴. Все это лишний раз показывает беспочвенность представления Краймса о иерархии сословий, якобы свойственной дорийскому полису I³⁵.

«Чужеземцы» в сисситиях

Представляя собой своего рода «общегосударственное хозяйство», система сисситий в дорийских полисах могла использоваться не только по своему прямому назначению - для кормления граждан и их детей, но и для некоторых других целей. В первую очередь это относится к Криту, где элемент централизма в организации сисситий, как следует из источников, был выражен гораздо сильнее, чем в Спарте. В этой связи большой интерес представляет раздел «Законов», посвященный распределению продуктов между сословиями во «втором по степени совершенства» платоновском государстве (VIII, 847 E слл.). Весь годовой доход каждого отдельного хозяйства Платон рекомендует делить на 12 частей (в соответствии с числом месяцев в году) I³⁶. Каждая из этих 12 частей в свою очередь делится еще

¹³⁴ Сходное значение имеет, по-видимому, термин $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\varsigma$ в ГЗ (см. R. F. Wilens. Ук. соч., стр. 34).

¹³⁵ Краймс (Ук. соч., стр. 425) считает, что $\beta\omicron\iota\omicron\iota$ со времени реформ Ликурга (с конца IX в. до н. э.) называли граждан, владеющих государственными клерами на правах временных собственников, в отличие от старой аристократии, державшей землю в частной собственности. С другой стороны, и сами $\beta\omicron\iota\omicron\iota$, очевидно, не были равны между собой, так как среди них были и наследственные члены сисситий и навербованные ими «приверженцы» (см. Там же, стр. 245).

¹³⁶ К. Риттер (C. Ritter. *Platons Gesetze. Kommentar zum griechischen Text.* Lpz., 1896, стр. 260 слл.) склонен считать, что Платон не имел в виду деление в масштабе всего государства в соответствии с числом округов, на которые должна была делиться его территория (745 В). Против этого, однако, говорит следующее. Выражение $\nu\epsilon\mu\epsilon\iota\nu \chi\rho\epsilon\omega\nu \pi\lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\varsigma$ можно понять только, как «делить следует всем», т. е. каждый в своем хозяйстве. Несколько ниже (848 В) Платон сам указывает, что проектируемый им дележ не может быть абсолютно равным в масштабе страны, так как в различных ее районах урожайность может быть разной. Далее (849 В) говорится, что продажа хлеба чужеземцам производится только в первый день каждого месяца, причем не может быть продано более 1/12 годовых запасов. Подобным же образом организуется и торговля всеми другими продуктами. Отсюда следует, что деление продуктов, о котором Платон говорил перед этим, должно было производиться ежемесячно в хозяйстве каждого отдельного гражданина

на три одинаковых по величине части, из которых одна предназначается для самого хозяина и его семьи, другая для их рабов и, наконец, третья для ремесленников и чужеземцев как оседлых, так и приезжающих на время. Платон указывает, что за образец им взят в данном случае какой-то критский закон. По всей вероятности, закон этот был известен ему лишь по наслышке I³⁷, может быть, объединяя в себе одновременно черты нескольких различных установлений. Так, отделяя из доходов клера две части - для рабов и свободных, Платон мог иметь в виду определенную норму податей зависимого населения, которая, очевидно, существовала на Крите, так же, как и в Спарте. По мнению Лауффера, известное влияние на этот раздел «Законов» могли оказать постановления типа гортинского декрета о взносах в сисситии, из которых Платон мог заимствовать сам принцип вмешательства государства в раздел доходов частного хозяйства I³⁸. Однако наряду со свободными и рабами, занятыми в хозяйстве, Платон допускает к участию в дележе также и стоящих вне его чужеземцев. Насколько соответствует исторической действительности Крита V- IV вв. до н. э. эта последняя любопытная деталь утопической программы «Законов»? На этот вопрос нам поможет ответить анализ группы надписей, состоящей из четырех эпиграфических фрагментов, датированных V в. до н. э. и происходящих из трех различных городов Крита. Из этих надписей две являются декретами Гортинского государства, причем одна, по датировке М. Гвардуччи, относится к промежутку между 480-450 гг. до н. э., а вторая, более поздняя, уже ко второй

(см. J. Bisinger. *Der Agrarstaat in Platons Gesetzen.* Lpz., 1925, стр. 71, прим. 5; S. Lauffer. *Die platonische Agrarwirtschaft.* «Vierteljahrschr. für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». XXIX, 3, 1936, стр. 252; ep. R. Pöhlmann. *Geschichte der sozialen Frage.* II, стр. 235 сл.).

¹³⁷ В интонации этой фразы чувствуется некоторая неуверенность (847 E): «Правильная организация питания и распределения продуктов, если она вообще возможна ($\alpha\nu \tau\iota\varsigma \gamma\upsilon\gamma\omega\mu\epsilon\nu\eta$), по-видимому, должна быть близка той, которую устанавливает критский закон». Ср. H. van Effenterre. *La Crète et le monde grec,* стр. 56.

¹³⁸ S. Lauffer. Ук. соч., стр. 254; также У. Bisinger. Ук. соч., стр. 3. Текст Платона здесь не свободен от противоречий. С одной стороны, утверждается, что все три части, предназначенные для трех разных сословий, должны быть абсолютно равны между собой. Однако раздел продуктов между свободными и рабами внутри каждого отдельного хозяйства представляется на усмотрение самого гражданина - владельца земли ($\lambda\alpha\beta\acute{\omega}\nu \delta' \acute{\epsilon}\chi\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma \tau\omega\nu \pi\omicron\lambda\iota\tau\acute{\omega}\nu \tau\alpha \delta\upsilon\omicron \mu\acute{\epsilon}\rho\eta \chi\upsilon\rho\iota\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\sigma\tau\omicron \tau\eta\varsigma \nu\omicron\mu\acute{\eta}\varsigma \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\iota\varsigma \tau\epsilon \kappa\alpha\iota \epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\iota\varsigma, \acute{\omicron}\pi\acute{\omicron}\sigma' \alpha\nu \kappa\alpha\acute{\iota} \acute{\omicron}\pi\omicron\iota\alpha \beta\omicron\upsilon\lambda\eta\tau\alpha\iota \delta\iota\alpha\nu\acute{\epsilon}\mu\epsilon\iota\nu$). Перевод этого места О. Апельтом в издании: *Platons Gesetze.* II. Lpz., 1916, как нам кажется, не снимает его трудности. Ср. J. Bisinger. Ук. соч., стр. 73.

половине V в. (IC, IV, 79 и 144). Более ранняя надпись представляет собой окончание декрета, регулирующего отношения между Гортинским государством и группой каких-то ремесленников или наемных рабочих. В предыдущей, не сохранившейся целиком части декрета речь шла о ежегодной натуральной оплате труда этих лиц. Перечисляются выдачи ячменя, фиг и вина. Далее (стк. 7-12) говорится, что работа должна производиться за ту же самую плату для всех жителей города, независимо от их социального положения: для рабов равно как и для свободных. В случае отказа от работы $\kappa\omicron\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\kappa\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma$ взывается с каждого штраф - 10 статеров (стк. 12-16). Позднейшая надпись повторяет этот декрет почти в тех же словах и выражениях. К этим двум документам примыкает по своему содержанию очень плохо сохранившаяся, хотя и более значительная по объему надпись из Аксоса, датируемая примерно тем же временем, что и более древняя, гортинская (IC, II, V, 1) I³⁹. В ней, как это можно понять из уцелевших обрывков фраз, речь идет о ремесленниках, работающих на государство и получающих за это определенную плату. Кроме того, государство гарантирует им ряд привилегий: свободу от податей, участие в жертвоприношениях и, наконец, питание в андрии. В надписи, по-видимому, содержалась также система штрафов за неисполнение ремесленниками того или иного предписания. Наконец, фрагмент закона из Элевтерны (IC, II, XII, 9) устанавливает поденную заработную плату для особой категории ремесленников, именуемых в надписи $\sigma\sigma\upsilon\rho\omicron\lambda\omicron\upsilon\omicron\iota$ (сисира - грубая шерстяная одежда), а вместе с тем, по-видимому, и штрафы за нарушение отдельных статей.

Эти надписи, за исключением поздней гортинской, были опубликованы уже в 80-х гг. XIX века¹⁴⁰, однако вплоть до 1954 г. специально никто из исследователей ими не занимался¹⁴¹. Характерно, что первая попытка анализа и оценки этих исключительно интересных

¹³⁹ Ф. Бласс (SGDI, III, 2, 5125, B-D - IC, II, V, 2-4) относит к этой же надписи еще несколько обломков, хотя, возможно, это лишь фрагменты аналогичных законов. В 1947 г. в Аксосе были найдены два фрагмента надписи, также посвященной каким-то ремесленникам ($\rho\epsilon\rho\upsilon\alpha\sigma\tau\alpha\iota$) и датируемой приблизительно концом VI - началом V в. (L. H. Jeffery. Comments on Some Archaic Greek Inscriptions. JHS, LXIX, 1949, стр. 34 слл.). Хотя по форме и по величине букв эти фрагменты не могут быть отнесены к большому закону, сама их находка тем не менее показывает, как велика была заинтересованность Аксосского государства в ремесленном труде.

¹⁴⁰ D. Comparetti. Le leggi di Gortyna. «Museo Ital.», II, 1888 или «Monumenti antichi», III, 1893, № 150, 183-186.

¹⁴¹ Впрочем, нельзя игнорировать ценные замечания, содержащиеся в отдельных изданиях этих надписей, особенно у Гвардуччи в IC.

документов принадлежит английскому историку-марксисту Р. Уиллетсу¹⁴². Поставленный им вопрос об экономическом и правовом статусе ремесленников в критских надписях заслуживает, несомненно, серьезного внимания, хотя его собственная аргументация кажется нам спорной.

Уиллетс сопоставляет указанные четыре надписи с известным постановлением гортинского народного собрания о жителях Латосия (IC, IV, 78). В нем, как это в настоящее время общепризнано, идет речь о вольноотпущенниках, которым предоставляется право поселения в особом, очевидно, отведенном для иноземцев квартале. Их личность и имущество ставятся под защиту $\kappa\omicron\epsilon\nu\nu\omicron\varsigma$ $\kappa\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma$, который обязан взывать штраф с нарушителей закона. Упоминание в надписи $\kappa\omicron\epsilon\nu\nu\omicron\varsigma$ $\kappa\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma$ является связующим звеном между ней и законом о ремесленниках. В сжатом виде мысль Уиллетса сводится к следующему: в законе о ремесленниках упомянуты две их категории. Одна из них определенно не включает рабов; но они - и не свободные в полном смысле слова, так как труд их носит принудительный характер. В Греции такое промежуточное положение между рабами и свободными занимали вольноотпущенники, как это показывают, например, дельфийские надписи об отпуске рабов на волю¹⁴³. С другой стороны, вольноотпущенник, по мнению Платона (Plat. Leg., 915 A-B), должен находиться под неусыпным контролем государства, которое следит за исполнением им своих обязанностей по отношению к бывшему его хозяину. Из всего этого, как полагает Уиллетс, вытекает, что ремесленники, о которых говорится в гортинских надписях № 79 и 144, а вероятно, также и в надписях из Элевтерны и Аксоса, являются вольноотпущенниками.

Прежде чем говорить о том, насколько соответствует оценка Уиллетсом этих надписей их действительному содержанию, коснемся вкратце вопроса о вольноотпущенниках, упоминаемых в гортинском законе об обитателях Латосия. Как было сказано, ни у кого из известных нам авторов первоначальное восстановление надписи Компаратти¹⁴⁴ - $\tau\omicron\nu$ $\acute{\alpha}\tau\epsilon\lambda[\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\nu]$ - до сих пор не вызывало сомнений. Вместе

¹⁴² R. F. Willetts. Aristocratic Society in Ancient Crete, стр. 40-45. Этот раздел почти без изменений воспроизводит статью «Freedmen at Gortyna». CQ, N. S. IV (1954), № 3 4 стр. 213-219.

¹⁴³ Уиллетс ссылается здесь на статью Вестерманна «Between Slavery and Freedom». AHR, L (1945), № 2, стр. 213-227.

¹⁴⁴ D. Comparetti. Le leggi di Gortyna, № 148. См. также DHR1, 1, 2, стр. 403; J. Kohler, E. Ziebarth. Das Stadtrecht von Gortyn, стр. 33; SGDI, III, 2, 4982. В слове

с тем никто из них, как ни странно, не обратил внимания на то, что если это чтение правильно, то перед нами - первый в истории греческой эпиграфики случай употребления слова ἀπελευθερος. А. Кальдерини¹⁴⁵ указывает, что этот термин появляется в надписях не ранее времени Платона, а в литературе впервые в «Афинской политике» Псевдо-Ксенофонта, т. е. в 20-е гг. V в. На Крите мы встречаемся впервые с термином ἀπελευθερος в посвятителной надписи I в. до н. э. (IC, II, X, 17). Соответствующий глагол ἀπελευθεροῶ не попадает в надписях ни разу, хотя известен целый ряд манумиссий III-II вв. до н. э. Как правило, для обозначения отпуска на волю используется глагол ἀπολαγᾶω (SGDI, III, 2, 5007-5010). Таким образом, с точки зрения терминологической употребление слова ἀπελευθερος в надписи первой половины V в. в Гортине выглядит достаточно странно. С социально-экономической точки зрения существование на Крите вольноотпущенников в это время не исключено. В ГЗ купля, продажа и заклад рабов засвидетельствованы достаточно определенно (ГЗ, X, 25; VII, 10; fr. VII)¹⁴⁶. Вольноотпущенником, по-видимому, мог стать только частный покупной раб. Число таких рабов в Гортине в то время не могло быть сколько-нибудь значительным. Между тем в законе о жителях Латосия речь идет, по всей вероятности, о какой-то довольно многочисленной группе населения, с интересами которой государству приходится считаться. За счет отпуска на волю войкеев эта группа едва ли могла бы образоваться - войкеи, как и спартанские илоты (Strabo, VIII, 5, 4; Paus., III, 20, 6), по-видимому, не могли быть освобождены по прихоти владельца. Массовое же их освобождение, по аналогии с той же Спартой¹⁴⁷, довольно вероятно, но в этом случае опять-таки вызывает сомнение самый термин (ср. νεοδαμῶδες в Спарте). Таким образом, фактическая база, на которой строит свою аргументацию Уиллетс, в свете этих замечаний представляется недостаточно надежной.

Следует, однако, сказать, что принципиального значения вопрос о вольноотпущенниках в Гортине V в. для нас не имеет. Как говорилось выше, само существование их в это время не исключено.

ἀπελευθερον Компаретти удалось прочесть лишь первые четыре буквы. Позднейшие издатели разобрали еще две.

¹⁴⁵ A. Calderini. La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano, 1908, стр. 299.

¹⁴⁶ См. также J. Kohler, E. Ziebarth. Ук. соч., стр. 34.

¹⁴⁷ Thuc., V, 34, 1. Случай такого массового освобождения известен и для Гортины (J. Kohler, E. Ziebarth. Ук. соч., стр. 33).

Не исключено и их участие в той работе, условия которой определяются двумя гортинскими и одной аксосской надписью. Но в данном случае важно подчеркнуть иное: по своему характеру рассматриваемые надписи не имеют ничего общего с позднейшими документами об отпуске рабов на волю. Сам Уиллетс не дает в своей книге сколько-нибудь четкого определения категории, к которой можно было бы отнести надписи. Употребив несколько раз термин «контракт», он в то же время настойчиво подчеркивает манумиссионный характер надписей, хотя, как известно, манумиссия по своей сути противоположна контракту, выражая не столько соглашение, сколько принуждение. Уже само по себе употребление термина ποθός или производных от него во всех четырех надписях показывает, что речь идет об оплате труда самих ремесленников или рабочих, а не об их выплатах кому-то, как следовало бы ожидать, будь они вольноотпущенниками. Поэтому более естественно было бы искать аналогии среди документов по найму рабочей силы, нежели среди манумиссий. Но прежде чем произнести окончательное суждение по этому вопросу, остановимся на некоторых наиболее существенных особенностях рассматриваемых надписей¹⁴⁸.

Несмотря на плохое состояние текста, можно понять, по крайней мере для Гортины и Элевтерны, что в надписях устанавливается унифицированная система натуральной или натурально-денежной оплаты, причем унификация строится не по принципу сдельщины (по количеству продукции), а по времени¹⁴⁹. Этот факт позволяет, нам кажется, сделать некоторые выводы относительно экономического положения ремесленников и характера их работы. По-видимому, они - не ремесленники, в собственном смысле слова, а наемные рабочие, работающие вне дома, на чужом сырье. В противном случае, несомненно, более удобным был бы расчет по количеству продукции¹⁵⁰. Особенно отчетливо эта экономическая зависимость ремесленников от их заказчиков выступает во фрагменте из Элевтерны - единственной (из четырех) надписи, где названа их профессия. Каждый сисиропей получает три обола и какое-то неизвестное, но, по-видимому,

¹⁴⁸ А priori говорить о полном тождестве отношении, зафиксированных в каждой из четырех надписей, не приходится уже хотя бы вследствие плохой сохранности текста. Но предположение, что мы имеем дело с локальными вариантами одной и той же формы зависимости, представляется нам вполне допустимым.

¹⁴⁹ Тот же принцип проводится, по-видимому, и в аксосском законе. По крайней мере, начисление штрафов производится по дням.

¹⁵⁰ См. H. Francotte. L'industrie dans la Grece ancienne. I. Bruxelles, 1901, стр. 309 сл.

незначительное (поскольку расчет ведется на гемизкты - 1/12 медимна) количество ячменя как «харчи»¹⁵¹ - плата, которая явно недостаточна для того, чтобы оплатить стоимость хотя бы одной сисыры 1⁵². Отсюда следует, что работа производится не на дому у ремесленника, а в какой-то крупной мастерской или, что более вероятно, в хозяйстве скотовладельца, заинтересованного в использовании излишков имеющейся шерсти. В аксосской надписи речь идет о ремесленниках, которые должны явиться на место работы (по-видимому, в пределах города) откуда-то извне, что также предполагает работу вне дома.

Плохое состояние текста надписей не позволяет точно ответить на вопрос о том, кто является контрагентом ремесленников в этих законах. Правда, в обеих гортинских надписях определенно названы свободные и рабы, живущие в городе (IC, IV, 79, сткк. 7-12): /τερράδδ]εθαί δέ έλι τον μ[νο]τον αύτην άνν[τ]α [τοίς έμ πόλν /φκνονον то<ν>с [τ' έλ]ευθέρους καν то[ν]с δόλον]с¹⁵³.

¹⁵¹ Три обола - обычная поденная плата рабу в Афинах конца V в. (Н. Francotte. *Industrie und Handel*. RE, IX, 1916, стб. 1426).

¹⁵² Стоимость самой дешевой рабской одежды в Афинах IV в. колеблется между 7 и 10 драхмами. (W. K. Pritchett. *The Attic Stelai*. «Hesperia», XXV, 1956, стр. 206).

¹⁵³ Следуя толкованию Уиллетса, эти строки должны быть переведены следующим образом: «Работать за ту же самую (во всех отношениях?) плату как живущим в городе свободным, так и рабам». Уиллетс считает более вероятным в связи с этим восстановление то<ν>с [άλλ]ευθέρους, а не то<ν>с [τ' έλ]ευθέρους. Однако при обсуждении настоящей работы на Кафедре истории древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ нам было указано А. И. Доватуром и А. И. Зайцевым, что такой перевод противоречил бы основным принципам греческого синтаксиса и, кроме того, не получило бы надлежащего объяснения слово άνντα. Более вероятно поэтому понимание, прямо противоположное толкованию Уиллетса: «Пусть каждый (всякий) работает за ту же самую плату для (всех) живущих в городе - как свободных, так и рабов». Это интересное место прибавляет еще один штрих к нашим далеко неполным представлениям о так называемых «рабах» на Крите. Не вдаваясь в детальное рассмотрение вопроса, что могло бы слишком далеко увести нас от основной темы, укажем лишь, что подразумеваемая в надписи экономическая самостоятельность δόλοι, наравне со свободными, хотя и не выжется с бытующими обычно представлениями о рабстве, стоит в несомненной связи с уже накопленным материалом по формам зависимости на Крите. В качестве примера можно сослаться на имущественную правоспособность войкеев, которая достаточно выпукло очерчена в ГЗ (см. J. Kohler, E. Ziebarth. Ук. соч., стр. 51 сл.), а также на известные слова Аристотеля (Polit., II, 1264a 20 сл.) о том, что на Крите рабы пользуются теми же правами, что и граждане, кроме права ношения оружия и посещения гимнасией. К какой именно категории зависимого населения следует отнести тех, кто обозначен в надписи термином δόλοι, сказать трудно. Не исключено, что речь идет о войкеях, положение которых не было рабством в обычном значении этого слова (см. К. М. Колобова. Войкеи на Крите.

Однако частному характеру «контракта» противоречит, как нам кажется, его долгосрочность (ρεχάστ]ω ένίαυτώ - IC, IV, 144) - потребность в какой бы то ни было ремесленной продукции у отдельных горожан, вероятно, могла быть лишь спорадической, временной.

Если следовать довольно вероятному восстановлению соответствующих строк более ранней гортинской надписи Компаретти (Le leggi di Gortyna, № 150 = IC, IV, 79, стк. 3-5) и более поздней Гвардуччи (IC, IV, 144, стк. 2-4), цифры, определяющие размеры заработной платы, в обоих случаях представляются весьма внушительными: 100 медимнов фиг и 100 кувшинов (προχόου]с)¹⁵⁴ вина в первой надписи и 200 медимнов ячменя и 100 кувшинов вина - во второй. В связи с этим уместно вспомнить, что взносы в спартанские фидитии не превышали 12 медимнов ячменя, 96 хоев вина и 2,5 мин фиг в год от каждого из участников (Plut. Lyc., XII; ср. Дикеарх, fr. 72 Wehrli у Athen., IV, 141 с)¹⁵⁵. Такое сопоставление наводит на мысль о том, что продукты, перечисленные в надписях, предназначались не одному человеку, а нескольким, т. е. целой артели ремесленников¹⁵⁶. Нанять такую артель и оплачивать ее труд в течение года в тогдашних условиях было под силу далеко не всякому свободному человеку, а тем более рабу. Интересно также, что штраф за отказ от работы идет в пользу

ВДИ, 1957, № 2, стр. 42. Впрочем, в той же работе автор указывает, что войкеи могли жить в городе лишь в виде исключения - стр. 27). Интересно также, что государство выступает здесь в качестве защитника экономических интересов зависимого населения (хотя, возможно, некоторые из этих δόλοι были лишь доверенными лицами своих господ - ср. Plat. Leg., 849 B-D). В этом нельзя не видеть элементов коллективизма, вообще присущих примитивным формам зависимости. Ср. массовые призывы илотов на военную службу и их массовое освобождение государством в Спарте (Thuc, V, 34, 1), взносы рабов в сисситии в Литте (Досиад, F 2(1) у Athen., IV, 143 b) и т. п.

¹⁵⁴ Чему равнялась эта критская мера жидкости, неизвестно. Во всяком случае, ее объем не должен был очень сильно отличаться от медимна, с которым она сопоставляется в этих надписях. Не исключено, что слово ρεχάχον (6 хоев в надписи № 144 (стк. 6) относится именно к этой мере. Предшествующее [...]αυ можно понять как [...]αλχίαν (может быть, χαλχίαν) в надписи № 79 (стк. 6), что, обозначает какой-то сосуд, равный по объему «кувшину» (...]αλχίαν ε άλλαν /τ[ισρό] μέτρον то прох[όου]).

¹⁵⁵ И у Плутарха, и в надписях меры, по всей видимости, - эгинские. Во всех критских городах, в том числе и в Гортине, монеты чеканились по эгинскому стандарту вплоть до конца IV в. до н. э. (5. Head. *Historia numorum*. Oxf., 1911, стр. 471).

¹⁵⁶ Ср. упомянутый выше фрагмент из Аксоса, изданный Джеффери. Надпись, насколько поддаются чтению глагольные формы, составлена в первом лице множественного числа.

государства (IC, IV, 79, стк. 12-16): «Если же не захотят работать, пусть *κοένιος* (*κόσμος*), взыскав за каждый случай 10 статеров, отдаст городу» (*αἱ δὲ μὲ λείοεν /τερ[γάδδε]θα, δέχα στατέ[ρ]α[ν]ς το παλέματος ξεχάστ[ο] τ[ὸν] κοένιο[ν] ἐ[ἴ]σται[Γσάμενον] πόλι θέμεν*)¹⁵⁷. Тогда как при нарушении договора, заключенного частным образом, более естественно было бы ожидать возмещения убытков заказчику (Plat. Leg., 921 A). В аксоской надписи заинтересованность государства в труде ремесленников выражена еще более отчетливо. Штраф за отказ от работы, так же как и в Гортине, должен быть выплачен государству, но уже не деньгами, а натурой, т. е. неоплачиваемым трудом (IC, II, V, 1 стк. 6 сл.) - «пусть бесплатно работает на государство в течение пяти дней» (*λέντ' ἀμέρας ξεργασά[μενο]ς τάι πόλι ἀμίστος*). Особенно интересно в этой связи упоминание в аксосском декрете мужского дома - андрия, в котором ремесленники получают питание (троφή или *δίαισις*) от государства¹⁵⁸. Глагол *καταμετρέν* (отмеривать), встречающийся в одном из фрагментов закона (IC, II, V, 2), позволяет предположить, что в Аксосе, как и в Гортине, оплата ремесленного труда производилась натурой. Поэтому вполне вероятно, что питание в андрии и составляло эту оплату.

На непосредственную заинтересованность Аксосского государства в работе ремесленников указывает также предоставление им ателии¹⁵⁹ и права участия в общегосударственных жертвоприношениях¹⁶⁰.

Итак, весьма вероятно, что и в гортинских, и в аксосском декретах (особенно в последнем) контрагентом ремесленников является государство, а не частные лица. И в Гортине, и в Аксосе государство оплачивает труд ремесленников. Однако используется он в обоих случаях по-разному. В Аксосе ремесленники работают на государство, хотя

¹⁵⁷ Бросается в глаза, что в обеих гортинских надписях натуральной оплате труда противостоят денежные штрафы. Этот контраст может быть объяснен как проявление характерной для примитивных форм государства тенденции к монополизации имеющихся в стране драгоценных металлов (железная валюта в Спарте - крайнее выражение той же тенденции).

¹⁵⁸ Туда же они, по-видимому, вносят подати, от которых не освобождены (стк. 14): *[ἱς ἀντ]ροπίον διδόμεν τον δ' ἀλλ(λ)ον πάντων ἀπέλειον* (восстановление Бласса, SGDI, III, 2, 5125 A).

¹⁵⁹ Эта привилегия довольно часто встречается в поздних документах договорного характера. Ср., например, делосский контракт III в. до н. э. о строительстве храма Аполлона (SIG, II, 2266).

¹⁶⁰ Из контекста неясно, впрочем, должно ли рассматриваться это право в качестве привилегии или же в качестве подати. Ср. *M. Guarducci, IC, II, стр. 50, к стк. 2 сл.*; также Plat. Leg., 955 D-E.

не исключено, что производимая ими продукция в дальнейшем распределяется между гражданами. Гортинские надписи предусматривают, по-видимому, работу в хозяйствах отдельных граждан и рабов. В отношении фрагмента из Элевтерны в этой связи трудно сказать что-либо определенное.

Хотя организация труда ремесленников и формы его оплаты могли быть, судя по надписям, весьма многообразны, одна существенная особенность сближает между собой эти четыре декрета и позволяет отнести их к одной и той же категории эпиграфических документов. Во всех четырех надписях, что было в свое время правильно отмечено Уиллетсом, отчетливо выражен элемент внеэкономического принуждения.

Обе гортинские надписи строятся по одной и той же схеме. В первом (сильно испорченном в обеих надписях) разделе устанавливается твердая оплата труда ремесленников в течение года. Отказ работать за эту установленную государством плату карается денежным штрафом, т. е. труд ремесленников носит явно принудительный характер. Общий контекст надписей не содержит в себе никаких иных возможностей толкования. Определенная логическая взаимосвязь предложений: «Работать каждому за ту же самую плату для живущих в городе свободных и рабов. Если не захотят работать, *κοένιος*, взыскав за каждый случай (проступок) 10 статеров, пусть отдаст городу», - наконец, сама простота формулировки: «Если не захотят работать...» - все это может быть истолковано только в смысле несвободного, зависимого положения ремесленников или рабочих по отношению к государству. Как говорилось выше, ремесленники, о которых идет речь в аксоской надписи, живут вне города. Им дается определенный срок, в течение которого они должны явиться на место работы. Каждый день просрочки карается штрафом: «Наказывать по дням..., если же придут в течение пяти дней, но не захотят работать (?)... в течение пяти дней пусть работают на государство бесплатно» (*κατ' ἀμέραν ζαμιδμεν* (стк. 4) и далее (стк. 4-7): *αἱ δ' ἐπέλθοιεν ἰν ταῖσι λέντε αἱ μὴ λείοι [-]ν τάν δ' ἀμέραν λέντ' ἀμέρας /ξεργασά[μενο]ς ταῖ πόλι ἀμίστος*). Весьма вероятно, что здесь, как и в обеих гортинских надписях, предписывается штраф за отказ от работы, хотя и взимаемый натурой, а не деньгами. В обрывке декрета из Элевтерны также устанавливается твердая оплата труда для определенной категории ремесленников и вместе с тем прослеживается нечто, подобное выше приведенной аксосской формуле: *αἱ δὲ διαπ[-] ἀμισθεῖ.*

Итак, в наших надписях государство предстает как принуждающая сила, активно вмешивающаяся в экономику. Эта характерная черта критских законов о ремесленниках особенно ярко выступает при сопоставлении их с позднейшими документами договорного характера из других районов Греции. Наиболее распространенной категорией штрафов в этих последних являются штрафы за неисполнение или оставление работы после того, как договор заключен. Примером может служить надпись начала III в. до н. э. из Эретрии, посвященная организации театральных представлений на Эвбее (IG, XII, 9, 207, стк. 42): «Если некоторые из артистов (των τεχνιτών) оставят какую-либо работу, сданную в подряд, пусть заплатят двойную стоимость того, за что они подрядились работать». При известном внешнем сходстве в формулировке вины ремесленника в надписях этого рода и рассматриваемых нами критских законах существует глубокое различие. Помимо сделанных выше замечаний текстологического порядка, о принудительности труда в обеих гортинских надписях говорит и сам характер наказания. В поздних надписях подрядчик еще до того, как он приступит к работе, получает задаток (обычно половину всей суммы). Как правило, этот аванс выдается ему сразу после представления комиссии о сдаче работ в подряд «достойных доверия поручителей» (τους ἐνυνητάς ἀξιοχρέους - SIG, II, 2266, стк. 12 сл.; Syll.³, III, 972, стк. 47 сл.), Исходя из этой суммы и определяется затем размер штрафа в том случае, если подрядчик бросит начатую или даже еще не начатую работу. В строительных надписях он составляет сумму, в полтора раза превышающую полученный задаток, плюс то, что придется переплатить новому подрядчику (τό ὑπερέβρεμα - Syll.³, III, 972, стк. 2; BCH, XX, 1896, стр. 318, стк. 13-21). В цитированной выше эретрийской надписи сумма задатка просто удваивается (ср. Schol. ad Aeschin., II, 19). После выплаты штрафа договор считается расторгнутым, и комиссия может снова сдать работу в подряд (SIG, II, 2266, стк. 4; BCH, XX, 1896, стр. 318, стк. 10 сл.; IG, XII, 9, 207, стк. 65).

Напротив, в гортинских надписях мы находим унифицированную систему штрафов, причем задаток вообще не упоминается. Характерны также и сравнительно небольшие размеры штрафа (10 статов), который при неуплате в срок может быть удвоен, тогда как в поздних надписях такая мера не предусматривается. В этих надписях комиссия, назначенная для сдачи работ в подряд, должна настаивать на уплате уже установленной суммы (SIG, II, 2266, стк. 4 сл.; IG, XII, 9, 207, стк. 43 сл.), а в случае злостной неуплаты - передать дело в высшие инстанции, долг вносится в так называемую «левкому» - список

164

По

мнению

Ридлера

(К.

Riezler.

Über

должников казны (Syll.³, III, 972, стк. 5 сл.; BCH, XX, 1896, стр. 318, стк. 42 сл.). В данном случае штраф имеет своей главной целью возмещение ущерба, причиненного государству, тогда как в гортинских законах он служит скорее стимулирующим средством, мерой принуждения. Уплата штрафа, по-видимому, не освобождает ремесленника от работы. Сама формула «за каждый случай» (το παθήματος ρεκάστο)¹⁶¹ допускает повторные штрафы в отношении одного и того же лица.

Итак, при известном формальном сходстве¹⁶² критские законы о ремесленниках по своему содержанию скорее противоположны договорному характеру более поздних строительных и им подобных надписей, что, нам кажется, позволяет говорить об их уникальности на фоне греческой эпиграфики в целом.

Отсюда следует, что социально-экономическое явление, лежащее в основе этих законов и зафиксированное в них юридически, по крайней мере для V в., территориально было ограничено Критом и обусловлено сугубо местными особенностями общественного строя. В самом деле, рассматривать ли наши надписи только как законодательное установление твердой оплаты ремесленного труда¹⁶³ или же в более широком плане - в качестве государственной монополии на определенные отрасли ремесленного производства¹⁶⁴ - так или иначе

¹⁶¹ Интересно употребление здесь слова λάθημα в качестве юридического термина. В литературе обычно - в морально-этическом значении (см. LSJ, s. v.).

¹⁶² С формальной точки зрения ближе всего к нашим надписям стоят декреты типа лебадейского постановления об установке стел (Syll.³, III, 972), предусматривающие какую-то определенную работу, но не называющие конкретных ее исполнителей. Однако законы этого рода всегда являются лишь основой, исходным пунктом для последующего контракта (H. Francotte. L'industrie dans la Grece ancienne. II, стр. 157). Типичный пример - делосский контракт (SIG, II, 2266), который представляет собой аналогичный лебадейскому cahier des charges с поставленными в конце именами подрядчика, поручителей и т. д., тогда как рассматриваемые надписи едва ли предполагают составление каких-либо иных документов, дополняющих их.

¹⁶³ Ср. паросский декрет II в. до н. э. в честь агоранома Килла (IG, XII, 5, 129), который «заботился о том, чтобы работающие за плату и их наниматели не терпели обиды, принуждая по закону (κατά τοῦ νόμου) одних не нарушать (договор), но являться на работу, других же отдавать рабочим плату без суда». Однако какого рода был этот закон, сказать трудно.

Finanzen und Monopole im alten Griechenland. B., 1907, стр. 50), в доэллинистический период государственная монополия в Греции встречается лишь эпизодически и главным образом в сфере торговли, но не в производстве. Единственное исключение - ремесленники Эпидамна, находившиеся, по свидетельству Аристотеля (Polit., II, 1267 b 16 сл.), на

экономика классической Греции (вплоть до III в. до н. э.) не дает материала для каких-либо параллелей. Уиллетс, не учитывая своеобразия используемого им материала, исходит в своей оценке надписей из представления о полисе классического типа, что неизбежно должно было привести его к ошибке. Отождествляя ремесленников, о которых идет речь в надписях, с вольноотпущенниками, английский историк полагает, что иначе невозможно объяснить двойственность положения ремесленников - сочетание в их отношениях с государством элементов контракта с принудительным характером труда. Между тем, уже древними была отмечена характерная особенность, которая отличает формы зависимости на Крите, в Спарте и других отсталых государствах от развитого рабства: зависимое население в этих государствах занимает промежуточное положение между свободными и рабами, не будучи ни теми, ни другими (Pollux, III, 83). В критских декретах ремесленники, явно, рассматриваются как особая категория зависимого населения, наравне с сельскими рабами - войкеями. Однако, в отличие от земледельцев, распределенных между отдельными членами господствующего сословия, ремесленники, как более дефицитный вид рабочей силы¹⁶⁵, находятся под непосредственным контролем государства. Не исключено, что для облегчения такого контроля каждая отдельная группа ремесленников (одной профессии) в принудительном порядке поселялась в одном каком-нибудь квартале или поселке, как, например, обитатели Латосия, о которых шла речь выше.

Тщательно разработанная система государственного контроля над ремесленниками и чужеземцами в целом, которую мы находим в положении государственных рабов (δῆροιοι). С этим согласуется сообщение Псевдо-Плутарха (Plut., Quaest. Gr., XXIX) о том, что в Эпидамне вся торговля с соседними иллирийскими племенами велась через посредничество особого должностного лица - полета. Эти особенности экономики Эпидамна объясняются, скорее всего, его изоляцией от остального греческого мира, которая, как и на Крите, способствовала сохранению здесь многих пережитков архаического периода (ср. Arist, Polit., V, 1301b 21). Неубедительными нам кажутся толкования свидетельства Аристотеля, предложенные Хазебрёком (*J. Hasebroeck. Staat und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928, стр. 167*) и Гейхельгеймом (*F. Heichelheim. Monopole. RE, Hbd. 31, 1933, стб. 150*).

¹⁶⁵ На Крите этот дефицит усугублялся общей отсталостью экономики. В VI-V вв. критские города оказались в невыгодном (сравнительно с передовыми государствами Греции) положении. Будучи удалены от важнейших торговых путей, не участвуя в сколько-нибудь значительных войнах на материке, они не имели постоянного притока рабов и вынуждены были обратиться к внутренним ресурсам, на что указывает развитие долговой кабалы.

в платоновских «Законах», по крайней мере, в некоторых основных своих чертах восходит к критскому (или, может быть, спартанскому) законодательству¹⁶⁶. К заимствованиям такого рода можно отнести идею прикрепления ремесленников к отдельным округам территории Магнезии, с тем «чтобы они причиняли поменьше хлопот и приносили больше пользы земледельцам» (Plat. Leg., 848 E)¹⁶⁷. Влиянием критских порядков можно объяснить и некоторые другие предложения Платона, касающиеся ремесленников, и в частности, предписание отделять из доходов каждого отдельного хозяйства и всей страны в целом одну определенную часть для потребления чужеземцев. Платон мог познакомиться лично или, что более вероятно, через каких-то осведомителей с критскими законами, устанавливающими твердую заработную плату для ремесленников подобно рассмотренным выше декретам Гортины и других полисов. Конечно, в проекте идеального государства эти законы должны были претерпеть серьезную переработку в духе тогдашних экономических воззрений самого Платона. Несмотря на все оговорки и ограничения, отношения чужеземцев с гражданами Магнезии строятся на товарно-денежной основе. Причитающуюся им часть продукции сельского хозяйства страны ремесленники приобретают на рынке за деньги, хотя торговлю этими продуктами ведут не сами граждане, а специально назначенные лица из числа чужеземцев или рабов (849 B-D). В критских надписях контрагентом ремесленников независимо от того, на кого они работают, является, скорее всего, государство. Отношения обеих сторон имеют форму натурального обмена ремесленных изделий на продукты питания. Деньгами взимаются только штрафы. Остается неясным, кому принадлежат продукты, получаемые ремесленниками в качестве заработной платы, - самому государству или отдельным гражданам (государство в этом случае выступает как бы посредником)¹⁶⁸. В любом

¹⁶⁶ Платон, в частности, вводит в свой проект смягченную форму ксенеласии (Leg., 850 A-D; см. *J. Bisinger. Ук. соч., стр. 89*), которая на Крите не засвидетельствована. С другой стороны, не исключено, что в Спарте, как и на Крите, существовали какие-то формы кормления чужеземцев. По крайней мере, во время праздников они приглашались на так называемые «копиды», устраиваемые частными лицами, может быть, по поручению государства (см. *Athen., IV, 138 e-f*).

¹⁶⁷ В Спарте освобожденным илотам (неодамодам) были отведены определенные места для поселения (Thuc, V, 34, 1).

¹⁶⁸ Аристотель в уже цитированной выше характеристике критских сисситии говорит, что доходы государства и подати переигов делились на две части: одна - для сисситии и другая - для нужд культа и общественных надобностей. Эта вторая часть могла включать и средства на содержание ремесленников, обслуживающих

из этих случаев кормление ремесленников несомненно, должно быть тесно связано с системой сисситий. В аксосском декрете на это прямо указывает несколько раз встречающийся в тексте термин «андрий» (ἀνδρίων). Рационы ячменя, фиг, вина и т. д., о которых упоминается в надписях из Гортины и Элевтерны, также могут иметь своей основной обычную норму потребления этих продуктов в сисситиях¹⁶⁹.

Некоторые авторы, в том числе Досиад (FGrHist 458 F 2), Пиргион (467 F 1, оба у Athen., IV, 143 a-b, e-f) и Аристотель в переложении Гераклида Лемба (fr. 611, 15 Rose³ = III, FHG, II, p. 212), говорят о гостеприимстве, которое оказывают критяне чужеземцам в своих сисситиях¹⁷⁰. Эта черта критского андрия, сближающая его с пританеом в других районах Греции¹⁷¹, восходит к первобытному мужскому дому, который, как это известно из этнографии, наряду с другими своими функциями мог служить и приютом для чужеземцев¹⁷². Принято считать, что указанные авторы, говоря о чужеземцах, имеют в виду именитых путешественников, либо послов соседних государств¹⁷³.

общину, причем их питание могло быть организовано по тому же типу, что и обеда граждан.

¹⁶⁹ Заметим, что Платон, говоря о разделе продуктов между тремя сословиями, ни словом не упоминает о сисситиях, хотя в данном случае такое упоминание было бы, конечно, уместно. Риттер (Ук. соч., стр. 261 сл.) пытается доказать, что к сисситиям относятся заключительные слова отрывка: «Излишек же (το δε πλεον τοῦτων)... следует разделить в соответствии с количеством всех живых существ, которым земля доставляет пропитание». Это утверждение, однако, ни на чем не основано. «Живые существа» (ζῷα), о которых говорит Платон, - скорей всего, животные, а не люди (см. *O. Apelt*. Ук. соч., перевод, II, стр. 54). По мнению Лауффера (*S. Lauffer*. Ук. соч., стр. 255), Платон умалчивает в данном случае об отчислениях в сисситий ввиду их незначительности по сравнению с общими доходами клера (ср. *J. Bisinger*. Ук. соч., стр. 73 сл.).

¹⁷⁰ Так, по Гераклиду, критяне проявляют по отношению к чужеземцам «великое человеколюбие» (πολλή φιλόφροσιν).

¹⁷¹ *E. Kirsten*. Ук. соч., стр. 145, прим. 68. В поздних критских надписях пританей и андрий нередко стоят в одном ряду (ἐν τῷ πρυτανείῳ καὶ τῷ ἀνδρείῳ) - см. *A. Semenov*. *Antiquitates juris publici Cretensium*, стр. 98).

¹⁷² *H. Schurtz*. *Altersklassen und Männerbünde*, стр. 209.

¹⁷³ *J. Kohler, E. Ziebarth*. Ук. соч., стр. 49; *H. Jeanmaire*. *Couroi*, стр. 423; *K.F. Willens*. Ук. соч., стр. 18. Несомненно, знатных гостей имеет в виду Гераклид, по словам которого чужеземцы получали на обедах почетную первую порцию и даже могли председательствовать в сисситиях. Кирстен (Ук. соч., стр. 77), принимая это свидетельство, замечает, однако, что кормление чужеземцев должно было поставить их под контроль государства и в этом смысле критское «гостеприимство» стоит довольно близко к спартанским ксенеласиям. Ответственность за прием особо почетных гостей государства (например, послов) несли, очевидно, космы, которые

Между тем, рассмотренные выше надписи делают вполне вероятным предположение: по крайней мере, часть среди чужеземцев, участвовавших в обедах гетерий на Крите, составляли оседлые или же странствующие ремесленники¹⁷⁴, для которых эти обеды являлись своего рода платой за труд. В этом аспекте вся система критских сисситий может быть охарактеризована, как своеобразный инструмент экономической политики дорийского государства.

Фидитии и армия

В современной научной литературе дорийские мужские союзы нередко характеризуются как объединения, члены которых были связаны между собой не только общностью стола в сисситиях, но и местом в строю во время сражений. Представление о тождестве мужских союзов с войсковыми единицами лежит в основе выдвинутой Фюстель де Куланжем и Пёльманом теории военного происхождения сисситий¹⁷⁵. Аргументация сторонников этой точки зрения сводится обычно

должны были угощать их на свой счет. Так можно понять один из пунктов в договоре между Кноссом и Тилиссом (около 450 г. до н. э.): в том случае, если тилиссяне не окажут гостеприимство посланцам кноссян, тилисский совет должен оштрафовать космов на десять статеров (Tod¹ I, 34, стк. 41 сл.: αἱ δὲ μὴ δοῦν ξήνια, βολὰ ἐπαχέτω ῥύτιον δέκα στατήρων αὐτίκα ἐπὶ ἰσόμοσ, κῆν Τυλισσῶι κατὰ τὰῦτα ὁ Κνωσῶσιс. Мы следуем переводу этих строк Тодом. Ср. *W. Vollgraff*. *Inscription d'Argos*. BCH, XXXIV, 1910, стр. 333, 345 сл.). Не исключено, что на приемах этого рода присутствовали также члены гетерий, к которой принадлежал косм (или космы).

¹⁷⁴ Уиллетс (*R. F. Willets*. Ук. соч., стр. 40) полагает, что оседлые чужеземцы и вольноотпущенники на Крите составляли особую категорию неполноправного населения, не тождественную так называемым «апетерам», в число которых, по его мнению, могли входить жители подвластных (периекских) общин, лица, лишенные гражданских прав из-за невзнос в сисситию или каких-нибудь других причин, дети от браков рабов со свободными и т. д. (Там же, стр. 45). Чужеземцев и вольноотпущенников Уиллетс исключает из числа апетеров на том основании, что они, насколько можно судить по гортинским надписям, находились под контролем исоэниос исоэмос. Но как следует из ГЗ, XI, 15, юрисдикция исоэниос исоэмос в Гортине распространялась также на приемных детей, отвергнутых их отцами, которые, как считает Уиллетс (стр. 45), несмотря на это, могут также быть причислены к апетерам. Скорее всего, термин ξένοι использовался в Гортине и других городах Крита параллельно с термином ἀπεταιῖροι как общее обозначение социальной прослойки, занимающей промежуточное положение между свободными гражданами и рабами. В подобном же значении термин нередко употребляется Платоном.

¹⁷⁵ Фюстель де Куланж (*N. D. Fustel de Coulanges*. *Etude sur la propriete à Sparte*. P., 1880, стр. 46) принимает этот тезис с некоторыми оговорками, считая, что в IV в. гражданские сисситий в Спарте уже не были вполне идентичны военным. Пёльман (*R. Pöhlmann*. Ук. соч., I, стр. 63) высказывается более категорично. См.

к следующему. О связи фидитиев с армией прямо говорят поздние авторы Плутарх и Дионисий Галикарнасский. «Когда его (Ликурга) спрашивали, для чего он это (сисситии) устроил и граждан с оружием разделил на небольшие группы, он отвечал: чтобы всегда были готовы принять приказ...» (Plut. Arophth. Lac., 226 D-E). Примерно та же мысль и у Дионисия (II, 23): учредив сисситии, Ликург принес большую пользу государству, ибо таким образом «в мирное время удешевлялись средства к существованию, и в повседневной жизни господствовала умеренность, а на войне каждый стыдился (другого) и заботился, как бы не оставить товарища (в опасности)»¹⁷⁶. В этих рассуждениях нетрудно увидеть вульгаризацию платоновской теории происхождения сисситий на Крите и в Спарте. В «Законах» (626 E; ср. 780 B) Клиний, отвечая на вопрос афинянина о назначении критских сисситий, говорит: «И сисситии он (законодатель) устроил, пожалуй, принимая во внимание, что во время походов все самими обстоятельствами бывают вынуждены для собственной безопасности питаться это время вместе. Безумными мне кажутся многие, кто не понимает, что война постоянно, всю жизнь угрожает каждому городу. Если же во время войны ради безопасности следует питаться сообща и разделившись в определенном порядке на начальствующих и подчиненных, охранять самих себя, то это же самое следует делать и в мирное время». Совершенно определенно связывает сисситии с военной организацией Спарты древнейший из наших источников - Геродот, в коротком рассказе о ликурговом законодательстве (I, 65, б): «Затем он устроил (все), что касается военного дела (τά ἐς πόλεμον ἔχοντα): энмотии, триакады и сисситии». Обычно считается, что Геродот перечисляет здесь основные подразделения спартанской армии в порядке их соподчинения. Термин «триакада» не встречается больше ни разу ни у Геродота, ни у других авторов. Зато об энмотии упоминают Фукидид и особенно часто Ксенофонт, имея в виду наименьшую тактическую единицу спартанской пехоты. В сражении при Мантине (418 г.) каждая энмотия состояла из 32 человек (Thuc., V, 68). Половиной этого отряда вполне мог бы оказаться описанный Плутархом фидитии из 15 человек¹⁷⁷. Так рассуждал, вероятно, Полиен,

также *C. Trieber*. *Forschungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte*, стр. 23 сл.; *A. Bielschowsky*. Ук. соч., стр. 32 сл.; *M. P. Nilsson*. *Grundlagen*, стр. 316; *U. Kahrstedt*. *Griechisches Staatsrecht*. I, стр. 47, 299 сл.; *H. Michell*. *Sparta*, стр. 282.

¹⁷⁶ См. также *Bekker* (ed.). *Anecdota Graeca*. I, стр. 303.

¹⁷⁷ *A. Bielschowsky*. Ук. соч., стр. 34; *C. Trieber*. Ук. соч., стр. 23; *H. Michell*. Ук. соч., стр. 282; *G. L. Huxley*. *Early Sparta*, стр. 124, прим. 316.

по словам которого, во время войны с Фивами за гегемонию спартанская армия делилась на лохи, моры, энмотии и, наконец, сисситии (Polyaen., *Strateg.*, II, 3, 11). Косвенно приведенные выше свидетельства подтверждает Ксенофонт, называя участников сисситий ἐμφοροί (*Resp. Lac.*, V, 7), а также постоянно употребляя по отношению к фидитиям слово ομηνί и его производные¹⁷⁸.

Допустив, что сисситии в Спарте были включены в состав военной организации, мы сталкиваемся, однако, с рядом серьезных затруднений¹⁷⁹. На некоторые из них указывает Штефен, автор диссертации «*De Spartanorum re militari*» (*Gryphiswaldiae*, 1881). Так, в частности, он отмечает, что ни Фукидид, ни Ксенофонт - наши основные источники в вопросе организации спартанской армии, перечисляя ее подразделения, ни разу не называют сисситий или фидитиев¹⁸⁰.

Особенно веским нам кажется следующий аргумент Штефена¹⁸¹. Известно, что набор в спартанскую армию производился по призывным возрастам (*Xen. Resp. Lac.*, XI, 2; *Hell.*, VI, 4, 17). В бою эти возрасты образовывали, по всей видимости, отдельные линии фаланги, наподобие римских гастатов, принципов и триариев. Именно так можно понять часто встречающееся у Ксенофонта описание атаки спартанской пехоты: «полемарх приказал воинам в возрасте 10 лет от совершеннолетия (τά δέκα ἀφ' ἡβης) отогнать... афинян» (*Hell.*, IV, 5, 14; также 16; 6,10; 11,4, 32; III, 4, 23; V, 4, 40). Отсюда следует, что в каждой энмотии воины одного определенного возраста должны были быть представлены поровну¹⁸². Между тем, при незначительной численности отдельных фидитиев и полной произвольности их пополнения соотношение между различными возрастными классами внутри каждого из них было весьма неравномерным, вследствие чего, как правильно заключает Штефен, при наборе в армию отдельные союзы должны были расплываться на небольшие группы сверстников и не могли действовать в качестве самостоятельных боевых единиц.

¹⁷⁸ См. *N. O. Fustel-de-Coulanges*. Ук. соч., стр. 43 сл.; *M. P. Nilsson*. Ук. соч., стр. 316.

¹⁷⁹ О гетериях см. ниже, стр. 202 сл.

¹⁸⁰ Ср. *A. Bielschowsky*. Ук. соч., стр. 36.

¹⁸¹ *H. Stehfen*. Ук. соч., стр. 27.

¹⁸² См. *E. Cavaignac*. *La population du Peloponnese aux Ve et IVe siecles*. «*Klio*», XII, 1912, стр. 264. Бузольт (*G. Busolt*. *Spartas Heer und Leuktra*. «*Hermes*», XL, 1905, стр. 418 сл.) и Краймс (*Ancient Sparta*, стр. 388) впадают, однако, в преувеличение, считая, что каждый возрастной класс (из 40) был представлен в энмотии одним человеком.

К этому можно добавить, что численный состав эномотии колебался в зависимости от полноты набора. 32 человека - не максимальная величина этого подразделения. В сражении при Левктрах, например, эномотия в среднем включала 36 человек опять-таки при неполном наборе (Хеп. Нелл., VI, 4, 12). В полном своем составе такая эномотия насчитывала бы приблизительно 40 человек, которых затруднительно было бы разделить на отряды по 15 человек¹⁸³. В более ранний период эномотия, возможно, состояла из 25 человек и образовывала, таким образом, половину пентекосты (Suid. s. v. ἐνωμοτία).

Ссылки сторонников отождествления фидитиев с боевыми единицами спартанской армии на Платона и более поздних авторов малоубедительны. Штефен¹⁸⁴ в этой связи замечает, что Платону не только сисситии, но все вообще государственное устройство дорийцев, включая гимнасии, криптии и т. п., представлялось неким подобием военного лагеря (Leg., 666 E: στρατοπέδου γὰρ πολιτείαν ἔχετε, ср. 625 C; 633 A, также Resp., 416 E). Рассуждения философа о характере дорийских коллективных трапез - не более, чем его гипотеза. Они говорят скорее за то, что о какой-либо действительной связи сисситий с военным делом ему ничего не было известно¹⁸⁵. Если скептицизм Штефена оправдан по отношению к Платону, то тем более он оправдан по отношению к его поздним эпигонам: Плутарху и Дионисию.

Таким образом, единственным свидетельством, прямо подтверждающим тезис о военном характере мужских союзов в Спарте, остается сообщение Геродота о законодательстве Ликурга. Рассмотрим это свидетельство. Как было уже замечено, место представляет определенную трудность для понимания, так как неизвестно, что следует понимать под триакадами, о которых упоминает здесь Геродот, и в каком отношении они находятся к названным здесь же сисситиям и эномотиям.

183 Карштедт (Griechisches Staatsrecht. I, стр. 47, прим. 3, стр. 300) считает, что в конце VI-V вв. в состав каждой эномотии входила группа спартиатов, численно приблизительно соответствующая фидитии, а остальную ее часть составляли периеки. В более же ранний период, когда спартиаты и периеки сражались порознь, фидитии фактически совпадал с эномотией. Этому, однако, противоречит то, что Геродот (I, 67) говорит об эномотиях и сисситиях как о самостоятельных военных единицах.

¹⁸⁴ Н. Stehfen. Ук. соч., стр. 26.

¹⁸⁵ Ср. Н. van Effenterre. Ук. соч., стр. 88.

Простейший выход из положения - признать¹⁸⁶ место испорченными. Именно так поступает, например, Трибер I⁸⁶. В «триакадах» он видит позднюю глоссу, примечание на полях к слову «эномотии» в тексте Геродота. Сомнительно, однако, чтобы термин «триакада» был более понятен поздним читателям Геродота, чем «эномотия» - слово, гораздо чаще встречающееся в трудах древних¹⁸⁷. Во всяком случае Свиды (s. v. τριγάδας) затрудняется определить точное значение этого слова. Кроме того, как было уже сказано, эномотия вовсе не была отрядом из 30 человек. Поэтому и название триакада («тридцатка») в данном случае ничем не оправдано. Далее, встав на точку зрения Трибера и других, мы должны будем принять, что Геродот, говоря о реформе Ликурга, называет только самые маленькие подразделения спартанской армии, забывая о более крупных, таких как лохи и пентекосты, что само по себе достаточно странно. Для того, чтобы место сохранило какой-то смысл¹⁸⁸, следует допустить, что именно триакады, оставляя пока в стороне вопрос о сисситиях, и были в представлении Геродота такими крупными боевыми единицами.

Говоря о законодательстве Ликурга, Геродот, как и Ксенофонт в «Лакедемонской политике» и Аристотель в «Политике», имеет в виду прежде всего современное ему спартанское государство. Очевидно, и военная реформа Ликурга представляет лишь проекцию в прошлое спартанской военной организации, известной самому Геродоту. Вообще вопрос об организации спартанской армии чрезвычайно сложен и запутан. Известные нам источники дают три различные версии. Первой по времени является версия Фукидида. В рассказе о битве при Мантинее (V, 68), заметив, что охарактеризовать численность и организацию спартанской армии вообще трудно ввиду их засекреченности (διὰ τῆς πολιτείας τὸ κρυπτόν), он предлагает, однако, следующую схему: вся армия делится на семь лохов (без скиритов) по четыре пентакосты в каждом. Каждая пентакоста в свою очередь включает четыре эномотии из 32 человек каждая. Другой вариант находим у Ксенофонта (Resp. Lac., XI, 4). Ликург, - говорит он, - разделил армию на шесть мор всадников и гоплитов. Каждая из этих «гражданских» мор

¹⁸⁶ С. Trieber. Ук. соч., стр. 24; также W. Oncken. Die Staatslehre der Aristoteles. Bd. II, Lpz., 1875, стр. 325. В некоторых изданиях Геродота строки, начиная с τὰ ἐς πόλεμον ἔχοντα и кончая Λυκόβουρος заключаются в скобки, как интерполяция (см., например, изд. Н. R. Dietsch, Lpz., 1935). Рукописная традиция, однако, не дает для этого никаких оснований (ср. изд. С. Hude, Oxford, 1926; Ph. E. Legrand, P., 1932).

¹⁸⁷ Ср. А. Bielschowsky. Ук. соч., стр. 34; Н. Michell. Ук. соч., стр. 236 сл.

¹⁸⁸ См. Н. Stehfen. Ук. соч., стр. 28 сл.

(εκάστη δὲ τῶν πολιτικῶν μορῶν) имеет одного полемарха, четырех лохагов, восемь пентекостеров и 16 эноматархов¹⁸⁹. Наконец, схолиаст Аристофана (Lys., 453)¹⁹⁰ приводит названия пяти спартанских лохов: Ἐδωλός, Σίνις, Ἀρίμας, Πλοάς, Μεσοαγής. Те же пять названий в несколько иных написаниях даются в схолиях к Фукидиду (IV, 8; ср. Hesych. s. v. Ἐδωλός). Источником, к которому восходят эти страные прозвища, является, по всей видимости, Аристотель (fr. 541 Rose³ у Hesych. s. v. λόχοι Λακεδαιμονίων φησὶν Αριστοφάνης τέτταρας. Πέντε γὰρ εἶσιν, ὡς φησὶν Αριστοτέλης; ср. Phot. s. v. λόχοι).

Схемы Фукидида и Ксенофонта, очевидно, отражают структуру спартанской армии, современной этим двум авторам. С другой стороны, названия пяти лохов, сохраненные Аристотелем, безусловно, древнее его собственного времени¹⁹¹. А так как их нельзя датировать ни первой половиной IV столетия, ни периодом Пелопоннеской войны, то остается только одна возможность - отнести их ко времени Греко-персидских войн, о котором повествует Геродот¹⁹². По предложению Л. Парети¹⁹³, пять лохов соответствуют пяти территориальным округам Спарты - обам или комам. Правда, из пяти известных

189 Различие между схемами Фукидида и Ксенофонта может быть только кажущимся. Как видно из текста Фукидида в число семи лохов он включает также неодамодов и освобожденных илотов, сражавшихся в свое время в армии Брасида (V, 67). Эти две группы могли составлять вместе один лох, тогда как остальные шесть могут соответствовать шести «гражданским» морам у Ксенофонта. Гезихий (s. v. μόρα) говорит, что «морам» в Спарте называли старые («отеческие») лохи (πατρίλοχοι). Расхождения в числе пентехост и эноматий у двух авторов можно объяснить либо ошибками переписчиков, либо какими-то временными колебаниями в структуре спартанской армии (см. K. J. Beloch. Griechische Aufgebote. «Klio», VI, 1906, стр. 58 сл.; G. Busolt. Griechische Staatskunde. II, стр. 709 сл.; K. M. T. Chrimmes. Ук. соч., стр. 384 сл.). Ксенофонт и сам противоречит себе, замечая в «Греческой истории» (VII, 4, 20; 5, 10), что лохов всего было 12, а не 24, как получается по схеме «Лакедемонской политики». Белох (Ук. соч., стр. 58) считает последнюю цифру результатом описки (Ср. H. Stehfen. Ук. соч., стр. 12 сл.).

190 Ср. Ibid. Acham., 1074.

191 Гарпократион (s. v. μόρων) со ссылкой на «Лакедемонскую политику» Аристотеля (fr. 540 Rose) говорит о шести спартанских морях. Можно предположить, что в этом сочинении давался исторический очерк развития спартанской армии от пяти лохов к шести морям.

192 G. Busolt. Sparta's Heer und Leuktra, стр. 408, прим. 1; J. Kromayer, G. Veith. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft. Abt. 4, Teil III, Bd. 2). München, 1928, стр. 34.

193 L. Pareti. Storia di Sparta arcaica. 1. Firenze, 1920, стр. 173; ср. V. Ehrenberg. Spartiaten und Lakedaionier. «Hermes», LIX, 1924, стр. 32; У. Kromayer, G. Veith. Ук. соч., стр. 38. Об обам см. ниже, стр. 188, прим. 12.

нам названий об: Питаны, Лимны, Месоа, Контурия или Киносура и Амиклы только одно название Месоа совпадает с названием лоха Месоаг (или Месоат). Однако Геродоту был известен также Питанский лох (IX, 53), из чего можно заключить, что названия остальных трех лохов у схолиастов - также лишь «псевдонимы»¹⁹⁴.

Лохи, известные Геродоту, были самыми крупными подразделениями спартанской армии, сражавшейся при Платеях: командир Питанского лоха Амомфарет подчиняется непосредственно главнокомандующему Павсанию. В соответствии с этим ликургову триакады, о которых Геродот говорит в I книге своего сочинения, должны были представлять собой либо подразделения лохов, либо, что более вероятно, сами эти лохи (в этом последнем случае общегреческий термин «лох» используется, как синоним местного спартанского «триакада»). Что касается названных здесь же сисситий, то едва ли их следует представлять себе в виде обычных фидитиев, т. е. численно небольших групп сотрапезников (не более 15 человек в каждом). Как было показано выше, эти последние не имели на практике прямого отношения к военной организации Спарты. Поэтому более вероятным кажется предположение, что Геродот (или его источник) в данном случае имел в виду какие-то более крупные объединения, может быть, наподобие тех фидитиев по 600 человек каждый, которые собирался учредить Агис¹⁹⁵. Объединения этого типа в Спарте могли играть роль своеобразных призывных округов¹⁹⁶. В этом случае вполне

194 Оригинально решает вопрос о спартанских лохах Краймс. По ее мнению (Ук. соч., стр. 392), названия пяти лохов, сохраненные схолиастами Аристофана и Фукидида, относятся не к главным подразделениям спартанской армии, как принято думать, а к пяти колоннам (из восьми человек каждая), по которым строилась в бою эномотия. В таком значении слово λόχος используют некоторые поздние авторы, в частности Арриан (Tact. V, 4 сл.). Более вероятно, однако, что источником для схолиастов был Аристотель; во фрагментах «Лакедемонской политики», правда, термин в таком значении не встречается. Вместе с тем Краймс думает (Там же, стр. 318, 391), что Питанский лох и вместе с ним и три других лоха, набранных по комам, не были в сражении при Платеях основными подразделениями спартанской армии (таковыми уже тогда были шесть мор) и состояли исключительно из молодежи первых призывных возрастов, т. е. иренов. Единственным основанием для такого утверждения является упоминание Геродота (IX, 85), едва ли к тому же аутентичное (см. выше, прим. 41), о том, что Амомфарет - командир Питанского лоха был иреном.

195 Впервые эта мысль была высказана уже К. О. Мюллером (Dopfer. II, стр. 237). Большие фидитии Агиса он отождествлял с обами, а эти последние с фратриями. Ср. H. C. Stein. Das Kriegswesen der Spartaner. В., 1863, стр. 6.

196 Если предположить, что число больших фидитиев в этот период, как и при Агисе, составляло 15, то на каждый лох должно было приходиться по три таких округа.

понятно было бы и их деление на численно неравные группы «старших» и «младших», занимавшие каждая свое особое место в строю спартанской фаланги. Таким образом, в целом связь системы мужских союзов с военной организацией Спарты довольно вероятна (как было показано выше, обе системы в свою очередь были определенным образом скоординированы с территориальным делением полиса на обы и комы), однако связь эта носила более сложный, опосредованный характер, чем обычно думают.

Организация спартанской армии не оставалась неизменной в период, следующий за Греко-персидскими войнами. Это вытекает из отмеченного уже выше различия в числе лохов (мор) у Аристотеля, с одной стороны, и Фукидида и Ксенофонта, с другой. Коренное преобразование системы набора падает, по всей вероятности, на первые годы Пелопоннесской войны, или, может быть, несколько более ранний период. Возникшая в результате этой перестройки войсковая организация не была уже больше связана с территориальным делением Спарты¹⁹⁷. Поэтому Фукидид, заставший уже реформированную армию, оспаривает Геродота, утверждая, что никакого Питанского лоха у спартанцев не было (1,20)¹⁹⁸, а Ксенофонт, повествуя о Коринфской войне (Hell., IV, 5, 11), отмечает, что жители Амикл (то есть одной из пяти об) были распределены в это время по всей армии, не составляя особого лоха (или моры), как это было, по всей вероятности, раньше. Что было причиной этой перестройки? В период Греко-персидских войн спартиаты и периеки образовывали во время похода отдельные контингенты (Hdt., IX, 10, 11, 28, 29). В дальнейшем этот порядок был нарушен, очевидно, вследствие неуклонного падения численности спартиатов¹⁹⁹. О том, что состав спартанской армии во второй половине V - первой половине IV в. был смешанным, говорит то обстоятельство, что ни Фукидид, ни Ксенофонт - наши основные источники - ни разу не упоминают о каких-то особых подразделениях периеков внутри общелакедемонского ополчения (исключение составляет только лох скиритов). В то же время Исократ (Panath. 180 [270-271]) прямо указывает, что периеки сражались не только в одних со спартиатами лохах и пентекостах, но даже в тех же самых

197 J. Kromayer, G. Veith. Ук. соч., стр. 38.

198 Ср. U. Kahrstedt. Ук. соч., стр. 307; V. Ehrenberg. Spartiaten und Lakedaionier, стр. 37.

199 G. Busolt. Ук. соч., стр. 388 сл.; ср. A. Bauer. Die Kriegsaltertümer (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft. Bd. IV, 1). Nördlingen, 1887, стр. 244.

эномотиях (κατ' ἀνδρα συμπαρατάττεσθαι σφίσιν αὐτοῖς ἐνίοις δὲ καὶ τῆς πρώτης τάττειν)²⁰⁰. Сами спартиаты, очевидно, составляли в реорганизованной таким образом армии лишь незначительное меньшинство, входя по преимуществу в командный состав²⁰¹. В этих условиях поддерживать связь между отдельными войсковыми частями и округами городской территории Спарты было трудно и не имело смысла.

Можно допустить, однако, что старая войсковая организация не была ликвидирована целиком и полностью, но продолжала существовать в качестве своего рода «национальной гвардии», включающей только полноправных граждан. В этой связи определенный интерес представляет одно высказывание Ксенофонта в «Гиероне» (IX): «Ведь все государства делятся одни на филы, другие на моры, третьи на лохи, и каждое деление имеет (своего) начальника». Из дальнейшего следует, что эти начальники обязаны следить не только за оружием и дисциплиной граждан, но также за их честностью в разного рода сделках (δικαιοσύνη ἢ ἐν συμβολαίοις) и за исправными выплатами (καὶ χρήματα θάσσον ἀν εἰσφέροισιν, οὐλότε τοῦτου καιρός εἶη). Сопоставление мор и лохов с филлами в качестве единиц полисного деления на первый взгляд кажется странным. Известно, что в Афинах функции фил были весьма многообразны. По филлам производились выборы должностных лиц, осуществлялся набор в армию, распределялись литургии между богатыми гражданами и т. п.²⁰² В то же время лохи как в Афинах, так и в других городах были чисто военными, тактическими подразделениями, не имеющими ничего общего с финансами, судопроизводством и т. д. Что касается мор, то этот термин засвидетельствован только в Спарте и обозначает, как уже говорилось выше, воинскую часть, состоящую из спартиатов и периеков, что включает какую-либо связь этих единиц с внутренним делением спартанской гражданской общины²⁰³.

200 G. Busolt. Ук. соч., стр. 414 сл.; U. Kahrstedt. Ук. соч., стр. 47; J. Kromayer, G. Veith. Ук. соч., стр. 37. Белох (Ук. соч., стр. 63 сл.) считает, что спартиаты и периеки образовывали отдельные лохи, входившие в состав мор, что однако не подтверждается источниками.

201 Из 292 воинов, захваченных в плен на Сфактерии, спартиатов было лишь 120 (Thuc., V, 38). При Левктрах из 1000 погибших в сражении лакедемонян спартиатов было только 400 (Xen., Hell., VI, 4, 15).

202 G. Busolt. Griechische Staatskunde. II, стр. 975 слл.

203 Термин πολιτικὴ μόρα у Ксенофонта (Resp. Lac., XI, 4) не означает, что моры состояли только из граждан. В другом месте (Hell., IV, 4, 19, также V, 3, 25) тот же автор называет πολιτικόν все спартанское войско в противовес союзникам.

Гораздо больше общего с афинскими филами могли иметь спартанские лохи периода Греко-персидских войн, которые, как было указано, включали в свой состав только спартиатов и набирались по пяти обам, на которые делилась территория Спарты. Но если Ксенофонт, говоря о государствах, граждане которых разделены на моры и лохи так же, как афиняне делились на филы, имеет в виду современную ему Спарту, приходится допустить, что пять древних лохов еще сохранялись в IV в. наряду с новыми морями и лохами, включающими переиков²⁰⁴. Высказывание Ксенофонта можно сравнить с замечанием Аристотеля в «Политике» (V, 1309a 12): «Чтобы избежать расхищения общественных средств, передачу денег следует производить в присутствии всех граждан, а копии (счетов) хранить во фратриях, лохах и филах». В другом месте (Polit., II, 1264a 8), на которое нам выше уже приходилось ссылаться, этот же автор ставит в один ряд с филами и фратриями сисситии. Если деление на филы и фратрии в обоих случаях характеризует государственное устройство Афин и других полисов того же типа, то лохи и сисситии следует, скорее всего, соотносить со спартанской конституцией. Смысловая близость, может быть, даже однозначность двух последних терминов в тексте Аристотеля весьма вероятна, особенно если вспомнить то, что говорилось выше о связи мужских союзов в Спарте с войсковой организацией. Лохи и моры, о которых говорят Ксенофонт и Аристотель, имели не только чисто военные, но также финансовые и судебные функции. К сожалению, об этих их функциях оба автора упоминают лишь мельком, не давая подробных разъяснений. Заметим, однако, что в Спарте все гражданские дела и, в частности, несоблюдение договорных обязательств (συμβόλαια) подлежали юрисдикции эфоров (Arist., Polit., III, 1275b 9 сл.), которые, как

²⁰⁴ Сходную мысль высказывает уже Штейн (H. C. Stein. Ук. соч., стр. 9). По его мнению, расхождение в характеристике спартанской военной организации у Ксенофонта (Resp. Lac., XI, 4) и у Фукидида (V, 68) объясняются тем, что в первом случае речь идет о так называемых «гражданских» морях, включающих только спартиатов, тогда как во втором случае изображается действующая армия, в состав которой входили, как спартиаты, так и переики. Как было замечено выше, термин λοχίται в тексте Ксенофонта в данном случае не следует понимать буквально. Кроме того, приняв гипотезу Штейна, мы вынуждены будем признать, что численно небольшая гражданская армия имела гораздо более дробную внутреннюю структуру, чем превосходящая ее в несколько раз общелаконская армия, что совершенно непонятно. Тем не менее, сама мысль о сосуществовании двух типов военной организации в Спарте кажется нам плодотворной. Ср. K. J. Beloch. Ук. соч., стр. 64.

будет показано²⁰⁵ далее, были высшими должностными лицами в системе фидитиев²⁰⁶.

Царская сиссития

Краткие упоминания о царской сисситии вкраплены в нескольких местах «Лакедемонской политики» Ксенофонта, хотя и без видимой связи друг с другом. В первом отрывке (XIII, 1), говорится о почестях, которые оказываются царю в военное время: «...в походах государство кормит царя и тех, кто при нем находится. Вместе с ним питаются (συσχηνοῦσι) полемархи, чтобы, будучи всегда вместе, больше советовались в случае необходимости. Вместе (с царем) питаются и трое друзей из числа «равных». Эти (последние) заботятся для них (царя и полемархов) обо всем, что касается провианта, чтобы «они могли спокойно заниматься военными делами». Таким образом царская сиссития в походе должна была включать в свой состав не менее 10 человек (полемархов было 6 - по одному на каждую мору - там же, XI, 4)²⁰⁶. Труднее для понимания второй отрывок (XIII, 6, 7). В бою царь вместе с отрядом воинов первой моры находится обычно в центре построения, между двумя морями. «Тех же, кого следует поставить при них, выстраивает старшина государственной (палатки)» (ὁ προβύτατος τῶν περὶ δαμοσίαν). В их числе: сотрапезники (συσχηνοί) царя из «равных», прорицатели, врачи, главные флейтисты (войска) и если кто окажется из добровольцев». По мнению Олье²⁰⁷, Ксенофонт здесь снова и на этот раз в полном составе перечисляет лиц, принадлежащих к царской сисситии. Однако это не так. Из числа сотрапезников, названных в первом отрывке, здесь упомянуты только трое «равных» - «интенданты» армии. Полемархи на этот раз не названы, что вполне понятно: в бою каждый из них должен был находиться при своей море²⁰⁸. В целом οἱ

²⁰⁵ Ср. гортинскую надпись V в. до н. э. (IC, IV, 42 B). Судья гетерий, упомянутый в этом документе, ставится в один ряд с тем, кто разбирает дела о закладах (τοῖ δὲ τὰν ἑταίριαν διασσοτὰ ἰος καὶ τὸν ἐνεχούρον διαδητι).

²⁰⁶ А. Бильшовский (Ук. соч., стр. 15) присоединяет сюда еще четырех пифиев, что вместе с двумя царями дает 15 человек, т. е. численный состав обычного фидития по Плутарху. См. также H. Michell. Ук. соч., стр. 285. Нам кажется, однако, что комбинации такого рода совершенно произвольны и не находят поддержки в тексте Ксенофонта.

²⁰⁷ F. Ollier. Xénophon: La république des Lacédémoniens. Lyon, 1934, ad loc.

²⁰⁸ Олье (Там же) относит к полемархам выражение οἱ τοῦ στρατοῦ ἀρχοντες, вставляя καὶ после стоящего перед ним слова αὐλήται. Однако такое исправление текста Ксенофонта едва ли возможно: очевидно, за царем в бою могли следовать

περί δαμοσίαν, очевидно, представляют нестроевой элемент армии. Все они, по-видимому, кормятся на государственный счет и поэтому в походе прикреплены к особой государственной (штабной) палатке 209.

В последней, XV главе своего трактата Ксенофонт говорит о почестях, которые воздавались царям в мирное время: «Если цари обедали (σῆνοίεν) вне (дома) 210, для них, по завету Ликурга, ставили общинную палатку, а на обеде давали двойную порцию - не для того, чтобы съедали вдвойне, но чтобы из этого могли почтить кого хотели. (Ликург также) дал им (право) избрать каждому по два сотрапезника, которых называют пифиями». Речь, таким образом, снова идет о царской сисситии. Однако на этот раз не назван никто из сотрапезников, упомянутых в первом отрывке: ни полемархи, ни трое «равных». Зато появляются новые - пифии. Объяснить это расхождение можно лишь тем, что царская сиссития мирного времени не тождественна сисситии походной. Пифии, о которых говорит также Геродот (VI, 57), представляли Спарту в сношениях с дельфийским оракулом. Религиозные функции спартанских царей общеизвестны. Их совместные с пифиями трапезы должны были представлять собой нечто вроде заседаний жреческой коллегии. Напротив, походная сиссития, как и в гомеровское время, служила местом военных советов. Выражение σῆνῆ δῆμοσία в последнем отрывке не является лаконским *terminus technicus*, как принято думать 211, и не имеет ничего общего с δαμοσία в предыдущем отрывке. Этот последний термин встречается у Ксенофонта еще дважды (Hell., IV, 5, 8; VI, 4, 14) и каждый раз в его дорийской форме.

Σῆνῆ δῆμοσία и была царским фидитием в собственном значении этого слова. В отличие от походной сисситии в ней обедали оба царя вместе. Ксенофонт это подчеркивает (Hell., V, 3,20; также Plut. Ages., XX)²¹². Подобное же разграничение между гражданскими и военными

именно главные флейтисты, тогда как все остальные должны были находиться на своих местах в строю фаланги. Что полемархи не входили в состав οἱ περί δαμοσίαν, видно также из Xen. Hell., IV, 5, 7-8.

²⁰⁹ См. *U. Kahrstedt. Griechisches Staatsrecht. I, стр. 221. Ср. Hdt., VI, 57: ἐκ τοῦ δῆμοσίον.*

²¹⁰ В этом же значении Ксенофонт употребляет εἴω в Oecon., VII, 30.

²¹¹ См. *M. P. Nilsson. Die Grundlagen, стр. 316.*

²¹² Плутарх (Лус. XII) приводит любопытный анекдот об Агисе II, который вернувшись на родину после похода и желая пообедать у себя дома с женой, послал за причитающейся ему порцией в сисситию. Однако полемархи отказались ее

сисситиями могло проводиться в Спарте и в более широком плане. Как было уже показано, фидитии не были тактическими единицами спартанской армии. Отсюда не следует, однако, что во время похода воины отдельных подразделений (например, эномотий) не могли объединяться в группы для устройства совместных трапез, подобных сисситиям мирного времени²¹³.

выдать. Разгневанный царь не явился на торжественное жертвоприношение, состоявшееся на следующий день, и был за это наказан. Этот рассказ находится в явном противоречии со свидетельством Геродота (VI, 57), согласно которому регулярное посещение фидития не считалось обязательным для царей. Можно допустить, однако, что в анекдоте имеется в виду не обычная сиссития, а походная. Агис отказался принять участие в торжественном обеде по случаю победы. В таких случаях походный распорядок жизни, очевидно, сохранялся некоторое время спустя после возвращения армии (ср. этикет римских триумфов), и царь должен был обедать с полемархами. Анекдот поэтому не дает никаких оснований для того, чтобы считать, что вся система фидитиев находилась под контролем полемархов (см. *A. Bielschowsky. Ук. соч., стр. 32; R. Pöhlmann. Ук. соч., I, стр. 63; H. Michell. Ук. соч., стр. 284).*

²¹³ Так можно понять Hell., V, 3,17, где Ксенофонт рассказывает об организации ополчения флиунтских аристократов на базе сисситий, очевидно, по спартанскому образцу. См. также Polyae. Strateg., II, 1, 15; 3, 11.

Глава IV. Некоторые вопросы эволюции
дорийских мужских союзов

Мужские союзы и родо-племенная организация дорийцев

Вопрос об отношении мужских союзов к другим элементам дорийского полиса и, в частности, к родовым объединениям - очень сложен. Аристотель в «Политике» (II, 1264a 8) противопоставляет сисситии таким единицам родо-племенного деления, как филы и фратрии. Под сисситиями в данном случае, очевидно, подразумеваются спартанские и, может быть, также критские мужские союзы. Как следует из того, что говорилось выше, об отношении фидитиев к спартанской военной организации, такое противопоставление имеет под собой некоторую почву. Тем не менее, связь мужских союзов с родо-племенной организацией дорийцев Спарты и Крита, особенно в древнейший период их истории, не может быть полностью исключена. Объединения, близко напоминающие гетерии и фидитии, однако, с отчетливо выраженной гентильной окраской существовали в некоторых дорийских государствах еще в довольно позднее время. В качестве примера можно сослаться на так называемое «Завещание Эпиктеты», надпись начала II в. до н. э. с о. Фера (IG, XII/3, 330 = DHR, II, 1, XXIV). В первых двух столбцах надписи Эпиктета, дочь Гринна, сообщает, что она, исполняя волю своего покойного мужа Феникса и сына Андрагора, воздвигла в их честь Мусей и учредила κοινόν ανδρείου των συγγενών, на которых возлагается обязанность ежегодно чтить жертвоприношениями память усопших сыновей и мужа завещательницы. Для этих собраний κοινόν каждый год в месяце Элевсинии должен получать 210 драхм от дочери и душеприказчицы Эпиктеты Эпителии. Далее в третьем столбце следует перечисление членов κοινόν, и затем в четвертом - восьмом столбцах утверждается внутренний статут объединения. Смысловая близость термина ανδρείος в этой надписи критскому ανδρείον не вызывает сомнений, хотя говорить об абсолютном тождестве обоих понятий нельзя, так как в одном случае имеется в виду группа мужчин, а в другом помещение для обедов этой группы. Как видно из текста «Завещания»,

Глава IV. Некоторые вопросы эволюции дорийских мужских союзов

объединения, подобные андрию сородичей Эпиктеты, в это время уже не представляли собой чего-то постоянного, а возникали лишь эпизодически от случая к случаю. Тем не менее глубокая древность мужских союзов такого типа совершенно очевидна¹.

Интересный пример того же рода приводит К. М. Колобова в своей книге о Родосе². В одном из родосских почетных декретов III в. до н. э. перечисляются объединения, носящие характерные наименования: воины Агетории, агемоны Агетории, мусаисты Агетории, Агетории полистрагеи. Агетории или Агеториды - одна из так называемых «диагоний» Линда, в которых Колобова видит родовые организации, аналогичные фратриям. Объединения агемонов, воинов и пр., входящие в состав диагоний Агеториев, по весьма убедительному предположению того же автора, - ни что иное, как мужские союзы или возрастные классы, включающие отдельно старших и младших членов родовой группы.

Особенно отчетливо первоначальный гентильный характер греческих мужских союзов выступает в надписи из Силлиона в Памфилии, сравнительно недавно переведенной и интерпретированной С. Я. Лурье³. Содержание надписи вкратце сводится к следующему: некий Манес положил конец гражданской войне, в течение 15 лет терзавшей Силлион (может быть, на почве кровной мести). Для этого был устроен мужской дом (ἀδρίονα), в который получают впредь доступ на равных правах потомки Манеса и Мегалеса (πάς Μάνετος καὶ Μῆειαί[λε]τις) - очевидно, представители двух враждующих родов или фил⁴. До этого у каждой из этих групп было, по всей видимости, свое

¹ На Фере наряду с семейно-родовыми андриями существовали также гетерии - объединения, очевидно, более широкие по охвату и имевшие определенное политическое значение (см. ниже прим. 44). Не исключено, что в более ранний период союзы типа андриа родственников Эпиктеты входили в состав этих гетерий.

² К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 97 слл.

³ S. Luria. Burgfrieden in Sillyon. «Klio», 37, 1959.

⁴ Точка зрения Лурье нам не вполне ясна. С одной стороны, он допускает, что вражда могла иметь место между представителями двух фил. С другой стороны, он категорически утверждает, что в гражданской войне, конец которой положил Манес, противостояли друг другу взрослые мужчины и молодежь, принадлежащие к одним и тем же родовым объединениям. Это последнее утверждение основано на словах надписи (стк. 5 слл.): *πάλιν... ἀράτι ἀ(ν)μμένα καθ' ἑλα[σμέ] ἀτρόβοιот περὶ ἴρενι αὐτάτοις ἰεωσάτῃσι κτλ.* Мейстер, на которого почему-то ссылается здесь Лурье, понимает эти слова совсем иначе: «освободить город от беды путем умиротворения мужей вместе с молодежью» (A. Meister. Beiträge zur griechischen Epigraphik und Dialektologie. IV. «Ber. Sachs. Gesellsch. d. Wiss.», LVI, 1904, стр. 15, 28).

помещение, и каждая составляла особый мужской союз. С. Я. Лурье полагает, что институт мужских союзов в Памфилии уходит своими корнями в XIV-XIII вв. до н. э. - время, когда, по его мнению, именно в этом районе Малой Азии сложилось и существовало государство Аххиява, известное по хеттским источникам. Не оспаривая мнение столь авторитетного ученого, каким был профессор С. Я. Лурье, мы склонны, однако, видеть в надписи из Силлиона симптом сильного дорийского влияния, которое, по словам самого Лурье⁵, обнаруживается и в диалекте памфилийских греков⁶.

Родовые мужские союзы Памфилии, Родоса и Феры, несомненно, представляют собой более архаичную форму этого института, нежели спартанские фидитии или критские гетерии. Столь же несомненно, что и в Лаконии и на Крите некогда существовали союзы того же гентильного типа, первоначально, по-видимому, общего всем вообще дорийцам. Вопрос о дорийской родо-племенной организации изучен слабо. В настоящее время с уверенностью можно сказать лишь одно: еще до своего появления на Пелопоннесе, Крите и в других районах Южной Эгеиды дорийцы уже делились на три племени: Гиллеев, Диманов и Памфилов⁷. В том, что касается вторичных и третичных подразделений дорийских фил, в науке господствует полная неясность. Неясно, было ли в гентильной организации дорийцев промежуточное звено между племенем и родом, аналогичное ионийской фратрии⁸.

⁵ 5. Luria. Ук. соч., стр. 18 сл.; см. также Meister. Там же, стр. 26.

⁶ Не исключено, что само название этого района Малой Азии происходит от названия одного из трех дорийских племен (U. von Wilamowitz-Moellendorff. Euripides Herakles. В., 1909, стр. 16).

⁷ G. Busolt. Griechische Geschichte. Bd. I. Gotha, 1885, стр. 108, прим. 2; E. Szanto. Die griechischen Phylen. «SB Akad. Wiss. Wien», CXLIV, 1901, стр. 4; Ed. Meyer. Geschichte des Altertums. Bd. III, Stuttgart, 1937, стр. 237; K. Latte. Phyle. RE, Hbd. 39, 1941, стб. 996 сл.; G. Vitalis. Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr der Herakliden. Greifswald, 1930, стр. 48 сл.; Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М. 1958, стр. 99; R. F. Willetts. Aristocratic Society, стр. 230 сл.; Fr. Schachermeyr. Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960, стр. 76. Ср. J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd. I, 1, В., 1924, стр. 91; U. von Wilamowitz-Moellendorff. Der Glaube der Hellenen. Bd. I, В., 1931, стр. 69 сл. Гомер в известном пассаже (Od., XIX, 175) уже называет дорийцев τριχίτες («разделенные на три племени»). Это свидетельство следует отнести к очень раннему времени, так как дорийцы, здесь еще не господствуют над всем Критом, но являются лишь одной из народностей, населяющих остров (см. R. F. Willetts. Cretan Cults and Festivals, стр. 136; ego же, Ancient Crete. L. - Toronto, 1965, стр. 30 сл.).

⁸ Энгельс считал, что у дорийцев фратрий не было (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21, стр. 100).

Неясен вопрос об идентификации самого дорийского рода⁹. Не претендуя на окончательное решение всех этих проблем, попытаемся, однако, в них разобраться в той мере, в которой это необходимо для нашей основной темы.

Хорошо известна схема ионийской родо-племенной организации, дошедшая до нас в одном из фрагментов «Афинской политики» Аристотеля (fr. 385 Rose³). Несмотря на присущую этой схеме явно искусственную симметричность, ее подлинность можно считать бесспорной¹⁰. Аналогичная схема дорийской родо-племенной организации сохранилась в одном из отрывков Деметрия Скепсийского, писателя II в. до н. э. Деметрий рассказывает об устройстве праздника Карней в Спарте (fr. 1 Gaede у Athen., IV, 141 e-f): «У лакедемонян праздник Карней представляет собой подражание военным упражнениям (μίμνηα... στρατιωτικῆς αἰωυῆς). (Для него) отводятся особые места числом девять, которые называются «скиадами» (σκιάδες), так как в них устраивается какое-то подобие палаток. И в каждой из них обедают по девять человек, причем все делается (только) по приказу. В каждой из скиад представлены три фратрии, а весь праздник Карней продолжается девять дней». Описание Деметрия во многом перекликается с уже приводившимися описаниями гомеровских и более поздних спартано-критских сисситий: все празднество изображается как большой коллективный обед вооруженных мужчин. Отсюда можно заключить, что Карнеи в древнейшей Спарте были тесно связаны с кругом мужских союзов¹¹. В то же время девятиричная схема Карней

⁹ См. ниже о патрах, стр. 196 сл.

¹⁰ К. М. Колобова. К вопросу о структуре греческого рода в период образования афинского государства. ПИДО, 1935, № 7-8, стр. 100 сл.; Дж. Томсон. Ук. соч., стр. 102 сл.

¹¹ По другой версии (Bekker. Anecd., I, стр. 305), в программу спартанских Карней входило также состязание в беге, во время которого юноши (σταφυλοδρομοί) должны были преследовать человека, украшенного гиляндами (στέμματα). Исход этого состязания рассматривался как знамение благоприятное или неблагоприятное для государства. Участники состязания (стафилодромы или карнеаты) избирались обычно сроком на четыре года по пять человек от каждой филы (см. Hesych. s. w. καρνεαται, σταφυλοδρομοι). Виде (S. Wide. Lakonische Kulte. Lpz., 1893, стр. 76 сл.) видит в Карне или Аполлоне Карнее, в честь которого устраивалось празднество, божество плодородия, покровителя урожая и на этом основании оспаривает военный характер церемонии, которую описывает Деметрий. Нильссон (M. P. Nilsson. Griechische Feste. Lpz., 1906, стр. 123), развивая эту же мысль, приходит к выводу, что ритуал обеда в палатках первоначально относился к военному празднику в честь Зевса Агетора и лишь в сравнительно поздний период был включен в состав Карней. Возможно, однако, и другое объяснение. Состязание

у Деметрия имеет своей основой какие-то единицы родо-племенного деления, которые он сам называет фратриями. Эти 27 «фратрий»² были, по всей вероятности, подразделениями трех дорийских фил¹, на которых еще во второй половине VII в. (во время II Мессенской

стафилодромов можно рассматривать не только как аграрный обряд, но и как особую форму инициации. Не случайно участники состязания названы γέοι и ἀγῶδοι (Hesych.). Связь культов плодородия с инициациями отмечают многие исследователи (см. *J. E. Harrison. Themis*, стр. 13 сл.; 215 сл.; *G. Roheim. Dying God and Puberty Ceremonies. JRAI*, 59, 1929, стр. 190 сл.; *H. Jeanmaire. Couroi*, стр. 257 сл.; *G. Thomson. Aischylos und Athen. B.*, 1957, стр. 139 сл.). С этой точки зрения, участие в празднестве вооруженных мужчин вполне оправдано.

12 Уже К. О. Мюллер (*Dorier*, 2, стр. 78 сл.) приравнивал эти спартанские «фратрии» к обам ликурговой ретры (*Plut. Lyc.*, VI). Впоследствии возобладали другая точка зрения и обы стали отождествлять с пятью (или шестью) комами, на которые делилась территория Спарты в классический и эллинистический периоды (см. *L. Pareti. Storia di Sparta arcaica. P. I, Firenze*, 1920, стр. 173 сл.; *V. Ehrenberg. Spartiaten und Lakedaimonier*, стр. 26 сл.; *ego же, Obai. RE*, Hbd. 34, 1937, стб. 1695; *J. Hasebroeck. Griechische Wirtschaft- und Gesellschaftsgeschichte*, стр. 205 сл.; *H. T. Wade-Gery. The Spartan Rhetra in Plutarch's Lycurgus, VI. CQ*, XXXVIII, 1944, стр. 117; *N. G. Hammond. The Lyncurgen Reform at Sparta. JHS*, LXX, 1950, стр. 59; ср., впрочем, *U. Kahrstedt. Griechisches Staatsrecht. I*, стр. 20 сл.). Новый толчок полемике по этому вопросу дало опубликование Битти (*A. J. Beattie. An Early Laconian Lex Sacra. CQ*, XLIV, 1951) лаконской надписи V в. до н. э., в которой упоминалась «оба Аркалов» (τεδ' οράς 'Αρχάλοῦ). Опираясь на этот документ, Битти доказывает, что об было не пять или шесть, а около тридцати и что будущи объединениями родового типа они входили в состав фил. Хаксли (*G. L. Huxley. Early Sparta. L.*, 1962, стр. 48 сл.) полагает, что в начале VII в. число об было увеличено с пяти до девяти, причем в каждой из них (Хаксли рассматривает обы как территориальные округа) были представлены все три дорийские филы (по одной фратрии от каждой, в сумме 27 фратрий, участвовавших, согласно Деметрию, в праздновании Карней). Однако, смысл этой реформы - неясен, и сама гипотеза Хаксли представляется нам произвольной. Более убедительной нам кажется точка зрения Ден-Боеера (*Den Boer. Laconian Studies*, стр. 170 сл.), по мнению которого обы в своей первоначальной форме представляли собой родовые объединения ахейского населения Лаконии, подобные дорийским филам, хотя слово «оба» с самого начала могло иметь и территориальное значение. Окончание -οα (ὄρα) типично для топонимии Пелопоннеса (*V. Ehrenberg. Obai*, стб. 1693; *F. Kiechle. Lakonien und Sparta*, стр. 119 сл.); см. также Hesych. s.v. ὄρα: φυλαί Κύπροι. Таким образом известное предписание «Большой ретры»: φυλάς φυλάξαντα καί ὄρας ὄραξαντα, можно понимать в том смысле, что ахейцы в составе об получают доступ в народное собрание Спарты наравне с дорийскими филами (может быть, после синоикизма Спарты с Амиклами). Ср. *F. Kiechle. Lakonien und Sparta*, стр. 119 сл. В более поздний период термин «оба» использовался, по-видимому, в довольно широком значении области или округа независимо от размеров. Так, оба Аркалов наряду с несколькими другими могла входить в состав территории Амикл, которые в свою очередь были одной из пяти спартанских об (или ком). См. Paus., III, 1,3.

войны) базировалась спартанская армия. Так, очевидно, следует понимать стихи Тиртея (fr. 1, 50 сл., Diehl³ = Gentili-Prato): «...сомкнуты¹³ выпуклые щиты, отдельно Памфилы с Гиллеями, а также Диманы». Между тем, Деметрий подчеркивает военный характер праздника, из чего можно заключить, что система Карней в позднее время воспроизводила в миниатюре древнейшую форму спартанской военной организации.

Карнеи - древнейший общедорийский праздник (Thuc., V, 54; Paus., III, 13, 3). Они справлялись не только в Спарте и ее колонии - Фере (и в колонии последней - Кирене), но и во многих других дорийских полисах¹⁴. Поэтому мы вправе были бы ожидать повторения той же самой священной формулы 3:9:27 и в культовой организации этих других государств. Действительно, подобная же схема обнаруживается в одном из «священных законов» острова Кос. Закон, точнее, фрагмент сакрального календаря (конец IV - начало III вв. до н. э.)¹⁵, содержит предписания относительно выбора быка для жертвоприношения Зевсу Полиэю на 20 день месяца Батромия. Начало надписи (стк. 1-7) сильно испорчено. Можно лишь понять, что сначала быки берутся из «каждой девятой» (β[ο]ῦν ἐξ ἐνάτας [ἐ]κάστας)¹⁶. Затем (стк. 7-20) идет следующий текст, по восстановлению Пэттона: «На агору Памфилы гонят первыми, на агоре же пусть смешают... (Затем) Памфилы гонят (через агору) трех самых лучших быков на случай, если какой-нибудь из них будет избран. Если же нет, еще трех быков гонят Гиллеи... (Затем) Диманы... Если и из этих трех ни один не будет избран, ведут на агору следующих и проводят (их) таким же образом (как и первых). Если и из них ни один не будет избран, повторяют то же самое в третий раз. Если же и на этот раз ничего не получится, выбирают быка из каждой «тысячи» (επικίρονται

¹³ Краймс, несомненно, впадает в крайность, допуская, что дорийские филы сохраняли свое военное значение в Спарте еще в период Греко-персидских войн (Ук. соч., стр. 313 сл.; 392 сл.). Ссылка на Пиндара, который называет лакедемонян, участвовавших в основании колонии Этна Гиероном Сиракузским (около 476 г. до н. э.), «потомками Памфила» (Pyth., I, 120 сл.), в данном случае, конечно, не может считаться серьезным аргументом.

¹⁴ 5. *Wide*. Ук. соч., стр. 86; *Prehn. Karneia. RE*, Hbd. 20, 1919, стб. 1986.

¹⁵ См. *W. R. Paton, E. L. Hicks. The Inscriptions of Cos. Oxford*, 1891, 37; *Syll.*³ 1025; *R. Herzog. Heilige Gesetze von Kos* («Abhandl. Preuss. Akad. Wiss.», № 6, Philos.-hist. Klasse». № 1), 1928.

¹⁶ Диттенбергер восстанавливает в седьмой испорченной строке надписи названия двух «девяток» из трех, с которых начинается отбор быков: [—]έων καί Πασθεμιάδων πρώτων καί [Νοστ]ιδών.

βοῦν ἐκ χιλιαστῶς ἐκάστας). Пригнав этих (новых быков) пусть смешают их с прочими и тотчас пойдут, помолятся и объявят (об этом). Затем пусть ведут снова таким же образом». Из названных в надписи единиц церемониальной организации горожан Коса известны по другим источникам только три филы: Гиллеев, Диманов и Памфилов. Термин ἐνάτα или ἐνάτη встречается в косских надписях еще дважды (Paton, Hicks, 367, 43; 385, 9). Другой термин χιλιαστῶς появляется всего лишь один раз (Там же, 18, 5). Во всех трех случаях характер этих единиц, очевидно, являющихся подразделениями трех фил, остается неясным. При определении его следует, таким образом, исходить из анализа самого священного закона.

Из существующих вариантов толкования этой интересной надписи наиболее убедительным нам кажется толкование Диттенбергера. По его мнению культовая организация Коса включает в свой состав три филы по три «тысячи» и по девять «девяток» в каждой¹⁷. Каждая фила выставляет сначала на конкурс девять быков, но испытание они проходят не сразу, а чередуясь по трое с животными, выставленными другими филими. Если ни один из 27 быков не будет избран, отбирают девять новых теперь уже по «тысячам» и повторяют церемонию «на более высоком уровне». Таким образом, получается числовая схема (3:9:27), в целом совпадающая со схемой организации спартанских Карней с тем только различием, что в косском календаре прямо названы три дорийские филы, о которых умалчивает Деметрий Скепсийский. Такое совпадение не может быть случайным. Оно означает, что в основе культовой организации как Спарты, так и

¹⁷ Syll.³, 1025, прим. 5. Один из первых издателей надписи - Пэтон (W. R. Paton, E. L. Hicks, стр. 83 сл.) полагает, что каждая фила делилась на три «девятых», а каждая «девятая», в свою очередь, на три «тысячи». На агору каждая фила выводит сначала трех быков, по одному от каждой «девятой». Если ни одно из этих животных не будет избрано, вся процедура повторяется второй и третий раз. А если и это повторение не принесет желаемых результатов, отбирают еще 27 быков от каждой «тысячи», смешивают их с предыдущими, и вся церемония начинается снова. Эта версия представляется нам мало правдоподобной. Она не вяжется с логикой религиозного обряда. Так, для того, чтобы объяснить выражение в стк. 8: ἐν ἀγοράι δὲ σ[υ]μμί[σθον]τι, Пэтону приходится допустить, что каждая фила вела через агору не своих собственных быков, а случайных (отобранных по степени красоты) животных. Неестественным кажется и то, что во втором туре конкурса число конкурентов не только не уменьшается, как следовало бы ожидать, а наоборот увеличивается в два раза, причем к испытанию снова допускаются животные, уже выбывшие в первом туре (так Пэтон объясняет слова: συμμίσθον[τι τοῖς ἄλλοις в стк. 18. Между тем, их вполне можно понять по аналогии с предыдущим в смысле установления определенной очередности внутри партии вновь прибывших быков).

Коса лежат одни и те же единицы родо-племенного деления, некогда свойственного всем дорийцам. Несомненно, столь четкая внутренняя структура дорийских фил, как и у ионийцев, не могла возникнуть естественным путем. Однако вопреки мнению таких исследователей, как Р. Герцог и М. Гвардуччи, искусственность этой системы¹⁸ вовсе не обязательно свидетельствует о ее позднем происхождении.

Сознательная схематизация родового строя, перетасовки и перекраивания первоначальных естественно возникших племен и родов с целью подгонки их к единому образцу наблюдаются у многих народов на заре их истории. Перетасовки такого рода обычно бывают порождены стремлением превратить племенное ополчение в стройный, хорошо слаженный боевой механизм¹⁹. Роды, племена, фратрии, ставшие деталями этого механизма, приравниваются войсковым подразделениям и как таковые должны включать в свой состав строго установленное число взрослых мужчин-воинов. Так, по свидетельству Аристотеля, на которое нам приходилось уже сослаться, афинский род в древности состоял из 30 «мужей». Тот же автор (fr. 498) упоминает о так называемых «клерах» в Фессалии, каждый из которых

¹⁸ R. Herzog. Ук. соч., стр. 43; M. Guarducci. L'istituzione della fratria, стр. 98. По мнению Герцога (стр. 5), термин ἐνάτα в косской надписи вполне тождествен термину χιλιαστῶς и означает третью часть филы и девятую всей общины (временное определение «девятая» варьирует в тексте закона с обычным термином «тысяча», поскольку в каждом из туров конкурса участвует девять быков, по три от каждой филы и по одному от «тысячи»). «Тысячи», как полагает Герцог, делились на триады, а те, в свою очередь, на пентекосты (оба эти термина встречаются в косских надписях). В результате получается следующая схема (стр. 42): весь народ Коса - 9000 человек; фила - 3000 человек; «тысяча» - 1000 человек; триада (1/30 филы) - 100 человек; пентекоста - 50 человек. Ближайшую параллель этой схеме Герцог находит в одной из самосских надписей IV в. до н. э. (SGDI, III, 2, 5698): весь народ, фила, «тысяча», «сотня», род (γένος). Это сопоставление дает возможность говорить о том, что структура гражданской общины Коса испытала на себе сильное ионийское влияние, которое Герцог относит ко времени участия Коса в делосской амфикионии. При внешней убедительности гипотеза Герцога строится, однако, на ложных посылах. Так, совершенно произвольно его утверждение о тождестве терминов ἐνάτα и χιλιαστῶς. Как уже говорилось, первый из них встречается и в других косских надписях и обозначает совершенно самостоятельную единицу полисного деления, в состав которой входят не триады, а иначе неизвестные нам ἀμάται (см. Paton, Hicks, 367, 41 сл.: πτολογραφέσθων δε και τὰν πατρίδα και τίνος (ἐ)νάτης καὶ ἀμάτης ἐλαχ[?]ε). К тому же греческое τριακάς (τριῆς) переводится обычно как «тридцать», а не как 1/30 (см. LSJ). Можно предположить поэтому, что на Косе одновременно существовали две различных системы деления граждан: во-первых, по «тысячам» и «девятым» и, во-вторых, по триадам и пентекостам (см. о них ниже, стр. 194).

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21, стр. 104, 120; К. М. Колобова. К вопросу о структуре греческого рода, стр. 103 сл.

должен был выставлять в армию по 40 всадников и 80 гоплитов. У ирландских кельтов эквивалентом племени (tuath) считался в древности отряд из 700 вооруженных людей²⁰. В государстве инков в Перу все население было разбито на группы по 10, 50, 100, 1000 и 10 000 семей. В основе этих групп лежали объединения опять-таки родового характера²¹. Наконец, типичным примером перестройки родо-племенной организации на началах строгого централизма и стандартизации может служить военная реформа Чингис-Хана²².

В свете этих фактов вполне можно представить, что χιλιαστές, в IV в. до н. э., очевидно, уже утратившие на Косе свое первоначальное значение, некогда, действительно, были военными подразделениями, в состав каждого из которых входила тысяча воинов²³. Заметим сразу же, что число 9000 имело особое значение также и в Спарте. Именно таково было, согласно Плутарху (Лус., VIII), число надделов, установленное Ликургом во время проведенного им земельного передела. Соответствующее «ликургово» число граждан было восстановлено в III в. царями-реформаторами Агисом и Клеоменом, хотя число надделов было ими уменьшено наполовину. Рассказ Плутарха о ликурговом переделе, независимо от реальности или нереальности приводимых им цифр²⁴, базируется на том твердо установленном в древности

²⁰ P. W. Joyce. A Social History of Ancient Ireland. Vol. I. L., 1903, стр. 39. Ирландский род (септ) состоял из 17 человек, которые делились на четыре группы: одна из пяти, и три по четыре человека каждая (W. F. Skene. Celtic Scotland. Vol. III. Edinburgh, 1880, стр. 176 сл.). См. также Н. Hubert. Les celtes depuis l'époque de la Tène. P., 1932, стр. 241.

²¹ Н. Cunow. Geschichte und Kultur des Inkareiches. Amsterdam, 1937, стр. 76 сл.; R. Karsten. Das altperuanische Inkareich und seine Kultur. Lpz., 1949, стр. 110 сл.

²² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 104; С. П. Толстов. К истории древнетюркской социальной терминологии. ВДИ, 1938, № 1(2), стр. 76.

²³ На близость объединений типа «тысяч» к родовому строю указывает Hesych. s.v. ἑκατοστῆς- ὡς χιλιαστῆς συγγένεια. Ср. Н. Schaeffer. Probleme der alten Geschichte. Göttingen, 1963, стр. 414 сл.

²⁴ Начиная с Грота (G. Grote. History of Greece, II, стр. 399 сл.), в европейской науке установилось отрицательное отношение к цифрам в рассказе Плутарха. Чаще всего в них видят простое удвоение числа периекских и спартанских надделов в проекте Агиса (Plut. Agis, VIII. См. К. J. Beloch. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Lpz., 1886, стр. 141; A. Jarde. Les cereales dans l'antiquité grecque. I. P., 1925, стр. 110; G. Busolt. Griechische Staatskunde. II, стр. 640). Против этого можно, однако, возразить, что уже Аристотель определяет первоначальную численность спартиатов в 10 000 человек (Polit., II, 1270a, 27), что можно рассматривать как округление все того же «ликургова» числа - 9000

факте, что в Спарте, как и в некоторых других государствах, испокон веков существовало определенное число «древних» надделов, не подлежащих дроблению при переходе по наследству и отчуждению (Arist. Polit., II, 1270a 19; ср. II, 1265b 12 сл.; 1266b 19; Heracl. Lemb., II, 7, FGH, II, p. 187; Plut. Agis, VIII)²⁵. С другой стороны, древнейшие системы землепользования в Греции, несомненно, были самым непосредственным образом связаны с родо-племенной организацией. Применительно к дорийцам на это указывает автор гесиодической поэмы «Каталог женщин», говоря о трех филах (fr. 191 Rzach = 233 Merkelbach - West): «Все они (дорийцы) зовутся троеплеменными, потому что и вдали от родины землю разделили на три части» (πάντες δὲ τριχάϊκες καλέονται / τρισὴν οὔνεκα γαῖαν ἑκάς πάτρης ἐδάσαντο; ср. Od., XIX, 177). Обычай делить землю на три части между Гиллеями, Диманами и Памфилами сохранялся в дорийских поселениях и в гораздо более поздний период (например, при основании колонии в Черной Керкире, см. Syll.³, 141, стк. 18). Очевидно, первоначально в разделе участвовали не только такие крупные объединения, как филы, но и их более мелкие подразделения.

Одно из первых мест в этой системе могли занимать так называемые χιλιαστές - родовые объединения, подобные тем, о которых упоминает косский календарь. В Спарте отголоском этой древней формы землепользования было предание о 9000 надделов, установленных Ликургом²⁶.

надделов и столько же граждан. Довольно близко к этим двум цифрам стоит и число 8000 спартанцев у Геродота (VII, 234). См. L. Ziehen. Das spartanische Bevölkerungsproblem. «Hermes», 68, 2, 1933, стр. 222 сл. Как элемент подлинной спартанской традиции, принимают цифры Плутарха также Гиро (P. Guiraud. La propriété foncière en Grece. P., 1893, стр. 44), Карумедт (Spartanische Agrarwirtschaft, стр. 280 сл.), Краймс (Ancient Sparta, стр. 286 сл.) и Кихле (Lakonien und Sparta, стр. 212, 217, прим. 2).

²⁵ Нельзя не согласиться с Кихле (Ук. соч., стр. 211 сл.) в том, что законы, запрещающие продажу семейных надделов, а следовательно, и строго фиксированное число последних могли появиться в Спарте так же, как и в других греческих государствах только в сравнительно поздний период с развитием обмена и имущественного неравенства. Купля-продажа земли была обычным делом в Беотии уже во времена Гесиода (Орега, 341). Также и гомеровское общество не знает еще никаких законов, которые бы ограждали семейный надел от его захвата посторонними лицами (см. II., XXII, 489). В целом по вопросу см. D. Asheri. Laws of Inheritance, Distribution of Land and Political Constitutions. «Historia», XII, 1, 1963, стр. 4; ср. N. G. L. Hammond. Land Tenure in Athens and Solon's Sisachtheia. JHS, LXXXI, 1961, стр. 83 сл.

²⁶ Плутарх (ibid.) приводит и другие версии предания. Согласно одной из них, Ликург распределил между гражданами только 6000 надделов, тогда как

Наряду с делением гражданской общины на «тысячи» в некоторых дорийских государствах засвидетельствована и другая подобная же система - деление на так называемые «триакады» и «пентекосты». На Косе обе эти системы сосуществовали друг с другом в один и тот же период 27. Сохранившиеся названия пентекост: ἑπταδάς, πολλαδάς²⁸, показывают, что они, как и «тысячи», были, по крайней мере, первоначально объединениями гентильного характера. Традиционная формула косских почетных декретов: ἐπιλαρωσάντω αυτοῦς ἐς φυλάν καὶ τριακάδα καὶ πεντηχοστὸν (Syll.³, III, 1025; SGDI, III, 1, 3611) находит себе ближайшую аналогию в аргосской надписи III в. до н. э.: ἐ[ν] φυλάν καὶ φάτραν καὶ πεντηχοστὸν (Del.³, 90)²⁹, с тем лишь различием, что в последнем случае триакаду заменяет фратрия. Такое совпадение неудивительно, если вспомнить, что согласно античной традиции (Hdt., VII, 99)³⁰ Кос был заселен дорийцами из Эпидавра, с территории Арголиды .

остальные 3000 добавил Полидор после завоевания Мессении. По другой версии, Ликург и Полидор раздали по 4500 наделов каждый. Обе эти версии исходят, однако, все из той же цифры 9000, которая, по-видимому, была основной (V. Ehrenberg. Spartiaten und Lakedaimonier, стр. 44). Первоначально дорийское население Спарты не могло быть очень многочисленным (см. Isoer. Panath., 255), хотя вся орда, вторгшаяся в Пелопоннес, вполне могла насчитывать 9000 взрослых мужчин (см. K. M. T. Chrimes. Ук. соч., стр. 278). Следует поэтому допустить, что в начальный период истории Спарты термин χιλιόστους имел здесь лишь номинальное значение. В дальнейшем, однако, традиционное «ликургово» число граждан и наделов могло быть восстановлено. Приблизительный подсчет показывает, что 9000 клеров с доходностью 82 медимна ячменя могли разместиться только на территории Лаконии и Мессении вместе взятых (см. G. Busolt. Ук. соч. II, стр. 641 сл.; ср. Ed. Meyer. Geschichte des Altertums. III, стр. 273 сл.; U. Kahrstedt. Ук. соч., стр. 279 сл.; K. M. T. Chrimes. Ук. соч., стр. 286). Отсюда следует, что система неделимых и неотчуждаемых наделов, число которых было точно фиксировано законом, была создана в Спарте уже после окончательного завоевания Мессении.

²⁷ Как было уже замечено (см. выше, прим. 18), попытку Герцога связать обе системы в единое целое нельзя признать удачной. Вместе с тем неприемлемой нам кажется и гипотеза Франкотта (H. Francotte. La polis grecque. Paderborn, 1907, стр. 126), согласно которой деление косской общины на «тысячи» и «девятые» преследовало главным образом религиозные цели, тогда как деление на триакады и пентекосты было чисто политическим (см. также G. Busolt. Ук. соч. II, стр. 258, прим. 6). Этому противоречит то, что в двух надписях, опубликованных Герцогом (Heilige Gesetze von Kos, № 5 А, стк. 16—17; № 8 А, стк. 34—35), триакады и пентекосты выступают как раз как исполнители определенных священных обрядов.

²⁸ См. указанные надписи в публикации Герцога.

²⁹ M. Guarducci. L'istituzione della fratria. II, стр. 98.

³⁰ В Мегарах существовало сходное с аргосско-косской системой деление граждан на «сотни» (ἐκατοστῆς). На это указывает одна надпись эллинистического

Триакады и пентекосты существовали и в Спарте. Πεντηχοστὸς называлось одно из подразделений спартанской армии V-IV вв. до н. э. В этот период термин уже не соответствовал более своему номинальному значению. При Мантинее в 418 г. одна пентекоста в среднем насчитывала 128 человек (Thuc., V, 68), при Левктрах в 371 г. - 72 человека (Xen. Hell., VI, 4, 12 и Resp. Lac., XI, 4) - в обоих случаях при неполном наборе. Отсюда следует, что в спартанской армии классического периода пентекоста была лишь реликтом какой-то более уже не существующей военной организации. Таким же реликтом были в Спарте V в. и триакады, о которых упоминает Геродот в рассказе о законодательстве Ликурга. Если верно высказанное нами предположение, что триакады в данном случае соответствуют лохам, пентекосты должны были входить в их состав, и таким образом обе единицы могли быть связаны между собой, как и в косских надписях.

Наконец, в сицилийском городе Акры (колония Сиракуз) мы обнаруживаем коллегию τριακάδαρχοι из девяти человек (IG, XIV, 209, 211, 212)³¹. Число членов коллегии предполагает, что триакады в Акрах, так же, как и на Косе и в других местах были включены в состав трех дорийских фил³² и составляли, таким образом, систему родовых объединений подобно «тысячам» и их подразделениям. О причинах такой двойственности внутренней структуры дорийских фил можно лишь гадать, однако то, что «тысячи» и триакады во всех указанных случаях вполне равнозначны ионийским фратриям, не вызывает у нас никаких сомнений. Правда, сам термин «фратрия» засвидетельствован в ряде дорийских государств лишь для очень позднего периода³³. Можно, однако, допустить, что первоначально его эквивалентом у дорийцев, помимо чисто числовых обозначений: «тысяча» и «триакада», был термин «гетерия». Девять гетерий, то есть столько же,

времени (IG, IV/2, 42, стк. 18). Деление на «сотни» засвидетельствовано также в мегарских колониях: Византий (SGDI, III, 1, 3059) и Гераклея Понтийской (Aeneas Tact., XI, 10), причем в последнем случае «сотни» оказываются подразделениями трех (вероятно, дорийских) фил. Отсюда следует, что в самих Мегарах эта система не могла появиться позднее первой половины VII в. до н. э. (Византий основан около 660 г.).

³¹ Триакады, возможно, существовали и в других городах Сицилии. См. Hesych. s.v. ἐτρεῖκοσφεν εἰς τριακάδας ἐνέγραψε. Σικελοί.

³² Других фил, кроме дорийских, на Косе, по-видимому, не было (H. Francotte. Ук. соч., стр. 126; G. Busolt. Ук. соч. II, стр. 258, прим. 6).

³³ Форма φάτρα встречается в надписях Аргоса и Коса (K. Latte. Phratric. RE, Hbd. 39, 1941, стб. 746).

сколько было «тысяч» на Косе и триаках в Акрах упоминаются в одной киренской надписи первой половины IV в. до н. э.

Надпись (так называемая «Стела основателей»)³⁴ представляет собой декрет киренского народного собрания о предоставлении гражданских прав жителям Феры, метрополии Кирены, независимо от того, в каком из полисов они будут жить. При этом авторы декрета ссылаются на древний закон (стк. 5 сл.): «Предоставить жителям Феры гражданские права по отеческим законам, установленным предками, как теми, которые основали Кирену из Феры, так и теми, кто оставался на Фере». Далее (стк. 12 слл.) говорится: «Жителям Феры предоставляются в Кирене одинаковые (с другими гражданами) гражданские права на тех же самых основаниях. Все жители Феры, проживающие в Кирене, должны принести ту же самую клятву, которую некогда принесли другие³⁵. Они должны быть зачислены в одну филу, одну патру и в девять гетерий» (καταστάμεν ἐς φυλάν και πάτραν ἐς θε ἑννήα ἑταιρήας). Последние слова (стк. 15 сл.) можно понимать двояко. Либо филы, патры и гетерии являются звеньями одной цепи, либо они образуют две самостоятельные, сосуществующие в рамках одного полиса системы: неизвестное нам количество фил и патр, с одной стороны, и девять гетерий с другой. Решение этой дилеммы во многом зависит от возможно более точного определения значения термина *πάτρα* (патриа́).

Этот последний вопрос до сих пор остается спорным³⁶. Несколько раз слово *πάτρα* встречается у Гомера в абстрактном значении «родина», «происхождение»³⁷. Пиндар использует его, пожалуй, как синоним *γένος*, *γενεά*. Так, эгинская патра Медилитов (Pyth., VIII, 38) в одном из фрагментов (fr. 190 Snell - Maehler) названа *γενεά*. Из более поздних авторов Дикеарх (fr. 52 Wehrli у Steph. Byz. s. v. *Πάτρα*) видит в патрах один из трех видов сообщества, свойственных грекам,

³⁴ Основные издания см. SEG, IX, 3; G. Oliverio. «Riv. Fil.», 56, 1928, стр. 222; Fr. Chamoux. Cyrene sous la monarchie des Battiades. P., 1952, стр. 105; [R. Meiggs, D. Lewis. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969, № 5. См. также: В. П. Яценко. Греческая колонизация VII-IV вв. до н. э. М., 1982, стр. 61-83. - Ред.].

³⁵ Имеются в виду уроженцы Феры, основавшие Кирену в VII в. до н. э. вместе с Баттом I. Далее (стк. 17 слл.) следует сама клятва, воспроизводящая, несомненно, очень древний документ (A. J. Graham. The Authenticity of the ορισιον τῶν οἰκιστήρων of Cyrene. JHS, LXXX, 1960).

³⁶ См. G. Busolt. Ук. соч. I, стр. 133, прим. 6; G. Glotz. La cite grecque. P., 1928, стр. 7, 17 сл.; M. Guarducci. L'istituzione della fratria. II, стр. 82.

³⁷ См. II., XII, 243; XIII, 354; XXIV, 500.

наряду с филами и фратриями, т. е. отождествляет их, скорей всего, с родами. В надписях в ряде случаев патра выступает как подразделение фратрии. Таковы, например, *πατριά*, входящие в состав дельфийской фратрии Лабиадов (DHR, II, 1, XXVIII; ср. для Милета SGDI, III, 2, 5501). В родосских надписях патры образуют конечное звено в цепи родовых организаций, входя в состав диагоний или других объединений, аналогичных фратриям³⁸. В Олиме и Лабранде (Кария) *πατριά* появляются в качестве последнего члена в формуле: *ἐπί τὰς φυλάς συνγενείας και πάτριας* (LBW, 334)³⁹. В целом, хотя не всегда можно с уверенностью отождествить патру с родом⁴⁰, в ней следует видеть, по всей вероятности, наименьшую, первичную ячейку полисной организации, в состав которой не входят никакие другие единицы⁴¹. Следовательно, девять гетерий, о которых идет речь в киренской надписи, едва ли могут быть внутренними подразделениями одной патры. Скорей всего, они образуют самостоятельную систему полисного деления, параллельную системе деления граждан по филам⁴².

Политический строй Кирены претерпел на своем веку ряд переворотов, смутные отголоски которых сохранились в наших источниках. Первый из этих переворотов датируется VI в. до н. э. (Hdt., IV, 141). В Кирену был приглашен из Мантиней Аркадской по совету Дельфийского оракула Демонакт в качестве умиротворителя ввиду постигших государство смут. Он разделил народ на три филы (очевидно, заменившие прежние дорийские): в одну вошли жители Феры, метрополии Кирены, в другую критяне и пелопоннесцы, в третью «все островитяне». Вторично государственный строй Кирены подвергся преобразованиям в 401 г. до н. э., т. е. незадолго до появления «Стелы основателей». В городе произошло восстание, закончившееся компромиссом между демократической и олигархической партиями (Diod., XIV, 34). При этом государственное устройство было реорганизовано на каких-то новых началах (*χοινή την λάλιν κατόκησαν*). Очень похоже,

³⁸ К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества, 90 слл.

³⁹ Н. Francotte. Ук. соч., стр. 2; К. М. Колобова. Ук. соч., стр. 91, прим. 73.

⁴⁰ В надписи VI в. из Олимпии (SGDI, I, 1152) термины *πατριά* и *γενεά* стоят рядом, из чего можно заключить, что первый из них равнозначен общегреческому *φратριά* (так В. Keil. Über zwei elische Inschriften. «Nachr. Gotting. Gesellsch.», 1899, стр. 156 сл.; G. Busolt. Ук. соч. I, стр. 133, прим. 6). Ср., однако, M. Guarducci. Ук. соч. II, стр. 82.

⁴¹ Меньше может быть только ойкос (Pind. Pyth., VII, 5).

⁴² Ср. Fr. Chamoux. Ук. соч., стр. 214.

что эти же события имеет в виду Аристотель (Polit., VI, 1319b 19 сл.), мельком упоминая об увеличении числа фил в Кирене и сопоставляющий эту реформу с реформой Клисфена: в обоих случаях целью законодателя было «как можно более перемешать всех между собой и развязать старые связи». Очевидно, в 401 г. три филы, учрежденные Демонактом, были заменены неизвестным нам числом новых фил, в состав которых вошли люди, прежде не имевшие гражданских прав⁴³. Однако, так как конституция 401 г. носила компромиссный характер, киренская аристократия могла сохранить еще на какое-то время свои старые, изолированные от массы демоса политические организации. Такими организациями вполне могут быть девять гетерий, упомянутые в «Стеле основателей»: само их число указывает на связь с тремя старыми филами. Но что это были за филы - учрежденные Демонактом в VI в. или же еще более древние дорийские? Нам кажется более вероятным последнее. Если допустить, что киренские гетерии первоначально были включены в состав трех дорийских фил, подобно косским или спартанским «тысячам», становится понятным решение распределить уроженцев Феры, натурализованных в Кирене, по всем девяти гетериям: очевидно, те же самые объединения и в том же количестве существовали и на самой Фере⁴⁴. В то же время новые граждане заносятся в списки только одной патры одной филы, так как деление киренской общины по филам, видимо, не совпадало с полисным делением ее метрополии.

Киренские гетерии могут вести свое происхождение не только с Феры, но и с Крита⁴⁵, причем одна возможность не исключает другую.

Гвардуччи отмечает ряд общих признаков, сближающих критские гетерии с фратриями⁴⁶. Так, представление приемных детей членам

⁴³ Аристотель в указанном месте говорит также и об увеличении числа фратрий, хотя неясно, к какому из государств относится эта мера: к Афинам времени Клисфена или к Кирене или же к обоим вместе (Ср. Arist. Athen. Pol., 21,6). См. также Н. Francombe. Ук. соч., стр. 66 сл.; G. Busolt. Griechische Geschichte. II, стр. 20, прим. 2.

⁴⁴ Гетерии упомянуты в одной архаической ферской надписи (SGDI, III, 2, 4736). Надпись сильно испорчена. Можно, однако, догадаться, что речь идет об устройстве жертвоприношения. Три дорийские филы, может быть, еще продолжали существовать в Кирене IV в. в качестве религиозных организаций: τριφυλία упоминается в «священном законе», датированном 330-326 гг. (A. Vogliano. Nuovi studi sulle decretali di Cirene. «Riv. Fil.», N. S., VI, Fase. 2-3, 1928, стб. B, § 7 (19)).

⁴⁵ Среди жителей Кирены уже в VI в. было много критян, как можно заключить из рассказа Геродота о реформе Демонакта.

⁴⁶ M. Guarducci. Note di antichità cretesi, стр. 441; *ее же*. L'istituzione della fratria. II, стр. 94 сл.

гетерии в Гортине напоминает аналогичную церемонию в афинских фратриях (см. Isaeus, VII, 16; Demosth., XLIII, 14, 82). В отличие от фидитиев, гетерии активно участвовали в религиозной жизни государства. На это указывают жертвоприношения, совершавшиеся в андриях (Athen., IV, 143e). Покровителем гетерий на Крите считался Зевс Гетерий (Hesyeh. s. v. ἑταίρεῖος). Гвардуччи сравнивает этот культ с культами Зевса и Афины - покровителей фратрий в Афинах и других государствах⁴⁷. Тем не менее она отказывается от прямого отождествления фратрий с гетериями, так как последние были «лишены даже самых бледных следов гентильной окраски»⁴⁸. По ее мнению, можно говорить лишь об общности происхождения гетерий и фратрий в весьма отдаленную эпоху, может быть, еще до дорийской колонизации Крита⁴⁹. Другие авторы, как например Уиллетс, высказываются более категорично, определяя гетерию как локальный критский вариант фратрии⁵⁰.

Вопрос о родовом или неродовом характере критской гетерии невозможно решить, не имея отчетливого представления о ее отношении

⁴⁷ Note di antichità cretesi, стр. 441 сл. Единый абстрактный культ всех гетерий говорит о том, что их связь с родом была уже в значительной мере ослаблена. Аристотель видит в стандартизации культов характерную черту демократического режима и, следовательно, сравнительно позднее явление (Polit., VI, 1319b 24 сл.: τὸ τῶν ἰδίων ἱερῶν συναχτέον εἰς ὀλίγα καὶ κοινά). Ср. W. Aly. Patroioi Theoi. RE, Hbb. 36, 3, 1949, стб. 2262; M. P. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion. Bd. I, München, 1955, стр. 711, прим. 1. Сами афинские фратрии V-IV вв. до н. э. уже не были чисто родовыми организациями, включая в свой состав массу «безродных» граждан, объединенных в так называемые «фиасы». Роль старых аристократических родов в этих искусственных союзах во многом остается неясной. См. W. S. Ferguson. The Athenian Phratries. CIPh. V, 1910; M. Guarducci. L'istituzione della fratria. I, стр. 14 сл.; U. Kahrstedt. Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart - B., 1934, стр. 232 сл.; K. Latte. Phratrie. RE, Hbd. 39, 1941, стб. 750; A. Andrewes. Philochoros on Phratries. JHS, 81, 1961, стр. 1 сл.; M. P. Nilsson. Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951, стр. 151; Ch. Hignett. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century. Oxford, 1962, стр. 58 сл.; Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, стр. 104 сл.

⁴⁸ Note di antichità cretesi, стр. 440.

⁴⁹ L'istituzione della fratria. II, стр. 94 сл.

⁵⁰ R. F. Willetts. Aristocratic Society, стр. 23; *ею же*. Ancient Crete, стр. 85. См. также F. Bücheler, E. Zitelmann. Das Recht von Gortyn, стр. 55; DHR, I, 2, стр. 411; P. В. Шмидт. О непосредственных производителях на Крите. ПИДО, № 9-10, 1935, стр. 46; Л. Н. Казамазова. Очерки социально-экономической истории Крита, стр. 93; Г. Йосециони. Гортинские законы. Тбилиси, 1966, стр. 188. Ср. U. Kahrstedt. Griechisches Staatsrecht. I, стр. 351 сл.; E. Kirsten. Die Insel Kreta, стр. 148 сл.; G. De Sanctis. Storia dei Greci, стр. 88 сл.

к такой важной единице полисной организации городов Крита, как фила, и о характере этой последней. К сожалению, этот последний вопрос также еще далек от своего окончательного решения. Древнейший документ, в котором упоминаются филы, на Крите - ддеросская надпись конца VII в. до н. э.⁵¹ Надпись представляет собой декрет народного собрания Ддероса и начинается прескриптом: $\rho\acute{\omicron}\lambda\iota\varsigma\ \epsilon\rho\chi\theta\epsilon\ \delta\iota\alpha\lambda\eta\sigma\alpha\sigma\iota\ \rho\upsilon\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota$ - «полис решил после совещания с филами»⁵². Если учесть, что ддеросский декрет более чем на столетие древнее реформ Клисфена в Афинах, что в этот же период спартанская армия еще продолжала делиться на три традиционные дорийские филы, то те филы, о которых идет речь в надписи, можно рассматривать только как древние родовые объединения дорийцев, а также, вероятно, и их предшественников - ахейцев⁵³. Прескрипт другой ддеросской надписи, датированной примерно тем же временем, имеет несколько иную форму: $\acute{\epsilon}(\tau)\alpha\rho\eta\iota\alpha\nu\ \epsilon\rho\alpha\delta\epsilon$ ⁵⁴. В форме $\acute{\epsilon}\tau\alpha\rho\eta\iota\alpha\nu$ ван Эффентер видит gen. plur. от $\acute{\epsilon}\tau\alpha\rho\eta\iota\alpha$ (т. е. - $\alpha\nu$). Начало надписи, возможно, испорчено, и ее, скорее всего, следует рассматривать как уцелевший параграф декрета, а не как отдельный документ⁵⁵. В этом случае логическим

⁵¹ Н. van Effenterre. *Inscriptions archaïques cretoises*. BCH, LXX, 1946, стр. 590 слл., № 2.

⁵² Следующий далее текст надписи, к сожалению, содержит лакуны и ошибки резчика. Ван Эффентер предлагал различные варианты его восстановления и перевода [οστις προ[—1—] πολει[ύ]σειε или πολει[μή]σειε или [αί δε μή έμ] πολέ[μοι] εΐε, и далее: μή τίν(τ)εσθα<ι> τον άγρέταν - «не наказывать агрета» (должностное лицо, полномочия которого в точности неизвестны). - *Ред.*]

⁵³ О недорийских филах на Крите см. G. Busolt. *Griechische Staatskunde*. I, стр. 131 сл.; K. Latte. *Phyle*. RE, Hbd. 39, 1941, стб. 997 сл.; R. F. Willetts. *Aristocratic Society*, стр. 254, прим. 1.

⁵⁴ Н. van Effenterre. Ук. соч., стр. 597 слл., № 3; ср. IC IV, 42 В. [В действительности на камне стоит: Ε:ΑΡΗΙΑΝ:ΟΖΑ:ΕΛΑΣΙ κτλ. Впоследствии (BCH, LXXXV, 1961, стр. 547 слл.) ван Эффентер отверг собственные чрезмерно радикальные конъектуры, предложив читать в соответствии с камнем $\acute{\epsilon} : \alpha\rho\eta\iota\alpha\nu : \omicron\zeta\alpha : \acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota$ κтл; таким образом, речь, как будто, идет о сроках охоты ($\acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$), ограниченных месяцем Гипербэем, $\acute{\epsilon}$ является темпоральным наречием, а $\alpha\rho\eta\iota\alpha\nu$ оптативом к $\acute{\alpha}\rho\omega$ (ему последовал R. Koerner. *Inchriftliche Gesetztexte der frühen griechischen Polis*. Köln, 1993, стр. 339 сл., № 92); но в конце концов он опять вернулся к прежнему чтению, см. Н. van Effenterre, *Fr. Ruze*. NOMIMA. Recueil d'inscriptions politiques et juridiques de l'archaïsme grec. I. Rome, 1994, № 68. - *Ред.*]

⁵⁵ Следующий затем текст: $\omicron\zeta\prime\ \acute{\alpha}(\gamma)\acute{\epsilon}\lambda\alpha\sigma\iota\ \tau\omicron\ \Upsilon\pi\epsilon\rho\beta\omicron\iota\omicron\ \mu\acute{\eta}\nu\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\ \acute{\iota}\kappa\acute{\alpha}\delta\iota\ \acute{\omicron}\rho\omicron\nu\ \eta\mu\epsilon\rho\upsilon$, ван Эффентер переводит так: «Что касается агел; двадцатый день месяца Гипербэя пусть будет сроком» [ср. прим. 54. - *Ред.*]. Перед нами, несомненно, ценный исторический документ, свидетельствующий, что уже в столь ранний период обе

подлежащим при $\epsilon\rho\alpha\delta\epsilon$, как и в первой надписи, должно быть собрание граждан по филам, очевидно, представляющее собой высшую законодательную власть по отношению к гетериям, которым посвящен декрет, или раздел декрета. Отсюда вполне естественно было бы заключить, что гетерии в Ддеросе VII в. входили в состав фил как дорийских, так и недорийских и были, таким образом, гентильными организациями, подобными фратриям, как и киренские гетерии IV в.

В Гортинском кодексе V в. до н. э. упоминается как фила, так и гетерия. Гетерия принимает непосредственное участие в акте усыновления (ГЗ, X, 38). Фила упомянута несколько раз в разделе, посвященном правовому положению дочери-наследницы.

Так, в том случае, если ближайший родственник наследницы по отцовской линии не хочет на ней жениться, а других родственников ($\acute{\epsilon}\pi\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$) у нее нет, она имеет право выйти замуж за любого из членов ее филы (ГЗ, VII, 51; ср. VIII, 6; 11 слл.; 32). По мнению ряда исследователей это предписание неопровержимо свидетельствует о том, что фила в Гортине V в. еще сохраняла свой первоначальный родовой характер⁵⁶. К этому же выводу можно прийти и другим путем. В одном из разделов того же кодекса (V, 5 сл.) находим интересное выражение: $\delta\kappa\prime\ \acute{\omicron}\ \text{Αίθαλεύς στάρτος ἐκόσμιον οί συν Κύ[λλ]οι$ («когда Килл и его товарищи из старта Эталеев были космами»). Согласно наиболее вероятной гипотезе, термин $\sigma\acute{\tau}\alpha\rho\tau\omicron\varsigma$ (= $\sigma\tau\rho\alpha\tau\omicron\varsigma$) означает в данном случае часть филы Эталеев, включающую в свой состав всех взрослых военнообязанных мужчин, из числа которых в указанном году была избрана коллегия космов во главе с Киллом⁵⁷. Между тем, по свидетельству Аристотеля (Polit., II, 1272a, 34), космов на Крите избирали только «из определенных родов» ($\acute{\epsilon}\kappa\ \tau\iota\nu\acute{\omega}\nu\ \gamma\epsilon\nu\acute{\omega}\nu$)⁵⁸. Очевидно,

взаимосвязанные системы мужских союзов - гетерии и агелы, были поставлены на Крите под контроль государства.

⁵⁶ E. Szanto. *Die griechischen Phylen*, стр. 21; Н. Lipsius. *Zum Recht von Gortyns*. «Abhdl. Sachs. Gesell. Wiss.», XXVII, 1909, стр. 401; С. Busolt. Ук. соч. II, стр. 745; 77. Г. Иоцеуану. Ук. соч., стр. 158 слл.; ср. R. F. Willetts. *Aristocratic Society*, стр. 28; U. Kahrstedt. Ук. соч., стр. 351; E. Kirsten. Ук. соч., стр. 150.

⁵⁷ Н. Lipsius. Ук. соч., стр. 403; G. Busolt. Ук. соч. II, стр. 745; E. Kirsten. Ук. соч., стр. 152; U. Kahrstedt. Ук. соч., стр. 351; 77. Г. Иоцеуану. Ук. соч., стр. 158.

⁵⁸ Некоторые заключают отсюда, что старта как раз и были теми родами, о которых говорит Аристотель (F. Büchele, E. Zitelmann. Ук. соч., стр. 55; DHR, I, 2, стр. 414 сл.; G. Busolt. *Griechische Geschichte*, I, стр. 347, прим. 2; A. Semenov. *Antiquitates iuris publici Cretensium*, стр. 92 сл.; R. F. Willetts. *Aristocratic Society*, стр. 28 сл.). В этом случае, однако, невозможно было бы объяснить, почему в прескриптах критских надписей наряду с предполагаемыми названиями старта

род или роды, к которым принадлежали Килл и его товарищи, входили в состав филы Эталеев, которая, таким образом, представляла собой объединение родов. Вполне возможно, что гетерия, которая, судя по данным кодекса, играла немаловажную роль в общественной жизни Гортины, занимала в этой системе родо-племенного деления промежуточное положение между филой и родом⁵⁹.

Как непосредственно связанные между собой единицы полисной организации филы и гетерии фигурируют в недавно опубликованной надписи конца IV в. из Аксоса⁶⁰. В празднестве, о котором идет речь в надписи, принимают участие четыре городские филы. Сами названия этих фил: Аксиы, Донокеи и Латосии (название четвертой филы не сохранилось), как справедливо замечает издатель надписи Манганаро⁶¹, говорят о их сугубо территориальном характере. Косм, допустивший какую-либо оплошность при совершении обряда, должен разделить мясо быков из устроенной им искупительной гекатомбы между гетериями, которые здесь, по всей вероятности, также входят в состав фил. В период, отделяющий надпись из Аксоса от времени опубликования Гортинских законов, на Крите, очевидно, происходил

(родов): Эталеи, Эханореи, Эхеи и т. д., встречаются также названия трех дорийских фил, например, ἐπὶ τῶν Ὑλλέων κοσμιόντων (см. *G. De Sanctis. The Startus in the Cretan Inscriptions. AJA, 2 ser. V, 3, 1901, стр. 319 сл.; H. Lipsius. Ук. соч., стр. 402 сл.*). Неубедительной нам кажется и гипотеза Де Санктиса - Гвардуччи, по мнению которых στάρτος в надписях означает просто коллегия космов (*G. De Sanctis. Ук. соч., стр. 322 слл.; M. Guarducci. Note di antichità cretesi, стр. 444; IC, I, стр. 191; ср. R. F. Willetts. Ук. соч., стр. 112 сл.*). На невозможность такого решения вопроса указывает глосса Гезихия: στάρτων σὲ τάξεις τοῦ πλήθους.

⁵⁹ Род, как таковой, в ГЗ не упоминается ни разу. Некоторые исследователи склоняются к тому, чтобы отождествить с родом или патронимией четвертую группу наследников из пяти перечисленных в законе о правах наследования (V, 25-28) - ἐπιβάλλοντες τὰς φοιχίας (*R. F. Willetts. Ук. соч., стр. 61; К. М. Колобова. Войкеи на Крите. ВДИ, 1957, № 2, стр. 29; Л. Г. Иоселиани. Ук. соч., стр. 170*). Другие видят членов рода в наследниках пятой группы - οἰτινές κ' ἴοντι ὁ κλάρος (*H. Lipsius. Ук. соч., стр. 375; J. Kohler, E. Ziebarth. Das Stadtrecht von Gortyn, стр. 47; D. Lotze. Μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων, стр. 13 сл.; ср. ego же. Zu den φοιχέες von Gortyn. «Klio», 40, 1962, стр. 37*). Последняя точка зрения кажется нам более убедительной.

⁶⁰ *G. Manganaro. Iscrizione opistographa di Axos (см. выше, стр. 145, прим. 108)*.

⁶¹ *G. Manganaro. Ук. соч., стр. 17*. По мнению Манганаро, ρ ἄξιοι в надписи можно понять, как «жители верхней части города» (критское ἄξος = ἄμρος); Δονωχεῖς - «жители болотистой равнины» (от δῶναξ); Λατσίοι - жители центра города с храмом Латоны. Название четвертой филы, может быть, традиционно дорийское Ὑλλεῖς, хотя по своему характеру оно не может существенно отличаться от трех предыдущих.

постепенный переход от родо-племенной формы полисного устройства к территориальной⁶². Естественно, что при этом филы и гетерии, сохраняя политическое значение в рамках города-государства, должны были утратить свой первоначальный характер гентильных организаций.

Изложенные факты позволяют, как нам кажется, сделать следующий вывод. Дорийцы, заселившие южные районы бассейна Эгейды на рубеже XII-XI вв. принесли с собой строго симметричную, единообразную систему родо-племенного деления, которая была в то же время и системой военных мужских союзов. Эта система включала в свой состав три или, может быть, четыре звена, связанных между собой отношением 3 : 9 : 27 (: 71). Промежуточным звеном в этой формуле, приблизительно соответствующим ионийской фратрии, была гетерия или ее числовые эквиваленты: «тысяча», триакада и т. д.⁶³ Как было показано выше, εταῖροι, εταῖρεῖα в греческом языке первоначально означало дружину воинов-сверстников, принадлежащих к одному родовому объединению (фратрии). У ионийских греков, общественный строй которых изображен в гомеровских поэмах, фратрии довольно рано утратили свое военное значение. У более отсталых дорийцев связь военной организации с родо-племенным делением продолжала, по-видимому, сохраняться еще долгое время спустя после периода переселения. Этим объясняется то обстоятельство, что термин «фратрия» не встречается в надписях дорийских государств

⁶² В разных полисах этот переход мог происходить в разное время. Точная датировка затрудняется тем, что в большинстве городов старые дорийские (и недорийские) названия фил сохранялись еще в эллинистический период. Отсюда не следует, однако, что само понятие филы оставалось на Крите неизменным на протяжении столетий (древние родовые названия афинских демов или римских триб сохранялись еще долгое время после того, как они стали единицами территориального деления государства).

⁶³ Из этих трех терминов древнейшим, безусловно, следует считать термин «гетерия». То, что внутри сферы распространения дорийского диалекта этот термин встречается только на Крите и Фере, можно объяснить тем, что эти острова были захвачены первой волной дорийцев, у которых институт родовых мужских союзов сохранился в наиболее чистом виде (см. *F. Hiller von Gaertringen. Thera. Bd. I. В., 1899, стр. 144; U. von Wilamowitz-Moellendorff. Euripides Herakles. II, В., 1909, стр. 16; ego же. Staat und Gesellschaft der Griechen. В.-Lpz., 1910, стр. 18; САН, II, стр. 528; Ed. Meyer. Geschichte des Altertums. II, I, стр. 572; F. Miltner. Die dorische Wanderung. «Klio», XXVII, 1-2, 1934, стр. 62; N. G. L. Hammond. A History of Greece. Oxford, 1959, стр. 76*). Гвардуччи (*Note di antichità cretesi, стр. 443*), опираясь на Athen. XIII, 572 d, высказывает предположение, что какая-то форма мужских союзов близкая критской гетерии существовала также в Фессалии, откуда дорийцы начали свое движение на юг.

ранее III в. до н. э. Место фратрии здесь занимает ее военно-политическое ядро - гетерия.

Однако в своем первоначальном качестве мужского союза, выраженном во всей его полноте, гетерия продолжала существовать только в городах Крита. Об этом свидетельствует исключительная устойчивость обычая сисситий в этом районе. Как было показано, критские гетерии сохраняли характер гентильных объединений еще в V-IV вв. до н. э. Напротив, в Спарте мужские союзы очень рано оторвались от своей родовой основы. Если в VII в. (во времена Тиртея) спартанская армия еще базировалась на трех дорийских филах, то в первой половине V в. (в период Греко-персидских войн) ее основой были уже, по всей вероятности, территориальные округа Спарты - комы. Между тем, система фидитиев, как уже говорилось, была непосредственно связана с армией и, очевидно, так же, как и она, должна была носить территориальный характер. Перевод организации мужских союзов на территориальную основу должен был способствовать их последовательной централизации и унификации, признаком которой является ограничение числа членов в каждом из фидитиев определенным минимумом (около 15 человек, по Плутарху) ⁶⁴. В Спарте VII-VI вв. формы и типы мужских союзов могли быть довольно разнообразными. Алкман в одном из уцелевших фрагментов говорит о «пирах и фиасах андриев» (fr. 98 PMG: φοίνας δε και ἐν θιάσοισιν ἀνδρείων παρά δαιτυμόνεσσι πρέλει παύανα κатарχήν; ср. стр. 108), из чего можно заключить, что в это время каждый союз еще имел свой особый культ наподобие ⁶⁵ объединений фиасотов и оргеонов в доклизфеновских Афинах ⁶⁵.

⁶⁴ Образцом для всех остальных служили, по-видимому, фидитии должностных лиц. О царском фидитий см. выше, стр. 180 слл. О сисситии эфоров упоминает Плутарх (Cleom., VIII). Фидитий магистратов продолжали существовать в Спарте еще в римское время (IG V, 1, 128; 155; 1507; стр. 79; 154).

⁶⁵ Согласно общепринятой точке зрения, фиасы в ранних Афинах представляли собой религиозные объединения людей незнатного происхождения, для которых культы фиасов заменяли аристократические родовые культы (H. Francotte. La polis grecque, стр. 18 слл.; G. Busolt. Ук. соч., II, стр. 959; G. Glotz. La cite grecque, стр. 18; W. S. Ferguson. The Athenian Phratries, стр. 262 слл.; E. F. Bruck. Totenteil und Seelgerät im griechischen Recht. «Münchener Beitr. zur Papyrusforsch.», 9, 1926, стр. 240 слл.; U. Kahrstedt. Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen, стр. 233; M. Guarducci. L'istituzione della fratria, стр. 14 слл.; ср. M. P. Nilsson. Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece, стр. 155 слл.; A. Andrewes. Philochoros on Phratries, стр. 2 слл.). Тем не менее фиас и род нельзя считать абсолютно взаимно-исключающими понятиями. На это указывает сочетание θιάσος [Ἐ]τιοῦνδου в одной аттической надписи начала V в. до н. э. (SEG, X, 330). С другой стороны, фиасы в цитированном отрывке Алкмана носят совершенно отчетливо выраженный

В отличие от архаических андриев, фидитий классического периода представляет собой стандартизованную ⁶⁶ форму мужского союза, начисто лишенную религиозной окраски ⁶⁶. Мы можем, таким образом, говорить о коренной перестройке системы мужских союзов в Спарте, которая имела место в течение архаического периода. Наиболее вероятным временем этой реформы следует считать середину VI в. ⁶⁷ На Крите в силу своеобразия местных условий (изоляция от внешнего мира, политическая раздробленность, неустойчивость политического режима в отдельных городах) процесс разложения родового строя был гораздо более длительным, чем в Спарте. Родо-племенная организация здесь накладывает весьма заметный отпечаток на структуру самого полиса. Филы (старты) и гетерии, будучи основными структурными элементами критского полиса, сохраняют, однако, в отличие от ⁶⁸ фидитиев, характерные признаки древних гентильных объединений ⁶⁸.

Эволюция сисситий

В предыдущей главе мы показали, что в организации сисситий в Спарте и на Крите имелись принципиальные различия, восходящие характер мужских союзов (ср. G. Thomson. Aischylos und Athen, стр. 157). Среди андриев, о которых говорит Алкман, могли быть как родовые, так и внеродовые объединения типа афинских гетерий. Возможность существования последних в Спарте VII-VI вв. не исключена. Некоторые элементы организации позднейших фидитиев восходят, скорее всего, к союзам этого типа (например, процедура голосования при приеме новых членов).

⁶⁶ Об этом свидетельствует, в частности, глосса Гезихия: ἀφῆδτος - «день у лаконян, когда они совершают жертвоприношения».

⁶⁷ [См. об этом подробнее в работах Ю. В. Андреева, указанных в Предисловии. - *Ред.*]

⁶⁸ На известную архаичность внутренней организации гетерий указывает обычай устройства обедов в доме архонта (в Спарте помещения, предназначенные для сисситий, принадлежали, очевидно, государству, так как все находились в одном и том же месте). Архаичной была также организация критских агел. Тем не менее, тенденция к централизации и унификации системы мужских союзов прослеживается и на Крите. В гортинских надписях V в. до н. э. гетерии фигурируют как объект единого законодательства, с помощью которого государство могло активно вмешиваться в их внутреннюю жизнь. Контроль над отдельными союзами осуществляли специальные должностные лица, как например, судья гетерий (IC, IV, 42 В, 12). Общий культ гетерий (см. выше, прим. 47) свидетельствует об искусственном упорядочении их религиозной жизни. Можно допустить поэтому, что реорганизация мужских союзов происходила также и в городах Крита, хотя здесь она не носила столь радикального характера, как в Спарте.

по крайней мере к V в. до н. э. Возникает вопрос: какая из этих двух форм сисситий - спартанская или критская является более древней? Уиллетс считает древнейшей спартанскую форму, основанную на примитивной складчине. Более сложная система, существовавшая на Крите, нуждалась, по его мнению, для своего исправного функционирования в развитом бюрократическом аппарате, который едва ли мог здесь возникнуть ранее V в.⁶⁹ Иной точки зрения придерживается немецкий историк Фр. Кихле⁷⁰. Он указывает, что организация критских сисситий предполагает наличие больших земельных массивов, принадлежащих непосредственно государству, которое использовало доходы, поступающие с этой земли для субсидирования гетерий. Трудно себе представить возникновение этого *ager publicus* на Крите в VI или V вв. за счет экспроприации земли у частных лиц. Гораздо естественнее было бы отнести его появление ко времени первоначального землеустройства в период завоевания острова дорийцами⁷¹.

Государственные земли обрабатывались, по всей вероятности, государственными рабами, которых на Крите называли «мноитами» в отличие от афамиотов, принадлежавших частным лицам (Athen., VI, 263 f - 264 a)¹². Первое упоминание о мноитах мы находим в древнейшем памятнике критской поэзии, известном под названием «Сколий Гибрия» (Athen., XV, 695 f). Автор сколия, критский аристократ, о котором иначе ничего не известно, хвастливо восклицает: «Мое богатство - большое копье и меч, а также прекрасный щит, защита тела. Ими я пашу, ими жну, ... из-за них рабы называют меня господином» (τούτω δέσποτας μνοίας κέκλημαι). Термин *μνοία* в цитированном отрывке едва ли имеет то же значение *terminus technicus* «рабы,

69 R. F. Willetts. *Aristocratic Society*, стр. 139 сл., 193. Особые фискальные магистраты (*τίται*) упоминаются уже в древнейших гортинских надписях (VII—VI вв. до н. э., см. IC, IV, 14; 15). Можно предположить, что те же самые должностные лица в этот период следили за исправным поступлением взносов от участников сисситий (ср. *χαρτοδοῦσται* в Гортине V в. - IC, IV, 77) и собирали подати зависимого населения на государственных землях.

70 F. Kiechle. *Lakonien und Sparta*, стр. 205 сл. Ср. E. Kirsten. *Die Insel Kreta*, стр. 140 слл.

71 Процесс доризации Крита был сложным и постепенным. Долгое время дорийцы лишь сосуществовали с другими племенами и народностями, населявшими остров (см. Od., XIX, 173 сл.). Во многих городах местное население частично смешалось с завоевателями, вследствие чего здесь образовались дополнительные филы с недорийскими названиями (см. выше, прим. 53).

72 Лотце (D. Lotze. *Μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων*, стр. 6) выражает сомнение в достоверности этого свидетельства, однако, как нам кажется, без достаточных к тому оснований.

принадлежащие государству», что и у позднейших авторов Сосикрата и Досиада, на которых ссылается Афиней. Скорее всего Гибрий имеет в виду либо своих собственных рабов типа кларотов или гортинских войкеев⁷³, либо рабов в самом широком значении этого слова независимо от их конкретного юридического статуса⁷⁴. В любом случае кажется весьма вероятным, что некогда «мноитами» называлось все порабощенное местное население Крита в отличие от поработителей-дорийцев⁷⁵. Следует полагать, что первоначально правовое положение этого населения было относительно однородным и в целом не отличалось от положения позднейших мноитов - рабов общины.

В реальных исторических условиях периода завоевания общинное или государственное рабство могло означать только зависимость одной общины от другой, выражающуюся в выплате натуральной дани. Дорийцы в то время, когда они появились на Крите и в южной части Пелопоннеса, были еще очень примитивным народом⁷⁶. У них не было ни классов, ни государства. Создание системы клеров с прикрепленными к ним рабами сразу же после завоевания было бы для них слишком резким скачком в новое качество. Соприкосновение же с культурой и экономикой местного населения едва ли могло дать достаточный импульс для быстрого преодоления этой отсталости⁷⁷.

73 D. Lotze. Ук. соч., стр. 5. Баура датирует сколий концом VI в. до н. э. (С. M. Bowra. *Greek Lyric Poetry*. Oxford, 1961², стр. 403). [См. также издание текста и комментарий: R. F. Willetts. *Cretan Cults and Festivals*. London, 1962, стр. 317-323. - *Ред. J.*

74 E. Kirsten. Ук. соч., стр. 118; ср. R. F. Willetts. *Aristocratic Society*, стр. 48.

75 Ср. Athen., VI, 267c: *μνοίας τοῦς εγγυεῖς οἰκέτας*. Может быть, правы те, кто связывает *μνοία* с именем *Μίνως* и топонимом *Μίνωα* (так G. F. Schoemann. *Griechische Altertümer*, I, стр. 301; ср. K. Hoeck. *Kreta*, III, стр. 30; R. F. Willetts. Ук. соч., стр. 47 сл.).

76 Дорийцы вовсе не были носителями тех культурных и технических новшеств, которые им иногда приписывают (железо, геометрическая керамика и т. д.). См. Ch. G. Starr. *The Origins of Greek Civilization*. 1100 - 650 B. C, N.Y., 1961, стр. 70 сл.

77 По мнению ряда авторов, для порабощенного крестьянства Лаконии и Крита приход дорийцев означал лишь смену хозяина. Даже если дорийцы и не заняли непосредственно места ахейских владык, они могли, по крайней мере, использовать их опыт поработителей (R. F. Willetts. Ук. соч., стр. 250 слл.; *его же*. *Cretan Cults and Festivals*, стр. 40; E. Kirsten, W. Kraiker. *Griechenlandkunde*. Heidelberg, 1957, стр. 192; K. M. Колобова. К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема «переходного» периода в Эгеиде. УЗ ЛГУ, 1956, № 192, стр. 32, 50; С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М. - Л., 1957, стр. 270 сл.). Археология, однако, показывает, что между падением ахейских государств и возникновением первых постоянных поселений, которые можно было бы приписать дорийцам,

Поэтому можно предположить, что в процессе завоевания значительная часть земли, захваченной дорийцами, оставалась неподеленной на клеры, а сидевшее на этой земле местное население считалось коллективной собственностью общины завоевателей и должно было платить ей дань. Не исключено, что при этом многие из покоренных племен сохранили в какой-то форме свое первоначальное общинное устройство⁷⁸. При распределении между собой дани подвластных общин дорийцы, вероятно, должны были придерживаться того же принципа родо-племенного деления, что и при разделе захваченной земли. Таким образом, подати, которые платили мноиты своим порабощателям, поступали в распоряжение военно-родовых объединений дорийцев, т. е. фил и гетерий. Средства, которые получали гетерии таким путем, использовались в первую очередь для устройства сисситий⁷⁹.

Насколько позволяют судить свидетельства Аристотеля и Досиада (см. выше, стр. 141 сл.), средства, поступавшие в сисситии в критских городах IV—III вв. до н. э., складывались из трех основных компонентов: отчисления из государственных доходов, взносы граждан в размере 10% от годового дохода каждого и, наконец, взносы (φόροι) переииков гесп. рабов по одному эгинскому статеру (в год?) с каждого. Таким образом, помимо ренты, которую они выплачивали своим хозяевам⁸⁰, рабы на Крите несли еще особые повинности в пользу всего господствующего сословия в целом⁸¹. Повинности этого рода можно объяснить как пережиток той эпохи, когда принципиальной разницы между государственными и частными рабами еще не существовало и

существует большой хронологический разрыв, что, как нам кажется, совершенно исключает возможность влияния крито-микенской экономики на дорийцев (см. *Дж. Пендлбери*. Археология Крита. М., 1950, стр. 328 сл.; *Ch. G. Starr*. Ук. соч., стр. 80 сл.; *V. R. Desborough*. The Last Mycenaean and their Successors. Oxford, 1964, стр. 224 сл.).

78 По словам Аристотеля (Polit., II, 1271b 30 сл.), переики Литта придерживались законов, установленных некогда Миносом. Переики здесь, скорее всего, - рабы, а не переики в спартанском значении этого слова (ср. *ibid.* 1272a 1; 18; 1272b 18). Иначе понимают это место / *A. O. Larsen*. Περίοιοι. RE, Hbd. 37, 1937, стб. 828; *R. F. Willetts*. Ук. соч., стр. 38; *F. Kiechle*. Ук. соч., стр. 79.

79 Каждая гетерия, возможно, имела свой особый район или участок для сбора дани.

80 Как Аристотель, так и Досиад, по всей вероятности, имеют в виду частных рабов - кларотов или войкеев, так как подати, которые платили мноиты, должны быть отнесены к категории государственных доходов.

81 Подобными же повинностями были обложены подвластные (переиикские) общины ряда критских полисов. Примером может служить договор Кавдоса с Гортиной (IC, IV, 184).

все они составляли единую нерасчлененную массу порабощенных - мноитов. По мере того как шел процесс накопления частной собственности и социального расслоения внутри самой дорийской общины, значительная часть принадлежавшей ей земли вместе с сидевшими на ней крестьянами могла перейти в руки родовой знати как путем прямого захвата, так и с помощью закабаления. Предел экспроприации общины был положен только с возникновением в VII-VI вв. до н. э. примитивных полисов. В рамках полиса система общинного землевладения была восстановлена, хотя и с известными отклонениями от своего прототипа. Земля была поделена на неотчуждаемые клеры, переданные в пользование семьям граждан. Значительные площади пахотной земли были, однако, изъяты из этого раздела⁸². Их по-прежнему обрабатывали общинные рабы-мноиты (все прочие были поделены между членами господствующего сословия вместе с землей)⁸³. На этой основе и возникла та форма сисситий, которая известна нам по источникам IV—III вв. до н. э.⁸⁴

Как полагает Кихле, нераздельная собственность общины на землю играла весьма значительную роль также и в экономике ранней Спарты. Уже в период завоевания Лаконии многие земли остались неподеленными на клеры и служили в дальнейшем базой материального обеспечения для спартанских сисситий (андриев)⁸⁵. Кихле не останавливается специально на вопросе о юридическом статусе населения этих земель. Можно, однако, предположить, что первоначально он лишь немногим отличался от статуса позднейших переиикских полисов в составе Лакедемонской федерации⁸⁶. Мессения после ее завоевания

82 Можно предположить, что это были царские темены, которые с отменой царской власти на Крите перешли в собственность государства.

83 См. Ephor. FGHist 70 F 29 у Athen., VI, 263 f: κλαρώτας, φησί, Κρήτες καλοῦσι τοὺς δοῦλους ἀπὸ τοῦ γενομένου περὶ αὐτῶν κλήρου κτλ.

84 Присущая критским сисситиям архаичность не исключает возможности их перестройки и упорядочения в целях приспособления этого древнего обычая к новым историческим условиям (ср. *E. Kirsten*. Die Insel Kreta, стр. 136 сл.; *F. Kiechle*. Ук. соч., стр. 206). Как и в Спарте, на это указывает строгая регламентированность и единообразные формы обедов, не свойственные первобытным мужским союзам. Основной смысл реформы сисситий на Крите заключался, по-видимому, в том, что право собирать необходимые средства для устройства обедов было отобрано у родовой знати, предводительствовавшей в гетериях, и передано выборным должностным лицам, т. е. практически всем гражданам.

85 *F. Kiechle*. Ук. соч., стр. 215.

86 Как указывает Эфор, наш основной источник (F 117 у Strab., VIII, 5, 4, С. 364-365), жители Лаконии (переики) первоначально пользовались теми же правами,

спартанцами во второй половине VIII в. еще около ста лет (вплоть до II-й Мессенской войны) оставалась, по мнению Кихле, на положении «вассального государства», население которого платило Спарте дань в размере половины всего урожая⁸⁷. Доходы, поступающие с территории Мессении, считались коллективной собственностью всей общины спартиатов и использовались опять-таки для устройства сисситий. Роль посредника в сношениях спартиатов с покоренным населением Лаконии и Мессении, очевидно, играла родовая знать⁸⁸, что создавало благоприятную почву для разного рода злоупотреблений (присвоения дани, прямой захват общинной земли и т. д.).

В период, непосредственно предшествующий II-й Мессенской войне (первая половина VII в. до н. э.), спартанский демос уже не представлял собой какой-то однородной массы воинов-земледельцев, как это было, вероятно, во времена вторжения в Лаконию. Процесс

что и сами спартанцы. Однако Агис, сын Еврисфена, обязал их платить дань. Этому приказу подчинилось все население Лаконии, за исключением жителей Гелоса, против которых спартанцы начали войну и обратили их в рабов (илотов). Судьба Гелоса является, по-видимому, типичной как пример превращения свободной периекской общины в группу илотских поселков. Сам процесс порабощения мог быть, однако, более медленным и постепенным, чем предполагает Эфор. По свидетельству Павсания (III, 2, 7) Гелос был разрушен только при Алкамене незадолго до начала I-й Мессенской войны. По мере усиления Спарты соседние с нею города Лаконии включались в состав Лакедемонской федерации на правах подданных (периеков). Некоторые общины, оказавшие особенно упорное сопротивление, политически уничтожались, а их жители расселялись по деревням (излюбленный прием спартанцев в обращении с побежденными и в более позднее время, см. Xen. Hell., V, 2, 7; Fr. Schachermeyr. Griechische Geschichte, стр. 126). Не обязательно думать, что земля, захваченная таким путем, немедленно делилась на клеры вместе с занимающими ее илотами. Некоторое время она, как полагает Кихле, могла оставаться в коллективной собственности всей общины спартиатов. Краймс, как нам кажется, довольно удачно сравнивает положение илотов с положением так называемых «сдавшихся» (dediticii) в составе Итальянской федерации под главенством Рима (К. М. Т. Chrimes. Ancient Sparta, стр. 301; ср. J. G. Frazer. Pausanias' Description of Greece, III, стр. 329). В целом по проблеме происхождения илотии см. P. Oliva. On the Problem of the Helots. «Historica», III, Praha, 1961.

⁸⁷ Именно так Кихле (Ук. соч., стр. 215) понимает 5-й фрагмент Тиртея (Diehr = Gentili - Prato), в котором говорится о мессенянах, несущих дань своим господам, подобно «ослам, обремененным тяжелой поклажей». Ср. К. М. Т. Chrimes. Ук. соч., стр. 289 слл. По мнению Краймса (Там же, стр. 300 слл.), население западной Мессении не было илотизировано в полном смысле этого слова и после II-й Мессенской войны и продолжало сохранять свою личную свободу (ср. стр. 286 сл.).

⁸⁸ Подобно тому, как на Крите в распределении дани принимали участие прежде всего гетерии, в ранней Спарте те же функции могли выполнять соответствующие им единицы родо-племенного деления, т. е. «триакады» и «тысячи».

имущественного расслоения общины зашел уже довольно далеко⁸⁹. Судить об этом позволяют дошедшие до нас образчики ранней спартанской поэзии. Таков известный 49-й фрагмент Алкмана (Diehl³ = 17 PMG): «Я подарю тебе котел на трех ножках, в который ты будешь собирать пищу. Он еще ни разу не стоял на огне. Скоро он наполнится гороховой похлебкой, до которой, если она горячая, такой охотник всеядный Алкман (ὁ παμφάγος Ἀλκμάν) после солнцеворота (т. е. зимой). Ведь он не ест изысканных кушаний. Ему подавай что-нибудь попроще (τά κοινά), то, что ест народ»⁹⁰. Здесь ничто еще не говорит о позднейшей спартанской уравнительности с ее знаменитой черной похлебкой. Образ жизни, питание простого народа резко отличается от образа жизни знати⁹¹. Фиасы андриев, о которых Алкман говорит в другом, цитированном выше отрывке, по-видимому, представляли собой замкнутые, корпоративные сборища спартанской знати наподобие обедов женихов у Гомера или попоек молодых аристократов в изображении Алкея и Феогнида⁹².

Вызывающая роскошь, отличавшая повседневную жизнь аристократии в Спарте этого времени, не могла не породить самого резкого протеста среди массы родовых граждан. Свое выражение этот протест находит в призывах к умеренности и самоограничению, что в конце концов должно было привести к мысли о перестройке всего образа жизни спартиатов на основе демократической уравнительности. Одним из основных лозунгов, выдвигавшихся демосом, было, по всей вероятности, запрещение аристократических трапез частного характера и установление единой общеобязательной формы коллективного обеда с умеренным рационом, доступным одинаково для всех его участников⁹³. Вопрос о сисситиях наряду с вопросом о земле был, по мнению Кихле, главным поводом раздора между народом и

⁸⁹ Ср. V. Ehrenberg. Der Demos im archaischen Sparta. «Hermes», 68, 1933, стр. 290; F. Kiechle. Ук. соч., стр. 186.

⁹⁰ [Перевод условный, текст испорчен по меньшей мере в 1-й и 5-й стк. - *Ред. J.*]

⁹¹ Поэзии Алкмана весьма близки по духу сюжеты лаконской вазовой живописи VII—VI вв. Пиршественные сцены, иногда с участием обнаженных гетер, — один из излюбленных мотивов художников этого времени (E. A. Lane. Laconian Vase-Painting. BSA, XXXIV, 1933-1934, стр. 158).

⁹² См. о них F. Sartori. Le eterie nella vita politica ateniese del VI e V secolo A. C. Roma, 1957, стр. 18 слл.

⁹³ Сисситии родовых объединений типа «тысяч» и «триакад» в это время, вероятно, уже не устраивались регулярно, возобновляясь только во время празднеств, в которых принимал участие весь народ Спарты (например, во время Карней).

знатью во время II-й Мессенской войны⁹⁴. Окончательное завоевание Мессении дало возможность правящей верхушке Спарты наиболее безболезненным для себя способом решить все эти противоречия. Мессенская земля, захваченная спартанцами, вместе с ее поработанным населением была поделена на приблизительно равные по доходности клеры. Эти клеры, распределенные между обезземеленными спартиатами, запрещено было продавать и делить при передаче по наследству⁹⁵. Одновременно была проведена радикальная реформа системы сисситий. Все граждане Спарты независимо от их происхождения и имущественного положения были объединены в небольшие товарищества сотрапезников (фидитии), спаянные суровой военной дисциплиной и подчиненные безраздельному контролю и авторитету центральной власти⁹⁶. Необходимые средства новым сисситиям давали индивидуальные точно нормированные взносы их участников. В противовес расточительности аристократических пиршеств потребление продуктов в фидитиях было строго ограничено законом и обеспечивало каждому из участников обедов лишь весьма скромный прожиточный минимум⁹⁷. По мысли создателей системы это должно было способствовать утверждению принципа равенства среди граждан Спарты.

Переход от централизованного снабжения сисситий из единого общегосударственного или общеплеменного фонда к складчине

⁹⁴ *F. Kiechle*. Ук. соч., стр. 216. О смутах, которые происходили в Спарте в этот период, глухо упоминает Аристотель (*Polit.*, V, 1306b 37 сл.), ссылаясь на «Евномию» Тиртея. Возможно, эти же события имеют в виду и авторы, рассказывающие о волнениях, предшествовавших законодательству Ликурга (*Hdt.*, I, 65; *Thuc.*, I, 18; *Plut. Lyc.*, II).

⁹⁵ Кихле высказывает предположение, что каждый спартиат имел два надела: один в Лаконии (это были так называемые *ἀρχαία μοῖρα* - «древние наделы», не подлежащие отчуждению и неравные по своим размерам), и второй в Мессении. Мессенские клеры были равны по величине и их разрешалось продавать (см. Ук. соч., стр. 217 сл.; ср. *L. Pareti*. *Storia di Sparta arcaica*, стр. 197 сл.). Это, однако, едва ли возможно. Как было уже замечено (см. выше, прим. 26), 9000 «ликургов» наделов, к которым, скорее всего, и относится термин *ἀρχαία μοῖρα* занимали территорию Лаконии и Мессении, вместе взятых. После завоевания Мессении число полноправных граждан в Спарте должно было резко увеличиться за счет раздачи захваченной земли (*H. T. Wade-Gery*, *САН*, III, 1925, стр. 560; ср. *F. Kiechle*. Ук. соч., стр. 191).

⁹⁶ Такой властью были, по всей вероятности, эфоры (см. ниже, стр. 224 сл.).

⁹⁷ Нормированы были и почести должностным лицам и таким образом гомеровский принцип *ὑβρός*, на практике весьма растяжимый, нашел теперь свое четкое числовое выражение (*Hdt.*, VI, 57; *Plut. Lyc.*, XXVI).

свидетельствует, как думает Кихле⁹⁸, о глубоко укоренившемся недоверии спартанского демоса к посредничеству знати и государства в его сношениях с побежденными⁹⁹. Не отрицая правильности этой мысли, заметим, однако, что в той обстановке, которая сложилась в Спарте после II-й Мессенской войны, установление постоянного контроля над всей массой поработанного населения с помощью одного только государственного аппарата, к тому же довольно примитивного, едва ли было возможно. Эксплуатация илотов, численность которых намного превосходила численность самих спартиатов, требовала участия всех вообще свободных, а не только специально назначенных для этого должностных лиц.

Таким образом, распределение между гражданами захваченной земли вместе с прикрепленными к ней рабами в условиях Спарты было наиболее рациональным способом организации рабовладельческого хозяйства. Индивидуальные взносы сотрапезников в фидитиях были лишь естественным дополнением этой формы землепользования.

Иное положение вещей сложилось на Крите. При незначительности территории даже самых крупных полисов острова и сравнительно небольшой численности поработанного населения в каждом из них установление контроля над жизнью и трудом рабов было относительно простой задачей и не требовало такого напряжения всех сил гражданской общины, какое мы наблюдаем в Спарте.

В этих условиях выделение части зависимого населения в особую категорию государственных рабов-мноитов при сохранении части общинной земли в качестве неделимого государственного домена было, несомненно, выгодно для всего господствующего сословия, так как таким способом была обеспечена надежная материальная база для его совместных обедов - сисситий.

⁹⁸ *F. Kiechle*. Ук. соч., стр. 220. Принцип складчины не был, конечно, новшеством в спартанских сисситиях. Обеды этого типа были обычным явлением уже в гомеровский период (см. выше, Гл. II). Нововведением было установление твердой нормы взносов для каждого из участников. Раньше в такой норме не было необходимости, поскольку недостающие средства обеспечивались за счет общины, как это делалось на Крите в более позднее время.

⁹⁹ В то время, как для гомеровского эпоса типична сцена совместного обеда царя и геронтов, в Спарте магистраты были рассредоточены по нескольким сисситиям. Это должно было предотвратить попытки должностных лиц использовать общественные запасы продуктов, как свое личное имущество.

Мужские союзы и спартанский государственный аппарат

Сисситии и агелы - не единственный пример того приспособления древних племенных институтов к нуждам рабовладельческого государства, которое мы можем наблюдать, изучая спартанское общество. В эпоху первобытнообщинного строя уходят своими корнями также основные государственные учреждения Спарты. Настоящую историческую окаменелость представляет собой спартанская герусия. Подобно ареопагу в Афинах и сенату в Риме, она сохраняет некоторые черты древнего племенного совета старейшин (пожизненное членство, сочетание чисто политических функций с судебными и т. п.). Однако в организации герусии эти архаические черты выражены еще более рельефно, чем в организации ареопага или сената. В то время, как оба последних органа пополнялись автоматически из числа магистратов, сложивших с себя свои полномочия, вне зависимости от их возраста, выборы в герусию производились по строго возрастному принципу: геронтом не мог стать человек моложе 60 лет (Plut. Лус., XXVI). Герусия, таким образом, несет на себе отчетливо выраженный признак возрастного класса «старцев», тогда как ареопаг этот признак уже утратил, а сенат продолжает сохранять его лишь номинально. Своеобразие герусии как реликтовой формы возрастного класса, становится совершенно очевидным, если вспомнить, что наряду с нею в состав государственного аппарата Спарты входил так называемый «корпус всадников», в котором можно видеть модификацию другого возрастного класса - класса «юношей».

В организации обеих групп наблюдается известный параллелизм. Геронтов было 30 (Plut. Лус., V, VI), «всадников» - 300 (Hdt., VIII, 124; Xen. Resp. Лас., IV, 3; Dionys. Hal., II, 13). Выборы и тех и других происходили в форме своеобразного состязания (выражению *έρις περί αρετής* у Xen. Resp. Лас., IV, 2 соответствует *άγων* у Plut. Лус., XXVI) 100. Фукидид в рассказе о сражении при Мантинее (V, 72,4) называет «всадниками» ближайшее окружение царя Агиса (*ήτερ ο βασιλεύς "Αγίς ήν και περί αυτών οί τριακόσιοι ίππής καλούμενοι*). Вероятно, их же имеет в виду и Геродот (VI, 56), когда говорит, что в бою царя должны были охранять *άνδρες λογάδες*, хотя, по его словам, их было 100, а не 300 (ср. Dionys. Hal., II, 13). Фемистокла во время его визита в Спарту сопровождал до границы эскорт опять-таки из 300 *λογάδες*, именуемых «всадниками» (Hdt., VIII, 124: *ούτοι οί περ ίππές*

¹⁰⁰ H. Jeanmaire. *Couroi*, стр. 547 сл.

καλέονται). Эти факты обычно служат основанием для того, чтобы видеть во «всадниках» нечто вроде лейбгвардии спартанских царей, своеобразный реликт царской дружины «феодального» периода¹⁰¹. Можно, однако, предположить, что в обычное время корпус находился в распоряжении не столько царей, сколько герусии, членами которой были цари. На Крите, где царская власть исчезла очень рано, оба института (и геронты, и «всадники») продолжали существовать в V-IV вв., очевидно, в тесной связи друг с другом. Эфор (FGH Hist 70 F 149), подчеркивая эту взаимосвязь обоих учреждений в Спарте и на Крите (Strab., X, 4, 18, С. 481/2), называет их одинаково *αρχή* (*και την των γερόντων αρχήν και την των ίπλέων*). Как самостоятельный, отличный от других элемент спартанской конституции, «всадники» охарактеризованы в отрывке из сочинения пифагорейца Архита Тарентского «О законе и справедливости», цитируемом Стобеем (IV, 138 Hense): *ώσπερ και έν τά Λακεδαίμονν τοί μέν γάρ βασιλέες τάς μοναρχίας, τοί δέ γέροντες τάς αριστοκρατίας, τοί δέ εφοροι τάς олиγαρχίας, ίππλαγρέται δέ και κόροι τάς даμοκρατίας*¹⁰². *Αρχή* «всадников» заключалось, по-видимому, в полицейском надзоре на территории Спарты и шпионаже за ее пределами¹⁰³. Своеобразное ответвление «всаднического» корпуса в Спарте представляла коллегия агатуров из пяти человек, на которых возлагались наиболее ответственные поручения как внутри государства, так и за границей (Hdt., I, 67).

¹⁰¹ U. Kahrstedt. *Griechisches Staatsrecht*. I, стр. 302; G. Busolt. *Griechische Staatskunde*. II, стр. 706; H. Jeanmaire. Ук. соч., стр. 543. Присутствие «всадников» при особе царя во время сражения, по-видимому, не было чем-то сугубо обязательным. Рассказ Геродота (VII, 205) о битве при Фермопилах вполне убеждает нас в этом. См. также Xen. Hell., IV, 3, 5; 6; Plut. Ages., XVIII.

¹⁰² По мнению Жанмэра (Ук. соч., стр. 544), эти последние слова следует понимать в том смысле, что корпус «всадников» служил в Спарте как бы постоянным органом народного волеизъявления наряду с периодически созываемой апеллой (ср. *μικρ εικλήσια* у Xen. Hell., III, 3, 8). Довольно вероятно, однако, что Архит имеет в виду лишь то, что «всадники» избирались из числа молодежи, еще не имеющей всей полноты гражданских прав, и поэтому были настроены более «демократично», чем граждане старшие по возрасту. [Аутентичность этого сочинения подвергается сомнению, см. DK I, S. 439, 26, № 9; W. K. C. Guthrie. *A History of Greek Philosophy*. Vol. I. Cambridge, 1962, стр. 335, прим. 3. - *Ред.*]

¹⁰³ Интересную параллель находим в гортинском декрете первой половины III в. об изъятии из обращения серебряной монеты (IC, IV, 162). Контроль за исполнением закона поручается особому органу, названному в надписи *νεβτας*, из состава которого назначается семь человек для слежки на агоре. Не вызывает больших сомнений, что и гортинская *νεβτας* и «всадники», о которых упоминает Эфор, вполне идентичные друг другу институты (ср. R. F. Willetts. *Aristocratic Society*, стр. 187).

Все это не позволяет рассматривать «всадников» как простой придаток «феодальной» монархии.

По словам Ксенофонта (Resp. Lac., IV, 3), «всадники» отбирались из мужчин (άνδρες или ἡβώντες) определенного возраста - старше «отроков» (μεράριοι), о которых шла речь перед этим (III), но младше людей, имеющих право занимать высшие должности в государстве (οἱ τὴν ἡβητικὴν ἡλικίαν πετεράξεις), которым посвящен конец V-й главы. Их основное времяпрепровождение - кулачные бои (IV, 6) тогда как следующий за ними класс занимается главным образом охотой (IV,7). К особому возрастному классу относит «всадников» и Геродот (I, 67). Вероятно, вся категория ἡβώντες у Ксенофонта включает тех спартиатов, которые, по Плутарху (Лус., XV, XXV), уже могли вступать в брак и посещать фидитии, но еще не имели всей полноты гражданских прав, будучи моложе 30 лет¹⁰⁵.

В той же главе Ксенофонт сообщает, что контроль за поведением ἡβώντες осуществляло особое должностное лицо, которое он называет «педономом» (IV, 6): педоном обязан препроводить на суд эфоров тех, кто откажется прекратить драку. Эта же должность дважды упоминается во II-й главе (II, 10), но здесь явно имеется в виду наставник мальчиков. Термину παιδονόμος в тексте IV-й главы «Лакедемонской политики» равнозначен, по-видимому, термин παιδαγῶγης, который мы находим у Гезихия с пояснением: ἀρχὴ τις ἐπὶ ἰπλέων. Сам Ксенофонт, говоря о заговоре Кинадона (Hell., III, 4, 9), называет «всадников» νεοί. Несколько иную комбинацию - ἰπλαγῆτας καὶ χόρους - находим у Архита (ibid.); см. также Hesych. s. v. ἰπλαρχος; Eustath. ad II., VIII, p. 727, 23; Dionys. Hal., II, 13). Все это дает основания предполагать, что παίδες либо χόροι было официальным наименованием корпуса «всадников» в Спарте¹⁰⁶. Оба термина используются обычно для обозначения эфэбов и вообще неженатой молодежи¹⁰⁷. Но как

¹⁰⁴ О них, может быть, говорит Павсаний (III, 14, 6), называя их ἀφαιρείς (К. М. Т. Chrimes. Ancient Sparta, стр. 132).

¹⁰⁵ Как было сказано выше, возраст ἡβη в Спарте (20 лет) считался началом военной службы, как и в Афинах. Напротив, в ГЗ ἡβών - мальчик, только достигший половой зрелости.

¹⁰⁶ С термином χόροι мы сталкиваемся в одной архаической спартанской надписи (IG, V, 1,457).

¹⁰⁷ К. М. Т. Chrimes. Ук. соч., стр. 93. Термины νεοί, νεανίσκοι в литературе и в надписях довольно часто обозначают мужчин старше возраста эфэбов (R. F. Willets. Ук. соч., стр. 189; S. Luria. Burgfrieden in Sillyon, стр. 12). Однако спартанское παίδες (χόροι) в таком значении совершенно уникально.

объяснить их употребление в данном случае, если, по словам Ксенофонта, «всадниками» могли стать лишь взрослые, совершеннолетние мужчины? Наиболее вероятным нам кажется следующее решение вопроса.

Название παίδες или χόροι означает, что первоначально корпус, действительно, состоял из холостой молодежи, еще не достигшей гражданского совершеннолетия. У племен с неокрепшей еще частной собственностью, при господстве принципа неделимости семейного имущества до смерти главы семейства, ранние браки встречаются довольно редко. В этих условиях возрастная класс «юношей» обычно представляет собой весьма широкое объединение неженатой молодежи, включающее уже зрелых мужчин лет до 30, а то и более¹⁰⁸. Принцип неделимости семейного имущества при жизни отца был господствующим и в Греции гомеровского периода, причем Спарта и Крит, видимо, не составляли исключения из общего правила. Следы этого порядка вещей продолжали сохраняться и в более позднее время. На Крите еще в V в. до н. э. глава семейства при жизни волен был распоряжаться всем своим имуществом, не считаясь с желаниями сыновей (ГЗ, IV, 24 слл.). Так же можно объяснить и частичную имущественную неспособность спартиатов до 30 лет.

Возрастная класс «юношей», как было отмечено во вступлении, занимает особое место в первобытной родо-племенной организации. У многих народов объединения молодежи превращаются в отряды для особых поручений на службе у общины. Такими поручениями могут быть надзор за порядком на территории племени, разведывательные и просто грабительские рейды в земли соседей, разного рода общественные работы и т. д. Из этих простейших функций и развилась, по-видимому, широкая сфера ἀρχή спартанских «всадников»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Типичным примером может служить племя масаи в Восточной Африке (см. выше, стр. 51).

¹⁰⁹ Среди институтов родственных «всадникам» в самой Спарте в первую очередь следует назвать криптию. Платон (Leg., 763 В) называет «криптами» молодых людей от 25 до 30 лет, которых агрономы и фрурархи каждой филы отбирают каждый год в количестве 60 человек (ibid. 760 В-Е). В их обязанности входит надзор за укреплением страны, забота о строительстве дорог, об орошении и, наконец, судопроизводство на местах (760 Е - 762 В). Сам метод отбора криптов довольно близко напоминает выборы «всадников» у Ксенофонта. Природа спартанской криптии блестяще вскрыта Жанмэром (H. Jeanmaire. La cryptie Lacédémonienne. REG, XXVI, 1913; Соnгоί, стр. 550 слл.). Охота за илотами вовсе не была ее первоначальной целью. В основе криптии, как показывает Жанмэр, лежит обрядовая изоляция молодежи в период инициации. Скрываясь от взглядов непосвященных в заповедном лесу, специально отведенном для таких случаев, юноши или подростки

«Всаднический» корпус, так же, как и герусия, - древние общедорийские институты, существование которых засвидетельствовано как в Спарте, так и на Крите. Первоначально «всадниками» называли, по всей вероятности, военнообязанную молодежь определенного возраста, из числа которой набиралась конница племенного ополчения. С другой стороны, «геронтами» считались практически все мужчины старше призывного возраста, главы отдельных патриархальных семей и родов. В дальнейшем, по мере того, как оба эти учреждения из органов общинного самоуправления стали превращаться в органы государственной власти, их численный состав был резко ограничен. Так, в «ликурговой ретре» зафиксировано ограничение числа геронтов тридцатью, включая двух царей (Plut. Lyc., VI: τριάκοντα γερουσίαν οὖν ἀρχαῦταις καταστήσαντα) 110. Не исключено, что одновременно, хотя наша традиция и умалчивает об этом, был окончательно оформлен и корпус «всадников» из 300 человек 111. Оба учреждения - и геронты, и «всадники» - превращаются, таким образом, в замкнутые корпорации, доступ в которые был открыт лишь немногим представителям наиболее влиятельных аристократических семей.

Можно допустить, что наряду с официально утвержденным общегосударственным союзом молодежи - корпусом «всадников» в Спарте VIII—VII вв. существовали и небольшие частные объединения сверстников типа гетерий в ионийских полисах. Однако позднее в V-IV вв. мы о них ничего не слышим.

Очевидно, на каком-то этапе своего развития спартанская система возрастных классов претерпела коренную реформу, в результате которой, во-первых, была снижена возрастная граница, отделяющая класс юношей от класса взрослых мужчин (может быть, с 30 до 20 (нередко в масках) нападают на всякого, кто осмелится приблизиться к их убежищу, или же сами совершают набеги на близлежащие деревни. В Спарте этот древний религиозный обычай был приспособлен к нуждам рабовладельческого государства и превратился в орудие систематической слежки и террора против илотов (Aristot. fr. 611, 10 Rose³ = Heraclid. Lemb., fr. III, FHG, II, p. 210; Plut. Lyc., XXVIII, ср. Plato, Leg., 633 B и Schol. ad loc.). Многочисленные примеры подобной же эволюции обычая инициации дает современная этнография (см. выше, стр. 56 сл.).

¹¹⁰ V. Ehrenberg. Neugründer des Staates, стр. 26; N. G. L. Hammond. The Lycurgian Reform at Sparta, стр. 43; W. Den Boer. Laconian Studies, стр. 164; ср. K. M. T. Chrimmes. Ук. соч., стр. 418 слл.

¹¹¹ Вероятно, первоначально каждая из трех дорийских фил должна была выставить одну сотню «всадников». Деление корпуса на три сотни сохранялось и в классической Спарте (Xen. Resp. Lac., IV, 2).

лет), и, во-вторых, были ликвидированы самостоятельные юношеские объединения, слитые отныне с мужскими союзами в собственном значении этого слова. Таким образом, возникло то смешение возрастов в спартанских фидитиях, на которое обращает внимание Ксенофонт. Основной целью этой реформы было, несомненно, укрепление режима геронтократии, столь характерного для Спарты V-IV вв. Молодежь до 20 лет, загнанная в агелы, подвергалась там жестокой муштре. Юноши, прошедшие курс αἰωγῆς, сразу же в массовом порядке превращались в мужчин и зачислялись в фидитии, где опять-таки попадали под неусыпный контроль более пожилых граждан. Бесперебойную работу этого механизма обеспечивали в Спарте законы против холостяков, действовавшие также и в критских городах (Ephor. FGrHist 70 F 149 у Strabo, X, 4, 20, С. 482) 112. Нарождающийся полис был, таким образом, огражден от разного рода эксцессов со стороны союзов молодежи, которые в других районах Греции нередко превращались в серьезную угрозу для государства 113. Вместе с тем «всаднический» корпус, сохранивший традиционное наименование ἰόροι, продолжал существовать в Спарте как единственная признанная законом корпорация сверстников, поступление в которую являлось для знатной молодежи началом политической карьеры.

Система общинного самоуправления, покоящаяся на двух возрастных группах - «юношей» и «старцев», характерна не только для ранних дорийских полисов Лаконии и Крита. Подобная же форма политического устройства довольно живо очерчена в гомеровских поэмах (см. Гл. II). В послегомеровский период пережитки возрастных классов продолжали сохраняться в организации ряда культовых объединений в ионийских полисах Малой Азии. Примером может служить знаменитый милетский союз мольпов. О его структуре позволяет судить большая надпись I в. до н. э., воспроизводящая более ранний документ, вероятно, V в. до н. э. (Syll.³ I, 57). Ядро союза составляла группа так называемых «стефанефоров». Стефанефоры делились на две категории - «юношей» (νέοι) и «жрецов» (ἱερεῖς). Кроме них, в

112 Ден Боер (Ук. соч., стр. 218 слл.) видит в шествиях обнаженных ἰόροι, их избиваниях женщинами и т. п. спартанских обычаях (см. Plut. Lyc., XV; Arophth. Lac., 227 F; Athen., XIII, 555 с-d) древние религиозные обряды. Это толкование кажется нам вполне убедительным. Оно, однако, не исключает непосредственного нажима на холостяков со стороны государства. См. Pollux, III, 48: δῖκα δῖφρασίον καὶ κακοῦσίον в Спарте.

113 См. выше, стр. 124 сл. Сообщники Килона были вместе с тем и его сверстниками (Hdt., V, 71; G. M. Calhoun. Athenian Clubs in Politics and Litigation. Austin, Texas, 1913, стр. 15).

состав союза входила еще коллегия служителей, занимавшихся приготовлением жертвенных обедов (онитады) 11⁴.

Как показал С. Я. Лурье в своей работе, посвященной союзу мольпов 11⁵, его историческим прототипом является первобытный мужской союз со свойственным для него делением на возрастные классы. Сравнивая общество мольпов со спартанскими фидитиями, Лурье приходит к выводу, что исторически первый из этих типов союза стоит на более высокой ступени развития, так как доступ в него, как и в современные «тайные» союзы Африки или Северной Америки, был открыт далеко не всякому, фидитий же охватывали всех свободных граждан Спарты 11⁶. Однако наряду с фидитиями в Спарте существовали и союзы другого типа, закрытые для большинства рядовых граждан и включающие в свой состав только узкий круг аристократии. Этими союзами были герусия и корпус «всадников», противостоящие друг другу как два возрастных класса, подобно стефанефорам «жрецам» и стефанефорам «юношам» в корпорации мольпов 11⁷.

114 Вопрос об организации союза мольпов спорен. Отдельные места в надписи толкуются различными учеными по-разному. Важное значение для понимания надписи в целом имеют стк. 15-16: *καὶ ἀμιλλώνται οἱ στεφανηφόροι οἱ τε νέοι καὶ Οἰερεῶν*. Виламовиц считает слова *οἱ τε νέοι καὶ Οἰερεῶν* приложением к предыдущему *οἱ στεφανηφόροι*, причем в *Οἰερεῶν* он видит искаженное *οἱ ἱερεῶν*. Отсюда следует, что группа стефанефоров, взятая в целом, включает в свой состав два класса «жрецов» и «юношей» (*U. von Wilamowitz-Moellendorff. Satzungen einer milesischen Sängergilde. «SB Preuss. Akad. Wiss.»*, 1904,1, стр. 625). Иначе объясняет это же место Лурье (*S. Luria. Ein milesischer Männerbund im Lichte ethnologischer Parallelen. «Philologus»*, 83,2,1927, стр. 119). По его мнению, слова *οἱ στεφανηφόροι οἱ τε νέοι καὶ Οἰερεῶν* обозначают три различные категории членов союза, из которых *οἱ νέοι* - самая младшая возрастная группа, *οἱ στεφανηφόροι* - старшая, а значение *Οἰερεῶν* остается неясным. Категорию *νέοι* Лурье отождествляет с категорией *Ἵνιτάδοι*, которая в надписи противопоставляется группе стефанефоров (стк. 31 сл.). К такому выводу он приходит, сопоставляя стк. 9-10 и стк. 34-35 надписи. Эти два места, действительно, близки по смыслу, но не идентичны. Выражение *δοίρης λάξις* в стк. 36 («получить долю») - этот перевод кажется нам более подходящим в данном случае, чем перевод «Verlosung», который предлагает Лурье; ср. стк. 43), очевидно, не связано с предыдущим *τῆς ὀφθῶς καὶ τῆς περὶ τῶν, ἢν στεφανηφόροι ἱσχοῦν* (иначе было бы невозможно объяснить следующие далее стк. 36 сл.) и, таким образом, имеет иное значение, нежели слова *τοῦτων προλαχάνει τὰ ἴσα ὁ νέος*. Поэтому в целом объяснение Виламовица можно принять как более надежное (ср. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М. - Л., 1957, стр. 228 сл.).

115 S. Luria. Ein milesischer Männerbund, стр. 128 сл.

116 Там же, стр. 123.

117 Как полагает Лурье (Там же, стр. 121), состязание (в пении?), о котором несколько раз упоминает «закон мольпов», служило способом отбора новых членов

Известно, что в древности (вплоть до VI в. до н. э.) мольпы пользовались в Милете большим политическим влиянием. Не исключено, что в руках союза сосредоточивалась вся реальная власть в государстве 11⁸. Глава мольпов, носивший титул эсимнета, и в более поздний период оставался эпонимным магистратом Милета. Можно предположить, что первоначально (в архаический период) старшая группа стефанефоров («жрецы») образовывала милетский совет старейшин (как герусия в Спарте), тогда как младшая группа («юноши») играла при нем роль исполнительного полицейско-административного аппарата (наподобие «всадников»). Как было уже замечено, эта форма государственного правления восходит к политическому строю общины гомеровского периода 11⁹. Эту последнюю можно, очевидно, принять за общую исходную точку, с которой начинается развитие государства как в Милете, так и в Спарте. Однако в силу специфики местных условий конечные результаты политической эволюции оказались в обоих случаях различными. В то время как в Спарте мы наблюдаем полное слияние первоначальных возрастных классов с органами государственной власти, в Милете такого слияния не произошло. Замкнутый круг милетской аристократии, составлявший ядро союза мольпов, был оттеснен от власти демократическим движением VI в. В дальнейшем мольпы продолжали существовать как чисто религиозная организация, стоящая фактически вне государства 120.

Если параллель между спартанской герусией и «всадниками», с одной стороны, и степенями посвящения в союзе мольпов, с другой,

для класса стефанефоров, и тем же путем избирался новый эсимнет союза. Как было отмечено выше, какая-то форма состязания использовалась и при выборах геронтов и «всадников» в Спарте.

118 S. Luria. Ук. соч., стр. 122 сл.

119 В своей последней книге «Язык и культура микенской Греции» (стр. 228) С. Я. Лурье характеризует союз мольпов как пережиток микенской эпохи, находя ряд параллелей в документах пилосского архива. В статье 1927 года мольпы противопоставляются милетским царям из рода Нелеидов как представители коренного (догреческого?) населения Малой Азии (стр. 125 сл.); ср. в книге того же автора «История античной общественной мысли», стр. 29 сл.).

120 Жанмэр (Coing, стр. 549, прим. 1) высказывает предположение, что геронты и «всадники» вместе составляли единый «тайный» союз религиозного характера. Члены этого союза называли себя «спартиатами» в отличие от рядовых граждан - гомеев. Объединения, подобные современным «тайным» союзам, могли существовать в Спарте, как и в других греческих государствах (в известном смысле к этой категории союзов можно отнести фиасы). Однако известное по источникам значение термина «спартиаты» находится в противоречии с гипотезой Жанмэра и не позволяет ее принять.

исторически оправдана, то развивая эту мысль дальше, можно сравнить эфорат - третий важнейший структурный элемент спартанского государственного аппарата, с коллегией эсимнетов у мольпов (из шести человек), глава которой был в то же время эпонимным магистратом Милета. Термин αἰσυμνίτης («посредник», «примиритель»), обозначающий ординарного, либо экстраординарного магистрата, засвидетельствован и в ряде других греческих полисов особенно в архаический период¹²¹.

Впервые об эсимнетах упоминает Гомер. В одной из сцен «Одиссеи» (VIII, 258 слл.) девять «выборных судей» (αἰσυμνίται... κριτοῖ... δῆμοι) «выравнивают хор и расширяют круг» для состязания молодых феаков в пляске. Определение δῆμοι показывает, что эсимнеты, о которых говорит Гомер, уже могут быть названы должностными лицами в собственном значении этого слова (ср. δηροῦέρον). Тем не менее переход от скромных полномочий хорожатого к широким функциям полисного магистрата был бы непонятен, если бы между ними не было связующего звена в лице эсимнета милетских мольпов, по-видимому, совмещавшего как те, так и другие обязанности.

Как полагает Краймс, первоначальные функции эфоров не отличались существенно от функций гомеровских вестников. Они должны были созывать народ на собрание и председательствовать на нем, созывать геронтов на совет или на заседание суда, объявлять набор в ополчение и сопровождать царей в походе, как это делают вестники в гомеровских поэмах¹²². Эфоры, таким образом, были представителями царей в герусии и народном собрании¹²³. Параллель между эфорами и вестниками в целом - вполне оправдана и уместна. Тем не менее нам кажется, что Краймс несколько преувеличивает зависимость

¹²¹ U. von Wilamowitz-Moellendorff. Ук. соч., стр. 621; 5. Luria. Kureten, Molrep, Aisymneten. «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», XI, 1-2, 1963, стр. 35.

¹²² K. M. T. Chrimes. Ук. соч., стр. 409.

¹²³ Первоначально, как считает Краймс (Там же, стр. 409), царей было в Спарте столько же, сколько и эфоров, в том числе два главных царя из династии Агиадов и Еврипонтидов и три басилея дорийских фил. Здесь, однако, Краймс противоречит сама себе. Выше (стр. 404) она высказывает предположение, что два эфора, обычно сопровождавшие царя во время похода (Хер. Нелл., II, IV, 36), некогда должны были представлять две дорийские филы, а именно Диманов и Памфилов, тогда как сам царь представлял третью филу Гиллеев, к которой принадлежали оба царских рода. Если это так, то надобность в особом басилее филы Гиллеев, по-видимому, отпадает. Коллегии магистратов из пяти человек вообще типичны для Спарты (см. выше, прим. 11, стр. 187 о карнеатах и стр. 215 об агатургах).

эфората в ранней Спарте от царской власти¹²⁴. Привилегии спартанских царей были весьма ограниченными уже в гомеровский период, как и повсюду в Греции этого времени. Теоретически власть царя, очевидно, не считалась пожизненной. Еще в эллинистический период в Спарте существовал обычай, несомненно, очень древний, следуя которому эфоры каждые девять лет совершали гадание по звездам и в зависимости от его результатов решали, достоин ли царь своего титула или же нет (Plut. Agis, XI)¹²⁵.

Если в позднее время эфоры, скорее всего, использовали эти религиозные санкции по своему произволу (для сведения счетов с неудобными им царями), в древности, когда власть самих эфоров не была еще столь велика, они могли поднять руку на царя, лишь чувствуя на своей стороне авторитет и поддержку какого-то другого органа власти. В ранней Спарте таким органом могла быть лишь герусия. Отсюда мы можем заключить, что первоначально эфорат играл роль

¹²⁴ Если у Гомера вестники мало чем отличаются от обычных слуг, то в более ранний период их положение в обществе, как справедливо указывает Краймс (Ук. соч., стр. 410), могло быть более высоким (как известно, род Кериков в Афинах принадлежал к высшей аристократии). Необходимо, однако, подчеркнуть, что в этот период вестники были не столько представителями (deputies) царей, сколько должностными лицами общины.

¹²⁵ Значение этого интересного обычая, его глубокая древность и широкое распространение среди народов мира на огромном материале показаны Дж. Фрэзером (J. G. Frazer. The Golden Bough. P. III, L., 1914, стр. 58 сл.; см. также G. Rohm. Animism, Magic and the Divine King. N. Y., 1930; С. А. Токарев. Ранние формы религии, стр. 336 сл.). Лурье, опираясь на теорию Фрэзера, высказал предположение, что первоначально эфорат в Спарте был жреческой магистратурой, тесно связанной с сакрализованной царской властью еще микенского времени (S. Luria. Zum politischen Kampf in Sparta gegen Ende des 5. Jahrh. «Klio», XXI, 3/4, 1927, стр. 413 сл.; ego же. История Греции, стр. 175; см. также Н. Berve. Sparta. Lpz., 1937, стр. 30; U. Wilcken. Griechische Geschichte. В., 1958, стр. 114; Н. Bengtson. Griechische Geschichte. München, 1960, стр. 114). Можно допустить, однако, что эфоры с самого начала были наделены как религиозными, так и светскими (административными) полномочиями, подобно самим царям, и таким образом примирить гипотезу Лурье с гипотезой Краймс, о которой мы говорили выше. В статье, посвященной союзу мольпов, тот же автор сближает спартанских царей с эсимнетами мольпов, хотя, как нам кажется, без достаточных к тому оснований (см. S. Luria. Ein milesischer Männerbund, стр. 125 сл.). Современные «тайные» союзы, как правило, противостоят племенным вождям как самостоятельная политическая сила и имеют своих особых руководителей, хотя вожди могут входить в состав союза и пользоваться в нем большим влиянием (L. Frobenius. Geheimbünde Afrikas, стр. 90; D. Westermann. Die Kpelle, стр. 252; G. W. Harley. Notes on the Poro in Liberia. «Peabody Museum Papers», 19, 1941, № 2, стр. 7, 31; P. Morton-Williams. The Yoruba Ogboni Cult in Oyo. «Africa», XXX, 1960, № 4, стр. 365; K. Little. The Political Functions of Poro. II, «Africa», XXXVI, 1966, № 1, стр. 69 сл.).

вспомогательной магистратуры, но не при отдельных царях, как считает Краймс, а при совете старейшин, в состав которого входили цари. На это указывает также и распределение судебных обязанностей между эфорами и геронтами, которое соблюдалось в Спарте еще в IV в. (Arist. Polit., III, 1275b, 9 сл.): в то время, как первые занимались исключительно гражданскими делами (τάς των συμβολαίων), последние ведали более важными уголовными (τάς φοίνικας). С другой стороны, эфорат был самым непосредственным образом связан с корпусом «всадников», о котором шла речь выше. По свидетельству Ксенофонта (Resp. Lac., IV, 3), эфоры избирали трех гиппагетов, а те, в свою очередь, всех остальных «всадников». При подавлении заговора Кинадона «всадники» и их предводители действовали в соответствии с инструкциями, полученными от эфоров (Xen. Hell., III, 4, 9). Эфоры же отбирали из числа «всадников» так называемых «агатургов» (Suid. s. v. ἀγатурγοί). А так как и тех и других было по пять, то можно допустить, что последние были личными агентами первых.

Высшей инстанцией, в подчинении у которой находились «всадники», была, по всей вероятности, герусия. Однако непосредственное руководство корпусом, как видно из этих фактов, осуществляли эфоры.

Таким образом, в той иерархии мужских союзов, которая, по нашему мнению, образует основу спартанского государственного механизма, эфоры играли роль связующего и координирующего звена между старшей и младшей возрастными группами – между геронтами и «всадниками», и в этом смысле эфорат можно считать столь же древним и неотъемлемым элементом всей системы, как и оба последние учреждения.

Подобно геронтам и «всадникам», эфоры уже в древнейший период могли иметь свою довольно широкую сферу полномочий в управлении государством. Наряду с чисто служебными и, может быть, сакральными функциями, которые коллегия эфоров исполняла при совете старейшин, в число их обязанностей входил также общий надзор за системой возрастных классов и мужских союзов.

В IV в. одной из главных обязанностей эфоров было объявление сроков призыва в армию (см. Xen. Resp. Lac., XI, 2: προκηρύττουσι τά ἐτη, εἰς ἃ δεῖ στρατεύεσθαι καί ἱππεῖσιν καί ὀπλίταις). Как было показано выше, в V-IV вв. до н. э. организация спартанской армии была еще тесно связана с системой возрастных классов и мужских союзов. Эфоры, таким образом, должны были следить за исправным

функционированием агел и фидитиев¹²⁶. С другой стороны, эфоры были главными блюстителями спартанского *modus vivendi*¹²⁷. Они, например, занимались разбирательством драк и ссор между молодыми спартиатами (Xen. Resp. Lac., IV, 6). Они же следили за неукоснительной строгостью гражданского воспитания. Каждые десять дней эфебы, собранные из всех агел, и раздетые донага, выстраивались перед эфорами, и те, внимательно осматривая их, определяли, насколько усердно они предаются телесным упражнениям. Тех, у кого замечали признаки дряблости или ожирения, наказывали. Эфоры также должны были следить и за одеждой молодежи, чтобы она ни в чем не отклонялась от установленного образца (Athen., XII, 550 c-d, ср. Plut. Cleom., IX). Наконец, эфоры принимали участие в своеобразном трибунале, который судил лиц, нарушивших порядок в фидитиях, и штрафовал провинившихся... лепешками (Athen., IV, 141a; см. выше, стр. 154). Примеры столь мелочной опеки создают впечатление, что в области надзора за нравами функции эфоров, пожалуй, не были четко отграничены от функций низших должностных лиц системы агел и фидитиев (педономов, старшин сисситий и т. д.). В свою очередь, это говорит о самой тесной и непосредственной связи эфората с институтом мужских союзов в его спартанской форме¹²⁸.

¹²⁶ Не подлежит сомнению, что эфоры руководили также криптиями и тому подобными операциями против илотов, которым они, по свидетельству Плутарха (Лус., XXVIII), ежегодно, вступая в должность, объявляли войну. О природе криптий см. выше, прим. 109.

¹²⁷ Ср. St. Witkowski. Der Ursprung des Ephorats. В сб.: La Pologne au VIIe Congrès International des sciences historiques. Varsovie, 1933, стр. 22; F. Kiechle. Lakonien und Sparta, стр. 236 сл.

¹²⁸ Роль высшей инстанции в руководстве фидитиями играли, несомненно, эфоры, а не полемархи, как иногда думают (ср. выше, стр. 182, прим. 212). Именно так может быть понято одно темное место в «Политике» Аристотеля (II, 1270b 11 сл.). По его словам, эфоры, в число которых часто попадают люди небогатые, обычно очень падки на подкуп. «(С этой стороны) они часто проявляли себя прежде, да и теперь (показали) в андриях» (ἐδήλωσαν δὲ πολλὰς μὲν καὶ πρότερον, καὶ νῦν δὲ ἐν τοῖς ἀνδρίοις). Чтение ἀνδρίοις и соответствующий перевод – «в андриях» представляются нам гораздо более уместным в данном контексте, чем общепринятое и плохо понятное «в делах (или событиях) на острове Андрос» (см., например, W. L. Newman. The Politics of Aristotle. II, стр. 333). Старое название спартанских сисситий – «андрий», было известно Аристотелю и, может быть, еще употреблялось в его время. [См., однако, Aristoteles. Politik. Buch II und III. Übers. und erläutert von E. Schütrumpf/ Aristoteles Werke in deutscher Übersetzung. Bd. 9. Teil II. Berlin, 1991, S. 318, с лит. – Ped.J.]

Время возникновения коллегии эфоров как особого органа государственного управления невозможно установить даже приблизительно¹²⁹, хотя наиболее вероятной нам представляется точка зрения тех исследователей, которые относят эфорат к числу древних общедорийских учреждений¹³⁰. Возвышение эфората наша традиция датирует серединой VI в. до н. э. Мудрый Хилон, который, по словам

129 В античной исторической традиции можно выделить два направления в решении этого вопроса. Сторонники первого из них относят эфорат к числу «ликурговских» учреждений наравне с герусией, сисситиями, системой воспитания и т. д. (см. Hdt., I, 65; Xen. Resp. Lac., VIII, 3; Plat. Epist. VIII, 354b, ср. Leg., 692 A; Isoer. Panath. 153). По другой версии, создателем коллегии эфоров был царь Феопомп, живший во времена 1-й Мессенской войны (см. Arist. Polit., V, 1313a 26 сл.; Plut. Lys., VII, ср. Cleom., X). Обе эти версии - не более, чем тенденциозная политическая фикция, и ничего не дают для правильного ответа на вопрос о происхождении эфората (Ed. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte. T. I. Halle, 1892, стр. 245 сл.; G. Glotz. Histoire grecque. I, стр. 365). Список эфоров в александрийской хронографии начинается с 755/54 г. до н. э. (см. F. Jacoby. Apollodoros Chronik. B., 1902, стр. 138 сл.). Отсюда, однако, не следует, что эфорат был учрежден именно в этом году (Ed. Meyer. Ук. соч., стр. 248; ср. G. Busolt. Griechische Staatskunde. II, стр. 683; G. Den Boer. Laconian Studies, стр. 203; F. Kiechle. Lakonien und Sparta, стр. 235). С другой стороны, то обстоятельство, что эфоры ни словом не упомянуты в «Большой ретре», отнюдь не означает, что коллегия еще не существовала в то время, когда был составлен этот, бесспорно, очень древний документ. Эфоры не упомянуты и в так называемой «Евномии» Тиртея, хотя в его время эта должность, несомненно, уже была известна. Как было показано, эфорат первоначально играл роль служебного, исполнительного органа при герусии. Между тем, «Ретра» и, очевидно, повторяющий ее фрагмент Тиртея излагают основы спартанской конституции, порядок законодательной процедуры, к которой эфоры не имели прямого отношения (ср. G. Glotz. Histoire grecque. I, стр. 365; V. Ehrenberg. Фундамент, Hbd. 34, 1907, стр. 1703; F. Kiechle. Ук. соч., стр. 238 сл.; E. N. Tigerstedt. The Legend of Sparta, стр. 64 сл.).

130 Так уже K. O. Müller. Dorier. II, стр. 111 сл. См. также Ed. Meyer. Ук. соч., стр. 252 сл.; G. Dickins. The Growth of Spartan Policy. JHS, XXXII, 1912, стр. 13; St. Witkowski. Ук. соч., стр. 22; K. M. T. Chrimes. Ук. соч., стр. 283 сл. Кроме Спарты и периекских городов Лаконии, коллегия эфоров засвидетельствована на Фере, в Кирене, Гераклее (колонии Тарента, см. Chrimes. Ук. соч., стр. 284). В литературе высказывалось мнение, что первоначально эфорат существовал также и на Крите (J. Brause. Lautlehre der kretischen Dialekte. Halle, 1909, стр. 164; M. Guarducci. IC, IV, стр. 184, 186; R. F. Willetts. Aristocratic Society, стр. 113). Такая гипотеза тем более оправдана, что уже древние сближают коллегия эфоров с коллегией космо в критских городах (так Эфор FG rHist 70 F 149 у Strab., X, 4, 18, C. 482; Arist. Polit., II, 1272a 4 сл.). Как позднее дополнение к спартанской конституции рассматривают эфорат G. Busolt. Ук. соч. II, стр. 683; U. Kahrstedt. Griechisches Staatsrecht, стр. 237; K. I. Neumann. Die Entstehung des spartanischen Staates. Hist. Zeitschr., XCVI, 1906, стр. 40 сл.; G. L. Huxley. Early Sparta, стр. 38; A. Andrewes. The Greek Tyrants. L., 1956, стр. 74.

Диогена Лаэртского (I, 68), «первым впряг эфоров в одну упряжку с царями» (πρῶτος εἰσηγήσατο εφόρους τοῖς βασιλεῦσι παραζευγύναι), сам был эфором в 556/555 г.¹³¹ На середину VI в., по авторитетному мнению ряда ученых¹³², падает и такое важнейшее в истории Спарты событие, как «законодательство Ликурга», т. е., серия реформ, включающая в частности перестройку и обновление системы мужских союзов. Усиление власти эфоров, несомненно, следует связать с этой перестройкой¹³³.

Астеропа, который, по его словам, сделал эфоров гораздо более могущественными, чем они были раньше. Произошло это много поколений спустя после 1-й Мессенской войны. Имя Ἀστερόλης - довольно необычно и, как полагает Лурье (Zum politischen Kampf in Sparta, стр. 417), связано с астрологическими наблюдениями эфоров. Вполне возможно, что таково было прозвище Хилона, восстановившего этот древний обычай.

132 [См. Ю. В. Андреев. Архаическая Спарта. Культура и политика. ВДИ, 1987. № 4, стр. 70-85 и другие работы Ю. В., указанные в Предисловии. - Ped.]

133 Относительная слабость эфората в VIII—VII вв. до н. э. возможно, является следствием усиления царской власти в связи с активной внешней политикой Спарты в этот период (S. Luria. Ук. соч., стр. 418). С другой стороны, возвышение эфората в середине VI в. можно рассматривать как результат демократического движения, охватившего Спарту в период II-й Мессенской войны. Как и в других греческих государствах, это движение могло проходить под лозунгом восстановления институтов и обычаев эпохи родового строя (ср. P. Rousset. Sparte, стр. 41 сл.; F. Kiechle. Ук. соч., стр. 239; V. Ehrenberg. Sparta, стр. 1380 сл.; J. Hasebroeck. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte, стр. 206).

Глава V. Исторический характер
дорийских мужских союзов

Вопрос о коллективных обедах граждан занимает особое место в греческой политической теории, представленной в трудах великих утопистов древности Платона и Аристотеля. Изображенные ими сисситии интересны для нас в той степени, в которой они помогают понять природу их исторического прототипа - дорийских мужских союзов.

Как нечто само собой разумеющееся, общие трапезы «стражей» упомянуты уже в III-й книге «Политии» Платона (Resp., 416 E: φοιτώντας δὲ εἰς συσσίτια ὄσπερ ἐστρατοπεδευμένους κοινὴ ζῆν; ср. 458 C-D). Организация сисситии здесь еще не вызывает у философа каких-либо затруднений, поскольку «стражи» в идеальном государстве живут в условиях абсолютного равенства, не зная частной собственности. Как один из основных элементов «аристократии» сисситии сохраняются и в следующей за ней по степени совершенства «тимократии» (Resp., 547 D) - под этим прозрачным псевдонимом, по признанию самого Платона (544 C), скрываются спартанское и критское государства. Идеализированное изображение древнейших Афин в диалоге «Критий» (112 C) также не обходится без сисситий. Однако, пытаясь перенести свои мечты об идеальной форме человеческого общежития на почву реальной действительности, Платон попадает в затруднительное положение. Наглядным свидетельством этого могут служить его путаные и часто противоречивые суждения о сисситиях в «Законах».

Как известно это сочинение начинается с рассуждения о принципах («добродетелях»), которые должны быть положены в основу совершенного государства. Один из трех собеседников, Клиний, высказывает предположение, что критский законодатель, создавая конституцию своего государства, имел в виду прежде всего войну. Квинтэссенция критской государственности заключена для Платона в сисситиях и гимназиях (Leg., 625 C - 626 A). Афинянин, говорящий, несомненно, от лица самого автора, оспаривает Клиния и убеждает своих собеседников в том, что и Минос и Ликург имели в виду всю

добродетель в совокупности, а не какую-то ее часть - военное мужество (630 C - E).

Таким образом, уже в начале своего трактата Платон возводит сотрапезничество в высший государственный принцип. Однако немного спустя (636 A-B), он оговаривается и замечает, что сисситии могут быть не только полезны, но и вредны, являясь источником смут и способствуя половым извращениям. Тем не менее, переходя к изложению своего проекта законодательства, Платон вводит в него в качестве строжайшего предписания обязательный режим сисситий для должностных лиц (762 C-D): «правители и агрономы в течение двух лет пусть живут следующим образом: во-первых, повсюду должны быть сисситии, в которых для всех будет устраиваться общая трапеза. Тот же, кто не примет участия в сисситии (ἀλοσυσιτήσας) хотя бы один день или ночью будет спать отдельно (ἀποκοιμηθεῖς), если это сделано не по распоряжению правителей и в этом нет никакой настоятельной необходимости, если обнаружат его пятеро и, записав, поставят на агоре, как ослабившего бдительность (καταλελυκότα τῆν φρουράν), пусть подвергнется бесчестью как предавший доверенную ему часть государства и будет наказан ударами всяким, кто окажется поблизости и захочет наказать, сам оставаясь при этом безнаказанным»¹. Далее (780 A-B) устанавливается обязательность посещения сисситий для молодых людей, вступивших в брак (что это правило распространяется также на холостяков, очевидно, считается чем-то само собой разумеющимся)². Сразу же вслед за этим (780 E—781 D) Платон вплотную приступает к вопросу об участии в общих трапезах также и женщин и решает его в целом положительно, возвращаясь, таким образом, к своей старой мысли о полной эмансипации слабого пола (ср. Resp., 451 A сл.). Пёльман³ заключает отсюда, что система сисситий в государстве «Законов» должна была охватывать все свободное население, разрешая самым радикальным образом проблему общественного потребления. Бизингер⁴ возражает на это, что такое понимание противоречило бы встречающимся у Платона

¹ Бизингер (*J. Bisinger. Der Agrarstaat in Platons Gesetzen. Lpz., 1925, стр. 74*) полагает, что узаконения такого рода были бы излишни, если бы сисситии были общеобязательны для всех граждан платоновского государства. Нам кажется, однако, что одно не исключает другого.

² Сисситии пожилых людей (старше 40 лет) упомянуты в другом месте (666 B).

³ R. Pöhlmann. *Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. II, стр. 235.*

⁴ J. Bisinger. *Ук. соч., стр. 75 сл.*

упоминаниям о частном хозяйстве граждан Магнезии, ради которого они большую часть времени должны были проводить у себя дома (см. 758 В; 776 А; 808 А-В).

Сам Платон, как кажется, не был чужд сомнений в осуществимости своей программы на практике. Об этом говорит один пассаж в VII-й книге «Законов» (806 D - 807 В): «Как бы проводили жизнь люди, обладая в умеренном количестве всем необходимым, когда ремесла переданы другим, земледелие же предоставлено рабам, которые отдают из плодов земли долю достаточную для того, чтобы люди могли жить прилично, когда устроены сисситии отдельно для мужчин, а неподалеку - для их близких, детей женского пола и их матерей, причем начальникам и начальницам было бы поручено распускать эти сисситии, наблюдая каждый день за поведением сотрапезников, после чего начальник и прочие, совершив возлияние тем богам, которым посвящена эта ночь или день, расходились бы, вот таким образом, по домам? Неужели людям, жизнь которых устроена таким образом, не останется никакого полезного и вполне подобающего дела, но каждый из них должен жить, жирея, подобно скоту? Мы утверждаем, что это несправедливо и плохо и вообще невозможно, если живущий таким образом не получит того, что ему подобает. Подобает же праздному и беспечно разжиревшему животному быть растерзанным другим, закаленным в мужестве и трудах. Если бы мы исследовали этот вопрос достаточно тщательно, как мы теперь это и делаем, то (убедились бы), что этого бы, пожалуй, никогда не случилось, если бы жены, дети, хозяйства и все вообще было у каждого из нас в частном владении. А если (даже) то, о чем мы сейчас говорим, окажется хуже по сравнению с тем (о чем говорилось раньше), то (в этом-то случае) как раз и будет соблюдена надлежащая мера» (τά δε μετ' ἐξεῖν' αὖ δεύτερα τά νῦν λεγόμενα εἰ γίγνοιτο ἡμῖν, γίγνοιτο ἄν καὶ μάλα μετρίως). Место - довольно темное и вызывает у современных⁵ исследователей подчас противоречивые толкования. Так, Г. Морроу⁵ считает, что именно здесь Платон дает развернутое описание сисситий так, как он их себе представляет. Бизингер⁶, напротив, категорически отрицает такую возможность. Истина, по всей вероятности, лежит посередине. Можно согласиться с Морроу в том, что в первой части отрывка нарисована идеальная, с точки зрения Платона, картина коллективной трапезы мужчин, женщин и детей обоого пола. На это

⁵ G. Morrow. Plato's Cretan City. Princeton, 1960, стр. 394 сл.

⁶ J. Bisinger. Ук. соч., стр. 75.

указывают употребляемые в тексте выражения: τά μεν αναγκαία εἶη κατεσκευασμένα μέτρια и ζῶσι κομίως, а также обилие деталей, которое иначе было бы непонятно. Однако вместе с тем у автора возникает опасение, как бы читатели не поняли его плохо, не подумали, что граждане идеального государства будут все свое время проводить в полнейшей праздности и обжорстве. Философ ищет и находит противоядие в частной собственности, в то же время, очевидно, не отказываясь от мысли о сисситиях⁷. Наибольшее затруднение представлял для Платона вопрос об организации снабжения сисситий. Этот вопрос ставится в «Законах», однако, от прямого ответа на него автор трактата уходит (842 В): «Теперь мы почти вплотную подойдем к устройству сисситий, что, как мы говорим, в других местах было бы и затруднительно, тогда как на Крите никто и не подумал бы, что должно быть иначе. Что же до того, каким образом (их устроить) - или так, как здесь (на Крите), или как в Лакедемонне, или, кроме того, есть еще и третий способ, лучше этих обоих, то мне кажется, что изобрести его будет нетрудно, но большой пользы это изобретение не принесет - ведь и теперешнее устройство (вполне) пригодно». В следующем далее рассуждении о распределении продовольствия между тремя условиями (847 Е - 848 С) о сисситиях ни словом не упоминается. Однако еще далее о взносах граждан в сисситии говорится уже, как о чем-то твердо установленном (955 Е): «Имущество каждого должно быть оценено по многим надобностям, причем члены фил должны письменно докладывать агрономам о своих доходах на каждый год, чтобы из двух видов податей государство могло пользоваться каждый год тем, которым оно захочет, размыслив, взять ему часть всего имущества, или же годового дохода, не считая того, что выплачивается в сисситии». Отсюда можно заключить, что спартанская система индивидуальных взносов казалась Платону наиболее предпочтительной⁸.

Бизингер⁹, отмечая нерешительность и колебания Платона в вопросе об устройстве коллективных обедов, приходит к выводу, что упоминания о сисситиях в тексте «Законов» являются следствием

⁷ Платон называет описанный им здесь образ жизни «худшим», очевидно, в сравнении с полностью обобществленным бытом «стражей» в «Политии» (мнение А. Н. Егунова в изд.: Платон. Полное собрание творений. Т. XIV, Пг., 1923, прим. 32). Ср. Arist. Pol., II, 1265a 5 слл.

⁸ G. Morrow. Ук. соч., стр. 395. Ср. H. van Effenterre. La Crete et le monde grec de Platon à Polybe. P., 1948, стр. 55, прим. 3.

⁹ J. Bisinger. Ук. соч., стр. 76.

недоработки, незавершенности этого последнего произведения великого философа. У Платона, очевидно, были сначала какие-то мысли по этому поводу, но затем он убедился в их неосуществимости и вряд ли собирался идти дальше организации сисситий для агрономов в так называемых криптиях. В гипотезе Бизингера есть рациональное зерно: неоформленность «Законов», беспорядочность их композиции и стили отмечают многие исследователи¹⁰. Однако, в целом нам представляется более убедительным объяснение, предлагаемое Морроу¹¹. По его мнению, противоречия и непоследовательность в отношении Платона к сисситиям отражают не столько внутреннюю, субъективную неспособность философа гармонически организовать собранный им исторический материал, сколько объективно присущую этому материалу противоречивость. Социально-экономический строй платоновской Магнезии представляет собой попытку увязать развитую частную собственность на землю и рабов (с ориентацией на Афины) с примитивным искусственно коллективизированным жизненным укладом (с ориентацией на Спарту и Крит)¹². Обреченность

¹⁰ См., например, *U. von Wilamowitz-Moellendorff. Platon. Bd. 1, B., 1920, стр. 655 сл. II G. Morrow. Ук. соч., стр. 396 слл.*

¹² Морроу (Ук. соч., стр. 152, 396) подчеркивает, что за образец для экономики своего идеального полиса Платон берет Афины не своего времени, а несколько более раннего периода (VI-V вв.). Интересно наблюдение того же автора (стр. 150 слл.), что рабы в государстве «Законов» не образуют единого сословия зависимых земледельцев, прикрепленных к земле, наподобие спартанских илотов, что соответствует скорей мелкокрестьянскому хозяйству с минимальным использованием рабского труда в послесолоновской Аттике и делает невозможной праздную жизнь для всех граждан на спартанский манер. Лауффер (*S. Lauffer. Die platonische Agrarwirtschaft. «Vierteljahrchrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». XXIX, 1936, стр. 263*) замечает, что Платон «вводит в своем государстве частное товарное хозяйство», пытаясь, однако, при этом «парализовать его капиталистические возможности... сведением этого хозяйства к возможно меньшим размерам». При этом отдельные меры, направленные к ограничению торговли, ремесла и т.д., имеют, по мнению Лауффера, своим прототипом «феодалскую» экономику Спарты, Крита и ранних Афин (Ук. ст., стр. 268 сл.). Чехословацкий историк Б. Борецкий (*B. Borecky. Die sozial-ökonomischen Grundlagen der griechischen Polis und Platons Gesetzstaat. «Eirene», II, 1964, стр. 93 сл.*) характеризует платоновское государство, как «аграрный город-государство «дорийского» типа со строгим регулированием всей социальной, хозяйственной и политической жизни». В то же время он замечает, что нельзя говорить о «простом подражании специфическим дорийским отношениям», поскольку «определенное социальное равенство граждан», как база единства государства вообще является характерной чертой греческого полиса. См. также *J. Bisinger. Ук. соч., стр. 115 слл.; E. Salin. Platon und die griechische Utopie. München - Lpz., 1921, стр. 155; F. Ollier. Le mirage spartiate. I. P., 1933, стр. 278 слл.; H. van Effenterre. Ук. соч.,*

такого рода реакционных утопий Платон наглядно продемонстрировал в своем последнем труде.

Реальное противоречие, пронизывающее концепцию «Законов», метафизически снимает в своем проекте идеального государства Аристотель.

О необходимости сисситий в «благоустроенном» полисе говорится уже во II-й книге «Политики». Аристотель полемизирует здесь с тем требованием абсолютной общности имущества, упразднения семьи и т.д., которое выдвигает Платон в «Политии». Такое обобществление, по мнению Аристотеля, практически неосуществимо и к тому же в нем нет необходимости, если в государстве существуют законы, повинувшись которым граждане добровольно уступают свое имущество в пользование другим¹³. Это положение автор подкрепляет ссылками на хорошо устроенные (*καλώς οἰκουμένα*) государства, прежде всего на Спарту и Крит (1263а 33 слл.): «Ведь каждый, имея частную собственность, предоставляет ее в пользование друзьям, ибо пользуется сообща с ними, подобно тому как в Лакедемоне пользуются рабами, принадлежащими другим как своими собственными, также лошадьми и собаками, а если нуждаются в припасах на время, (берут их) в (любом) поле, лежащем за городом (*ἐν τοῖς ἀγροῖς κατὰ τὴν χώραν*). Очевидно, таким образом, что лучше, если имущество будет находиться в частной собственности, но в общем пользовании. Позаботиться об этом - дело законодателя». И далее (1263b 37-42): «Странно, что собираясь учредить воспитание и полагая, что благодаря ему государство станет лучше, он (то есть Платон) (в то же время) рассчитывает навести порядок такими мерами (как обобществление имущества), а не с помощью (добрых) обычаев, философии и законов (*τοῖς ἔθεσι καὶ τῇ φιλοσοφίᾳ καὶ τοῖς νόμοις*), подобно тому, как законодатель в Лакедемоне и на Крите установил общность имущества с помощью сисситий» (*τὰ περὶ τὰς κτήσεις ἐν Λακεδαίμονα καὶ Κρήτη τοῖς συσσιτίοις ὁ νομοθέτης ἐχοίνωσε*). Заметим сразу же, что в своей полемике Аристотель столь же непоследователен, как и его оппонент. Он подвергает суровой критике спартанскую организацию сисситий, на которую только что ссылался как на образец (II, 1271a 26 слл.; 1272a

стр. 52 слл.; *E. Barker. The Political Thought of Plato and Aristotle. N.Y., 1959, стр. 202; A. В. Мишулин. Утопический план аграрной Магнезии. ВДИ, 1938, № 3(4), стр. 111, 113.*

¹³ «Закон» здесь имеет значение, скорее, «моральной нормы» и тесно связан с понятием «воспитания» (см. *Aristotle. The Politics. Transl. E. Barker. Oxford, 1948, прим. к II, 1263b 40*).

12 слл.; ср. IV, 1294b 26), и отдает предпочтение критской системе, которая строится на принципах, близких платоновской абсолютной общности имущества. В идеальном полисе Аристотеля материальной базой сисситий служит земля, принадлежащая государству (VII, 1330a 12). Тем самым легко устраняются все те трудности, которые тщетно пытался преодолеть Платон, устраивая свое второе по совершенству государство, но в то же время Аристотель дискредитирует те самые принципы, которые он отстаивал во II-й книге.

Внимательный анализ политических сочинений Платона и Аристотеля показывает, что ни того, ни другого автора нельзя упрекнуть в лаконофильстве дешевого толка, как например, Ксенофонта¹⁴. Оба относятся к общественному и государственному строю Спарты и Крита сугубо критически. Достаточно вспомнить художественно яркое изображение алчности спартанцев в «Политии» Платона (548 А-В) или суровую характеристику спартанской гинекократии у Аристотеля (Polit., II, 1269b 12-1270a 15). Вместе с тем, бросается в глаза, что эта критика отнюдь не затрагивает главных социально-экономических устоев дорийского государства¹⁵. Напротив, такие важные элементы общественного строя Спарты и городов Крита, как деление на сословия, ограничения товарно-денежного хозяйства, сисситии, государственное воспитание молодежи - все это и Платон, и Аристотель берут за основу своих утопических конституций. Недостатки и непоследовательность в проведении в жизнь этих основных принципов в самих дорийских государствах объясняются либо отдельными просчетами законодателя, либо искажением его первоначального замысла в более поздние времена¹⁶. При всех колебаниях и противоречиях (что было показано нами на примере вопроса о сисситиях) оба философа обнаруживают, таким образом, удивительную

¹⁴ F. Ollier. Le mirage spartiate. I, стр. 277 сл.; 318; E. N. Tigerstedt. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. Stockholm, 1965, стр. 254.

¹⁵ Аристотель, критикуя лакедемонскую илотию, противопоставляет ей порабощение «периеков» на Крите, из чего следует, что в принципе он не был против подобных форм эксплуатации (Polit., II, 1269a 38-1269b 12; 1272 b 18; ср. VII 1330a 28-31).

¹⁶ См. А. И. Доватур. Политика и политии Аристотеля. М.-Л., 1965, стр. 251: «Внутренняя история Спарты, начиная с эпохи Ликурга, изображалась в «Лакедемонской Политии» Аристотеля как постепенный переход от лучшего к худшему. Строй Ликурга, хотя в нем и крылись задатки, приведшие впоследствии к падению Спарты, все же представлял собой подлинную аристократию, т.е. по Аристотелю, одну из правильных форм правления». См. также стр. 294 о «Критской политии».

приверженность к определенному типу полиса - примитивному аграрному государству спартанско-критского образца¹⁷.

Утопии Платона и Аристотеля являются свидетельством мучительных поисков выхода из тупика, в который завел Грецию кризис города-государства в IV в. до н. э. В обстановке всеобщего разброда и смятения, охвативших передовые греческие полисы в этот период, Спарта и особенно Крит, лежащий уже как бы за пределами собственно греческого мира¹⁸, представлялись афинским теоретикам государства спасительными островками, где была еще возможна нормальная политическая жизнь. Причину этой идеализации удачно

¹⁷ Об оценке в современной литературе экономической доктрины Платона см. выше, стр. 232, прим. 12. По вопросу об отношении Аристотеля к Спарте в науке в настоящее время нет единого мнения. Еще Онкен (*W. Oncken. Staatslehre des Aristoteles in historisch-politischen Umrissen. Bd. I, Lpz., 1870, стр. 297*) видел «эпохальную заслугу» Аристотеля в разрушении культа Спарты. В новейшей литературе той же точки зрения придерживается Вейль (*R. Weil. Aristote et l'histoire. P., 1960, стр. 238*). С другой стороны, Гомперц (*Jh. Gomperz. Griechische Denker. III, Lpz., 1909, стр. 312*) образно характеризует проект идеального государства в «Политике» как «мирную Спарту». Правильно, как нам кажется, оценивает двойственное отношение Аристотеля к Спарте Олье. Отмечая суровый критицизм в изображении философом современного ему спартанского государства, он в то же время считает, что подобно Платону, Аристотель «бессознательно стремился к приукрашению спартанской реальности, желая доказать читателю и самому себе, что его взгляды как систематика не увлекают его в область утопии, а также показать, что не следует считать невозможным то, что уже частично реализовано в государстве, превосходящем все остальные» (*F. Ollier. Ук. соч., стр. 325*). См. также *E. Barker. Ук. соч., стр. 389*; *E. N. Tigerstedt. Ук. соч., стр. 298* слл. Среди отечественных исследователей А. И. Доватур (*Ук. соч., стр. 372, прим. 36*) присоединяется к тем, кто, подобно Онкену, «усматривает в обзоре спартанского устройства у Аристотеля определенную направленность против романтического преклонения перед Спартой». Что касается проекта идеального государства, выдвинутого Аристотелем, то он, по мнению Доватура (*Ук. соч., стр. 75* слл.), был рассчитан на новые греческие полисы, возникшие на Востоке в результате завоеваний Александра. Не исключая в принципе такую возможность (ср., впрочем, *R. Weil. Ук. соч., стр. 113*), мы не можем, однако, игнорировать такие специфически спартанские черты «наилучшего полиса» в представлении Аристотеля, как исключение земледельцев и ремесленников из числа граждан, государственное регулирование торговли, сисситии, требование, чтобы все полноправные граждане обязательно владели землей и т.д. А. К. Бергер, обращая внимание на эту сторону концепции Аристотеля, приходит к выводу, что этот последний, «строю свою политическую теорию, исходил из весьма его политически сближающих с Платоном лаконофильских идей, прежде всего из идеи замкнутого автаркического полиса» (*А. К. Бергер. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966, стр. 112*).

¹⁸ Не без основания ван Эффентер говорит об «открытии Крита» греческими писателями IV в. (*H. van Effenterre. Ук. соч., стр. 19* слл.).

определил Фр. Олье в своей книге «Спартанский мираж»¹⁹: «Наблюдаемая извне, с определенной дистанции она (Спарта) приобрела в V веке резкие, определенные черты, которые властно воздействовали на умы и были способны к возбуждению как самой сильной антипатии, так и восхищения. Она выставляла напоказ жесткую простоту своих очертаний. В своей наготе, без прикрас Спарта наилучшим образом демонстрировала зрителям своеобразие своего строя». Итак, именно простота, примитивность общественного строя дорийских государств привлекали к ним внимание греческих мыслителей. В этой простоте они видели залог их исключительной стабильности. Правда, в конце концов кризис, охвативший Грецию, затронул и эти отсталые государства. Однако на расстоянии его симптомы можно было объяснить частными просчетами законодателя, не отвергая весь установленный им порядок в целом. Именно здесь, в Спарте и на Крите, утописты IV в. нашли, как им казалось, идеально сбалансированную при всей ее простоте систему взаимоотношений полиса и хоры, то есть рабов и рабовладельцев, систему, базирующуюся всецело на земледелии и поэтому удивительно стабильную, гарантирующую гражданам устойчивый доход и в то же время избавляющую их от всякой «хрематистики».

Не менее важно обратить внимание и на другую сторону этой идеализации. Принцип уравнительности, царивший в дорийских государствах, казался теоретикам полиса наиболее радикальным и вместе с тем безболезненным способом устранения внутренних противоречий, раздиравших гражданскую общину в таких городах, как, скажем, Афины. В данном случае и Платон, и Аристотель выступают как выразители взглядов зажиточных граждан, напуганных эксцессами демократического режима (литургии, судебные процессы против богатей, шантаж сикофантов и т.п.)²⁰. Еще более последовательно проводит ту же мысль Ксенофонт в V-VII-й главах «Лакедемонской политики», где он развертывает перед читателем картину пресловутого спартанского «коммунизма». В большинстве государств, - говорит

¹⁹ F. Ollier. Ук. соч., стр. 45; ср. E. Barker. Ук. соч., стр. 14; G. Morrow. Ук. соч., стр. 52 слл.

²⁰ Оценка политических взглядов Аристотеля в настоящее время сильно колеблется между умеренной демократией и олигархией. Последней точки зрения придерживаются: G. J. D. Aalders. *Mischverfassung und ihre historische Dokumentation in den Politica des Aristoteles*. В кн.: La «Politique» d'Aristote. Geneve, 1964, стр. 233; А. К. Бергер. Ук. соч., стр. 108 сл.; 149 сл.; Ср. M. Defourny. *Aristote. Etudes sur la «Politique»*. P., 1932, стр. 127 слл.; E. N. Tigerstedt. Ук. соч., стр. 300; А. И. Доватур. Ук. соч., стр. 44 слл.

он, - каждый обогащается, как только может, не брезгуя никакими средствами. В Спарте, напротив, законодатель с присущей ему мудростью лишил богатство всякой привлекательности (VII, 3). Все спартиаты - бедные и богатые, ведут совершенно одинаковый образ жизни, одинаково питаются за общим столом, носят одинаково скромную одежду, их дети без всяких различий и поблажек подвергаются военной муштре в агелах. Так что приобретательство лишено в Спарте всякого смысла. Деньги Ликург превратил в посмешище: настолько они неудобны. Даже небольшую сумму денег невозможно спрятать так, чтобы о них не знали соседи (VII, 5, 6). Практически у спартиатов нет ничего своего - все общее. Так, если спартиату срочно нужны лошади и повозка, а своих под рукой нет, он может взять чужих с тем, чтобы потом поставить их на место. Если он задержался на охоте и у него нет с собой провизии, он может взять нужное ему количество из припасов другого (VI, 3, 4). «Таким образом, - заключает Ксенофонт, - выручая друг друга, и малоимущие оказываются совладельцами во всем, чем богата страна (μετέχουσι πάντων τῶν ἐν τῇ χώρα), когда они в чем-нибудь нуждаются». В этих словах заключен явный, лишь слегка завуалированный выпад против афинской демократии. Создавая у читателей иллюзию гармонии классовых интересов, якобы царящей в Спарте, Ксенофонт тем самым ставит под сомнение целесообразность установленной демократией системы раздач бедноте хлеба и денег за счет экспроприации имущества богатей. Как уже было отмечено, ни Платон, ни Аристотель отнюдь не могут быть заподозрены в сознательном, пропагандистском возвеличении всего спартанского, что совершенно определенно можно сказать о Ксенофонте²¹. Тем не менее, в своих попытках сконструировать идеальный полис они оба не идут дальше все той же спартанской уравнительности.

В современной научной литературе нередко высказывается мысль о том, что в своих утопических проектах как Платон, так и Аристотель не выходят за рамки греческого города-государства со всеми присущими ему особенностями: замкнутостью, автаркией,

²¹ Как убедительно показывает Олье (Ук. соч., стр. 394), Ксенофонт, работая над «Лакедемонской политией», ставил перед собой совершенно конкретную политическую цель - оправдать претензии Спарты на гегемонию в глазах греческого общественного мнения. Характерно, с другой стороны, что в своем утопическом романе «Киропедия» Ксенофонт гораздо дальше отходит от спартанского образца, чем Платон и Аристотель в их идеальных государствах (Там же, стр. 435 слл.; E. N. Tigerstedt. Ук. соч., стр. 178).

подчинением индивидуума диктату большинства и т.д.²² Уже а priori высказывания этого рода позволяют рассматривать Спарту и города Крита, поскольку именно они занимают центральное место в политической теории обоих философов, как одну из типичных разновидностей полиса. Действительно, принадлежность дорийских государств к типу полиса, несмотря на все их своеобразие, никогда не ставилась под сомнение греческими мыслителями²³. Между тем, как было уже замечено во вступлении, в современной литературе сомнения такого рода высказываются довольно часто²⁴. Объясняется это тем, что буржуазная историческая наука, утратив свойственное мышлению древних стихийное сознание сущности полиса, до сих пор еще не выработала подлинно научного определения этого понятия. Советские историки, определяя полис как одну из стадий в развитии рабовладельческой формации, исходят обычно из характеристики античной формы собственности, которую дает К. Маркс в «Немецкой идеологии»: «Вторая форма собственности - это античная общинная и государственная собственность... Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это - совместная частная собственность

22 E. Barker. *Greek Political Theory, Plato and his Predecessors*. L., 1951, стр. 19; R. Weil. Ук. соч., стр. 415; G. J. D. Aalders. Ук. ст., стр. 218; С. 77. Утченко. Кризис полиса и политические воззрения римских стоиков. М., 1955, стр. 17; B. Borecky. Ук. соч., стр. 82; E. N. Tigerstedt. Ук. соч., стр. 291; А. К. Бергер. Ук. соч., стр. 86 слл. Ср. А. И. Доватур. Ук. соч., стр. 14 слл.

23 Фукидид (1, 10, 2) говорит о Спарте, как о несинкретизированном полисе, граждане которого живут по древнему эллинскому обычаю деревнями (οὐτε ξυνοικισθείσης πόλεως... κατὰ κόμας δε τῷ παλαιῷ τῆς Ἑλλάδος τρόπῳ οἰκισθείσης). Аристотель (Pol., II, 1272b 9-15), рассказывая о распрях и беспорядках, царящих на Крите, приходит к выводу, что тамошний государственный строй имеет лишь форму (τάξις) политии, являясь, на самом деле, династией. Однако такое положение вещей, имеющее своим результатом полное уничтожение государственного порядка, рассматривается здесь скорее как временное и ненормальное (διὰ τίνας χρόνους μῆρετι πᾶν εἶναι τὴν τοιαύτην, ἀλλὰ λύεσθαι τὴν πολιτικὴν κοινωσίαν). Замечено, что по количеству найденных надписей (особенно декретов) IV век, к которому относится свидетельство Аристотеля, резко уступает предшествующему столетию, что указывает, пожалуй, на прекращение нормальной политической жизни на острове в этот период (ср. E. Kirsten. Die Insel Kreta im fünften und vierten Jahrhundert, стр. 174; R. F. Willetts. Aristocratic Society in Ancient Crete, стр. 116).

24 См. выше, стр. 16 слл.

активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно выросшую форму ассоциации»²⁵. Из этих слов ясно, что Маркс видел в античном городе-государстве не просто политическую надстройку, но определенную форму организации господствующего класса перед лицом угнетенных и, следовательно, существенный элемент самого экономического базиса рабовладельческого общества на одной из стадий его развития²⁶. Правда, сам принцип этой организации остается не вполне ясным, так как мысль Маркса выражена здесь очень сжато. Прежде всего, что следует понимать под «общинной собственностью», которая составляет основу античной формы собственности и, следовательно, основу полиса? В нашей научной литературе можно встретить различные ответы на этот вопрос. Так, С. И. Ковалев²⁷ понимает термин Gemeindegentum буквально как 'собственность, принадлежащая непосредственно государству', как например, ager publicus в Риме. Однако, встав на эту точку зрения, нам пришлось бы исключить из ранга полисов, например, Афины, где государственная земля, как известно, играла весьма скромную роль в экономике страны²⁸. Иное толкование этого положения Маркса выдвигает С. Л. Утченко²⁹. По его мнению, природа античной формы собственности проявляется прежде всего в том, что в античном обществе собственником в собственном значении этого слова может быть лишь член общины, полноправный гражданин. В соответствии с этим Утченко определяет полис как «организацию, которая в известных исторических условиях наилучшим образом обеспечивала коллективу собственников осуществление

25 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3, стр. 21. Перевод: «...лишь сообща владеют своими... рабами» - не вполне точен. В подлиннике читаем: «...besitzen nur in ihrer Gemeinschaft die Macht über ihre... Sklaven». (См. К. Marx, F. Engels. Die deutsche Ideologie. В., 1953, стр. 18). Более точно переводит это место О. О. Крюгер в статье «Движения античных рабов в доэллинистическую эпоху» («Известия ГАИМК», вып. 101, 1934, стр. 121): «Граждане государства только сообща обладают властью... над рабами».

26 Ср. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 14: «В античном мире город с принадлежащими ему землями является экономическим целым».

27 С. И. Ковалев. Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства. «Известия ГАИМК», т. XII, вып. 9-10, 1932, стр. 27.

28 Для Маркса непосредственно государственная собственность на землю была, скорее, лишь частным случаем в рамках античной формы собственности (см. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 11).

29 С. Л. Утченко. Кризис и падение Римской республики. М., 1965, стр. 8.

права на земельную собственность, а также распоряжение (управление) этой собственностью и ее защите». Однако такое определение, хотя против него трудно возразить что-либо по существу, представляется нам чересчур общим, не раскрывающим в полной мере специфику полиса по сравнению, скажем, с восточной или германской сельской общиной³⁰. Ближе других к пониманию действительного смысла слов Маркса подходит К. М. Колобова³¹. Суть полиса она видит в следующем: «Для любого античного полиса характерно наличие двойственной формы собственности: 1) частной собственности рабовладельцев как на недвижимое, так и на движимое имущество; 2) общеполисной формы собственности как верховной собственности всего гражданского коллектива, объединенного в полис, т.е. государства. Двойственная форма собственности была выражением двойственного социального состава полиса, состоящего из класса рабовладельцев, владеющих землей, деньгами, движимым имуществом, средствами и орудиями производства, рабами, и мелких свободных производителей, живущих личным трудом. Свободные владельцы средствами производства и несложными орудиями труда, но должны были работать сами, чтобы просуществовать и прокормить членов семьи. Их интересы обеспечивала общинно-государственная собственность, ставя преграды беспредельному обогащению рабовладельцев как частных собственников. Это обеспечение проявлялось главным образом в контроле со стороны гражданского коллектива над частной собственностью его членов». В качестве примеров такого рода контроля над собственностью К. М. Колобова называет ограничение пределами полиса права купли-продажи земли, повинности богатых граждан в пользу государства (литургии), установление земельного максимума. «Этими мерами, - продолжает она, - государство стремилось не допустить ослабления сплоченного гражданского коллектива и тем самым сохранить слой свободных производителей как собственников средств производства и орудий

³⁰ С. Л. Утченко игнорирует то обстоятельство, что развитый полис (как, например, Афины V-IV вв. до н. э. или Рим во II-I вв.) включает в свой состав не только землевладельцев, но и собственников других родов, а также людей, вообще лишенных собственности, которые тем не менее все вместе составляют «своим работающим рабам» и, таким образом, в совокупности образуют класс рабовладельцев. См. также Л. С. Васильев, И. А. Стучевский. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. ВИ, 1966, № 5, стр. 79 слл.

³¹ История Древней Греции. Под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса. М., 1962, стр. 151 сл.

труда»³². Таким образом, полис можно определить как своеобразный союз (блок), объединяющий в единое целое два крыла гражданского сословия: зажиточных граждан, владеющих рабами, и свободную бедноту. В основе этого союза лежит особая политика государства, содержание которой можно свести к комплексу мероприятий частью ограничивающих развитие частной собственности, частью, добавим от себя, способствующих сохранению и расширению собственности общины в ее чистом виде (сюда можно отнести не только недвижимость, но также и денежные доходы государства - например, союзнический форо в Афинах). Что касается мер, направленных на ограничение частной собственности, то они могут быть двоякого рода, выражаясь либо в перераспределении части прибавочного продукта рабовладельческих хозяйств между всеми гражданами (литургии, налоги на собственность, конфискации и т.д.), либо в контроле за потреблением этого прибавочного продукта самими рабовладельцами (законы против роскоши). Меры этого последнего рода, хотя и содержали в себе значительный элемент демагогии, имели тем не менее немаловажное значение (особенно на ранних этапах формирования полиса), сдерживая рост частных состояний и способствуя установлению, если не действительного, то, по крайней мере, видимого равенства граждан.

В известной мере эти традиции уравнительности, справедливого дележа были унаследованы полисом от его исторической предшественницы - родо-племенной общины. Именно так, очевидно, следует понимать слова Маркса о сохранении гражданами полиса «естественно выросшей формы ассоциации». Вместе с тем, однако, полис нельзя рассматривать как простой слепок племенной общины, автоматически перенесенный в новые исторические условия. При

³² Сходную характеристику полиса дает чехословацкий историк Б. Борецкий в его уже цитированной выше (прим. 12) статье. Он указывает (стр. 91), что «характерной чертой развития города-государства как инструмента для эксплуатации рабов является... сглаживание постоянно растущих социальных противоречий среди граждан, сохранение политического единства гражданского коллектива». Пути к достижению этого внутреннего единства могут быть различными. С одной стороны - это характерная для примитивных форм полиса (Спарты, городов Крита, ранних Афин) политика регулирования отношений собственности прежде всего в землевладении (Ук. соч., стр. 84), с другой - характерное для Афин в пору их расцвета участие всех граждан в той или иной форме в эксплуатации рабов, чужеземцев и зависимых земель (Там же, стр. 90). Эта верная мысль, к сожалению, не получила в статье Борецкого надлежащего развития и картина социально-экономических отношений внутри полиса остается у него неполной. В частности, вне поля внимания автора остаются такие важные элементы полисной организации, как литургии, законы против роскоши и т. д.

наличии известного родового сходства между ними нельзя не заметить и резкого различия - различия между первобытной, еще не расчлененной на классы общиной и общиной эксплуататорской, имеющей к тому же форму государства. Преемственность, отмеченная Марксом, не исключает коренной ломки и перестройки всех основных институтов племенной общины, а также появления и совершенно новых, ей неизвестных учреждений при переходе на стадию города-государства. Так, законы против роскоши, являясь, несомненно, одним из древнейших полисных институтов, были совершенно неизвестны в эпоху господства родового строя. У современных отсталых народов большое богатство не считается чем-то предосудительным в том случае, если его рост сопровождается постоянными изъятиями щедрости владельца по отношению к своим соседям и соплеменникам³³. Едва ли случайно также, что греческая традиция обычно связывает меры против роскоши и богатства с именами конкретных законодателей (Солона, Залевка, Периандра, Ликурга и т. д.) и, таким образом, дает им более или менее точную датировку. Очевидно именно законы такого рода представлялись историческому мышлению греков наиболее ярким свидетельством сознательного вмешательства законодателя в естественный процесс развития государства. Напротив, упоминания о законодательном учреждении литургий в традиции почти не встречаются. И это понятно: корни литургии уходят слишком глубоко в родовую строй, чтобы можно было проследить ее возникновение³⁴. Щедрость богача в угощении своих сородичей, а затем сограждан, в исполнении общественных повинностей казалась грекам делом само собой разумеющимся, данным от века³⁵.

³³ Типичным примером такого рода представлений может служить потлач у индейцев Северо-Западной Америки, о котором мы уже упоминали выше, в Гл. II, прим. 57.

³⁴ Этимологически термин *λειτουργία* (из *λειτουργία*) происходит, по всей вероятности, от *λείτων* («народный дом» в ахейском диалекте - см. *W. W. How, J. Wells. A Commentary on Herodotus. II, стр. 219, ad Hdt, VII, 197*), что указывает на связь обычая с кругом мужских союзов в ранней Греции. Как правильно замечает Глотц (*G. Glotz. La cite grecque. P., 1928, стр. 24*), древнейшей формой литургии было устройство священной трапезы (*ἑστιάσις*) для соплеменников. Примитивной разновидностью литургии можно считать также военные повинности богачей в гомеровский период (см. выше, Глава II); ср. *A. Andreades. Geschichte der griechischen Staatswirtschaft. Bd. I. München, 1931, стр. 24, 138*). В целом вопрос о происхождении этого своеобразного института в настоящее время почти не исследован.

³⁵ См. интересные замечания на этот счет С. Я. Лурье в изд.: Плутарх. Избранные биографии. М.-Л., 1941, прим. 36 к биографии Кимона.

Несомненно, однако, что сам принцип, лежащий в основе литургии, должен был претерпеть существенные изменения при переходе от общины к полису. Из моральной нормы он стал государственным законом³⁶. Оставляя в стороне гипертрофированные формы этого института в Афинах IV в., заметим, однако, что элементы систематизации в распределении повинностей между зажиточными гражданами должны были появиться уже на начальном этапе становления греческого города-государства. Достаточно вспомнить такие важные вехи в древнейшей истории Атики, как установление системы навкрарий или солоновский ценз³⁷. Правда, на первых порах точная фиксация литургий диктовалась в основном интересами военного дела, однако, уже довольно рано мы сталкиваемся с попытками распространить те же принципы и на другие³⁸ области государственной жизни, например, на организацию культа.

С другой стороны, экономические привилегии аристократии, столь характерные для гомеровской общины, в течение архаического периода, были изжиты в большинстве передовых полисов. В частности, принцип *ῥέρας*, обеспечивавший «лучшим» львиную долю при разделе общественных доходов, теперь уступает место принципу абсолютного равенства граждан в их отношении к государственной собственности³⁹. В дальнейшем на этой почве вырастают такие совершенно неизвестные в первобытном обществе институты, как оплата должностей и военной службы, диобелия, раздачи и т. д.

Отмеченные особенности внутренней организации полиса позволяют по-новому взглянуть также и на дорийские мужские союзы. В самом деле, все те элементы, из которых складывается характерная для любого античного государства политика ограничения частной собственности и упрочения собственности общинной, мы находим также в Спарте и городах Крита, но не в виде разрозненных и

³⁶ *A. Andreades. У к. соч., стр. 140.*

³⁷ Литургический характер навкрарий подчеркивает Гоммель (*H. Hommel. Naukraria. RE, Hbd. 32, 1935, стб. 1942*; см. также *U. Kahrstedt. Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart - B., 1934, стр. 247 сл.*; ср., однако, *H. Strasburger. Trierarchie. RE, Hbd. 13, 1939, стб. 107*).

³⁸ Автор псевдоаристотелевой «Экономики» (II, 1347a II) возводит такие литургии, как триерархия, хорегия, гимнасиархия ко времени Гиппия. Закон об антидосисе в одном случае приписывается Солону (*Dem., XLII, 1*), что, однако, кажется маловероятным.

³⁹ Примером может служить раздел доходов Лаврийских рудников в Афинах начала V в. до н. э. (по 10 драм на человека - *Hdt., VII, 144*; ср. III, 57).

изолированных друг от друга учреждений и законов, а слитым в некое компактное, органическое целое в виде сисситии⁴⁰. Дух ригористической уравнительности, строгого взаимоконтроля, царивший на обедах фидитиев и гетерий, - лишь более последовательное и категоричное выражение того же самого принципа, который был положен в основу законов против роскоши в других греческих полисах. С другой стороны, присущий всякому полису принцип литургии, повинностей имущих в пользу неимущих, совершенно отчетливо выступает в таких дорийских обычаях, как угощение сотрапезников в фидитиях или предоставление дома и утвари для обедов гетерии ее архонтом. Результатом дальнейшего развития того же принципа можно считать критскую форму взносов в сисситии на основе подоходного (10%) обложения⁴¹. Наконец, распределение государственных доходов между гетериями в городах Крита, по существу, представляет собой ничто иное, как древнейшую разновидность той системы раздач, оплачиваемых должностей, праздников и т. п. способов подкармливания народа, которая достигла такого развития в Афинах V-IV вв. до н. э. В этом свете дорийский мужской союз (фидитий или гетерия) может рассматриваться как своеобразная ячейка, атом, основной структурный элемент дорийского полиса. В то же время каждый из таких союзов как бы в миниатюре воспроизводит исторический тип полиса вообще. «Совместная частная собственность граждан» здесь, в Спарте и на Крите, не абстрагируется из своих многочисленных проявлений в различных ведомствах города-государства, а отливается в одну конкретную, житейскую форму повседневного сотрапезничества. В этой простоте, конкретности, единичности и заключается тот соблазн, который, несомненно, представляли сисситии для греческих теоретиков государства в их поисках наилучшей формы полиса.

Как конкретное воплощение основных принципов полисной организации, дорийские мужские союзы с наибольшей наглядностью подтверждают тезис Маркса о той преемственности, которая связывает город-государство с первобытной общиной. Родство гетерий и

⁴⁰ Впрочем, можно сослаться и на ряд других мер, сдерживавших развитие частной собственности в дорийских государствах. Таковы законы, запрещающие куплю-продажу земли, монополизация государственной золотой и серебряной монеты, некоторые меры против роскоши (см., например, Plut. Lyc., XIII, XXVII).

⁴¹ В Спарте богачи должны были кормить на свой счет лошадей для конницы (Xen. Hell., VI, 4, 11), а также устраивать приемы для именитых чужеземцев (Athen., IV, 138 e-f; Xen. Memor., I, 2, 61; Plut. Cimo, X).

фидитиев с мужскими союзами Черной Африки, Меланезии, Индии, Америки и т. д. можно считать неоспоримо доказанным. В самой Греции их прототипом были объединения сотрапезников, подобные тем, которые изображает в своих поэмах Гомер⁴². Союзы этого последнего типа действуют в рамках родовой общины, которая, однако, уже находится на стадии разложения. Но подобно тому как полис, взятый абстрактно, нельзя рассматривать просто как законсервированную общину, точно так же союзы граждан в Спарте и на Крите не были лишь разновидностью первобытных мужских союзов. Факты показывают, что это была организация совершенно иного рода, сохранившая лишь отдельные элементы старой формы.

В организационном отношении система фидитиев в Спарте довольно близко напоминает систему возрастных классов - «полков» у южно-африканских банту: зулусов, матабеле, нгуни и пр.⁴³ В обоих случаях отдельные союзы, входящие в состав системы, подчинены строгому контролю центральной власти (у банту в лице племенного вождя, в Спарте в лице эфоров). В обоих случаях основой, на которой покоится система мужских союзов, является не родо-племенное деление, а территориальное. Наконец, как в том, так и в другом случае религиозная окраска союзов либо совсем не выражена, либо выражена очень слабо⁴⁴. Однако, несмотря на отмеченные черты сходства, между обеими этими формами мужских союзов есть и существенное различие, вытекающее из того, что исторически банту Южной Африки до их покорения европейскими колонизаторами находились еще на стадии военной демократии, тогда как спартанцы уже миновали этот этап и перешли на стадию классового общества и государства. Главной функцией системы возрастных классов у зулусов и других родственных им племен была война. Каждый отдельно взятый

⁴² Спартанские сисситии, в сущности, представляют собой сочетание двух гомеровских форм - обеда в складчину с поочередным угощением сотрапезников (так наз. *βίηλο*). Как модификацию гомеровского «чередования домами» можно рассматривать и критские андрии (от этого обычая, возможно, ведут свое происхождение повинности, которые были возложены на архонта гетерии).

⁴³ Параллель такого рода проводит Фергюсон (*W. S. Ferguson. The Zulus and the Spartans. HarvAfSt, II, 1918*), с работой которого нам, к сожалению, не удалось ознакомиться. О возрастных классах зулусов и пр. см. *E. J. Krige. Sozial System of the Zulus. N.Y. - L., 1936* стр. 36 слл.; *И. И. Потехин. Военная демократия матабеле. «Труды ИЭ», XIV, 1951.*

⁴⁴ К собственно религиозным функциям мужских союзов у зулусов и родственных им племен можно отнести только посвященные обряды (обрезание) при переходе из одного возрастного класса в другой.

мужской союз представлял собой отряд воинов в составе общеплеменного ополчения. Иначе обстояло дело в Спарте. Фидитии, хотя они и играли определенную роль в военной подготовке и мобилизации граждан, не были войсковыми подразделениями в собственном смысле этого слова. Каждый фидитий включал в свой состав граждан различного возраста от 20 до 60 лет. Напротив, у зулусов каждый союз (интанга) состоял только из сверстников, что делало весьма удобным его использование в качестве тактической единицы. Взятая в целом возрастная организация зулусов охватывала всех взрослых мужчин племени, способных носить оружие.⁴⁵ Вне возрастных классов стояли только женщины, дети и старики⁴⁵. Единственным путем к достижению статуса полноправного члена племени был обряд инициации. В противовес этому спартанские фидитии представляли собой замкнутые организации, доступ в которые был открыт лишь одному правящему сословию, т.е. ничтожному меньшинству по сравнению с общей массой мужчин-воинов на территории государства. Периеки, неодамоды, илоты, хотя бы они и несли военную службу, не имели права участвовать в сисситиях граждан. И, наоборот, исправное посещение сисситий играло роль критерия при определении гражданских прав. Сам акт приема в фидитий так, как он описан Плутархом, не имеет уже ничего общего с первобытным испытательным обрядом. Метод отбора новых членов в сисситиях должен был защитить спартанскую аристократию от проникновения в ее ряды нежелательных чужеродных элементов. Также и на Крите разграничительная линия между гражданами и негражданами определялась именно принадлежностью первых к мужским союзам - гетериям. В соответствии с этим свободные жители полиса, не имеющие гражданских прав, назывались «апетерами», т.е. людьми, стоящими вне гетерий. Противоположный по значению термин «гетер» в надписях не встречается. Его заменяет, очевидно, термин «дромей», обозначающий полноправного гражданина. Обычай публичных состязаний в беге на Крите был тесно связан с институтом гетерий. Здесь, как и в Спарте, физическая подготовка наряду с участием в сисситиях была важнейшим признаком, отличающим гражданина от представителей других сословий⁴⁶.

⁴⁵ У зулусов каждому отряду (интанга) молодых воинов соответствовал такой же отряд девушек. Однако организацию такого рода едва ли можно считать результатом естественного развития (см. *E. J. Krige*. Ук. соч., стр. 37).

⁴⁶ По словам Аристотеля (*Polit.*, II, 1264a 21), основное различие между свободными и рабами на Крите заключалось в том, что последним было запрещено

Отчетливо выраженный корпоративный характер гетерий и фидитиев позволяет сопоставить их с современными «тайными» союзами туземцев Африки, Меланезии и Северной Америки. Подобно большинству союзов этого типа фидитии и гетерии были объединениями имущих против неимущих. Исключение бедноты из состава союзов предусматривает спартанский закон о взносах в сисситии. В гетериях требование имущественного ценза, очевидно, не было столь жестким. Зато здесь мы сталкиваемся с типичным для «тайных союзов» вступительным взносом в форме угощения членов союза вновь поступающим в него⁴⁷. По словам Плутарха (*Лус.*, XII; ср. *Quaest. symp.*, VII, 9), содержание бесед, которые велись в спартанских сисситиях, запрещалось разглашать перед посторонними. Здесь перед нами опять-таки типичный внешний признак «тайного союза». Тем не менее, и в этом случае этнографические параллели не раскрывают в полной мере историческое своеобразие дорийских мужских союзов.

Несмотря на отдельные признаки сходства, между ними и современными «тайными союзами» имеются весьма существенные различия как структурного, так и функционального порядка. При сравнении гетерий или фидитиев с развитыми «тайными обществами» типа Поро или Эгбо в Западной Африке бросается в глаза такая характерная черта в организации последних, совершенно, однако, не свойственная первым, как наличие многочисленных внутренних градаций или степеней посвящения, переход на каждую из которых требует особого вступительного взноса, что, по сути дела, превращает их в отдельные союзы внутри союза⁴⁸. Иерархическая структура «тайных союзов» отражает стихийный процесс социальной дифференциации племенной общины в условиях становления классового общества. Племенная знать образует замкнутую корпорацию внутри союза и таким образом изолирует себя от массы рядовых общинников, допущенных лишь к низшим степеням посвящения.

По сравнению с объединениями этого типа внутренняя структура дорийских мужских союзов кажется довольно простой. Социальное посещение гимнасии и пользование оружием. В Спарте существовало представление, что свободного человека отличает от раба прежде всего присущий им обоим физический облик (*Myro Pr. y Athen.*, 657 d; ср. *Xen. Hell.*, V, 3, 9; *Plut. Agis*, VIII).

⁴⁷ См. выше, стр. 130.

⁴⁸ Так называемые «клубы» северо-американских индейцев и меланезийцев, очевидно, представляют предшествующую стадию в эволюции «тайных союзов». К этой форме типологически довольно близки мужские союзы гомеровского времени.

положение членов союза, их богатство и происхождение не оказывают здесь сколько-нибудь заметного влияния на их положение внутри союза. Этот «демократизм» дорийских союзов проявляется прежде всего в организации сисситий, на которых богатые и бедные, знатные и незнатные получали одни и те же строго нормированные порции. Насколько можно судить по имеющимся данным, к устройству сисситий в основном и сводилась деятельность как критских гетерий, так и спартанских фидитиев⁴⁹. Разнообразные экономические, полицейские и религиозные функции, свойственные «тайным союзам», в их компетенцию, по-видимому, не входили⁵⁰.

С другой стороны, главная функция дорийских сисситий - функция консолидации гражданского коллектива полиса путем искусственного выравнивания образа жизни всех его членов - совершенно чужда типичному «тайному союзу». Этот последний представляет собой весьма пластичную и подвижную систему, четко откликающуюся на все изменения племенной экономики. Этим объясняется отсутствие четкой организации и случайный состав многих объединений этого рода⁵¹. Дорийский мужской союз, напротив, с самого начала сознательно поставлен в противовес экономическому развитию, как своеобразный амортизатор между хозяйственным базисом и политической надстройкой общества. Эта особенность спартано-критской формы мужских союзов, резко отличающая ее от всех других разновидностей этого института, вытекает из того, что мужской союз в данном случае, как было сказано, является лишь одним из структурных элементов рабовладельческого полиса.

⁴⁹ В отличие от дорийских сисситий, совместные обеды членов первобытного мужского союза не несут на себе какой-либо функциональной нагрузки, будучи естественным выражением общности группы сородичей или соплеменников. Поэтому строгая регламентированность, свойственная спартано-критским сисситиям (обязательность посещения, регулярные точно установленные взносы участников, постоянное помещение для обедов), для таких более ранних разновидностей того же обычая, как гомеровские пиры, не характерна.

⁵⁰ Впрочем, в Спарте, как было показано выше, система мужских союзов имела специализированные ответвления с особыми полицейско-террористическими функциями (криптии и корпус «всадников»).

⁵¹ Так как богатство чаще всего является единственным условием, необходимым для поступления в «тайный союз», в него могут попасть чужеземцы, мальчики, еще не достигшие совершеннолетия, а в некоторых случаях даже рабы и женщины (*L. Frobenius. Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle, 1898, стр. 86; H. Schurtz. Altersklassen und Männerbünde. В., 1902, стр. 421; H. Webster. Primitive Secret Societies. N. Y., 1932, стр. 95, 122).*

В Греции V-IV вв. до н. э. мы находим противостоящими друг другу два различных типа полиса. Один из них наиболее рельефно воплощен в афинской демократии, другой в спартанском государстве. Различие между этими двумя полисами не сводится только к противоположности между демократией и олигархией. Не менее важны различия в характере экономики и, прежде всего, в формах эксплуатации рабов, свойственных каждому из этих государств. Именно эти различия в значительной мере определяют своеобразие полисной организации как Афин, так и Спарты.

Экономическую основу афинского государства составлял труд покупных рабов в ремесле и сельском хозяйстве. Развитие рабства протекало здесь, как постепенный, стихийный и практически ничем не ограниченный процесс. Свободное развитие рабовладения, равно как и других видов частной собственности, имело своим следствием крайнюю пестроту и неоднородность социального состава гражданского коллектива. Победа демократии, отмена ценза и других ограничений права гражданства, по сути дела, политически закрепила эту внутреннюю неоднородность афинского полиса. Вместе с тем, политическое уравнение беднейших слоев свободного населения Афин с его верхушкой требовало в качестве дальнейшего шага подтягивания первых до уровня последней также и в экономическом отношении. Широкие возможности в этом направлении открывала эксплуатация городов-членов Афинского морского союза. На протяжении почти полувека союзнический форос входил в качестве важного компонента в доходы многих тысяч афинян. Распределение фороса шло в централизованном порядке по нескольким каналам одновременно. Безусловно, главным из этих каналов была оплата государственных должностей, нигде не достигавшая такого развития, как в Афинах⁵². После разгрома Афин в Пелопоннесской войне тяжесть основных расходов в кормлении демоса была переложена на плечи зажиточных граждан, которые вынуждены были теперь уступать демократическому государству значительную часть своих доходов от труда рабов, а также разного рода финансовых и торговых операций. Однако принципы организации государственного хозяйства при этом, в сущности, не изменились. Ведущую роль продолжало играть централизованное распределение доходов полиса с помощью системы раздач, платы должностным лицам и литургий.

⁵² Неплохую характеристику этого античного *Staatsrententum* дает Хазебрёк (*J. Hasebroeck. Staat und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928, стр. 33 сл.*). См. также *B. Borecky. Ук. соч., стр. 89 сл.*

Развитие спартанской экономики уже с конца VI в. до н. э. идет по другому пути⁵³. Илотия - основной определяющий фактор всей спартанской истории - возникла в результате завоевания. Поскольку завоевание было осуществлено силами всей общины спартиатов, общинная собственность на землю и на рабов в конечном счете стала здесь господствующей, оттеснив частную собственность на задний план. В свою очередь, это имело своим следствием превращение всех граждан государства в равной мере во владельцев земли и рабов. Закрепление общинного землевладения в Спарте диктовалось необходимостью поддерживать определенное равновесие между численностью свободных и порабощенных. Именно эту цель и преследовало создание системы землепользования, основанной на неделимых и неотчуждаемых «древних» наделах, каждый из которых должен был содержать одного или, может быть, нескольких воинов-спартиатов и их семьи. По наиболее вероятному предположению, эта реформа могла быть проведена в период, следующий непосредственно за II-й Мессенской войной, в результате которой в распоряжении спартанского государства оказались большие массивы пахотной земли и многочисленные рабы-илоты, работавшие на этой земле. Одновременно с аграрной реформой и, очевидно, в тесной связи с ней, как уже говорилось выше, подверглась коренным изменениям организация мужских союзов и связанный с нею обычай сисситий - коллективных обедов граждан.

Сохранение и развитие института сисситий в рамках полиса было важнейшим средством укрепления дисциплины внутри коллектива рабовладельцев в таком государстве, как Спарта, где, как известно, была нарушена основная заповедь рабовладельческой экономики: избегать скопления больших масс рабов, говорящих на одном языке (см. Plat. Leg., 777 C; Arist. Polit., VII, 1330a 26). В отличие от разнотрибных, разрозненных рабов большинства греческих государств, илоты составляли сплоченную однородную массу, всегда готовую к

⁵³ Своеобразие спартанского пути развития нельзя понимать в духе плоского эволюционизма, как это делает, например, Каршtedт. Дорийский полис не был куколкой, из которой со временем (при благоприятных условиях) мог бы развиться полис классического типа. Спарту нельзя уподобить Афинам начала VI в., застывшим на мертвой точке в ожидании солоновской реформы. Классическая Спарта, несомненно, представляет собой более высокий тип общественного развития. Четкое классовое деление общества, государство, основанное на территориальном принципе, система мужских союзов, вытеснившая родовые организации, первоклассная армия - ничего этого в Афинах времени Солона мы еще не находим.

восстанию. В этой обстановке дисциплина, максимальная сплоченность и организованность были вопросом жизни или смерти для всех спартиатов. В условиях отсталой полунатуральной экономики Спарты наиболее рациональной формой консолидации господствующего класса оказалось товарищество сотрапезников - фидитий. Для большей части граждан Спарты - вчерашних крестьян, сисситии - обеды в складчину, были привычной традицией⁵⁴. Сисситии и стали основой той системы повседнежного контроля над жизнью граждан, над их потреблением, которая является наиболее характерной чертой «ликургова космоса»⁵⁵. Сохранение обычая сисситий было выгодно прежде всего спартанской олигархии. Разбитый на небольшие, организованные на «патриархальный» лад группы, ежедневно собирающийся на обязательные обеды, скудный рацион которых разнообразили лишь щедроты богатых сотрапезников, спартанский демос был гораздо менее опасен для правящей знати, чем, скажем, буйная городская толпа в Афинах. Таким образом, будучи, с одной стороны, орудием господства свободного меньшинства над порабощенным и неполноправным большинством, фидитии, с другой стороны, использовались как своеобразный инструмент народоправства внутри того же меньшинства⁵⁶.

Историческая ситуация, сложившаяся на Крите к концу архаического периода, как бы в миниатюре повторяет ту картину социально-

⁵⁴ Руссель (*P. Roussel. Sparte. P., 1960, стр. 41*) видит в сисситиях аристократический обычай, искусственно привитый остальной массе граждан. Однако, в действительности пиры в складчину в VIII-VII вв. до н. э. были хорошо известны и крестьянам (см. Hesiod. Op., 722 сл.).

⁵⁵ Контроль над распределением прибавочного продукта рабовладельческих хозяйств между гражданами был бы слишком сложной задачей для примитивного государственного аппарата Спарты. К мерам, ограничивающим потребление, можно отнести также запрещение пользоваться какой-либо иной монетой, кроме железной, строить дома при помощи каких-либо других инструментов, кроме пилы и топора, удаление из Спарты чужеземных ремесленников и торговцев и т. д.

⁵⁶ Нельзя игнорировать элемент, пусть внешнего демократизма, свойственный «ликургову космосу». Учреждение системы фидитиев было ответом на демократическое движение, охватившее Спарту в VII-VI вв. до н. э., так же, как и многие другие полисы Греции. Однако здесь это движение не привело к полной победе демоса. Аристократия продолжала сохранять контроль над положением в государстве в своих руках, так же, как и некоторые из своих экономических привилегий, хотя за это ей пришлось заплатить известным самоограничением своего жизненного уклада. Таким образом, это была своего рода «революция сверху» (см. *P. Roussel. Sparte, стр. 41 сл.; F. Kiechle. Lakonien und Sparta. München - B., 1963, стр. 256; A. Andrewes. The Greek Tyrants. L., 1958, стр. 75 сл.; ср. J. Hasebroeck. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931, стр. 203 сл.; H. Berve. Sparta. Lpz., 1937, стр. 35 сл.*)

политических отношений, которую мы уже наблюдали в Спарте в ее, так сказать, крупном плане. Ни одному из критских полисов не удалось полностью подчинить своей гегемонии соседние города и создать такое мощное государственное образование, как Лакедемон. Внутренняя обстановка на острове, по-видимому, не была столь напряженной, как в Спарте.

Аристотель (Polit., II, 1269a 39 слл.; 1272b 18) противопоставляет критских периеков илотам, утверждая, что первые, в отличие от последних, никогда не восстают против своих господ. По его мнению, это объясняется почти полной изоляцией Крита от внешнего мира (илотов натравливают на спартанцев их соседи)⁵⁷. На Крите не было и столь резкого численного перевеса рабов над свободными, как в Спарте, так как территория и население отдельных полисов были весьма незначительны.

Все это накладывает отпечаток известного своеобразия на местную форму мужских союзов, делая невозможным ее отождествление со спартанскими фидитиями. Казарменная спартанская дисциплина не привилась в городах Крита. Принцип беспрекословного подчинения части целому, личности государству, осуществленный в Спарте на практике, здесь оставался, скорее, недостижимым идеалом. Организация гетерий была поэтому гораздо менее четкой, чем организация фидитиев. Такие черты системы союзов, как унификация и централизация на Крите были выражены довольно слабо. Частная инициатива, напротив, играла весьма значительную роль (например, в вербовке агел). Это свидетельствует о том, что гетерии в отличие от фидитиев еще сохраняли многие характерные черты родовых мужских союзов периода дорийского завоевания. «Более демократичная», по выражению Аристотеля (Polit., II, 1271a 28 слл.), организация критских сисситий также может расцениваться как наследие той исторической эпохи, когда господствующей была нераздельная родо-племенная собственность на землю и другие средства производства⁵⁸.

⁵⁷ В какой-то мере это свидетельство Аристотеля подкрепляется данными Гортинского кодекса. Так, браки рабов со свободными женщинами, о которых говорится в одном из его разделов (VII, 1 слл.), в Спарте V в. едва ли были бы возможны.

⁵⁸ Интересно, что пережитки родового строя на Крите уживались с довольно развитым товарно-денежным хозяйством. На это указывают частые упоминания денежных штрафов в декретах Гортины и других городов (*Л. Н. Казамазова. Очерки социально-экономической истории Крита V-IV вв. до н. э. М., 1964, стр. 81*). По сравнению со Спартой, развитие критской экономики протекало в более благоприятных условиях. Отдельные полисы здесь были слишком слабы, чтобы поставить на пути растлевающего граждан духа наживы даже столь ненадежный

* * *

Результаты предпринятого нами исследования вкратце сводятся к следующему. Мужские союзы, существовавшие в дорийских городах-государствах (Спарте и городах Крита) в V—III вв. до н. э. в их двух основных разновидностях (фидитии и гетерии), представляют собой особую форму организации класса рабовладельцев в рамках античного полиса. В этом аспекте дорийские мужские союзы существенно отличаются от всех других типов и разновидностей этого института, известных нам по этнографическим описаниям и по другим источникам. Исторически фидитии и гетерии являются результатом искусственной перестройки более ранней первобытной формы мужского союза. Эта последняя форма, правда, уже на стадии разложения зафиксирована в гомеровских поэмах. Можно предположить, что первоначально мужские союзы дорийцев Спарты и Крита были тесно связаны с родо-племенной организацией. На Крите эта связь продолжала сохраняться еще в сравнительно поздний период. Разложение родового строя в Спарте и городах Крита не повлекло за собой ликвидации мужских союзов как формы общественно-политической жизни. Напротив, претерпев существенные изменения как в своей организации, так и в функциях, мужские союзы сыграли немаловажную роль в становлении рабовладельческого государства в этих двух районах, став одним из важнейших элементов дорийского полиса.

заслон, как спартанская железная монета. Тем не менее города Крита, конечно, нельзя поставить в один ряд с такими передовыми греческими государствами, как Афины, Коринф или города Малой Азии. Географическое положение острова в отдалении от важнейших торговых путей Эгейского бассейна затрудняло экономическую связь с внешним миром и тем самым в значительной мере задерживало развитие товарно-денежных отношений. Поэтому в экономике Крита еще и в V в. были достаточно сильны элементы натурального хозяйства. Об этом говорит в частности натуральная оплата труда ремесленников в Гортине, Аксосе и других городах (см. выше, стр. 157 сл.). Форма землепользования, существовавшая на Крите в этот период, принципиально еще ничем не отличалась от спартанской (ср. Polyb., VI, 45-46).

Список использованной литературы

- Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961.
- [Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976. -*Ред.]*
- Бергер А. К.* Социальные движения в древней Спарте. М., 1936.
- Бергер А. К.* Политическая мысль древнегреческой демократии., М., 1966.
- Брайант А. Т.* Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953.
- Васильев Л. С., Стучевский И. А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. ВИ, 1966, № 5.
- Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., 1925.
- Владимирицов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Всемирная история. Т. I, 1955.
- Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.-Л., 1965.
- Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- Иоселиани Л. Г.* Гортинские законы. Тбилиси, 1966.
- История Древней Греции. Под ред. *В. И. Авдиева* и *Н. Н. Пикуса*. М., 1962.
- Казаманова Л. Н.* Социально-экономический строй Крита. Автореф. канд. дисс. М., 1951.
- Казаманова Л. Н.* Очерки социально-экономической истории Крита V-IV вв. до н. э. М., 1964.
- Ковалев С. И.* Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства. Изв. ГАИМК, XII, 9-10, 1932.
- Колобова К. М.* К вопросу о структуре греческого рода в период образования афинского государства. ПИДО, 1935, № 7-8.
- Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества. Л., 1951.
- Колобова К. М.* К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема «переходного» периода в Эгеиде. УЗ ЛГУ, 1956, № 192.

Список использованной литературы

- Колобова К. М.* Войкеи на Крите. ВДИ, 1957, № 2.
- Косвен М. О.* Что такое кунацкая? В сб.: Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.
- Косвен М. О.* Аталычество. В сб.: Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.
- Крюгер О. О.* Движения античных рабов в доэллинистическую эпоху. Изв. ГАИМК, вып. 101, 1934.
- Лурье С. Я.* История античной общественной мысли. М.-Л., 1929.
- Лурье С. Я.* Дом в лесу. «Язык и литература», VIII, 1932.
- Лурье С. Я.* О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты. ВДИ, 1939, № 1.
- Лурье С. Я.* История Греции. Ч. I. Л., 1940.
- Лурье С. Я.* Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957.
- Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3. М., 1955.
- Мишулин А. В.* Утопический план аграрной Магнезии. ВДИ, № 3(4), 1938.
- Народы Австралии и Океании. Под ред. *С. А. Токарева* и *С. П. Толстога*. М., 1956.
- Народы Америки. Под ред. *А. В. Ефимова* и *С. А. Токарева*. Т. 1-2. М., 1959.
- Народы Африки. Под ред. *Д. А. Ольдерогге* и *И. И. Потехина*. М., 1954.
- Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950.
- Потехин И. И.* Военная демократия матабеле. Труды ИЭ, XIV, 1951.
- Пропп В. Я.* Мужской дом в русской сказке. УЗ ЛГУ, сер. фил. наук, 1939, № 20.
- Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.
- Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Т. II. Л., 1947.
- Семенов Ю. И.* Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962.
- Снесарев Г. П.* Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии. В кн.: Полевые исследования хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. Т. II. М., 1963.
- Струве В. В.* Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I. М., 1950.
- Сюрэ-Каналь Ж.* Африка Западная и Центральная. М., 1961.

- Токарев С. А.* Родовой строй в Меланезии. СЭ, 1933, № 3-4.
Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964.
Толстов С. П. Военная демократия и проблема генетической революции. ПИДО, 1935, № 7-8.
Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. ПИДО, 1935, № 9-10.
Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии. ВДИ, 1938, № 1(2).
Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958.
Тревер К. В. Древне-иранский термин «рагпа». Изв. АН СССР, сер. истории и философии. Т. IV, № 1, 1947.
Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. М.-Л., 1935.
Тюменев А. И. Передний Восток и античность. ВИ, 1957, № 6.
Утченко С. Л. Кризис полиса и политические воззрения римских стоиков. М., 1955.
Утченко С. Л. Кризис и падение Римской Республики. М., 1965.
Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX вв. М., 1957.
Шаревская Б. И. Старые и новые религии тропической и южной Африки. М., 1964.
Шуллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Докл. и сообщения истфака МГУ. Вып. 6, 1947.
Шмидт Р. В. О непосредственных производителях на Крите. ПИДО, 1935, № 9-10.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961.
- Aalders G. J. D.* Mischverfassung und ihre historische Dokumentation in den Politica des Aristoteles. La «Politique» d'Aristote. Geneve, 1964.
Aly W. Patroioi Theoi. RE, Hbd. 36, 3, 1949.
Andreades A. Geschichte der griechischen Staatswirtschaft. Bd. 1. München, 1931.
Andrewes A. Eunomia. CQ, XXXII, 1938.
Andrewes A. The Greek Tyrants. L., 1958.
Andrewes A. Phratries in Homer. «Hermes», 89, 2, 1961.
Andrewes A. Philochoros on Phratries. JHS, 81, 1961.

- Asheri D.* Laws of Inheritance, Distribution of Land and Political Constitutions. «Historia», XII, 1, 1963.
Bachofen J. J. Das Mutterrecht. Basel, 1897.
Barker E. Greek Political Theory, Plato and His Predecessors. L., 1951.
Barker E. The Political Thought of Plato and Aristotle. N.Y., 1959.
Bauer A. Die Kriegsalteitümer (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft. Bd. IV, 1). Nördlingen, 1887.
Baumann H. Lunda. B., 1935.
Beattie A. J. An Early Laconian Lex Sacra. CQ, XLIV, 1951.
Beloch K. J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Lpz., 1886.
Beloch K. J. Griechische Aufgebote. «Klio», VI, 1906.
Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. I, 1. B., 1924.
Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1960.
Benson J. L. Die Geschichte der korinthischen Vasen. Basel, 1953.
Bergk Th. Griechische Literaturgeschichte. I. B., 1872.
Beringer W. Der Standort des ομηρος in der Gesellschaft des homerischen Epos. «Historia», XIII, 1, 1964.
Berve H. Sparta. «Hist. Vierteljahrschr.», XXV, 1929.
Berve H. Sparta. Lpz., 1937.
Berve H. Griechische Frühzeit. Freiburg in Breisgau, 1959.
Bethe E. Die dorische Knabenliebe. RhM, 62, 1907.
Bielschowsky A. De Spartanorum syssitiis. Breslau, 1869.
Bisinger J. Der Agrarstaat in Platons Gesetzen. Lpz., 1925.
Blakeway A. The Spartan Illusion [Рец. на книгу: *Ollier F.* Le mirage spartiate. T. 1. P., 1933]. CR, XLIX, 1935, 5.
Balte F. Sparta (Topographie). RE, Hbd. 6, 1929.
Borecky B. Die sozial-ökonomischen Grundlagen der griechischen Polis und Platons Gesetzestaat. «Eirene», II, 1964.
Borecky B. Survivals of Some Tribal Ideas in Classical Greek. Prague, 1965.
Bourguet E. Le dialecte Laconien. P., 1927.
Bowra C. M. Greek Lyric Poetry. Oxford, 1961.
Brause J. Lautlehre der kretischen Dialekte. Halle, 1909.
Briffault R. The Mothers. Vol. II. L., 1927.
Bruck E. F. Totenteil und Seelgerät im griechischen Recht. München, 1926.
Bücheler F., Zitelmann E. Das Recht von Gortyn. Frankfurt a. M., 1885.

Ю. В. Андреев. Мужские союзы в дорийских городах-государствах

- Busolt G.** Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeronea. Bd. I. Gotha, 1885.
- Busolt G.** Spartas Heer und Leuktra. «Hermes», XL, 1905.
- Busolt G., Swoboda H.** Griechische Staatskunde. Bd. I—II. München, 1920-26.
- Calderini A.** La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano, 1908.
- Calhoun G. M.** Athenian Clubs in Politics and Litigation. Austin, Texas, 1913.
- Calhoun G. M.** Classes and Masses in Homer. CPh, XXIX, 1934.
- Carpenter R.** Folktale, Fiction and Saga in the Homeric Epics. Berkeley, 1946.
- Cavaignac E.** La population du Peloponnese aux Ve et IVe siecles. «Klio», XII, 1912.
- Chadwick H. M.** The Heroic Age. Cambridge, 1912.
- Chamoux Fr.** Cyrene sous la monarchie des Battiades. P., 1952.
- Chantraine P.** Grammaire homerique. P., 1942.
- Chantraine P.** Dictionnaire etymologique de la langue grecque. II. P., [1968. -Peð.]
- Chrimes K. M.** T. Ancient Sparta. Manchester, 1949.
- Cohen R.** La Grece et l'hellenisation du monde antique. P., 1934.
- Comparetti D.** Le leggi di Gortyna. «Monumenti antichi», III, 1893.
- Cook R. M.** Greek Painted Pottery. L., 1960.
- Cunow H.** Geschichte und Kultur des Inkareiches. Amsterdam, 1937.
- Danielsson O. A.** Zu der milesischen Molpen-Inschrift. «Eranos», XIV, 1, 1914.
- Dawkins R. M.** (Ed.) The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. L., 1929.
- Defourny M.** Aristote. Etudes sur la «Politique». P., 1932.
- Delarozziere R.** Les institutions politiques et sociales des populations dites Bamileke. Etudes Camerounaises, 1949.
- Demargne P.** La Crete Dedalique. P., 1947.
- Den Boer W.** Laconian Studies. Amsterdam, 1954.
- Dennett R. E.** Nigerian Studies. L., 1910.
- De Sanctis G.** The Startus in the Cretan Inscriptions. AJA, 2 sen, V, 3, 1901.
- De Sanctis G.** Ἀθήνη. Storia della republice ateniese. Torino, 1912.
- De Sanctis G.** Epimetron. [K ст.: M. Guarducci. Ordinamenti dati da Gortina a Kaudos]. Riv. Fil., N. S. VIII, 1930.
- De Sanctis G.** Storia dei greci. Firenze, 1940.

Список использованной литературы

- Desborough V. R. d'A.** The Last Mycenaeans and their Successors. Oxford, 1964.
- Desrousseaux A. M.** Observations critiques sur les livres III et IV d'Athenee. P., 1942.
- Dickins G.** The Growth of Spartan Policy. JHS, XXXII, 1912.
- Diels H.** Herodot IX, 85 und die Irenes. «Klio», XIII, 1913.
- Driver H. E.** Indians of North America. Chicago, 1964.
- Effenterre H. van.** La Crete et le monde grec de Platon ä Polybe. P., 1948.
- Effenterre H. van.** Inscriptions archa'iques cretoises. BCH, LXX, 1946.
- Ehrenberg V.** Die Rechtsidee im frühen Griechentum. Lpz., 1921.
- Ehrenberg V.** Spartiaten und Lakedaimonier. «Hermes», LIX, 1, 1924.
- Ehrenberg V.** Neugründer des Staates. München, 1925.
- Ehrenberg V.** Sparta (Geschichte). RE, Hbd. 6, 1929.
- Ehrenberg V.** Der Damos im archaischen Sparta. «Hermes», LXVIII, 3, 1933.
- Ehrenberg V.** Μόθραες. RE, Hbd. 31, 1933.
- Ehrenberg V.** Obai. RE, Hbd. 34, 1937.
- Ehrenberg V.** Τρόφιμοι. RE, Hbd. 13, 1939.
- Ehrenberg V.** Der Staat der Griechen. Zürich - Stuttgart, 1965.
- Elwin V.** The Muria and their Ghotul. Bombay, 1947.
- Fanta A.** Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882.
- Ferguson W. S.** The Athenian Phratryes. CPh, V, 1910.
- Ferguson W. S.** The Zulus and the Spartans. HarvAfSt, II, 1918.
- Finley M. J.** Homer and Mycenae: Property and Tenure. «Historia», VI, 2, 1957.
- Finsler G.** Das homerische Königtum. «Neue. Jahrb. f. klass. Altertum.», XIX, 1907.
- Finsler G.** Homer. Bd. I, Lpz. - B., 1914.
- Francotte H.** L'industrie dans la Grece ancienne. T. I—II. Bruxelles, 1901.
- Francotte H.** La polis grecque. Paderborn, 1907.
- Frazer J. G.** Pausanias's Description of Greece. Vol. III. L., 1898.
- Frazer J. G.** The Golden Bough. Pt. III; VII, 2. L., 1914.
- Frisk H.** Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954.
- Frobenius L.** Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle, 1898.
- Frobenius L.** Und Africa sprach... B. - Charlottenburg, 1912.
- Fürer-Haimendorf Chr.** Das Junggesellehaus im westlichen Hinterindien. «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», I, 1930.

- Fürer-Haimendorf Chr.* Das Gemeinschaftsleben der Konyak-Nada von Assam. «Mitteilungen d. anthropologischen Gesellschaft in Wien», 71.1, 1941.
- Fustel de Coulanges N. D.* La cite antique. P., 1866.
- Fustel de Coulanges N. D.* Etude sur la propriete ä Sparte. P., 1880.
- Gennep A. van.* Les rites de passage. P., 1909.
- Germain G.* Essai sur les origines de certaines themes Odysseens et sur la genese de l'Odyssee. P., 1954.
- Glötz G.* La solidarity de la famille dans le droit criminel en Grece. P., 1904.
- Glötz G.* La cite grecque. P., 1928.
- Glötz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. I. P., 1925.
- Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1945.
- Gomperz Th.* Griechische Denker. Bd. III. Lpz., 1909.
- Graham A. J.* The Authenticity of the «Ὀρχιον των οίκιστήρων of Cyrene. JHS, LXXX, 1960.
- Grote G.* A History of Greece. Vol. II. L., 1869.
- Guarducci M.* Note di antichità cretesi. «Historia», IX, 3, 1935.
- Guarducci M.* Intorno alla decima dei cretesi. Riv. Fil., N. S. XI, 1933.
- Guarducci M.* L'istituzione della fratria nella Grecia antica e nelle colonie greche d'Italia. «Memorie della Accademia nazionale dei Lincei», 6 sen, VI, I (1937); VIII, 2 (1938).
- Guiraud P.* La propriete fonciere en Grece. P., 1893.
- Gulliver P. H.* The Turkana Age Organization. «American Anthropologist», 60, 5, 1958.
- Haeckel J.* Zweiklassensystem, Männerhaus und Totemismus in Süd-america. «Zeitschrift für Ethnologie», 71, 1939.
- Haeckel J.* Männerhäuser und Festplatzanlagen in Ozeanien und östlichen Nordamerica. «Baessler Archiv», 23, 1, 1940.
- Hammond N. G. L.* The Lycurgean Reform at Sparta. JHS, 70, 1950.
- Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C. Oxford, 1959.
- Hammond N. G. L.* Land Tenure in Athens and Solon's Seisachtheia. JHS, LXXXI, 1961.
- Harley G. W.* Notes on the Poro in Liberia. Peabody Museum Papers, 19.2. 1941.
- Harley G. W.* Masks as Agents of Social Control in Northern Liberia. Harvard University, 1950.
- Harrison J. E.* Themis. Cambridge, 1927.
- Hart C. W. M., Pilling A. R.* The Tiwi of North Australia. N.Y., 1961.

- Hasebroeck J.* Staat und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928.
- Hasebroeck J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931.
- Head B.* Historia numorum. Oxford, 1911.
- Heichelheim F.* Monopole. RE, Hbd. 31, 1933.
- Hermann K. Fr.* Antiquitatum Laconicarum libelli quattuor. Marburg - Lpz., 1841.
- Hermann K. Fr.* Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. Bd. I. Heidelberg, 1855.
- Herskovits M. J.* The Economic Life of Primitive Peoples. N.Y. - L., 1940.
- Herzog R.* Heilige Gesetze von Kos (Abh. Preuss. Akad. Wiss., 6, Philos.-hist. Klasse, 1), 1928.
- Hignett Ch.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century. Oxford, 1962.
- Hiller von Gaertringen F.* Thera. Bd. I, B., 1899.
- Hoeck K.* Kreta. Bd. III. Göttingen, 1829.
- Höfler O.* Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. Frankfurt a. M., 1934.
- Hommel H.* Naukraria. RE, Hbd. 32, 1935.
- How W. W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. Vol. 1-2. Oxford, 1957.
- Hubert H.* Les celtes depuis l'epoque de la Tene. P., 1932.
- Hultsch F.* Griechische und römische Metrologie. B., 1882.
- Huxley G. L.* Early Sparta. L., 1962.
- Jacoby F.* Appolodors Chronik. B., 1902.
- Jannet C.* Les institutions sociales et le droit civil ä Sparta. P., 1880.
- Jarde A.* Les cereales dans l'antiquite grecque. T. 1. P., 1925.
- Jeanmaire H.* Lacryptie lacedemonienne. REG, XXVI, 1913.
- Jeanmaire H.* Couroi et couretes. Lille, 1939.
- Jensen A. E.* Im Lande des Gada. Stuttgart, 1936.
- Jeffery L. H.* Comments on Some Archaic Greek Inscriptions. JHS, 69, 1949.
- Joyce P. W.* A Social History of Ancient Ireland. Vol. I. L., 1903.
- Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Bd. I, Lpz., 1917.
- Kahrstedt U.* Die spartanische Agrarwirtschaft. «Hermes», LIV, 1919.
- Kahrstedt U.* Griechisches Staatsrecht. Bd. I, Sparta und seine Symmachie. Göttingen, 1922.

- Kahrstedt U.* Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart - B., 1934.
- Karsten R.* Das altperuanische Inkareich und seine Kultur. Lpz., 1949.
- Keil B.* Über zwei elische Inschriften. «Nachr. Gotting. Gesellsch.», 1899.
- Kiechle F.* Lakonien und Sparta. München - B., 1963.
- Kirsten E.* Die Insel Kreta im fünften und vierten Jahrhundert. Würzburg, 1936.
- Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956.
- Kirsten E., Kraiker W.* Griechenlandkunde. Heidelberg, 1957.
- Kohler J., Ziebarth E.* Das Stadtrecht von Gortyn und seine Beziehungen zum gemeingriechischen Rechte. Göttingen, 1912.
- Krige E. J.* Social System of the Zulus. N.Y. - L., 1936.
- Kromayer J., Veith G.* Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft. Abt. 4, T. 3). München, 1928.
- Lane E. A.* Laconian Vase-Painting. BS A, XXXIV, 1933-34.
- Larsen J. A. O.* Περίοικοι. RE, Hbd. 37, 1937.
- Latte K.* Beiträge zum griechischen Strafrecht. I. «Hermes», LXVI, 1931.
- Latte K.* Νόθοι. RE, Hbd. 33, 1936.
- Latte K.* Phratrie. RE, Hbd. 39, 1941.
- Latte K.* Phyle. RE, Hbd. 39, 1941.
- Latte K.* Kollektivbesitz und Staatsschatz in Griechenland. «Nachr. Akad. Wiss. Gött., Philolog.-hist. Klasse», 1946/47.
- Lauffer S.* Die platonische Agrarwirtschaft. «Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», XXIX, 1936.
- Laveleye E.* De la propriete et des ses formes primitives. P., 1891.
- Lenschau Th.* Die Entstehung des spartanischen Staates. «Klio», XXX, 1937.
- Lindskog B.* African Leopard Men. Uppsala, 1954.
- Lipsius H.* Zum Recht von Gortyns. «Abhdl. Sachs. Gesell. Wiss.», XXVII, 1909.
- Little K.* The Political Function of the Poro. I—II. «Africa», XXXV, 4, 1965; XXXVI, 1, 1966.
- Lorimer H. L.* The Hoplite Phalanx with Special Reference to the Poems of Archilochus and Tyrtaeus. BS A, XLII, 1947.
- Lotze D.* Μεταξύ ελευθέρων και δούλων. B., 1959.
- Lotze D.* Zu den /τοιμάες von Gortyn. «Klio», 40, 1962.

- Lotze D.* Μόθαες. «Historia», XI, 4, 1962.
- Lowie R.* Primitive Society. N.Y., 1925.
- Lowie R. H.* Indians of the Plains. N.Y. - L., 1954.
- Luria S.* Ein milesischer Männerbund. «Philologus», LXXXIII, 2, 1927.
- Luria S.* Zum politischen Kampf in Sparta gegen Ende des 5. Jahrhunderts. «Klio», XXI, 3/4, 1927.
- Luria S.* Burgfrieden in Sillyon. «Klio», 37, 1959.
- Luria S.* Kureten, Molpen, Aisymneten. «Acta Antiqua Acad. Scient. Hungariae», XI, 1-2, 1963.
- Malinowski B.* The Family Among the Australian Aborigines. L., 1913.
- Manganaro G.* Iscrizione opistographa di Axos con prescrizioni sacrali e con un trattato di symmachia. «Historia», XV, 1, 1966.
- Manso J. C F.* Sparta. Bd. I, 1. Lpz., 1800.
- Marrou H. J.* Les classes d'âge de la jeunesse spartiate. REA, 48, 1946.
- Meister R.* Beiträge zur griechischen Epigraphik und Dialektologie. IV, «Ber. Sachs. Gesellsch. d. Wissensch.», XVI, 1904.
- Merker M.* Die Masai. B., 1904.
- Meyer Ed.* Forschungen zur alten Geschichte. Bd. I. Halle, 1892.
- Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1937.
- Michell H.* Sparta. Cambridge, 1952.
- Miller M.* Greek Kinship Terminology. JHS, 73, 1953.
- Miltner F.* Die dorische Wanderung. «Klio», XXVII, 1-2, 1934.
- Mireaux E.* La vie quotidienne au temps d'Homere. P., 1954.
- Morrow G.* Plato's Cretan City. Princeton, 1960.
- Morreau F.* Les festins royaux et leur portee politique d'après l'Illiade et l'Odyssee. REG, VII, 1894.
- Morton-Williams P.* The Yoruba Ogboni Cult in Oyo. «Africa», XXX, 1960, 4.
- Murray G.* The Rise of the Greek Epic. 3rd ed.. Oxford, 1924.
- Müller K. O.* Die Dorier. Bd. 1-2. Breslau, 1824.
- Neumann K. I.* Die Entstehung des spartanischen Staates. «Hist. Zeitschr.», XCVI, 1906.
- Newman W. L.* The Politics of Aristotle. II. Oxford, 1887.
- Nevermann H.* Masken und Geheimbünde in Melanesien. B., 1933.
- Nilsson M. P.* Griechische Feste. Lpz., 1906.
- Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens. «Klio», XII, 1912.
- Nilsson M. P.* Das homerische Königtum. «Sitzungsber. Preuss. Akad. Wiss., Philos.-hist. Kl.», VII, 1927.

Ю. В. Андреев. Мужские союзы в дорийских городах-государствах

- Nilsson M. P.* Die Hoplitentaktik und das Staatswesen. «Klio», XXII, 3, 1928.
- Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. L., 1933.
- Nilsson M. P.* Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951.
- Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd. 1. München, 1955.
- Nimuendaju C.* The Social Structure of the Ramko Kamekra. «American Anthropologist», 40,1, 1938.
- Nissen H.* Griechische und römische Metrologie (Handbuch der Klassischen Altertumswissenschaft). Bd. I. Nördlingen, 1886.
- Nitzsch Gr. W.* Erklärende Anmerkungen zu Homer's Odyssee, III. Hannover, 1840.
- Oehler J.* Kreta. RE, Hbd. 22, 1922.
- Oliva P.* On the Problem of the Helots. «Historica», Praha, 1961.
- Oliva P.* ΠΑΤΡΙΚΗ ΒΑΣΙΛΕΙΑ. В сб.: ΓΕΡΑΣ. Studies presentes to G. Thomson. Prague, 1963.
- Ollier F.* Le mirage spartiate. T. 1. P., 1933.
- Ollier F.* Xenophon: La Republique des Lacedemoniens. Lyon, 1934.
- Oncken W.* Staatslehre des Aristoteles in historisch-politischen Umrisen. Bd. I—II. Lpz., 1870-1875.
- Page D. L.* History and the Homeric Iliad. Los-Angeles, 1959.
- Palmer L. R.* Mycenaean and Minoans. N.Y., 1963.
- Pareti L.* Storia di Sparta arcaica. I. Firenze, 1920.
- Parkinson R.* 30 Jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907.
- Paton W. R., Hicks E. L.* The Inscriptions of Cos. Oxford, 1891.
- Pöhlmann R.* von. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. Bd. I—II. München, 1912.
- Poland F.* Μολτοί. RE. Suppl. Bd. VI, 1933.
- Popper K. R.* The Open Society and its Enemies. Vol. 1. L., 1952.
- Prins A. H. J.* East African Age-Class Systems. Groningen, 1953.
- Prehn.* Karneia. RE, Hbd. 20, 1919.
- Pritchett W.K.* The Attic Stelai. «Hesperia», XXV, 3, 1956.
- Riezler K.* Über Finanzen und Monopole im alten Griechenland. B., 1907.
- Ritter C.* Piatos Gesetze. Kommentar zum griechischen Text. Lpz., 1896.
- Rivers W. H. R.* The History of Melanesian Society. Vol. 1-2. Cambridge, 1914.
- Robert C.* Studien zur Ilias. B., 1900.

Список использованной литературы

- Roheim G.* Dying God and Puberty Ceremonies. JRAI, 59, 1929.
- Roheim G.* Animism, Magic and the Divine King. N.Y., 1930.
- Rose F.* Kinship, Age Structure and Marriage of Groote Eylandt. B., 1960.
- Roussel P.* Sparte. P., 1960.
- Salin E.* Platon und die griechische Utopie. München - Lpz., 1921.
- Sartori F.* Le eterie nella vita politica ateniese del'VI e V secolo a.C. Roma, 1957.
- Schachermeyr Fr.* Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960.
- Schelicha R. von.* Patroklos. Basel, 1943.
- Schlesier E.* Die Erscheinungsformen des Männerhauses und Klubwesen in Mikronesien. S'-Gravenhage, 1953.
- Schlesier E.* Die melanesischen Geheimkulte. B. - Frankfurt - Göttingen, 1958.
- Schmidt W.* Das Eigentum auf den ältesten Stufen des Menschheit. I. Münster in Westfalen, 1937.
- Schoemann G. F.* Griechische Altertümer. Bd. I. B., 1855.
- Schurtz H.* Alterklassen und Männerbünde. B., 1902.
- Seligmann C. G.* The Melanesians of British New Guinea. Cambridge, 1910.
- Semenoff A.* Antiquitates juris publici Cretensium. C-Πб., 1893.
- Skene W. F.* Celtic Scotland. Vol. III. Edinburgh, 1880.
- Snodgrass A.* Early Greek Armour and Weapons. Edinburgh, 1964.
- Snodgrass A.* The Hoplite Reform and History. JHS, LXXXV, 1965.
- Solmsen F.* Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Strassburg, 1901.
- Starr Ch. G.* The Origins of Greek Civilization, 1100-50 B. C. N.Y., 1961.
- Starr Ch. G.* The Credibility of Early Spartan History. «Historia», XIV, 3, 1965.
- Stehfen H.* De Spartanorum re militari. Gryphiswaldiae, 1881.
- Stein H. C.* Das Kriegswesen der Spartaner. B., 1863.
- Strasburger H. Trierarchie. RE, Hbd. 13, 1939.
- Stubbs H. W.* Spartan Austerity: a Possible Explanation. CQ, XLIV, 1950.
- Szanto E.* Die griechischen Phylen. «Sitzungsber. Akad. Wiss. Wien», CXLIV, 1901.
- Thomson G.* Aischylos und Athen. B., 1957.
- Thurnwald R.* Banaro Society. «Memoirs of the Amer. Anthropol. Association», III, 4, 1916.

Ю. В. Андреев. Мужские союзы в дорийских городах-государствах

- Thurnwald R.** Economics in Primitive Communities. L., 1932.
- Tigerstedt E. N.** The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. Stockholm, 1965.
- Toynbee A. J.** A Study of History. III. Oxford - L. - N.Y., 1948.
- Trieber C.** Forschungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte. B., 1871.
- Viedebannt O.** Forschungen zur Metrologie des Altertums. Lpz., 1917.
- Viljoen St.** The Economics of Primitive Peoples. L., 1936.
- Viollet P.** La caractere collectif des premieres proprietes immobilieres. «Bibliothèque de l'école des Chartes», XXXIII, 1872.
- Vitalis G.** Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr der Herakliden. Greifswald, 1930.
- Vollgraff W.** Inscription d'Argos. BCH, XXXIV, 1910.
- Wade-Gery H. T.** The Spartan Rhetra in Plutarch, Lycurgus, VI. CQ, 38, 1944.
- Webster H.** Totem Clans and Secret Associations in Australia and Melanesia. JRAI, XLI, 1911.
- Webster H.** Primitive Secret Societies. N.Y., 1932.
- Webster T. B. L.** From Mycenae to Homer. N.Y., 1958.
- Weil R.** Aristote et Phistoire. P., 1960.
- Weiser L.** Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde. Baden, 1927.
- Wells J.** Studies in Herodotus. Oxford, 1923.
- Westermann D.** Die Kpelle. Göttingen - Lpz., 1921.
- Whitman C. H.** Homer and the Heroic Tradition. Cambridge, 1958.
- Wide S.** Lakonische Kulte. Lpz., 1893.
- Wilamowitz-Moellendorff U. de.** Lycophronis Alexandra. Gryphiswaldia, 1883.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.** Homerische Untersuchungen. B., 1884.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.** Satzungen einer milesischer Sängergilde. «Sitzb. Preuss. Akad. Wiss.», 1904, 1.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.** Euripides Herakles. B., 1909.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.** Staat und Gesellschaft der Griechen. B. - Lpz., 1910.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.** Platon. Bd. I. B., 1920.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.** Ibas und Homer. B., 1926.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.** Der Glaube der Hellenen. Bd. I. B., 1931.
- Wilcken U.** Griechische Geschichte. B., 1962.

Список использованной литературы

- Willetts R. F.** Aristocratic Society in Ancient Crete. L., 1955.
- Willetts R. F.** Cretan Cults and Festivals. L., 1962.
- Willetts R. F.** Ancient Crete. L. - Toronto, 1965.
- Willetts R. F.** Καρποδαΐσται. «Philologus», 105, 1961.
- Wilson M.** Good Company. L. - N.Y. - Toronto, 1951.
- Wirz P.** Die Marind-anim von Holländisch-Süd-Neu-Guinea. Bd. I, 1. Hamburg, 1922.
- Witkowski St.** Der Ursprung des Ephorates. «La Pologne au VII Congres International des sciences historiques». Varsovie, 1933.
- Woodward A. M.** Excavations at Sparta. 1909. The Inscriptions. BS A, XV, 1908-1909.
- Wüst E.** Patroclus. RE, 36. Hbd., 1949.
- Ziebarth E.** Das griechische Vereinswesen. Lpz., 1896.
- Ziehen L.** Das spartanische Bevölkerungsproblem. «Hermes», 68, 2, 1933.

Список сокращений

ВДИ - Вестник древней истории
ВИ - Вопросы истории
ГЗ - Гортинские законы
Изв. АН СССР - Известия Академии Наук СССР
Изв. ГАИМК - Известия Государственной Академии истории материальной культуры
МГУ - Московский государственный университет
ПИДО - Проблемы истории докапиталистических обществ
СЭ - Советская Этнография
Труды ИЭ - Труды Института этнографии АН СССР
УзЛГУ - Ученые записки Ленинградского государственного Университета

AHR - American Historical Review
AJA - American Journal of Archaeology
BCH - Bulletin de correspondance hellénique
BSA - Annual of the British School at Athens
CAH - Cambridge Ancient History. Vols. I-XII, Cambridge, 1924-1939
CIG - Corpus Inscriptionum Graecarum. 4 Bde., 1827-77
CPh - Classical Philology
CR - Classical Review
CQ - Classical Quarterly
Del.³ - Ed. Schwyzer. Dialectarum Graecarum exempla epigraphica potiora. Lipsiae, 1923
DHR - R. Dareste, B. Haussoullier, Th. Reinach. Recueil des inscriptions juridiques grecques. Ser. 1-2. P., 1891-1904
DK - H. Diels, W. Kranz. Die Fragmente der Vorsokratiker. 9th ed. Leipzig, 1960
FHG - Fragmenta historicorum graecorum. Ed. C. Müller. T. I-V. P., 1874-1883

Список сокращений

FGrHist - F. Jacoby (Hrsg.). Die Fragmente der griechischen Historiker. Leiden, 1957. Bd. I²-
HarvAfSt - Harvard African Studies
IC - Inscriptiones Creticae. T. I-IV. Ed. M. Guarducci. Roma, 1935-1950
IG - Inscriptiones Graecae. B., 1873-
JHS - Journal of Hellenic Studies
JRAI - The Journal of the (Royal) Anthropological Institute of Great Britain and Ireland
LBW - Philippe Le Bas, W. H. Waddington, P. Foucart. Voyage Archeologique en Grece et en Asie Mineure. P., 1847-1870
LSJ - H. G. Liddel, R. Scott, H. St. Jones. Greek - English Lexicon. Oxford
PCG - Poetae comici Graeci. Edd. R. Cassel - C. Austin. Berolini et Novi Eboraci
PMG - Poetarum melicorum graecorum fragmenta. Ed. D. L. Page. Oxonii, 1962
PMG² - Poetarum melicorum graecorum fragmenta. Vol. I. Post D. L. Page ed. M. Davies. Oxonii, 1991
RE - Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
REA - Revue des études anciennes
REG - Revue des études grecques
RhM - Rheinisches Museum für Philologie
Riv. Fil. - Rivista di filologia e di istruzione classica
Rose³ - H. J. Rose. A Handbook of Greek Mythology³. 1945
SEG - Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923-
SGDI - H. Collitz und F. Bechtel (Hrsg.). Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften. Bd. I-IV, Göttingen, 1884-1915
SVF - H. von Arnim. Stoicorum Veterum Fragmenta. Leipzig. 1903
Syll.³ - W. Dittenberger (Ed.). Sylloge inscriptionum graecarum. 3. ed. Vol. I-IV. Lpz., 1915-1924
Tod² - M. N. Tod. A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2. ed. Vol. 1-2. Oxford, 1946-1948

Указатели

Указатель имен

Аверкиева Ю. Т. 63, 88
 Автомедон 92
 Агамемнон 66-68, 76, 79-81, 90, 93, 99, 101, 106
 Агесиполид 139
 Агиады 68
 Агис 22, 114-117, 138, 150, 177, 182, 183, 192, 210, 214
 Антон 67
 Актор 100
 Акториды 100, 101
 Александр 235
 Алиферс 74
 Алкамен 210
 Алкафой 104
 Алкей 211
 Алкиной 67, 69-71, 75, 78, 81
 Алкман 108, 204, 205, 211
 Аминтор 101, 102
 Амомфарет 123, 177
 Амфидамант 100
 Амфином 106
Андреев Ю.В. 31, 45, 77, 227
 Андромаха 71-73, 89, 148
 Антигон 116
 Антикля 77
 Антилох 76
 Антиной 80
 Антиф 85
 Антифан 109, 110
 Аполлон 144, 149, 164
 Аристотель 18, 19, 41, 46, ПО, 111, 117, 138, 141-143, 145-150, 152, 162, 167-170, 175-178, 180, 184, 187, 191, 192, 198, 199, 201, 208, 212, 225, 228, 233-238, 246, 252

Аристофан
 -схолиастА. 176, 177
 Арриан 177
 Артемида Орфия 86
 - надписи из храма А. О. 120
 Артемида 130
 Архит Тарентский 215, 216
 Астероп 227
 Астианакт 72
 Атриды 67, 68
 Афина 89, 91, 107, 199
 Афиней 46, 109, 118, 153-155, 207
 Ахилл 68, 72, 74, 77, 81, 92, 93, 99-103, 105, 106
 Аяксы 76
 - Оилид 76
 - Теламонид 92

Батт1196
Бергер А. К. 16, 43, 235, 236, 238
Бласс 129, 158, 164
Брайант А. Т. 64
 Брасид 176

Васильев Л. С. 240
Вебер М. 17, 29, 30, 33
Владимирцов Б. Я. 192
Вольф Фр. А. 68

Гаазе 143
 Гарпократрон 176
 Гезихий 109, 113, 125, 126, 129, 176, 192, 195, 202, 205
 Гектор 67, 72, 73, 76, 89, 95, 96
 Гекуба 95
 Гелен 95

Указатель имен

Гераклид Лемб 110, 170
 Геродот 42, 118, 123, 149-152, 172-178, 182, 183, 215, 216
 Гесиод 85, 10, 193
 Гефест 96
 Гибрий 206, 207
 Гиерон Сиракузский 189
 Гиппий 243
 Гипподамия 104
 Гомер 65, 67-71, 75, 76, 78, 79, 85, 90, 92-96, 98, 100-102, 105-107, 186, 196, 211, 222, 223, 245

Дардан 95
 Деифоб 95
 Деметрий Скепсийский 102, 187-190
 Демонакт 197, 198
 Демотиониды 140
 Дикеарх 96, 149-153, 155, 163, 196
 Димант 107
 Диоген Лаэртский 227
 Диомед 67, 76, 77
 Дионис-Загрей 28
 Дионисий Галикарнасский 172, 174
Доватур А. И. 162, 234-236, 238
 Доснад 108-111, 113, 117, 118, 129, 142-147, 153, 155, 163, 170, 207, 208
 Драконт 96

Залевк 242
 Зевс 132
 - Агорей 145
 - Агетор 187
 - Полиэй 189
 - Гетерий 199

Евримах 72, 85, 87
 Еврином 85
 Еврипонтиды 68
 Евхенор 90
 Египтий 85
Егунов А. Я. 231

Зайцев А. И. 162
Золотарев А. М. 97

Идоменей 66, 67, 74, 76
Иоселиани Л. Г. 199, 201, 202
 Исократ 178

Казаманова Л. Я. 15, 44, 134, 199, 252
Кайбель 143
 Килл 167, 201, 202
 Килон 219
 Кимон 242
 Кинадон 138, 216
 Клеомен III 116, 150, 155, 192
 Клиний 172, 228
 Клисфен 32, 198, 200
Ковалев С. И. 16, 239
Колобова К.М. 99, 162, 185, 187, 191, 197, 202, 207, 240
Косвен М. О. 102-104, 135
 Крантор 102
 Кратет 102
 Кратин 112, 113
 Критий 151
Крюгер О. О. 239
 Ксенофонт 21, 46, 86, 109, ПО, 112, 124, 125, 138, 139, 148, 153, 172, 173, 175, 176, 178-183, 216, 217, 219, 234, 236, 237
 - Псевдо-Ксенофонт 160

Латона
 - храм Л. 202
 Лаэрт 75, 77
 Леокрит 74, 84
 Ликомед 102
 Ликофрон 92
 Ликург, конституция Л. 19, 21-24, 29, 36, 39, 113-115, 124, 125, 148, 156, 172, 174, 175, 182, 192-194, 212, 227, 228, 234, 237, 242
 Ликург, аркадский герой 92
Лурье С. Я. (Luria S.) 15, 16, 42, 43, 82, 117, 185, 186, 207, 216, 220-223, 227, 242

Макробий 116
 Манес 185

- Маркс К. и Энгельс Фр. (*Marx K., F. Engels*) 96, 191
-Маркс 238-242, 244
Медонт 83, 106
Менелай 67-71, 73, 76
Менесфей 66
Ментор 74, 91, 105
Менэтий 99, 100, 106
Мёрбек Вильгельм фон 142
Мерной 74
Минос 208, 228
Мирмидон 100
Мишулин А. В. 233
Мольпид 153-155
Морган 24, 26
Мулий 106
- Навсикая 107
Нелеиды 221
Нестор 69, 72, 73, 75, 76, 80, 93, 99, 100
Никокл Наконец 154
- Овидий 102
Одиссей 66, 67, 70, 72, 75-78, 81, 82, 84, 85, 87, 91, 93, 94, 100, 105
- Павсаний 112, 113, 210, 216
Павсаний, спартанский главнокомандующий 177
Пан 87
Парис 76, 95
Патрокл 92, 93, 99, 100, 105, 106
Пелей 77, 92, 93, 99-103
Пендлбери Дж. 208
Пенелопа 75, 84, 87
- женихи П. 75, 82-85, 87-90, 98
Периандр 242
Персей, писатель III в. до н. э. 153, 154
Пиндар 100, 101, 189, 196
Пиргион 110, 111, 117, 118, 126, 129, 147, 170
Писистрат 75
Платон 18, 20, 41, 46, 113, 117, 125, 141, 156, 157, 159, 160, 169-171, 174, 217, 228-237
- Плутарх 21, 22, 46, 112-117, 119-124, 135-140, 146, 148-150, 152, 153, 163, 172, 174, 181, 182, 192, 193, 204, 216, 227, 242, 246, 247
Подес 89
Полемон Перизет 155
Полибий 116
Полидамант 73
Полидор 194
Полиен 172
Полифем 82
Потехин И. И. 245
Приам 75, 76, 88, 92
Пропп В. Я. 82, 86
- Равдоникас В. И.* 47
- Свобода* 129
Семенов Ю. И. 47
Снесарев Г. П. 43, 44, 47, 53, 154
Солон 32, 242, 243, 250
Сорокин П. 18
Сосикрат 207
Стобей 215
Страбон 133
Стучевский И. А. 240
Сфер Борисфенит 153-155
Сюрэ-Каналь Ж. 45
- Талфибий 74, 106
- род Талфибиадов 118
Тацит 53, 86, 98
Телемах 68, 69, 74, 75, 77-80, 82-85, 87, 88, 90, 91, 94, 105, 106
Терсит 67
Тидей 69, 77
Тиртей 189, 204, 210, 212, 226
Токарев С. А. 45, 47, 48, 50, 54-56, 97, 223
Толстов С. П. 44, 47, 48, 55, 56, 88, 192
Томсон Дж. 96, 186, 187, 199
Тюменев А. И. 15, 16
- Утченко С. Л.* 238-240
- Фемистокл 214
Феникс 72, 92, 93, 96, 97, 99, 101-105
Феогнид 211
Феоклимен 89
Филарх 137, 139, 150
Филэгий 93, 94
Фотий
- словарь Ф. 121
Фукидид 112, 151-153, 172, 173, 175-178, 180, 214, 238
- Хилон 226, 227
- Чака 52, 64
Чингис-Хан 192
Чичеров В. И. 86, 87
- Шаревская Б. И.* 58
Шиллинг Е. М. 135
Шмидт Р. В. 43, 44, 199
- Эак, Эакиды 100
Эвмей 65, 66, 93, 94
Эврибат 106
Энгельс Фр. 24, 26, 186; см. также Маркс К. и Энгельс Фр.
Эней 95, 104
Эпиктета, «завещание Э.» 103, 184, 185
Эрефалион 92
Этеокл 69
Эфор 108, ПО, 117, 118, 126-128, 132-137, 143, 209, 210, 215, 226
Эхепол 90
- Aalders G. J. D.* 236, 238
Aly W. 199
Andreades A. 242, 243
Andrewes A. (Эндрьюс) 96, 99, 199, 204, 226, 251
Asheri D. 193
Aubonnet J. (Обонне) 142
- Vachofen J. J. (Бахофен И.)* 22
Barker E. 233, 235, 236, 238
Bauer A. 178
- Baumann H.* 54
Beattie A. J. (Бутти) 188
Bekker 172, 187
Beloch K.J. (Белох) 176, 179, 180, 186, 192
Bengtson H. 223
Bergk Th. 101
Beringer W. 94
Berve H. 17, 36, 45, 223, 251
Bethe E. (Бете) 134
Bielschowsky A. (Бильшовский А.) 22, 24, 109, 114, 116, 117, 149, 150, 152, 172, 173, 175, 181, 183
Bisinger J. (Бизингер) 157, 169, 170, 229-232
Boas F. 63
Balte F. 112
Borecky V. (Борецкий В.) 65, 232, 238, 241, 249
Bourguet E. 119
Bowra C. M. 207
Brause J. 226
Briffault R. 82
Bruck E. F. 204
Bücheler E., Zitelmann E. 33, 199, 201
Busolt G. (Бузольт) 110, 119, 123, 129-131, 134, 138, 139, 142, 143, 148, 173, 176, 178, 179, 186, 192, 194-198, 200, 201, 204, 215, 226
- Calderini A. (Кальдерини А.)* 160
Calhoun G. M. (Кэльхуан) 65, 67, 219
Carpenter R. (Карпентер) 82, 97
Cavaignac E. 173
Chadwick H. M. 90, 107
Chamoux Fr. 196, 197
Chantraine P. (Шантрэн) 94
Chrimes K. M. T. (Краймс К.) 38^10, 112-115, 120-123, 128, 129, 133-139, 141, 143, 156, 173, 176, 177, 189, 193, 194, 210, 216, 218, 222-224, 226
Cohen R. (Козн Р.) 15, 119
Comparetti D. (Компаратти) 131, 158-160, 163
Cunow H. 132

Указатель

Danielsson O. A. 42
Dareste R., Haussoullies B., Reinach Th. (DHR) (Дарест) 33, 126, 129-131, 146
Dawkins R.M. 119
Defourny M. 236
Deichgräber 154
Delaroziere R. 57
Den Boer W. (Ден-Боер) 86, 188, 218, 219, 226
Dennett R. E. 57
De Sanctis G. (de Санктис Г.) 34, 41, 144, 199, 202
Desrousseaux A. M. (Деруссо) 143, 154, 208
Dickins F. G. (Диккинс Г.) 45, 226
Diels H. 123
Dittenberger W. (Диттенбергер) 129, 130, 189, 190
Driver H. E. 61-63

Effenterre H. van (ван Эффентер) 41, 108, 157, 174, 200, 231, 232, 235
Ehrenberg V. (Эренберг В.) 17, 32, 33, 40, 45, 138, 139, 176, 178, 188, 194, 211, 218, 226, 227
Elwin V. 49

Fanta A. (Фанта А.) 72, 73, 75, 77, 78, 81, 92, 106
Ferguson W. S. 199, 204, 245
Finley M. J. (Финли) 93
Finsler G. (Финслер Г.) 27, 28, 68, 71-73, 75-78, 84, 89, 92, 101, 106
Francotte H. (Франкотт) 161, 162, 167, 194, 195, 197, 198, 204
Frazer J. G. 97, 112, 210, 223
Frisk Hj. 94, 95
Frobenius L. (Фробениус Л.) 54-57, 59, 223, 248
Fürer-Haimendorf Chr. 53, 64
Fustel de Coulanges N. D. (Фюстель-де-Куланж Н. Д.) 23, 24, 171, 173

Gennep A. van 97
Germain G. (Жермен) 82

Glutz G. 15, 94, 95, 98, 119, 196, 204, 226, 242
Gomme A. W. 112
Gomperz Th. (Гомперц) 235
Graham A. J. 196
Grote G. (Грот) 20-22, 192
Guarducci M. (Гвардуччи М.) 33, 34, 41, ПО, 126, 130, 143-146, 157, 158, 163, 164, 191, 194, 196-199, 202-204, 226
Guiraud P. (Гуро) 193
Gulick C.B. 118, 153
Gulliver P. H. 97

Haeckel J. 49, 50, 71, 97
Hammond N. G.L. 188, 193, 203, 218
Harley G. W. (Гэрли Г. В.) 58, 223
Harrison J. E. (Гаррисон Дж.) 28, 36, 39, 97, 188
Hart C. W. M., Pilling A. R. 104
Hasebroeck J. (Хазебрёк) 30-33, 35, 40, 168, 188, 227, 249, 251
Head B. 163
Heichelheim F. (Гейхельгейм) 168
Hermann K. Fr. (Герман К. Фр.) 20, 148, 149
Herskovits M.J. 107
Herzog R. (Герцог Р.) 189, 191, 194
Hignett Ch. 199
Hiller von Gaertringen F. 203
Hoeck K. (Хек К.) 20, 207
Höfler O. 45
Holas B. 56
Hommel H. (Гоммель) 243
How W. W., Wells J. (Хоу) 149, 150, 152, 242
Hubert H. 192
Hultsch F. 149
Huxley G. L. (Хаксли) 40, 172, 188, 226

Immisch O. (Иммиш) 142

Jacoby F. 226
Jannet C. (Жанне) 23, 24
Jarde A. (Жарде) 115, 192

имен

Jeanmaire H. (Жанмэр А.) 36-39, 41, 44, 66-68, 73, 74, 76, 79, 84, 88-91, 93-95, 97, 111, 120, 126, 127, 133, 134, 170, 188, 214, 215, 217, 221
Jeffery L. H. 158
Jensen A. E. 52
Joyce P. W. 192

Kaerst J. (Керст Ю.) 30
Kahrstedt U. (Карштедт У.) 30, 31, 37, 97, 121, 134, 138, 139, 148, 149, 152, 153, 172, 174, 178, 179, 182, 188, 193, 194, 199, 201, 204, 215, 226, 243, 250
Karsten R. 192
Keil B. 197
Kiechle Fr. (Кихле Фр.) 40, 45, 150, 188, 193, 206, 208-213, 225-227, 251
Kirsten E. (Кирстен Э.) 17, 34-36, 45, ПО, 126, 127, 134, 142-146, 170, 199, 201, 206, 207, 209, 238
Kohler J., Ziebarth E. 126, 127, 130, 159, 160, 162, 170, 202
Krige E.J. 52, 245, 246
Kromayer J., Veith G. 176, 178, 179

Lane E. A. 211
Larsen J. A. O. 208
Latte K. (Латте) 95-97, 139, 143, 144, 146, 186, 195, 199, 200
Lauffer S. (Лауффер) 157, 170, 232
Laveleye E. 22
Liddel H. G. Scott R., Jones H. St. (LSJ) (Лиддл-Скотт) 126, 167, 191
Lindskog B. 60
Lipsius H. 201, 202
Little K. 54, 55, 58, 59, 223
Lotze D. (Лотце) 139, 202, 206, 207
Lowe J. 64, 117

Malinowski B. 48, 49
Manganaro G. 145, 202
Manso J. C.F. 9
Marrou H. J. (Марру) 121, 122

Meister R. (Мейстер) 185, 186
Merker M. 51
Meyer Ed. (Мейер Эд.) 29, 186, 194, 203, 226
Michell H. (Мичел) 40, 119, 149, 172, 175, 181, 183
Miller M. (Миллер М.) 95
Miltner F. 203
Mireaux E. 65, 66
Moreau F. 70, 79
Morrow G. (Морроу Г.) 230-232, 236
Morton-Williams P. 223
Müller K. O. (Мюллер К. О.) 19-22, 177, 188, 226
Murray G. (Муррей Дж.) 65

Neumann K. J. 226
Nevermann H. 49, 50, 59
Newman W. L. (Ньюмен) 19, 142, 225
Nilsson M. P. (Нильссон М. П.) 28, 29, 33, 36, 37, 44, 46, 65, 66, 68, 69, 79, 84, 90, 92, 93, 97, 107, ПО, 111, 119-121, 123, 172, 173, 182, 187, 199, 204
Nimuendaju C. 49
Nissen L. 149
Nitzsch Gr. W. (Ницш) 70, 79

Oehler J. 127
Oliva P. 16, 68, 210
Oliverio G. 196
Ollier F. (Олье) 181, 232, 234-237
Oncken W. (Онкен) 175, 235

Page D. Z. 93, 101
Palmer L. R. 93
Pareti L. (Парети Л.) 176, 188, 212
Parkinson R. 55, 59, 134
Paton W. R., Hicks E. L. (Пэтон) 189-191
Pohlmann R. (Пёльман Р.) 17, 24-27, 29, 33, 157, 171, 183, 229
Poland F. 42
Popper K. R. 18
Prins A. H. J. 52, V.2
Pritchett W.K. 162

Riezler K. (Рицлер) 167
 Ritter C. (РиттерК.) 156, 170
 Rivers W. H. R. 60
 Robert C. 101
 Roheim G. 188, 223
 Rose F. 104
 Roussel P. (Руссель) 40, 227, 251

Salin E. 232
 Sartori F. 211
 Schachermeyr Fr. 17, 186, 210
 Schaefer H. 192
 Schelicha R. von (Шелуха Р. фон) 87, 100
 Schlesier E. 49, 50, 53, 71
 Schmidt W. 48
 Schoemann G. F. (Шёман Г. Ф.) 20, 24, 114-117, 148, 149, 207
 Schurtz H. (Шурц Г.) 26-28, 39, 42, 44, 46, 47, 53, 56, 60-63, 71, 97, 170, 248
 Seligmann C. G. 49, 50
 Semenoff A. 110, 170, 201
 Skene W. F. 192
 Solmsen F. 94
 Starr Ch. G. 207, 208
 Stehfen H. (Штефен) 173-176
 Stein H. C. (Штейн) 177, 180
 Strasburger H. 243
 Susemihl Fr. (Зусемиль) 142
 Szanto E. 186, 201

Thomson G. 82, 97, 188, 205
 Thurnwald R. 48, 49, 97
 Tigerstedt E. N. 18, 40, 45, 226, 234-238
 Tod (Тод) 171
 Toynebee A. J. (ТойнбееА.) 17, 18

Trieber C. (Трибер К.) 22, 172, 175

Viedebannt O. 149
 Vijoen St. 88
 Viollet P. 22
 Vitalis G. 186
 Vogliano A. 198
 Vollgraff W. 171

Wade-Gery H. T. 188, 212
 Hosier Я. (Уэбстер Г.; 47, 54-56, 64, 97, 248
 Webster T. B. L. 65
 Weil R. (Вейль) 235, 238
 Weiser L. (ВейсерЛ.) 45, 53, 89
 Hfe//sJ. 45
 Westermann D. 58, 223
 Westington M. M. 42
 Whitman C. H. (Уитмен) 83, 93
 В ^ e S. (Вуме) 187, 189
 Wilamowitz-Moellendorf U. von (Вила-мовиц) 42, 101, 143, 186, 203, 220, 222, 232
 Wilcken U. 17, 45, 223
 Willets R. F. (Уиллетс Р.) 41, 45, 112, 123, 125, 126, 130, 131, 141, 144, 146, 155, 156, 159-162, 165, 168, 170, 171, 186, 199-202, 206-208, 215, 216, 226, 238
 Wilson M. 52
 Wirtz P. 49, 50
 Witkowski St. 225, 226
 Woodward A. M. (Вудвард) 39, 119, 121
 Wüst E. 101

Ziebarth E. (Цибарт Е.) 27
 Ziehen L. 150, 193

Греческие термины и выражения

αγαθοεργοί, лакон. 224
 άγαμοι, лакон. 188, 219
 άγελαῖοι, крит. 128
 - τάν άγέλαν... 129
 αγωγή, лакон. 138, 139, 187, 219
 άγων, лакон. 214
 - παιδικός άγων 38, 120, 122, 123
 αίσυμνήτης, гомер., греч. 222
 άμάται, косе. 191
 ανδρεία, дор. 108-110, 118, 142
 άνδρεῖον (άντρήιον), крит. 108, 111, 170
 ανδρείος των συγγενών, ферск. 108, 184
 άνδρες, гомер. 70, 75
 -лакон. 214, 216
 άνδρίοις, лакон. 225
 ανειψιοί, гомер. 94-96
 άπάγγελος, крит. 125, 134
 απελεύθερος, крит. 160, 162
 άπεταῖρος, крит. 109, 171
 άπόδρομος, крит. 126
 άριστοι, гомер. 77, 82
 άρχαῖαι μοῖραι, лакон. 212
 άρχή, лакон. 215
 - άρχή τις έπι ιπλέων 216, 217
 άτροπάμπαιδες, лакон. 120-122

βασιλεύς, - έες, гомер. 76-79, 101
 -лакон. 214, 215, 227

γενεά, эгин. 196
 γένος, косск. 191
 - крит. 201
 γέρας, гомер. 67, 78, 212, 243
 γερόακται, лакон. 113
 γέροντες, гомер. 37, 74-76
 - лакон. 215

γερουσία, лакон. 218
 γέρων, гомер. 75, 77

δαιτυμόνες (άνδρες), гомер. 66, 68, 69, 70
 δεκάδρομοι, крит. 126
 δήμιος οίκος, гомер. 85
 δημόθεν, гомер. 67, 68
 δήμος, гомер. 67, 87, 222
 δημοσία, крит. 127, 142, 168
 δημοτικός, крит. 118
 δήμου φήμις, гомер. 90, 91
 δικασπόλοι άνδρες, гомер. 77-79, 84 88

δόλοι, крит. 162, 163
 δρομεύς, крит. 126

εἴρενες, лакон. 119, 122, 123
 έκάστας, косск. 189, 190
 εκάστων οίκοι, крит. 143, 145
 εκατοστύες, мегар. 194
 εκατοστός, дор. 192
 ελεύθερος, крит. 156
 έμφρουρος, лакон. 124
 ένατα, косск. 189-191
 έπάικλα, лакон. 151, 153-155
 έρανος, гомер. 68, 79
 εραστής, крит. 133, 135
 έрма πόληος, гомер. 85, 88
 έταφεῖται, крит. 109, 130, 181, 199, 200
 εταῖρος - οι, гомер. 70, 73, 89-92, 94, 95, 99, 105-107
 -- πατρώιος έ. 73, 74, 105
 έτης, гомер. 69, 94-96, 98, 105
 έφηβέυει, лакон. 119, 121
 - συνέφηβος 120
 έφοροι, лакон. 215, 227

Γρετσικιες терμιци

ήβη, λακον. 123-125, 173, 216
ήβιών (έβιον), κριτ. 125, 126
ήβώντες, λακον. 216
ηλικία, гомер. 90

ρεργασταί, κριτ. 158
φοιχέες, κριτ. 202

θεράποντες, гомер. 91
θεράπων, гомер. 106
θοιναρμόστρια, λακον. 117

ιέρεις, милет. 219, 220
ίπτης, λακον. 214-216

καρποδαΐσται, κριт. 146, 206
κασίγνητοι, гомер. 94, 95
κλεινοί, κριт. (ср. παρασταθέντες) 133
κόροι, λακον. 215-217, 219
κόσμος, κριт. 126, 171
- κσένιος κόσμος 131, 159, 164, 171
- απόκοσμος 145
κοῦροι, гомер. 37, 74, 75, 85, 90

λαός, гомер. 37, 85
λειτουργία 242
λόχος -οι (πατρίλοχος), λακον. 176, 177

μελλείρενες -εία, λακον. 119, 120, 122, 123
μικιζόμενος, μικι(χι)ζόμενος, λακον. 119-123
μισθός, κριт. 161-162
μνοία, μνώια, μνοίται, κριт. 206, 207
μόθακες, λακον. 138, 139
μόρα, λακον. 176, 179

νεοδαμώδεις, λακον. 160
νέοι, гомер. 75, 105
νέοι (παίδες, κόροι), λακον. 188, 216, 219, 220
νεότεροι, κριт. ! 18, 147

ξένοι, κριт. 171

όρχς (ώρα), λακον. 188

παιδαγρέτης, λακον. 216
παιδονόμος, λακον. 216
παίδες, λακον. 121-123, 125, 216, 217
παις, λακον. 119-121
- κριт. 135
πανάζωστοι, κριт. 129
παρασταθέντες, κριт. (ср. κλεινοί) 133, 135, 136
πάτρα, πατριά 196
πατρώιος εταίρος см. εταίρος
πεντηκοστής, дор., λακον. 194, 195
περίοικοι, κριт. 208
πολιτική, λακον. 180
- μόρα 176, 179
- χώρα 117
πρατοπάμπαις, λακον. 120, 122
προμικιζόμενοι, λακον. 119, 122, 123
πρόπαις, λακον. 119-122
πρόσοδοι τής πόλεως, κριт. 143-145
πρυτανεΐον, κριт. 170
προτεΐραι, λακον. 121, 122

ρωβίδες, λακον. 119, 120, 122, 123

σκηνή δημοσία, λακον. 182
σκότιοι, κριт. 134
στάρτοι, κριт. 201, 202
σταφυλοδρόμοι, λακον. 187
στεφανηφόροι, λακον. 220
σύντροφοι, λακον. 137, 139
συσκανία (συσκήνια), λακον. 109
σύσκηνοι, λακον. 181
συσσίτια, κριт. 117, 118
-у Платона 228
-у Аристотеля 233
συσσιτικοί οίκοι, κριт. 143

τριακάδες, дор. 194, 195
τριακάς (τριηκάς), κοσε. 191
τριάκοντα, λακον. 218

и выражения

τριακόσιοι ίππης, λακον. 214
τρόφιμοι, λακον. 139

ύβρις, гомер. 83
ύπομειόνες, λακον. 148

φάτρα, κοσε. 194, 195
φ(ε)ιδίτια (φιλίτια), λακον. 109, 110

φιλήτωρ. κριт. 133
φύλοι, κριт. 132
φόροι, κριт. 208
φυλαί, λακον. 188, 194
- кирен. 196
- карийск. 197

χιλιαστώ(ε)s, дор. 190-194

Источники

Aelian
 - De nat. an. 135
 -Var. hist. 138
Aeneas Tact. 195
Aeschin
 -Scholia 166
Alciphr. 118
Alcman 108,204,211
Antiph. 109
Aristoph.
 - Schol. ad Lys., Acharp. 176
Aristoph. Byz. 126
Arist.
 -Athen. Pol. 198
 -Fr. 110, 127, 176, 187, 191,218
 -Pol. 18, 19, 108-110, 117, 124, 128, 138, 141, 142, 148-150, 162, 167, 168, 180, 184, 192, 193, 198, 199, 208, 212, 224-226, 231, 233, 234, 238, 246, 250, 252
 -Rhet. 110
Ps.-Arist.
 - Oec. 243
AIT.
 -Tact. 177
Athen. 72, 83, 96, 108-110, 112, 117, 118, 137, 142, 147, 149-155, 163, 169, 170, 187, 199, 206, 207, 209, 219,225,244,247
Critias
 -Laced, pol. 152
Demetr. Seeps. 118, 187
Demosth. 131, 141,199, 243
Dicaearch. Hist. 96, 149, 150, 155,163, 196
Diod. 100, 102, 197
Diog. Laert. 139, 227
Dionys. Hal. 118, 172,214,216
Dosiad. Hist. 108, 110, 117, 118, 142, 147, 163, 170
Ephor. 108, 110, 118, 126, 127, 132, 142,209,215,219,226
Eustath.
 -ad II. 100, 126,216
Heracl. Lemb. 170,193,218
Hdt. 23, 118, 123, 138, 149-152, 172, 174, 177, 178, 182, 183, 194, 197, 212, 214, 215, 219, 226, 242, 243
 - Λέξεις Ηροδότου 119-122
Hesiod.
 -Op. 85, 193,251
 -Fr. 193
Hesych. 125,126,129,130,134,176,187, 188,192,195,199,202,205,216
Horn.
 -II. 65-69, 71-77, 79-81, 85, 88-96,98-103, 106,107, 193, 196
 - Schol. in II. 82
 -Od. 65, 67-72, 74, 75, 77-81, 83-85, 87, 89-96, 101, 105-107, 118,186,193,206, 222
 -Schol. T in Od. 71
Isaeus 131, 141, 199
Isoc.
 -Panath. 178,226
Lycophr.
 - Schol. ad Alex. 87
Macr.
 -Sat. 116

Источники

Molpis 153-155
Myro Pr. 247
Nicochl. 154
Ovid.
 -Met. 102
Paus. 112, 113, 160, 188, 189,210, 216
Pers.
 -Laced, pol. 153, 154
Phot. 176
Phylarch. 137, 150
Pind.
 -Olymp. 100
 -Scholia 100
 -Pyth. 189,196, 197
Plat.
 - Criti 228
 - Epist. 226
 -Leg. 113, 117, 125, 141, 146, 151, 156, 159, 163, 164, 169, 172, 174, 217, 218, 226, 228-231, 250
 -Scholia 135,218
 -Resp. 174, 228,229,234
Plut.
 -Ages. 152, 182,215
 -Agis 114, 150,192, 193,223,247
 - Arophth. Lac. 109,114,172,219
 - Cimo 244
 -Cleom. 116,204,225-227
 -Inst. Lac. 138
 -Lyc. 111-113, 115, 117, 119, 124, 125, 135, 140, 146, 148, 149, 152-154, 163, 182,216,218,219, 225, 226, 244, 247
 -Quaest. Gr. 168
 - Quaest. symp. 247
Polem. 155
Pollux 168,219
Polyaen.
 -Strateg. 173,183
Polyb. 116,253
Procl.
 -ad Hesiod. Op. 113
Ps.-Apollod. 100
Pyrgio 110, 118, 147, 170
Sphaer. 153-155
Steph. Byz. 196
Stob. 138,215
Strabo 102, 108, 110, 118, 126, 127, 132, 142, 160,209,215,219,226
Suid. 174, 175,224
Thuc. 95, 112, 138, 151, 153, 163, 169, 172, 175, 179, 189, 195, 212, 214, 238
 - Scholia 176
Tyrt. 189,210
Xen.
 -Hell. 109, 115, 124, 138, 139, 148, 150, 173, 174, 176, 178, 179, 182, 183, 195, 215, 216, 222, 224, 244, 247
 -Hier. 179
 - Memor. 244
 -Oecon. 182
 -Resp. Lac. 86, 109, 112, 119, 124, 126, 148, 151-153, 173, 175, 179-181, 195, 214, 216, 218, 224-226, 236, 237
ГЗ 108, 125, 126, 130, 131, 141, 156, 160, 171,201,202,216,217,252
CIG 164, 166, 167
DHR 108,126,129-131,140,143,146, 159, 184, 197, 201
FGrHist. 108, 110, 118, 126, 127, 132, 137, 142, 147, 150, 153, 154, 170, 209,215,219, 226
FHG96, 152, 155, 170, 193,218
IC 108, 111, 126, 129, 130, 144, 146, 158-160, 162-164, 181, 205, 206, 208,215

Источники

IG 95, 108, 110, 113, 117, 122, 123,
166, 167, 184, 195, 204, 216

PCG 109, 112

PMG 86, 108, 204, 211

SEG 196, 204

SGDI 108, 111, 130, 158-160, 164,
191, 194, 195, 197, 198

SVF 153

Syll.³ 96, 129, 166, 167, 189, 190, 193,
194, 219

Tod² 171

Указатель понятий, этно-географических
и прочих названий

- Австралия, Центральная, Восточная,
Северная
- австралийцы (австр. племена)
48-51, 64,
- инициации у австралийцев 48,
74, 104
- «рабство мальчиков» 134
авункулат 103, 104
агатуры
- коллегия а. в Спарте 215, 224
агелы 27, 38, 86
- в Спарте 118-121, 123, 136-140,
214, 219, 225
- на Крите 125-130, 134, 135,
137, 142, 200, 201, 205, 252
адаманцы 48
Азия
- Центр. А. 82
- Средняя А. 154
Акры (Сицилия)
- триакады в А. 195, 196
Аксос (Крит)
- надпись из А. (к. IV в. до н. э.)
145
—"- о ремесленниках, работа-
ющих на гос-во 158, 161-165,
170
- филы и гетерии в надписи к.
IV в. до н. э. 202
Америка
- Северная А. 45, 55, 63, 64, 88,
220
- племена Сев. А. 60-62
- Южная А.
- лесные индейцы 49, 50, 64
- квакиютли (Брит. Колум-
бия) 63
Ангола
- мукиши 54
андрий
- коллект. обеды на дорийском
Крите 34, 35, 108
- название спартанских сисси-
тии 205, 209, 211, 225
- центр дор. мужских союзов,
группа мужчин, принадлежащих
к одному и тому же аристокра-
тич. семейству 38, 128, 136. 184,
185
- критский мужской дом (поме-
щение) в классический период
71, 108, 110-112, 118, 129,
132-134, 142, 143, 164, 170, 184,
199
Апатурий 130
аргивяне 66, 67
Аргос 69, 101, 195
- надпись III в. до н. э. 194
апетер(ы) 128, 131, 246
архонт сисситии на Крите 110-112,
155
Ассам и Бирма
- племена группы Нага 53, 64
атальчество на Кавказе 102, 103
- связь ат. с авункулатом 134,
135
афамноты 206
Афины 16, 18, 30, 32, 36, 200, 228,
232, 239-241, 243, 244, 249, 250,
253
- раздачи в А. 110
- лесхи в А. 113
- дем, фратрии 130, 131
- усыновление в А. 131, 141

- раб. в А. к. V в. 162
- функции фил 179, 180
- афинск. род 191
- фратрии в А. 198
- фиасы и оргеоны в доклизфеновских А. 204
- ареопаг в А. 214
- Африка, Центр., Запад., Южная
  - племена и народности 45, 48, 51, 52, 55-57, 59, 61, 63, 64, 86, 220, 245, см. также бамбара, йоруба, зулусы, масаи, ньякиуса; тайные союзы (общества); Камрун, Сьерра-Леоне и Либерия
- ахейцы 66, 67, 72, 90, 188, 200, 207
  - ахейские куреты, юноши 74, 83
  - ахейский лагерь под Троей 75, 76, 80, 89, 99
  - ах. герой 91, 99
  - Ахейская Фессалия 101
  - ахейское население Лаконии 188
- Аххиява 186
- бамбара (республ. Мали, Африка)
  - «тайное общество» Комо 57, 58
- басилей 65, см. «царь»
  - «почесть» басилея 37, 77
- берсеркеры (Скандинавия) 53, 89
- Бугенвиль, о-в (Соломоновы о-ва, Меланезия)
  - обычай матазезе (или Рук-рук) 134
- ведда 48
- вестники (гомеровские) 106, 107, 118, 222, 223
- Византии 195
- вождь
  - племенной в. у Гомера 69, 76
  - "- совр. «тайных союзов» 223, 245
- возрастные классы 27, 37, 51, 54, 61, 62
  - у африканских народов (племен, народностей) 36, 51-53, 56, 57, 60-62
- у Гомера 37, 49, 73-79, 90, 97, 105, 106
- горских племен Кавказа 39
- на Крите 117, 118, 125, 126
- в Спарте 119-125, 214, 216, 218, 219, 224
- на Родосе 185
- войкеи 159, 162, 163, 168, 208
  - гортинские в. 207
- «всадники» на Крите и в Спарте 133, 192, 218
  - «корпус всадников» в Спарте 214-221, 224, 248
- гектеморы (аттические) 30
- Гераклея Ионийская 195
- германцы 88, 98
- геронтократия (геронты)
  - в Австралии 49
  - у Гомера 74—76, 81
  - в Спарте 138, 152, 155, 218-224, 226
- герусия 18
  - в Спарте 124, 125, 214, 215, 218, 224
- гетер(ы), гетерия у Гомера 70, 73, 89, 91-94, 98, 99
  - ближний гетер 94, 105-107, 128
- гетерия (Крит) 33, 34, 37, 38, 41, 43, 44, 83, 108, 110-112
  - численность г. 113, 114
  - возраст, полноправие 117, 118, 125, 126
  - связь с агелами 127, 128
  - формирование критск. г. 129-131, 133, 134, 136, 137, 140
  - система налогообложения: устройство обедов г., взносы в г. 143-147, 171
  - судья г. 181
  - г. и родо-племенная организация дорийцев 184, 186, 198-205, 208, 244-248, 252, 253
  - сопоставление с «тайными союзами» туземцев Африки 247, 253

- Гиллеи 186, 189, 190, 193, 202, 222
- гимнасии
  - в Спарте 112, 125, 126, 174
  - на Крите 162, 228, 247
- гипомейоны 116, 138, 148, 150
- Гомеровский
  - период 29, 65, 74, 93, 105, 128, 213, 223, 242, 243
  - эпос (поэмы) 27, 28, 67, 68, 71, 73, 75, 77, 81, 83, 88, 89, 91, 93, 94, 98, 99, 105, 213, 219, 253
- Гомеровское общество 37, 66, 67, 74, 76, 77, 81, 96, 243
- гоплит 116, 192
- Гортина (Крит) 163, 169, 253
  - Гортинские законы (кодекс = ГЗ) 33, 125, 126, 162, 202, 252
  - гортинская надпись пер. пол. V в. до н. э. 111
  - совершеннолетие, полноправие в Г. 125, 126
  - усыновление в ГЗ 130-132, 140, 141, 201
  - гетерии в Г. 131, 198, 199, 201, 202, 205
  - договор Г. с общиной о. Кавдос 144, 208
  - взносы на организацию сисситии 146, 147, 157
  - ремесленники и наемные рабочие в Г. 157-167, 170
  - постановление г. народн. собрания о жителях Латосии 159, 160
  - г. надпись V в. до н. э. 181
  - Филадельфеев в Г. 201, 202
  - фискальные магистраты в горт. надписях 206
  - г. войкеи 207
  - декрет перв. пол. III в. до н. э. 215
- Греко-персидские войны 176, 178, 180, 189, 204
- Греция 15, 16, 19, 34, 42-44, 89, 99, 102, 106, 170
  - ахейская Гр. 93
- гомеровская Гр. 93, 223, 245
- документы договорного характера 166-168
- древн. системы землепользования 193
- полис в Гр. 249-251
- делосский контракт III в. до н. э. о строительстве храма Аполлона 164, 167
- Дельфы
  - д. фратрия Лабиадов, д. оракул 197
- дем, афинский 112, 130, 140
- демиург 106
- демос 37, 66, 67, 69, 70, 71, 90, 249, 251
  - спарт. демос 210, 211, 213
- Диманы 186, 189, 190, 193, 222
- долопы 93, 101, 102
- доризм 17, 20
- дорийские
  - города (гос-ва) Крита 18, 19, 21, 26, 29
  - мужские союзы 38, 39, далее см. мужск. союзы
  - дорийское завоевание 30, 41, 194, 206-208, 252
- дорийцы 29, 32
  - родо-племенная (гентильная) организация д. 186, 188, 193, 195, 200, 203, см. также мужск. союзы
- Дрерос (Крит) 46, 111
  - надпись VII в. до н. э. 108, 127
  - «Дрероская присяга» 108, 111, 129, 145
  - др. декрет VII в. до н. э. (гетерии в Др.) 200, 201
- дромей 126, 246
- дружина (дружинники) у Гомера 37, 66, 85, 89, 128, 203
  - царская др. 70
  - обеды героев с дружинниками 81
  - состав др. 90, 91

- тактика др. 99
 - гомер. др. 107, см. гетер
 Дулихий 83
 Европа 82
 - варварская Е. 89
 Еврот 113, 115
 Египет 15, 18
 - птолемеевский Е. 18, 144
 - египетские экспедиции Одиссея 91
 Закинф 83
 зулусы (Южная Африка) 85, 86, 245, 246
 - государство з. 52, 53, 64
 «Илиада» 65, 66, 69, 71, 76, 80-82, 90, 99-102, 105-107, 196
 илоты (илотия) 16, 17, 30, 116, 138, 148, 152, 160, 163, 169, 176, 210, 213, 217, 218, 232, 246, 250, 252
 Индия 82, 245
 инициации 27, 28, 36, 39, 48, 49, 53, 54, 64, 82, 97, 245
 - в классической австралийской форме 48, 104
 - у племени масаи 51
 - в Западной, Центр, и Южной Африке 56-58, 246
 - тронные инициации 82
 - дорийская Knabenliebe 134, 135
 - связь культов плодородия с ин. 188
 - эволюция обряда ин. в Спарте 217, 218
 Иран 82
 - иранцы 88
 ирен(ы) (меллирены) 119-123, 136, 177
 Итака 83, 84, 87, 88, 90, 98
 йоруба (Западн. Судан) 45
 - «тайные союзы»:
 - Эгунгун 54
 - Огбони и Оро 57

кадмейцы 69
 казены 136, 137, 139
 Камерун (Западн. Африка)
 - союз Эгбо 55, 58, 59, 63, 247
 - союзы племени бамилеке 57
 Карней 187 сл., 211
 Каролинские острова (Микронезия) 50
 «Каталог кораблей» 93
 кельты, ирландские 192
 Кирена (колония Феры)
 - Карней в К. 189
 - «Стела основателей» (надпись перв. пол. IV в. до н. э.) 196, 197
 - политический строй К. 197, 198
 - коллегия эфоров 226
 клароты 128, 207, 208
 клер(ы) 35, 115, 207
 - «ликурговы» клеры, кл. в Спарте 140, 152, 156, 209, 210, 212
 - на Крите 146, 157, 207, 209
 - в Фессалии 191, 192
 Кносс
 - договор между К. и Тилиссом о гостеприимстве послов кноссян 171
 коймеретий 110, 111
 колядование 86, 87
 кома(ы) 17, далее см. «оба»
 Коринф 253
 - Коринфская война 178
 «кормильство»
 - у норманнов (скандинавских) 102
 - у кельтов Ирланд., Шотланд. и Уэльса 103, 104
 - на Кавказе, см. «аталычество»
 Кос, о-в
 - фрагмент сакрального календаря к. IV - Н. III вв. до н.э. 189-196
 косм (протокосм) 18, 111, 129, 131, 144, 145, 170, 171
 - ксениос космос 158, 159, 165, 171, 201, 202

криптии 174, 217, 218, 225, 232, 248
 Лабранда (Кария) 197
 Лакедемон 17, 69, 231, 233, 252
 - лакедемоняне 187
 - л. федерация 209, 210
 Лакония 29, 115, 188, 194, 207, 209, 210, 212, 219, 226
 - лаконская надпись V в. до н. э. 188
 лаос (гомер.) 37
 Латосий (Крит) 159, 160, 168, 202
 Левктры
 - битва при Л. 150, 174, 179, 195
 лесха 27
 - у Гомера 85
 - в Спарте, л. Кротанов 112, 113
 - в Афинах 113
 ликантропия 89
 Литт (Крит) 110, 129
 - устройство сисситий 142-144, 147, 163
 литургии 241-243, 249
 Лоанго (Африка)
 - «тайный союз» Синдунго 54
 лох(и) 173, 175-180, 195
 Магнезия 230, 232, 233
 Малея (Спарта) 115
 Малла (Крит)
 - надпись к II в. до н. э. 126
 - договор с Литтом 129
 Мантиния 197
 - сражение при М. 172, 175, 195, 214
 масаи (граница Кении и Танганьики) 51, 56, 61, 85, 86, 217
 мегарон 71
 Мегары 194, 195
 Меланезия 45, 56, 60, 61, 63, 134
 - союзы:
 - Сукве 53
 - Дук-Дук 55, 59, 60, 63
 - Ингиет 55
 - Тамате (Банковсы о-ва) 60
 Мессения 68, 115, 194, 209, 210, 212

- семь мес. «городов» 93
 - м. надпись 122
 I Мессенская война 226, 227
 II Мессенская война 40, 188-189, 210, 212, 213, 227, 250
 Микронезия 49, 50, 53
 Миласа (Крит)
 - надпись из М. 111
 Милет 42, 197, 221
 - союз мольпов 42, см. мольпы
 мноиты 35, 206-209, 213
 мольпы 42, 219-223
 моря 173, 175-181
 мофак(и) 128, 136-139
 мужской дом
 - у греков 27, см. пританий
 - у горских племен Кавказа 39
 - первобытный м. д. 43, 49, 50, 87
 - критский м. д. 71, см. андрий
 - гомер. м. д. 81, 85
 мужской союз
 - историография вопроса 26, 28, 36, 40, 42, 47, 53, 64, 89
 - у папуасов, африкан. негров и североамерик. индейцев 27, далее см. «тайные союзы»
 - гомер. м. с. их эволюция 28, 37, 71-73, 75, 79, 81, 82, 89, 97, 98, 105-107, 242, 247
 - дорийский м. с. 33, 37-39, 43-46
 - милет. союз мольпов 42, см. мольпы
 - у народов Ср. Азии 43, 53, 154
 - первобытный м. с. 45, 46, 170, 220, 248, 252, 253
 - эволюция м. с. 47-64, 90, 105-107
 - дорийских гос-в Крита и Спарты 104, 132, 134, 135, 137, 139, 140, 149, 171, 174, 178, 180, 184, 185, 204, 205, 224, 225, 243-245, 248, 250, 253
 - и дорийская родо-племенная организация 184, 186, 203, 241-244, 253

- родовые м. с. Феры, Родоса, Памфилии 184-186
- сравнение структуры дорийск. м. с. с современными тайными союзами Африки, Меланезии, Индии и Америки 245-248
- наемники в армии Клеомена 116
- народное собрание 66, 67
  - у Гомера 74, 88, 91
  - в Спарте 138, 188
- неодамоды 138, 148, 169, 176, 246
- нкимба («живые мертвецы») 56, 86
- Новая Гвинея 50, 51
  - племя маринд-аним 50
  - папуасские племена 50, 64
- норманны
  - «кормильство» у н. 102
- ньякиуса (Африка, район озера Ньяса) 52, 85, 86
- оба(кома) 113, 176-178, 180, 188
  - комы 204
- «Одиссея» 65, 68, 69, 71, 73, 77-83, 85, 87, 88, 105-107, 222
- Олим 197
- Олимпия
  - надпись V в. до н. э. 197
- Опунт 99-101
- Памфилия 185, 186
- Памфилы 186, 189, 190, 193, 222
- патра 196-198
- педоном 216, 225
- Пеллена 115
- Пелопоннес 46, 101, 186, 188, 207
  - Пелопоннесская война 150, 153, 176, 178, 249
- пентекоста(ы) 174, 175, 178, 191, 194, 195
- периеки 114-116, 138, 139, 141, 148, 169, 174, 178-180, 209, 210, 234, 246, 252
  - п. Литта (Крит) 208
- Перу 18
  - государство инков 192

- Пилос 71
  - пир в П. 69, 106
- Платей 177
- племя (этнос) 17, 27, 33, 35, 191-193
  - племенной совет 74, 75
- полис
  - историография вопроса 16, 17, 19, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 35, 41, 142
  - гос-во феаков 71, см. феаки
  - троянский п. 76
  - дорийский п. 184, 197, 199, 200, 222, 238, 243, 244, 248, 253
  - Спарта 112, 178, 209, 219, 249-251
  - Гортина 131
  - на Крите 199, 200, 202, 203, 205, 208, 209, 219, 251
  - ионийские п. Мал. Азии 219, 253
  - идеальный п. у Платона, Аристотеля и Ксенофонта 232, 235-237
  - определение п. в научной литературе 238-242
  - в Афинах 249, 253
- поло-возрастные группы (градации) 47-51
- похищение (умыкание) мальчиков
  - на Крите (любовные связи) 110, 132-135
  - связь обычая умыкания с институтом мужск. союзов 134, 135
  - обычай матазезе, см. Бугенвиль
  - на Кавказе, см. атальчество
- пританей 27, 42, 82, 108, 111, 170
- рабы на Крите 157-162, 165, 168
- ремесленники на Крите 157-171
- Рим
  - Римская империя 18
  - ранняя республика (Сервиева конституция) 23
  - р. трибы 203

- Итальянская федерация 210
- сенат в Р. 214
- *ager publicus* в Р. 239
- полис 240
- род 23, 25, 33, 41, 44, 49, 62-64, 186, 191, 197, 199, 201, 204
  - жреческий род 54
  - родовые мужск. объединения (союзы) 60, 117
  - родовой строй 65
  - родовая (родо-племенная) община (группа) 69-71, 81, 92, 95-98, 105, 241-244, 253
  - усыновление родом 131
  - дорийская родо-племенная организация 186-205, см. также «мужской союз»
  - ионийская родо-пл. организация 187
  - геронты 218
- Родос 207
  - р. синномахи 34
  - р. почетный декрет III в. до н. э. (мужские союзы) 185, 186
  - патры в р. надписях 197
- Самос 32
  - самосская надпись IV в. до н. э. 191
- «свойственники» в поэмах Гомера 94-96, 98, 105
- Селласия 115, 116
- Силлион (Памфилия)
  - надпись из С. (мужской союз) 117, 185, 186
- сиссития 108, 141, 156, 184, 187, 228
  - историография вопроса 18-20, 22-27, 33, 35, 37, 40, 41, 43, 45
  - сотрапезничество у Гомера 65-73, 77-85, 88, 92, 93, 105, 245
  - обеды в складчину 69, 73, 79, 141, 155
  - с. на Крите 108, 110, 113, 117, 118, 126, 127, 129, 141-147, 169, 170, 206-209, 213, 244, 246, 252
- спартанские с. 43, 113, 118, 124, 136-138, 141, 146, 148-156, 169, 170, 177, 180, 205, 206, 211-214, 226, 245-248, 250, 251
- теория военного происхождения спарт. с. 171-175
- различие спарт. и критских с. 152, 153, 155, 156, 204
- царская с. 181-183
- в трудах Платона 228-232
- у Аристотеля 233-235
- слуга(и)
  - у Гомера 91, 92, 99, 102, 105-107
  - в сисситии на Крите 110, 113, 117, 118
  - в фидитиях 119
- спартанская армия
  - военная служба 116, 119, 123, 124, 140
  - воен. организация 172-180, 195, 200, 204, 216, 224
- спартиаты 116, 119, 120, 123, 137, 174, 179, 180, 210, 212, 250, 251
- критерий гражд. прав 138, 139, 217
- система гражд. воспитания 139-141
- численность спарт. 150, 178, 179, 213
- взносы спарт. в фидитии 149, 150, 152, 212
- старт
  - род на Крите 41, 44, 201, 202
  - филы - " - 134, 144, 145, 205
- старцы (племенные старейшины)
  - в поэмах Гомера 66, 70, 71, 74-76, 80, 81, 101
  - старейшины (старики) в Спарте 112, 113, 140, 219
- стафилодромы (или карнеаты) 187, 188
- «Стела основателей» 196-198
- Стептерион 36
- Судан, Западный
  - союз Мумбо-Юмбо 55

Указатель понятий, этно-

Сфактерия 151, 179
Схерия 70, 71
Сьерра-Леоне и Либерия (Западная Африка)
- союзы:
- Поро 58-60, 82, 86, 247
- Ки-Ла-Ми 58
- Леопарда 60

Тайгет 115
тайные союзы (общества) Африки, Меланезии, Сев. Америки 45, 47, 53-64, 82, 86, 87, 117, 245-248, 252, 253
триакады 172, 174, 175, 177, 191, 194-196, 203, 210, 211
Троя 75, 85, 89, 90, 100, 101
- тр. совет 75
- " - " - полис 76
- троянцы (тр. демос) 95
- тр. война (поход) 99, 100
«тысячи» 192-196, 203, 210, 211

фаланга, спарт. 173, 178
феаки
- феакийские «цари» 67, 107
- о-в феаков 69
- феакийский демос 70
- гос-во ф. 71, 78
- ф. старейшины 70, 75
Феодесии и Велхании 144, 145
Фера 186, 189
- завещание Эпиктеты 108, 184, 185
- жители Ф. в Кирене 196-198
- гетерии на Ф. 185, 198, 203
- коллегия эфоров 226
Фессалия 15, 16, 191, 203
фиас, афин. 199, 204, 211, 221
Фивы 69, 173
Фигалия 118
фидитий 109, 111, 112, 137, 146, 220, 225
- историография вопроса 22-24, 28, 37-39, 42, 44, 68, 69

- царский ф. в Спарте 111, 182, 183
- смешение возрастов в ф. 112, 124, 125, 219
- численность ф. 113-117
- повара в ф. 83, 118, 152, 153
- возраст зачисления в ф. 119-124
- порядок приема в ф. 135-140
- спартан. сисситий (взносы в ф.) 148-155, 213
- боевая единица гражд. ополчения, связь ф. с армией 134, 172-175, 177, 204
- ф. и дорийск. родо-племенная организация 186, 199, 244-248, 251, 253
- ф. классич. периода 205
- сопоставление с «тайными союзами» туземцев Африки 247, 253
фила 19, 23, 41, 81, 99, 180, 184, 185, 196, 197
- дорийские ф. 113, 191, 193, 208
- ф. в Спарте 140, 179, 187-189, 204, 217
- на Крите 144, 145, 200-203
- в Акрах и на Косе 186, 195
- в Кирене 196-198
финикийцы 66
фратрия
- историография вопроса 19, 33, 34, 41, 44, 49
- родовое объединение у Гомера 81, 96-99, 105
- фр. в Афинах 130, 131, 198, 199
- единица полисного деления 140, 180
- " - " - родо-племенной организации дорийцев 184, 185, 187, 188, 191, 203
- ионийская фр. 186, 195, 197, 203
- фр. и патра 197
Фтия (Фессалия) 93, 99-101

географических и прочих названий

хатты 53, 86

царь (басилей) в поэмах Гомера 18, 37, 65, 79, 80, 91, 94
- ц. сотрапезники («царские» обеды) 65-71, 75, 80, 81
- народ и ц. 68
- ц. фидитий 69
- ц. дом 71, 75, 84
- ц. власть 76-78, 106
- ц. дружина 90, см. «дружина»
- ц. темен 37, 93
- ц. почесть 37, 77, 101
царь в Спарте
- царская сиссития 149, 151, 152, 155, 181-183
- ц. и «корпус всадников» 214, 215, 218
- цари Спарты 222-224, 227

Черная Керкира 193
чужеземцы
- на Крите 110, 111, 131, 157, 168-171
- в Спарте 114, 138, 139, 169, 170
- ч. и граждане Магнезии 169

Эгина 100
- эг. патра Мединидов 196
Элевтерна (Крит)
- закон о ремесленниках 158, 161, 162, 165, 170

Элтиния (Крит)
- надпись VI-V вв. до н. э. 108
эномотия(и) 172-177, 179
Эпидавр 194
Эпитадей
- «ретра Эпитадея» 152
Эретрия (о-в Эвбея)
- надпись н. III в. до н. э. об организации театр. представлений на Эвбее 166
эсимнет 221-223
эфеб (эфебия)
- срок э. 38
- э. в Спарте 119-123, 126, 216, 225
- присяга э. на Крите 129, см. «Дреросская присяга»
- закон об усыновлении в Гортине 131
Эфиопия, Южная
- племена: галла, дарасса, консо 52
эфор 138, 154, 180, 181, 245
- сисситий э. 204
эфорат 40, 222-225

юноши
- в поэмах Гомера 69, 74, 75, 85, 90
- в Спарте 214, 217-219

Приложение

Отзыв

о диссертации Ю. В. Андреева «Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Работа Ю. В. Андреева, посвященная мужским союзам в древней Спарте и дорийских государствах Крита, представляет собой монографическое исследование, задуманное широко и оригинально. Диссертация несколько не походит на издающиеся на Западе работы этого типа, где исследование очень узкого вопроса ведется с академических позиций и авторы не отходят ни на шаг от привычных норм науки о классической древности. Напротив, исследование Ю. В. Андреева ставит своей целью заглянуть как можно глубже в древнейшую историю Греции через призму одного из ее первобытных институтов - мужских союзов. При этом широко привлекаются этнографические параллели, так как мужские союзы встречаются у многих народов мира, сохранивших древний первобытный уклад жизни.

В методологическом плане Ю. В. Андреев следует Ф. Энгельсу, заметившему в своей знаменитой работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», что из-за плеча древнего грека выглядывает индеец-ирокез. В настоящее время эту плодотворную методологию усваивают многие прогрессивные ученые Запада - для примера укажем на профессора Бирмингемского университета Д. Томсона, успешно применившего ее в своих работах «Эхил и Афины», «Исследования по истории древнегреческого общества».

Диссертация Ю. В. Андреева состоит из пяти глав, но первая глава состоит из двух, по сути дела не зависящих друг от друга частей - историографического обзора и этнографического экскурса. Последний, составляя объемистый (в 2 печ. листа) очерк, является одной из немногих попыток обобщения огромного накопленного наукой фактического

материала - и то, что автор называет его краткой справкой, говорит только о его скромности и редкой научной добросовестности.

Диссертация ставит своей целью исследование института мужских союзов в дорийских городах-государствах на протяжении огромного периода времени, охватывающего едва ли не тысячелетие.

Задачу эту следует признать чрезвычайно сложной. Трудность заключается еще и в том, что необходимая информация, сама по себе предельно скудная и отрывочная, часто носит косвенный характер; кроме того, ее необходимо отыскивать в самых различных источниках. Сведения, имеющиеся в них, нередко содержат противоречивые и трудно сопоставимые данные, традиция в них подверглась сильнейшим искажениям, что особенно свойственно источникам позднего периода. Немалые затруднения представляет работа с дорийскими надписями древнего Крита и Спарты: помимо диалектных особенностей, понимание их особенно затрудняется тем, что сохранность их в подавляющем большинстве случаев оставляет желать лучшего. Необходимо сразу же признать, что Ю. В. Андреев прекрасно справился с этими трудностями и проявил себя как ученый, вполне владеющий приемами критики и восстановления эпиграфических памятников.

Сложность задачи позволяет понять, почему в научной литературе как в отечественной, так и в зарубежной почти полностью отсутствуют работы аналогичного типа: вопросы, связанные с темой настоящей диссертации, затрагиваются лишь попутно в исследованиях ученых, занимавшихся историей древней Спарты и Крита. Таким образом, Ю. В. Андрееву пришлось прокладывать в науке новые пути, и он честно предупреждает читателя, что ряд его выводов будет носить гипотетический характер.

Начнем наше рассмотрение диссертации с детально разработанного историографического обзора. Автор не ограничивается здесь критическими замечаниями в адрес буржуазных ученых по поводу того, что они не умеют мыслить категориями исторического материализма; читатель также не найдет здесь и простого пересказа различных точек зрения, существующих в науке. Напротив, Ю. В. Андрееву удалось представить процесс развития исторической науки в целом на примере осмысления различными исследователями этого древнейшего института общественной жизни греков. Взгляды отдельных ученых раскрыты здесь в системе и их внутренней взаимосвязи, показана зависимость этих взглядов от времени и условий, в которых они были высказаны. Позволю себе не согласиться с автором только в одном случае - когда он критикует работу Краймса (Древняя Спарта,

Манч. 1949) за ее попытку представить древнедорийские родовые институты в качестве системы, «действующей как единый, четко слаженный механизм» (с. 44 дисс.). Возражая ей, Ю. В. Андреев указывает - на той же странице - что обычаи древней Спарты были элементом единого социального комплекса. Этот комплекс, по мнению автора, не мог сохранить своего единства на протяжении тысячелетий, отдельные его элементы разрывают соединяющие их связи и начинают развиваться самостоятельно. В этом рассуждении автор постулирует наличие в древней Спарте некоего постоянного комплекса общественных установлений (неясно, когда возникшего, в какое время существовавшего), который затем начинает распадаться. Но такое рассуждение метафизично по своему существу, а главное - находится в противоречии с фактами, самому автору прекрасно известными. Архаический и закостеневший строй древней Спарты явился результатом искусственной попытки затормозить естественный ход исторического процесса («законодательство Ликурга»). Таким образом, здесь надо говорить не о развитии из единого комплекса, а о комплексе, явившемся результатом торможения развития! Сам Ю. В. Андреев подчеркивает особую ценность методологической установки К. О. Мюллера, считавшего, что на материале истории дорийских государств можно изучать древнейший период в истории Греции (с. 10 дисс.); с таким же одобрением автор относится к заявлению Г. Шурца, охарактеризовавшего Спарту как музей древних обычаев (с. 22 дисс.).

Этнографический экскурс диссертации представляет собой солидный фундамент, на котором строится исследование и систематизация фактов, связанных с развитием института мужских союзов в древней Элладе. Автор сравнивает структуру и функции мужских союзов у народов Африки, Северной и Южной Америки, на островах Меланезии и Микронезии, и приходит к выводу, что при переходе к оседлому образу жизни роль этих союзов возрастает. Это следует признать вполне закономерным, как и другое заключение автора о том, что институт мужских союзов оказывается внешним выражением поло-возрастного деления племени. Автор показывает далее, как эволюция мужских союзов приводит к их усложнению и обособлению внутри общины отдельных возрастных классов, рамки которых нередко искусственно растягиваются, чтобы не дробить сложившуюся семейную собственность образованием новых социальных ячеек. Так, автор ставит в прямую связь развитие института мужских союзов с увеличением роли частной собственности и это надо признать

особенно важным в методологическом отношении выводом. В ходе дальнейшего исследования вопроса автор с большим знанием дела вскрывает социальную направленность так называемых «тайных союзов», при этом убедительно доказывается несостоятельность утверждений крупнейшего западного исследователя Генриха Шурца, считавшего основной чертой тайных союзов их засекреченность. Смело вступая в полемику с таким видным ученым, как проф. Токарев (видевшим в мужском союзе орудие борьбы мужчин против матриархата), Ю. В. Андреев противопоставляет ему свою точку зрения, согласно которой определяющим фактором в развитии тайных союзов служит имущественное неравенство, разлагающее первобытную общину, равно как и возникающие в ней зачатки эксплуатации человека человеком. Автор дает свою оригинальную классификацию тайных союзов, основываясь на фактическом материале, содержащемся в работах Фробениуса, Деннета, Делярозьера, Вестермана, Гэрли, Паркинсона, Драйвера и многих других исследователей.

Ясно очерченные принципы классификации мужских союзов позволяют автору перейти к исследованию характера этого института в гомеровскую эпоху (II-я глава диссертации).

Необходимо сразу же оговорить, что в поэмах Гомера содержатся лишь косвенные намеки на существование этого института, но Ю. В. Андреев необыкновенно удачно находит первое звено в цепи фактов, позволяющих реконструировать этот институт в гомеровскую эпоху - им оказываются совместные обеды басилеев, героев Гомера. Совместные обеды - важная черта мужских союзов: во время совместного пиршества обсуждались общественные дела (так было у древних германцев - Tac. Germ. XXII, персов - Herod. I, 135 и других народов древности). Указанные нами здесь места автору следовало бы привлечь для более глубокой аргументации выдвигаемых им положений.

Царские сотрапезники, βασιτόμους, противопоставляются рядовым общинникам: они пьют особое вино, ὑεροῖσιον οἶνον - почетное вино, вино старейшин. Единственное возражение, которое хотелось бы в связи с этим сделать автору - это то, что он несколько сгущает краски, усиливая моменты в эпосе, где цари изображаются живущими за счет народа. Так, на стр. 95 автор пишет: «выражения δῆμος, δῆμιος, поскольку они имеют в поэмах определенный политический смысл, лишь прикрывают хозяйничанье δημοβόροι βασιλῆες (II. I, 231)» - царей мироедов. Легко может возникнуть представление, будто эпитет δημοβόρος постоянно сопутствует термину «басилевс».

Но в действительности этот эпитет употреблен в эпосе только один раз: этот упрек брошен разгневанным Ахиллесом (который сам является басилевсом и наиболее ярко выраженным носителем аристократического начала в «Илиаде») Агамемнону и носит в контексте отнюдь не социальный, а личный характер. Так как это слово употреблено только один раз, значение его не представляется абсолютно ясным - в «Илиаде» (XVIII, 301) встречается глагол *καταδημιβορέω*, который, как будто, не носит отрицательного характера. Возможно, что Ю. В. Андреев оказался здесь под влиянием текста Гесиода, где цари действительно названы *δωροφόροι*, «пожирателями даров».

Превосходно выполнен автором анализ знаменитого плача Андромахи в «Илиаде» (XXII, 490 слл.). Слова брани, обращенной к Астианакту, действительно являются блестящим примером, иллюстрирующим социальный характер мужских союзов в эпоху разложения рода.

В результате необычайно глубокого и тщательного анализа автор приходит к выводу о существовании в гомеровскую эпоху древнейших форм мужского союза, состоящих из трех возрастных классов. Эпитет *ῥιτοῦργον*, о котором бегло упоминает автор (с. 112), заслуживал бы, на наш взгляд, большего внимания (его полезно сопоставить с *ῥιτόν ἡῆρας* в «Одиссее» (XV, 357). Интересен, как кажется, и термин *ορχαμος ἀνδρών*, «повелитель мужей»: так назван в «Одиссее» одинокий свинопас Евмей, раб, никогда никем не повелевавший (XV, 351). Но смысл его может стать ясным, если принять его за привычный и почетный термин из быта мужских союзов.

Последнее замечание, которое нам хотелось бы сделать по поводу II главы относится к смелой и оригинальной гипотезе Ю. В. Андреева, согласно которой сборище женихов, сватающихся к добродетельной Пенелопе, составляет наиболее интересный пример гомеровского мужского союза (с. 123). Дело в том, что эти женихи происходят не только с острова Итаки и сборище их не характеризуется ни племенным, ни территориальным единством. Да и сам этот союз - с целью сватовства к одной невесте - выглядит как-то странно. Этнографической параллели, как кажется, мы не найдем. Было бы правильнее сказать, что быт женихов «Одиссеи» может воспроизводить черты, характерные для мужских союзов.

Исследование гомеровского эпоса с указанной точки зрения позволило автору реконструировать формы мужских союзов рассматриваемой эпохи. Сделанные им выводы позволяют перейти к главной теме, которой и посвящена III и последующие главы.

III глава является центральной и автор начинает ее с рассмотрения терминов, которыми обозначались мужские союзы в дорийских полисах. Уяснение точного смысла каждого из них (надо заметить, что античные авторы не стремились к терминологической точности) является неперенным условием дальнейшего рассмотрения вопроса, поэтому, на наш взгляд, этот раздел необходимо было бы углубить и довести до логического завершения - что позволило бы и самому автору избежать некоторой неточности в терминологии. Так, например, на с. 174 автор говорит о 4 вариантах названий спартанских сисситий (фейдитии, фидитии, филитии и сюскении); термин «сисситии» употреблен здесь в качестве генерализующего. Но на с. 233 (и др. местах) автор употребляет этот термин только в одном узком его значении - совместного обеда членов мужского союза. Справедливость требует указать, что Ю. В. Андреев в основном употребляет термин «фидитии» для обозначения мужского союза в Спарте, а сисситии как совместный обед членов этого союза. Оценивая различные попытки этимологизации термина «фидитии», Ю. В. почему-то обходит молчанием то объяснение, которое дает Шёман (Griechische Alterthümer, В. 1871, с. 286), опирающийся на интересную глоссу Гезихия.

Вопрос о территориальной организации союзов (автор употребляет термин «локализация союзов», хотя он представляется недостаточно точным) является одним из наиболее сложных и многое здесь представляет собой *lucus a non lucendo*. На Крите каждая гетерия имела свой особый андрей, тогда как в Спарте, помимо фидитиев, существовали еще и лесхи. Ю. В. Андреев выдвигает здесь хорошо аргументированную гипотезу, согласно которой в лесхах собирались лишь старцы, тогда как в фидитиях состав мог быть смешанным. Установив точные границы деления спартиатов по возрастному признаку, автор убедительно опровергает реконструкции спартанской системы возрастных классов, принадлежащие Марру и Краймс.

Не до конца ясен и вопрос о численности фидитий: но при нынешнем состоянии источников вряд ли можно сделать больше, чем сделал Ю. В. Андреев в диссертации. И все же автор, как нам думается, слишком буквально понимает слова Плутарха в биографии Агиса о том, что последний хотел создать 15 фидитиев числом *κατά τετρακόσιους καὶ διακόσιους*. На основании этого места автор полагает, что в древних спартанских фидитиях (которые должны были быть восстановлены реформой Агиса) было всего 600 человек, делившихся на две группы - «старшую» и «младшую». Но дело в том,

что предлог *κατά* употребляется по-гречески с числительными тогда, когда нужно указать на приблизительный характер данных, кроме того такое деление не засвидетельствовано источниками. Вполне понятно, почему здесь число членов в фидитиях названо приблизительно: оно постоянно менялось на протяжении всей исторической эпохи в связи с теми изменениями, которые претерпевало число граждан Спарты. В классическую эпоху спартанское войско делилось на 6 мор, каждая мора на 4 лоха. В бой шли первые два лоха каждой моры: третий лох, состоявший из стариков, и четвертый, состоявший из юношей, должны были защищать город. Таким образом, в спартанском войске существовали три возрастные группы, а не две: начало военной службы в Спарте совпадало со вступлением в фидитий, как показывает Ю. В. Андреев на с. 193 дисс. Изменение числа полноправных спартиатов не могло не отразиться на численности фидитиев. Так, если во время Греко-персидских войн в Спарте насчитывалось, согласно Геродоту (VII, 234) до 8 000 спартиатов, то в битве при Левктрах участвовали 4 моры, в сумме составившие всего 700 человек (Хеп. Нелл. VI, 4, 15). Если учитывать, что из каждой моры участвовало около половины личного состава, а всего мор было 6, то мы получим численность боеспособного мужского населения Спарты, равную приблизительно 1400 воинов (Ср. Хеп. Нелл. VI, 1,1; VI, 4, 17 и др.).

Само по себе интересное исследование системы государственного контроля за трудом ремесленников и чужеземцев, проделанное автором в том разделе III главы, который назван «чужеземцы в сисситиях», а также сопоставление утопической программы «Законов» Платона с фактами исторической действительности Крита V-IV вв. до н. э., все же в меньшей степени связано с основной темой исследования.

Глава IV рассматриваемой работы посвящена некоторым вопросам эволюции дорийских мужских союзов. Здесь в большей степени, чем в других местах работы используется эпиграфический материал: так, вывод автора о первоначальном гентильном характере мужских союзов опирается в значительной мере на надпись из Силлиона в Памфилии (с. 316). Надпись эту следует признать действительно чрезвычайно интересной и важной, хотя не все в ней ясно. Ю. В. Андреев полемизирует здесь с проф. С. Я. Лурье, опубликовавшим в 1959 г. в журнале «Клио» статью, посвященную этой надписи: но читателю все же остается неясным, в чем заключается причина различного понимания 5 и сл. строк этой надписи покойным проф. Лурье и Майстером, анализировавшим эту же надпись еще в 1904 г.

Главное внимание в IV главе автор уделяет вопросам, связанным с родоплеменной организацией дорийцев, оставивших необыкновенно разнообразную терминологию, скрывающую в себе все многообразие и изменчивость древнего родового деления. Помимо древних дорийских фил - Гиллеев, Диманов и Памфилов - мы встречаем деление на патры, гетерии, диагонии и др. Исследуя весь комплекс связанных с проблемой вопросов, Ю. В. Андреев сумел ясно проследить влияние еще более древнего ахейского родового деления на дорийские общины. Это помогло ему объяснить загадочное место знаменитой Ликурговой ретры, по поводу которой так много спорили в науке.

В рассматриваемой главе автору удалось убедительно доказать, что в Спарте мужские союзы очень рано оторвались от своей родовой основы, тогда как на Крите процесс разложения древнего родового деления оказался гораздо более длительным. Впервые, как кажется, в науке Ю. В. Андрееву здесь удалось показать, как древние мужские союзы приспосаблились к новым условиям в такой примитивной дорийской общине, какой являлась Спарта в архаическую эпоху.

Последняя V глава диссертации названа не совсем точно - «Исторический характер дорийских мужских союзов». В действительности, в первой части этой главы идет речь о тех греческих писателях, которые, сочиняя проекты идеального государства, включали учреждения типа спартанских фидитиев или критских гетерий в состав проектируемых ими утопических общин. Ю. В. Андреев, изучая здесь диалог Платона «Законы», показывает, насколько противоречивыми были суждения философа об этом предмете. Текст диалога цитируется автором диссертации в собственном переводе, который в ряде случаев является даже чересчур точным: дело в том, что стремление сохранить греческую конструкцию фразы, заметное у Ю. В. Андреева, не всегда способствует лучшему пониманию текста. Так, например, на с. 402 диссертации автор приводит обширную цитату из VII книги «Законов» (806 Д-807 В): «Как бы проводили жизнь люди, обладая в умеренном количестве всем необходимым, когда ремесла переданы другим, земледелие же предоставлено рабам, которые отдают из плодов земли долю, достаточную для того, чтобы люди могли жить прилично, когда устроены сисситии отдельно для мужчин, а неподалеку для их близких, детей женского пола и их матерей, причем начальникам и начальницам было бы поручено распускать эти сисситии, наблюдая каждый день за поведением сотрапезников, после чего начальник и прочие, совершив возлияние тем богам, которым посвящена эта ночь или день, расходились бы вот таким образом по домам?».

Такая фраза для слуха все же представляется слишком громоздкой и ее следовало бы разделить на части.

Заканчивая свое исследование, автор диссертации рассматривает во второй части последней главы проблему сущности полиса, уделяя особое внимание месту, которое занимали в древнегреческом городе-государстве учреждения типа сисситий. При этом автор подводит известные итоги полемики, которая имела место в советской исторической науке по поводу определения сущности античного города-государства, высказанного Марксом.

На с. 447 подведены итоги исследования, проделанного автором. Это краткое резюме далеко не исчерпывает всего, что автор мог бы записать в свой актив в качестве собственного вклада в науку. Но главное здесь отмечено - автор доказал, что «исторически спартанские фидитии и критские гетерии являются результатом искусственной перестройки, приспособления к специфическим нуждам возникающего античного города-государства более ранней первобытной формы мужского союза».

Говоря обо всем исследовании, хотелось бы отметить прежде всего его высокий технический уровень - владение автором приемами филологического и эпиграфического анализа, исчерпывающее использование иностранной литературы на английском, французском и итальянском языках. Автор превосходно знает греческий и латинский языки, что является непременным условием успешной работы в избранной Ю. В. Андреевым специальности.

Работа написана прекрасным русским языком, несмотря на значительный объем, она лишена многословия, читается легко и с интересом. После некоторой редакционной доработки монографию Ю. В. Андреева следовало бы издать: эта книга без всякого сомнения привлечет внимание широких кругов научной общественности как в нашей стране, так и за рубежом. Можно в чем-то не соглашаться с ее автором, по каким-то частным вопросам полемизировать с ним, но нельзя не признать, что автор полностью овладел своим очень труднодоступным материалом и сумел сказать новое слово в науке.

Автор диссертации безусловно заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук.

В. Г. Борухович
доктор исторических наук,
профессор Горьковского университета

Исследование Ю. В. Андреева «Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит)» посвящено интереснейшему феномену истории древней Греции: в условиях непрерывных войн в Спарте и на острове Крите возродились в трансформированном виде характерные для дописьменных народов замкнутые сообщества совместно проживающих мужчин-воинов, до известной степени противостоящих остальным членам племени. Ю. В. Андреев тщательно выявляет традиционные архаические элементы в устройстве дорийских мужских сообществ, с должной осторожностью привлекает сопоставительный этнографический материал, и одновременно подчеркивает новые черты этих сообществ в архаическую и классическую эпоху, развившиеся в силу коренным образом изменившейся роли этих союзов. Важное значение имеет и вторая глава исследования, где Ю. В. Андреев анализирует то немногое, что мы знаем о мужских сообществах гомеровской эпохи — в известном смысле промежуточной между дописьменным состоянием и архаической эпохой, в которую складываются полисы.

Исследование Ю. В. Андреева соединяет в себе научную строгость и доступность для широкого круга образованных читателей. Проблемы, поднятые в нем, неожиданно перекликаются с современными, волнующими всех нас. Монография Ю. В. Андреева, будучи напечатанной, обогатит нашу культурную жизнь. Она может разойтись в таком количестве, что издание окажется прибыльным.

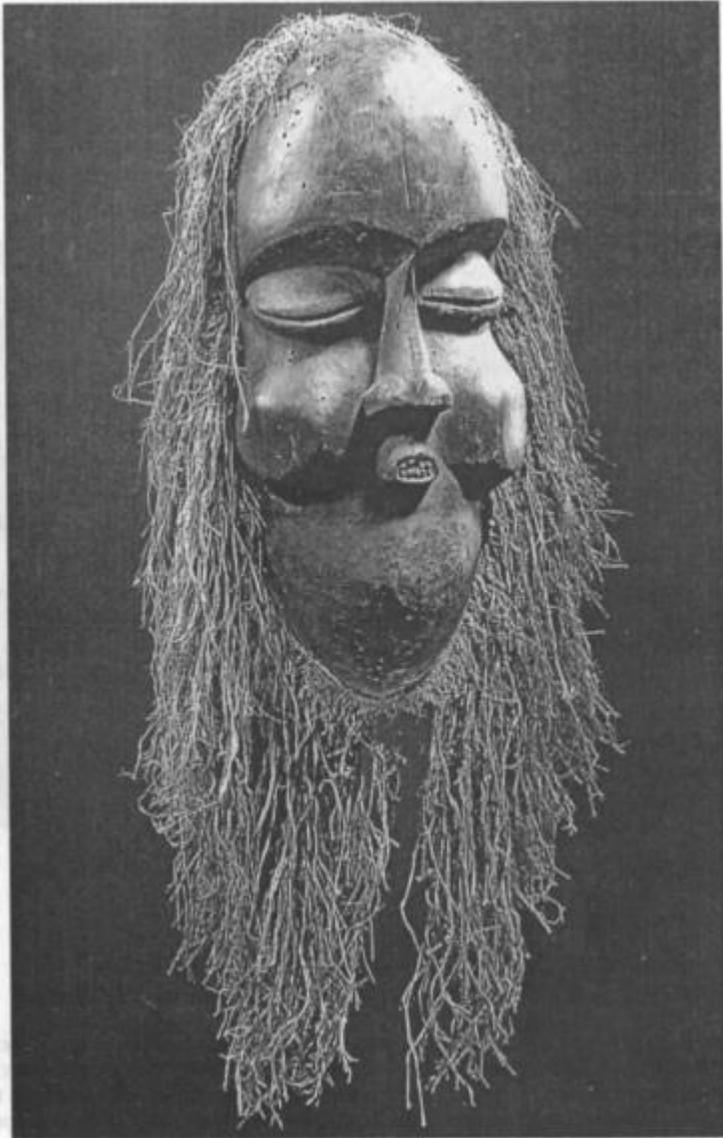
Доктор ист. наук проф.
А. И. Зайцев
25.05.98

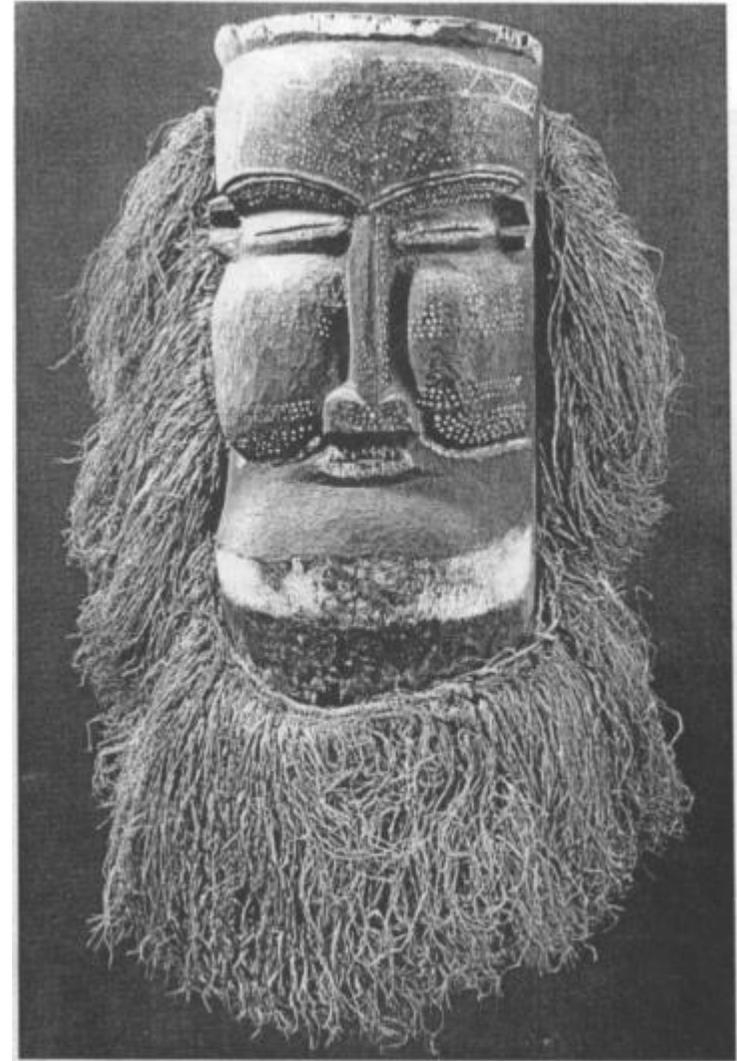
1. Рисунок на маске-доске предписывает строжайшее соблюдение моральных норм. Один из моментов обряда инициации в деревне в Буркина Фасо. Современное фото

2. Накладная маска с рогами. Маска используется в лагере иницируемых в тех случаях, когда мальчики получают технические, религиозные и общественные инструкции, необходимые для перехода в общество взрослых. Она примечательна благодаря сочетанию толстых, загнутых рогов буйвола с антропоморфным лицом, отражает равновесие между природой и культурой и отмечает ключевой элемент инициации, когда юноши, приведенные в лагерь, находящийся в диком лесу, вновь будут возвращены к цивилизованной жизни человеческого общества. Дерево. Северная Ангола и Южное Конго. Собрание Барейсс. Высота маски 50,5 см

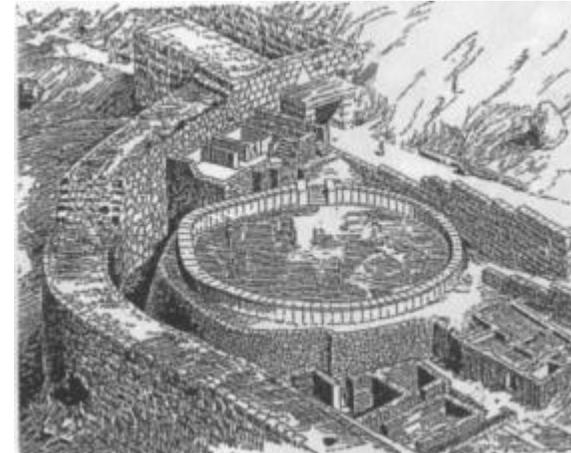
3. Маска показывается иницируемым только в день обрезания, вселяя в них страх и одновременно побуждая их стать столь же сильными мужчинами, как эта гигантская фигура с огромными щеками. Дерево. Никонго. Собрание Барейсс. Высота маски 58,5 см

4. Маска хранится во владении шамана в лагере иницируемых и показывается обычно в день обрезания, в день ухода из лагеря и в связи с последующим за этим прекращением ограничений в питании. Цель ее появления - принудить, благодаря страху, юного кандидата к повиновению и уважению старших, а также угрожать каждому, кто втайне вынашивает злой умысел по отношению к кому-нибудь из иницируемых. Дерево, Южное Конго. Собрание Барейсс. Высота маски 72,5 см

5. Цитадель Микен с руинами дворца на вершине. Современное фото

6. Шахтовые могилы круга А в Микенах. В центре - алтарь для жертвоприношения. XVI-XV вв. до н.э. Рис. П. де Жонга

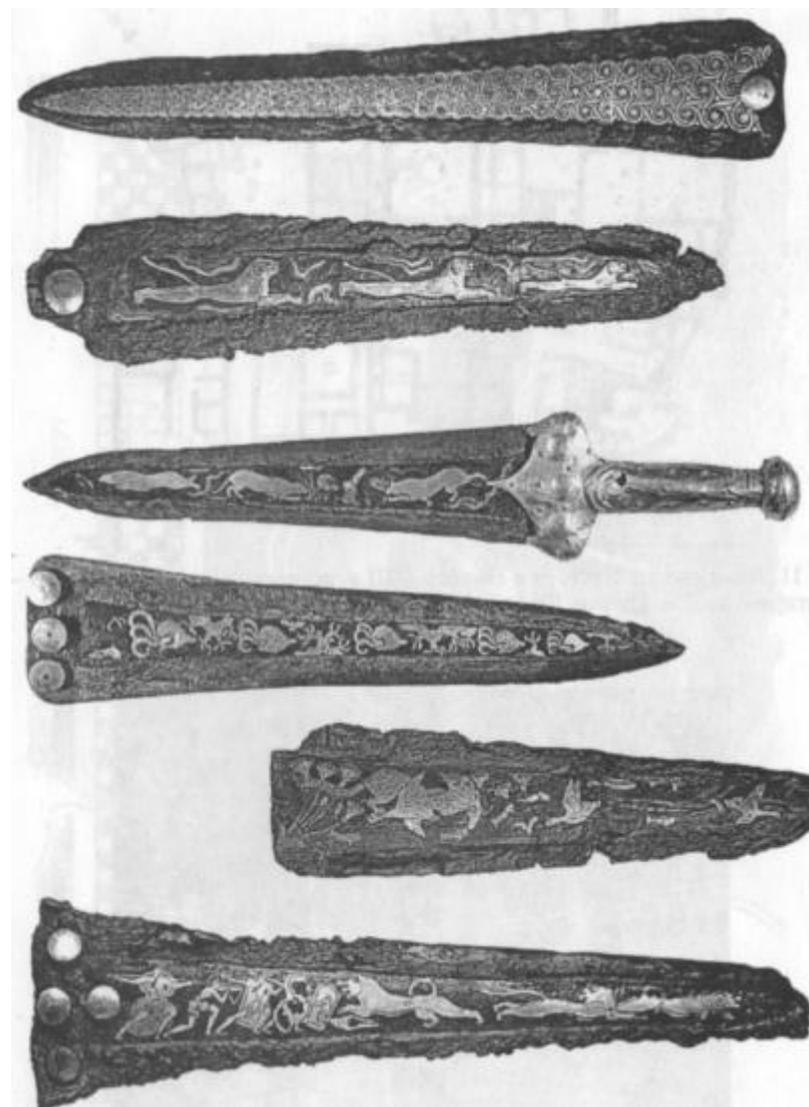
7. Золотая маска ахейского правителя, т.н. «маска Агамемнона», из 5-ой шахтовой могилы круга А в Микенах. XVI в. до н.э. Афины, Национальный музей

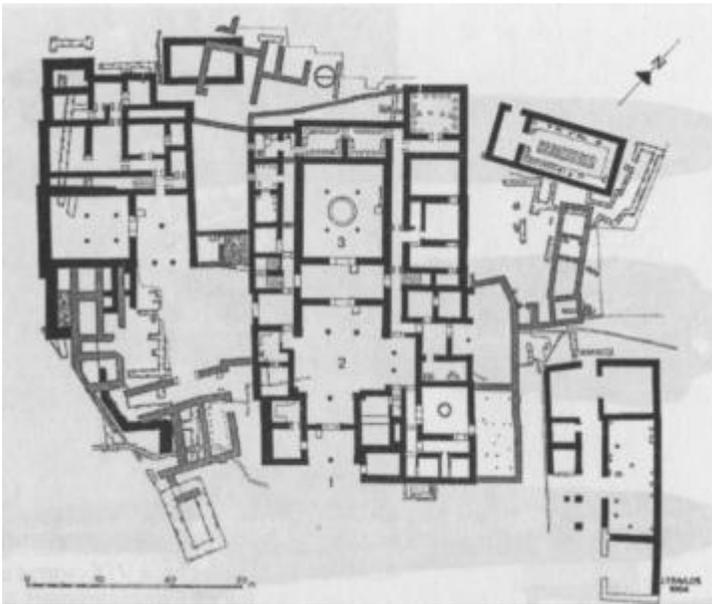
8. Голова микенского воина в шлеме из клыков вепря. XIV в. до н.э. Слоновая кость. Афины, Национальный музей

9. Бронзовый панцирь микенского воина и шлем из клыков вепря. XV в. до н.э. Навплион, Музей

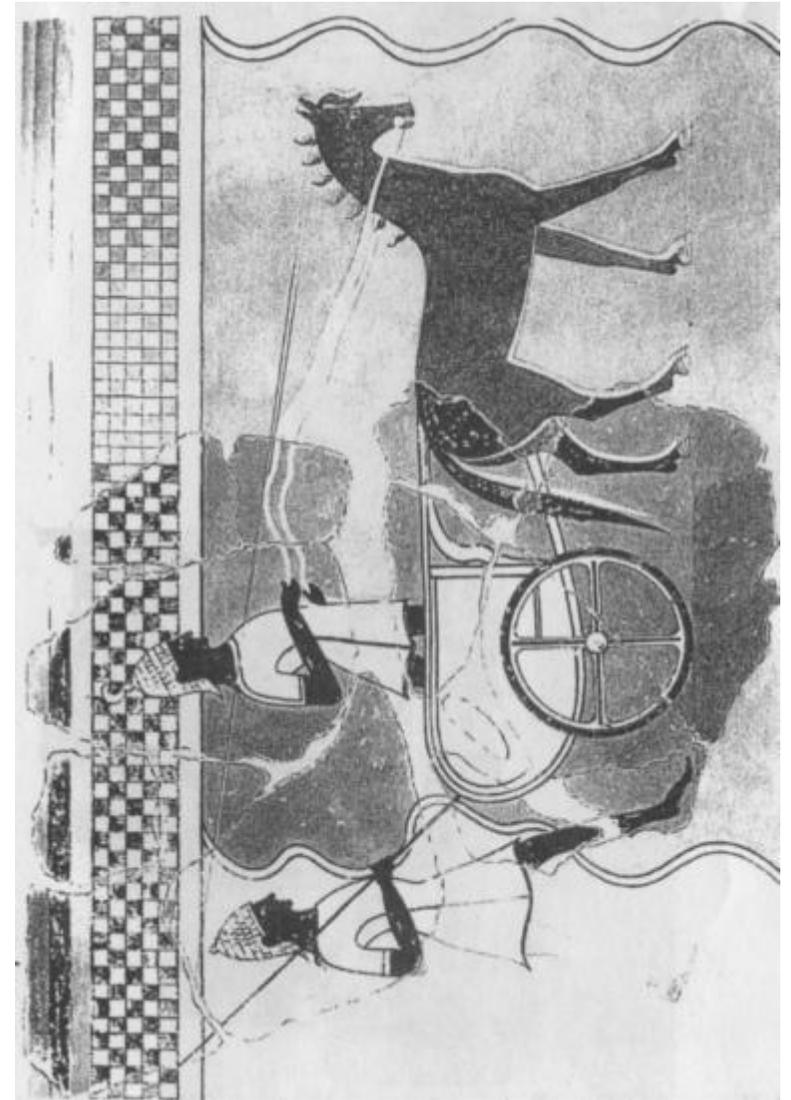
10. Микенские мечи и кинжалы. Бронза с инкрустацией золотом и серебром. 1500-1430 гг. до н.э. Афины, Национальный музей

11. План дворца Нестора в Пилосе. XIII в. до н.э.: 1 - вход, 2 - двор, 3 - мегарон (по Дж. Травлу, 1964 г.)

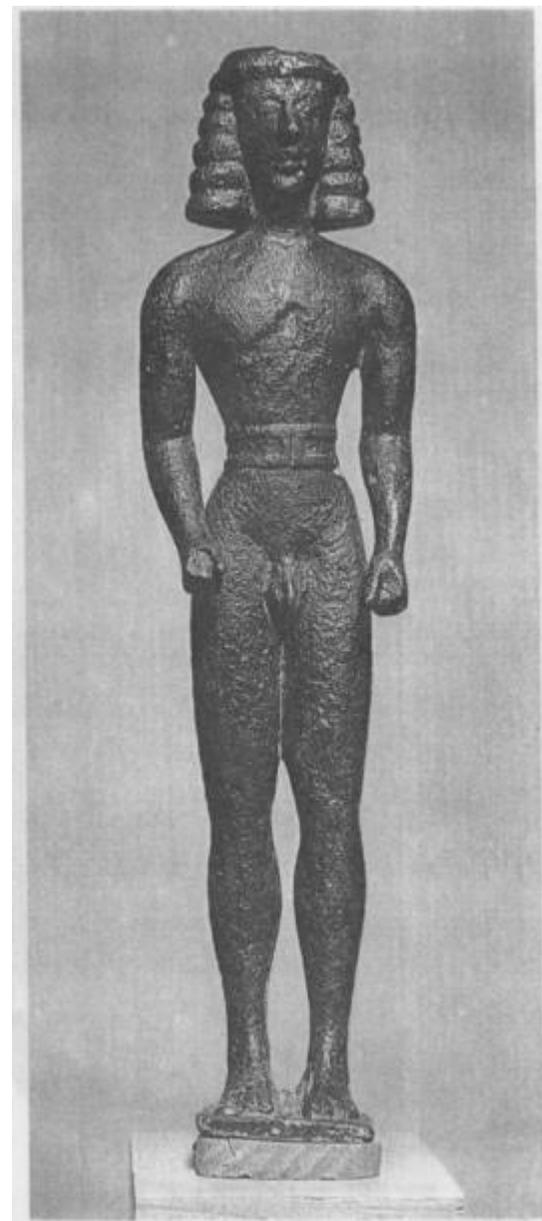

12. Реконструкция мегарона (тронного зала) дворца в Пилосе (по П. де Жонгу)

14. Царская сиссития. Траурная процессия колесниц. Коринфский кратер. 575-570 гг. до н.э. Мастер Детройт. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж

15. Бронзовый курот из Дельфы. Ок. 630 г. до н.э. Дельфы, Музей

16. Кюрос из Воломандры (Аттика). Мрамор. Ок. 560 г. до н.э. Афины Национальный музей

18. Прощание Гектора с Андромахой. Халкидский кратер. VI в. до н.э.
Вюрцбург, Университет, Музей Мартина Вагнера

20. Сфенел перевязывает раненого Диомеда. Халкидская амфора. Ок. 550 г. до н.э.

21. Сосий. Ахилл перевязывает раненого Патрокла, сидящего на своем круглом щите. Аттический краснофигурный килик из Вульчи. Ок. 500 г. до н.э. Берлин, Государственные музеи, Античное собрание

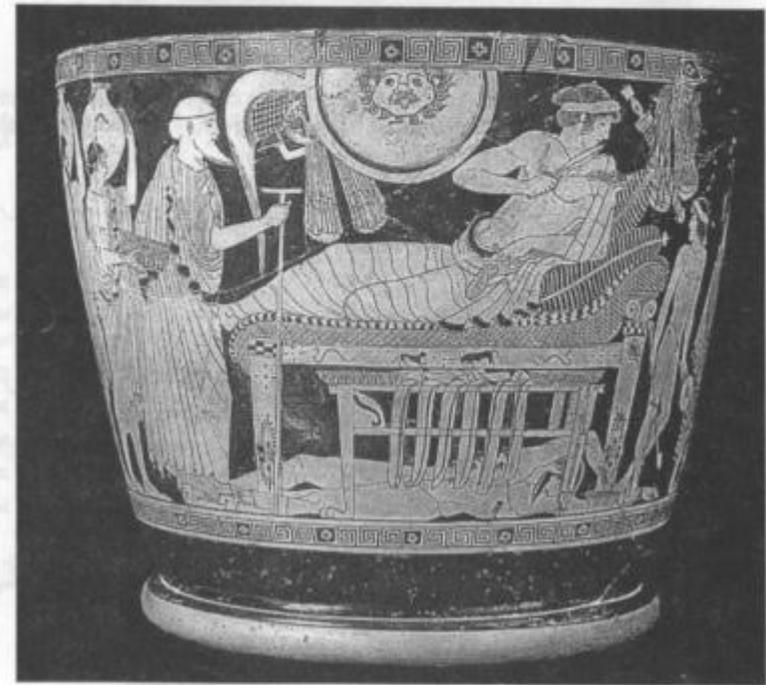
22. Менелай и Гектор в битве над телом Эвфорба. Блюдо с острова Родоса. 610-600 гг. до н.э. Лондон, Британский музей

23. Схватка над телом Патрокла. Аттический чернофигурный кратер из Фарсалы. Ок. 530 г. до н.э. Мастерская Эксекия. Афины, Национальный музей

24. Ахилл с телом Гектора. Аттическая чернофигурная гидрия. 510-е гг. до н.э. Мастер Антиопы, Группа Леагра. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж

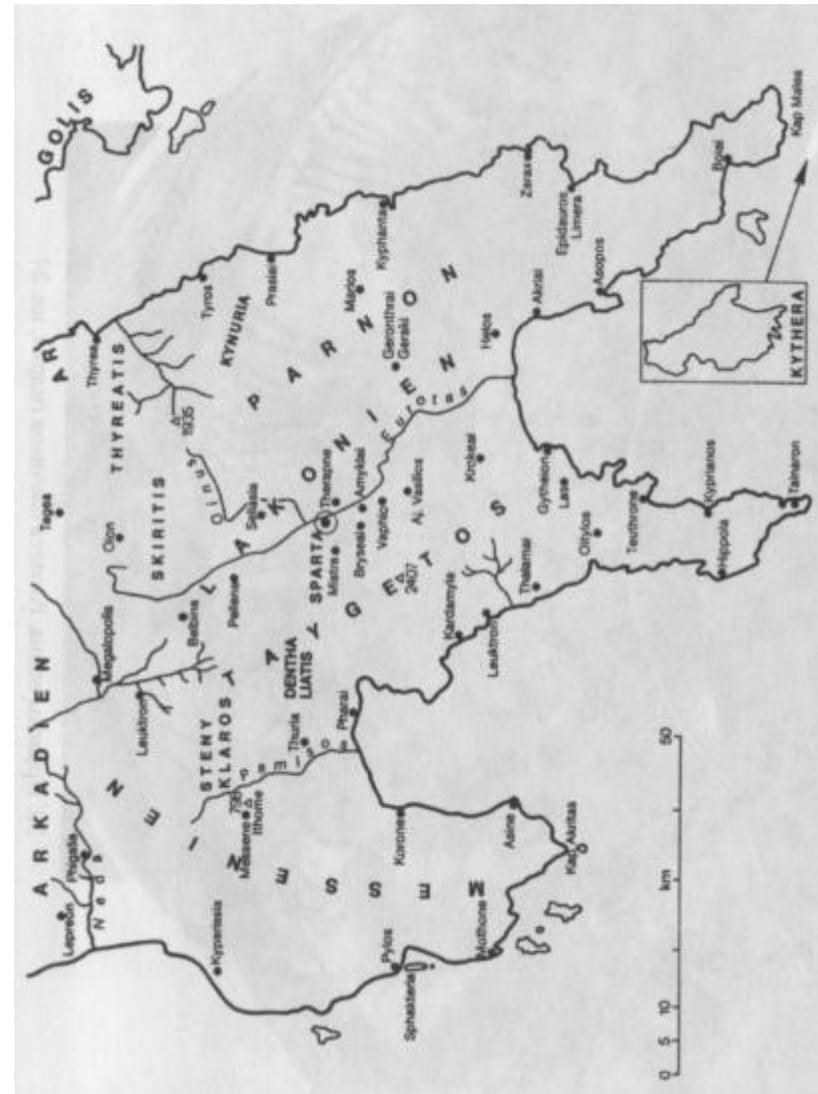
25, 26. Бригос. Приам, испрашивающий у Ахилла тело Гектора. Краснофигурный скифос из Черверт...

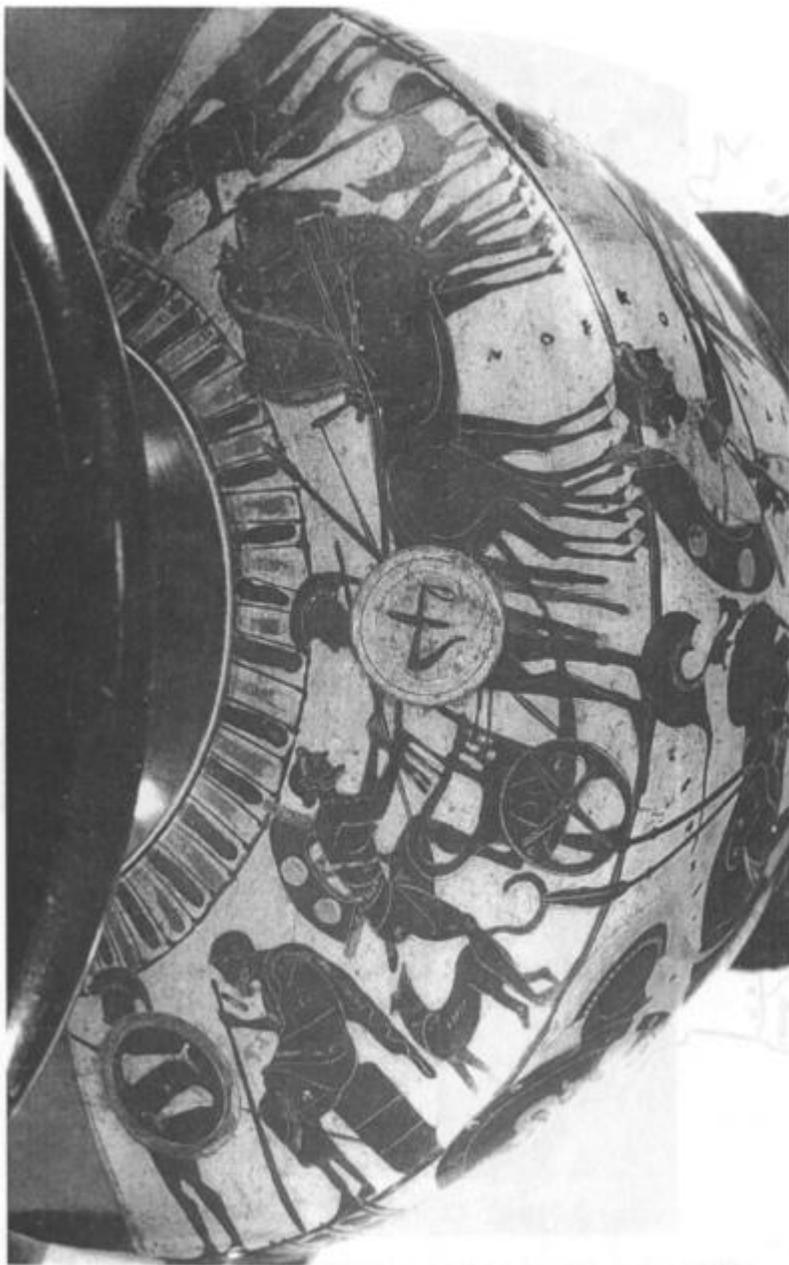

27. *Дурис.* Агамемнон между Аяксом и Одиссеем в споре за доспехи Ахиллала. Аттический краснофигурный килик из Червертери. Ок. 490 г. до н.э. Вена, Музей истории искусств

28. Одиссей передает Неоптолему доспехи Ахилла. Тондо килика

31. Вооружение гоплита. Протокоринфский алабастр из Коринфа. Вторая пол. VII в. до н.э. Берлин, Государственные музеи, Античное собрание

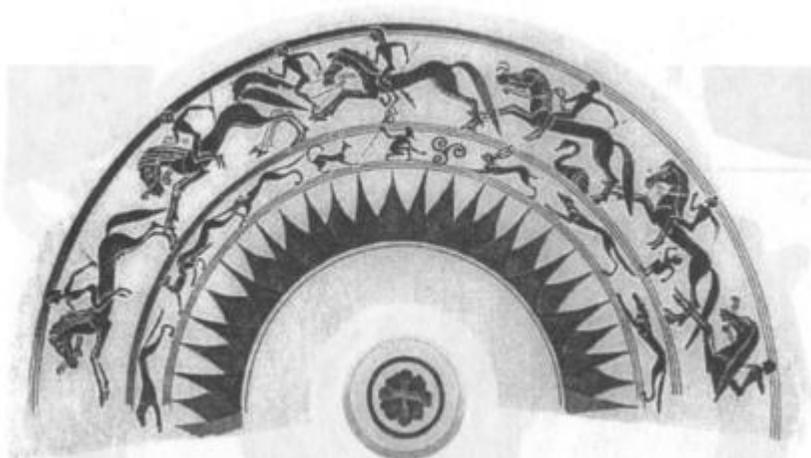
32. Битва гоплитов, мчасьих галопом с копьями наперевес. Аттическая чернофигурная амфора. Ок. 500 г. до н.э. Вюрцбург, Университет, Музей Мартина Вагнера

33. Сцены в палестре: 1 - *Онесим*. Обучение борьбе. Краснофигурный килик. Ок. 490 г. до н.э. Женный гоплит обучает тактике мальчиков с копьями. Мастоид из собрания Кампана. Группа Лувр F 166. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж

33. Сцены в палестре: 3 - игра с мячом. Чернофигурный лекиф. Первая четверть V в. до н.э. Единбургский мастер. Оксфорд, Музей Ашмола; 4 - эфебы, срамливающие собаку и кошку. Мраморный рельеф на постаменте статуи куруса. Ок. 510 г. до н.э. Афины, Национальный музей

34. Скачки. Протокоринфский арибалл из Фив (т. наз. «арибалл МакМиллана»). Ок. 640 г. до н.э. Лондон, Британский музей

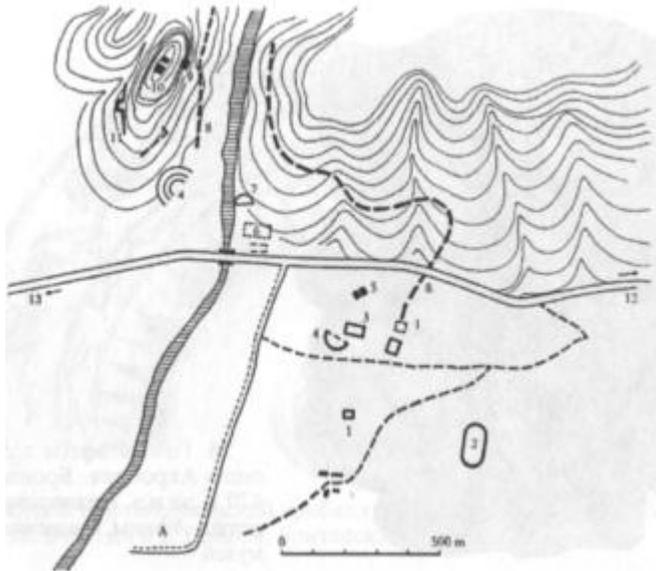
36. Голова эфеба с Афинского Акрополя. Бронза. Ок. 470 г. до н.э. Пелопоннеская школа. Афины, Национальный музей

35. Состязание в беге. Панафинейская амфора. Ок. 500 г. до н.э. Группа Ватикан G 23. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж

37. Голова эфеба. Мрамор. Надгробная стела. Конец V - начало IV вв. до н.э. Афины, Национальный музей

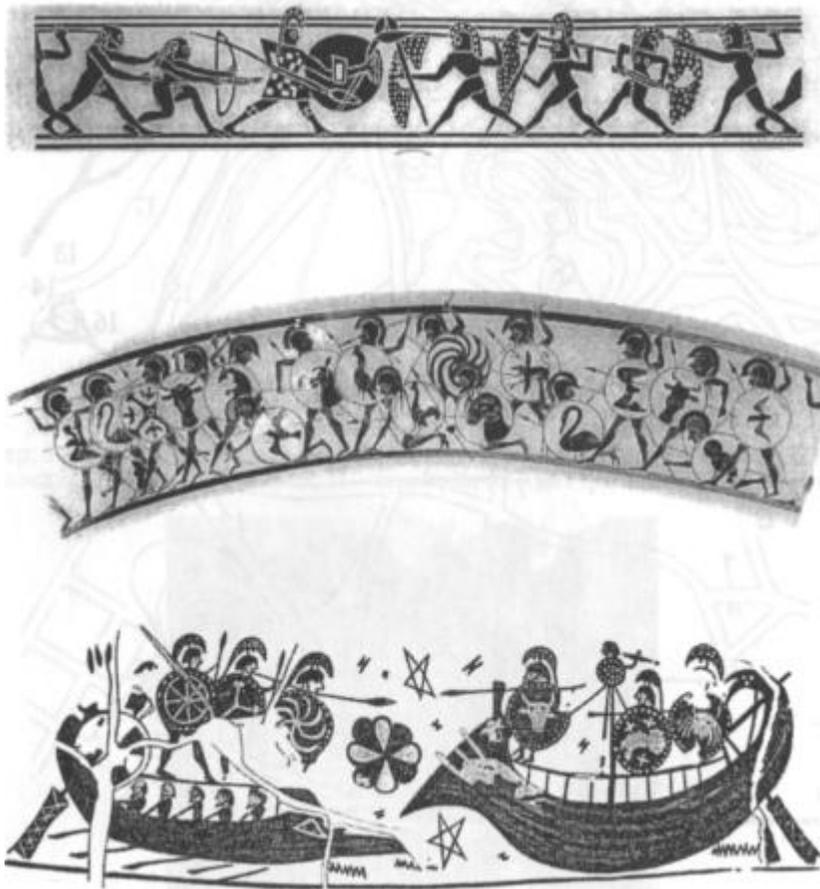
38. Гортина. План города: А - минойские руины; 1 - нимфей; 2 - амфитеатр; 3 - пифеон; 4 - театр; 5 - храм египетских богов; 6 - агора; 7 - одеон; 8 - акведук; 9 - алтарь; 10 - храм; 11 - акрополь; 12 - на Гераклион; 13 - на Фест

39. Одеон. Внутри за арками - стена с 12-ю столбцами текста гортинских законов, нанесенных способом «бустрофедон». V в. до н.э. Обнаружены итальянским археологом Ф. Гальбгерром в 1884 году в мельничном ручье; были перенесены и вмонтированы в заднюю стену римского Одеона. Современное фото

40. План Спарты: А - акрополь; 1 - храм Афины Меднодомной; 2 - театр; 3 - Лакедемония; 4 - круглое здание; 5 - портик; 6 - северные ворота; 7 - южные ворота; 8 - Колона (?); 9 - агора; 10 - могилы царей (?); 11 - храм, так называемая «усыпальница Леонида»; 12 - дорога на Триполи; 13 - Лимнеон; 14 - святилище Артемиды Орфии; 15 - Тагарис-парк; 16 - храм; 17 - стена старого города; 18 - Еврот; 19 - Героон; 20 - алтарь Ликурга; 21 - следы древней городской стены; 22 - Моундуна; 23 - фундамент римской стены

41. Сцены сражений: 1 - батальная сцена с беотийским щитом. Протокоринфский арибалл из Леханья. Ок. 690 г. до н.э. Эрмитаж, Санкт-Петербург; 2 - на «арибалле МакМиллана»; 3 - морское сражение. Кратер *Аристонофа*. 650 г. до н.э. Рим. Музей Купервиль-Бретты.

42. Леонид, царь Спарты 488-480 гг. до н.э., герой Фермопил. Мраморный бюст. Ок. 690 г. до н.э. Эрмитаж, Санкт-Петербург; 43 - Леонид в гоплитском доспехе. Мраморная статуя. Ок. 480 г. до н.э. Художник особо подчеркнул взгляд Леонида, сделав глаза из цветного материала. Спарта, Археологический музей

Оглавление

<i>С. Р. Тохтасьев.</i> Предисловие редактора	5
Глава I. Историография вопроса. Основные типы мужских союзов	15
Глава II. Мужские союзы в поэмах Гомера	65
Глава III. Мужские союзы в дорийских городах-государствах в V-III вв. до н. э.	108
Термины (108). [Территориальная организация - <i>Ред.</i>] союзов (110). Численный состав союзов (113). Возрастной состав союзов (117). Формирование союзов (127). Организация сисситий (141). «Чужеземцы» в сисситиях (156). Фидитии и армия (171). Царская сиссития (181).	
Глава IV. Некоторые вопросы эволюции дорийских мужских союзов	184
Мужские союзы и родо-племенная организация дорийцев (184). Эволюция сисситий (205). Мужские союзы и спартанский государственный аппарат (214).	
Глава V. Исторический характер дорийских мужских союзов	228
[Коллективные обеды граждан в греческой политической теории: Платон (228), Аристотель (233). Сущностная характеристика греческого полиса (237), ее значение для понимания сущности дорийских мужских союзов (243). Сопоставление дорийских мужских союзов с современными «тайными союзами» (247). Афины и Спарта как два противостоящих друг-другу типа полиса в классической Греции (249). Сравнительная характеристика Спарты и критских полисов (251) — <i>Ред.</i>]	
Список использованной литературы	254
Список сокращений	268
Указатели. Сост. <i>Л. В. Шадричева</i>	270
Указатель имен (270). Греческие термины и выражения (277). Источники (280). Указатель понятий, этно-географических и прочих названий (283).	
Приложение	292
<i>В. Г. Борухович.</i> Отзыв о диссертации Ю. В. Андреева. «Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит) (292). <i>А. И. Зайцев.</i> Аннотация к диссертации Ю. В. Андреева (301).	
Иллюстрации. Подбор и аннотация <i>Л. В. Шадричевой</i>	302

43. Сиссития (симпозий) с танцовщицей, исполняющей военный танец
Краснофигурный кратер из Сорренто. 450-420 г. до н.э. Мастер Ликаона.
Неаполь, Национальный музей

Юрий Викторович Андреев
МУЖСКИЕ СОЮЗЫ В ДОРИЙСКИХ ГОРОДАХ-ГОСУДАРСТВАХ
(СПАРТА И КРИТ)

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Корректор и редактор *Л. В. Шадричева*
Оригинал-макет *А. А. Дубровский*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
193019, СПб., пр. Обуховской Обороны, 13.
Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53
E-mail: aletheia@rol.ru
www.orthodoxia.org/aletheia

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, Старосадский пер., 9. Тел.: (095) 921-48-95
Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 55. Тел.: (812) 327-26-37

Подписано в печать 09.12.2003. Формат 60x88¹/₆,
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20,5. Тираж 1500 экз.
Заказ № 4796

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН.
199034. Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia